

Annotation

Много воды утекло с тех пор, как шотландец Грей Фэлконер отправился в чужие края, пообещав своей невесте Минерве Арбакл вернуться, – и все эти годы девушка преданно ждала возлюбленного. Однажды он действительно вернулся, чтобы вновь сделать ее счастливой и вновь принести ей дар подлинной, жгучей страсти. Однако коварные враги, желая любой ценой разлучить влюбленных, готовы исполнить свои планы даже ценой преступления, и теперь Грею и Минерве предстоит вступить в отчаянную схватку со злом...

- [Стелла Камерон](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Эпилог](#)
  - [Примечание автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Стелла Камерон

Жди меня

Глава 1

Бэллифог, Шотландия, 1837 год

– Раскаяние способно растопить лед в сердце любой женщины, старина. Мужчина обязан уметь раскаиваться. Достаточно подойти к девушке, снять шляпу и заговорить, вкладывая в каждое слово бездну чувств...

– Грей!

Грей Фэлконер растерянно заморгал и нахмурился, глядя на своего друга Макса Россмара.

– Что?

– Девушка, о которой идет речь, – Минерва Арбакл?

– Она, кто же еще? Именно поэтому мы и явились сюда, в дом ее родителей, – с досадой отозвался Грей.

– Ясно. Стало быть, именно Минерву ты превозносил всю дорогу из Вест-Индии? Это она ничуть не похожа на других женщин – нежное, но своевольное, упрямое и вспыльчивое создание? Та самая Минерва Арбакл, опередившая свое время, решительная и неизменно верная своим принципам?

Со времени знакомства с Греем в Итоне Макс весьма преуспел в искусстве выводить его из себя.

Но не успел Грей окончательно вскипеть, как пухлая, флегматичная экономка семейства Арбакл, миссис Хэтч, вновь возникла в холле Уиллинока – там, где бесцеремонно оставила друзей, отправившись на поиски хозяйки.

– А, миссис Хэтч! – оживился Грей, расплываясь в своей знаменитой улыбке, неизменно обезоруживающей любую представительницу прекрасной половины человечества. – Вы покинули нас так внезапно, что я не успел даже высказать, как чудесно вы выглядите!

– У меня подагра, – известила гостя миссис Хэтч и неуклюже присела, подтверждая свои слова. – Миссис ждет вас в оранжерее. Выдумали тоже! Оранжерея! Холод там собачий, вот что я вам скажу. Впрочем, ничего другого вы и не заслуживаете. Нечего было являться на ночь глядя. – Развернувшись, экономка зашаркала прочь мимо лестницы красного дерева, нависающей над гнетуще-просторным холлом. Его стены были увешаны множеством картин с изображением обнаженной натуры, почти скрывающих темно-бордовые обои.

– Я же говорил: напрасно мы не отложили визит на завтра, – напомнил Макс и остановился перед портретом распростершейся на кушетке красавицы со смоляными локонами и внушительными формами. – Послушай, Грей, эта картина мне почему-то знакома...

– Да-да, – поспешно подтвердил Грей, – хозяин этого дома – тот самый Портос Арбакл.

– В самом деле? – Очевидно, прежде Макс и в голову не приходило, что между картинами и отцом Минервы существует какая-то связь.

– Прославленный художник, – пояснил Грей, считая маленькое, но вполне уместное преувеличение простительным. В конце концов, картины в холле и вправду принадлежали кисти мистера Арбакла.

– А он пишет что-нибудь еще, кроме обнаженной натуры? – Макс неловко закашлялся. – Что-то не припоминаю...

– Ничего другого он не малюет, – сообщила миссис Хэтч, ведя гостей по коридору, увешанному еще десятком свидетельств благоговейного отношения хозяина к женскому телу. Но вот экономка подошла к двери с витражами. – Я бы ни за какие коврижки не оголилась так, как эти бесстыдницы. Во имя искусства! – Она пренебрежительно фыркнула. – Нет, это не по мне, пусть хозяин даже не уговаривает.

Друзья многозначительно переглянулись, с трудом сдерживая улыбки, и вошли в оранжерею, где Грей провел столько счастливых часов, прежде чем отправился в Вест-Индию, на плантации сахарного тростника.

– Вот тут и ждите, – распорядилась миссис Хэтч, остановив гостей посреди оранжереи, в окружении клумб с кирпичными бордюрами. Клумбы были пусты, если не считать жалких кустов остролиста да сухих стеблей нежных растений, которые не выдержали царящего здесь и пробирающего до костей холода. – Хозяйка придет, когда закончит прихорашиваться. Вот еще выдумала! – Миссис Хэтч удалилась, шумно шурша черными юбками.

В оранжерее было сумрачно. С черного неба валил снег, на стеклянном куполе намело миниатюрные сугробы.

– Чертовски холодно, – пробормотал Макс и поежился под теплым черным плащом – точно таким же, как у Грея. – Говорил я, надо было ехать напрямик в Драмблейд. Встретился бы сначала со своим дядей, а сюда явился утром, в час визитов.

– Минерва не простила бы мне промедления, – отозвался Грей. Предвкушение встречи согревало его, он почти не чувствовал пронизывающего холода.

– Мог бы просто объяснить ей, в чем дело. Рассказать всю правду.

– Тс-с! – прервал Грей, оглядываясь через плечо. – Я же велел тебе пока держать язык за зубами!

Впрочем, всей правды не знал даже Макс. Грей решил не освещать некоторые подробности, касающиеся похищения в открытом море по пути в Англию и последующего пребывания на забытом Богом острове, в плену у кровожадных пиратов.

– Ты чуть не погиб, – возразил Макс, пропустив мимо ушей призыв друга к осторожности. – Других объяснений и не требуется.

– Может быть. – У Грея были собственные предположения о том, какую участь готовила ему банда головорезов, но делиться ими он пока не собирался. – Слава Богу, тот жалкий плот не стал моим последним пристанищем!

– А я благодарю небо за то, что оказался на борту судна, подобравшего тебя. А ведь можно было повременить с путешествием!

Оба уже не в первый раз радовались случаю, что привел Макса на борт именно того корабля, который подобрал в море умирающего Грея.

– Макс, прошу, не вмешивайся. Мне известно, как ты ценишь откровенность, но у меня есть свои причины молчать. – Грей знал: пиратам заплатили за услугу, а от них требовалось убить его. Он подслушал во мраке душной ночи, что пьяные головорезы намеревались превратить лорда Ледяные Глаза, как они его называли, во внушительное состояние, о котором прежде и мечтать не смели. Врага Грея они называли мистером Некто и радовались, что нашли способ перехитрить этого джентльмена: заставили его щедро расплатиться, а Грея не убили.

– Конечно, как тебе угодно, – ответил Макс. – Но я думал, ты сразу отправишься в Драмблейд. Это же твой дом, ты чуть было не потерял его.

– Я чуть не потерял Минерву. Дом и другие владения мне не так дороги.

Послышались громкие торопливые шаги, и в оранжерею вошла мать Минервы, Дженет Арбакл. Дородная леди с голубыми глазами и обилием белокурых локонов, спадающих на лоб, бросилась к Грею с распростертыми объятиями.

– Дорогой мистер Фэлконер, какое счастье видеть вас вновь! Мы готовы прыгать от радости!

Стиснув зубы, Грей сложил губы в обольстительную улыбку и склонился над пухлой рукой миссис Арбакл.

– Готовы прыгать... – пробормотал он и добавил: – Надеюсь, у вас все благополучно?

– Отнюдь, – возразила миссис Арбакл и покачала головой. – О каком

благополучии может идти речь, когда наша драгоценная Минерва истосковалась? Я буквально убита горем – ведь с тех пор, как вы с ней расстались, она почти не ест и не пьет и с каждым днем теряет надежду на новую встречу.

– Вы совершенно правы, – вмешался Макс, нахмурившись. – Любой женщине, ждущей Грея Фэлконера, грозит опасность зачахнуть от тоски!

Дженет Арбакл смерила гостя подозрительным взглядом:

– Кто вы, сэр?

– Позвольте представить вам моего давнего друга Макса Россмара, – поспешил объяснить Грей. – По счастливой случайности он живет по соседству.

Миссис Арбакл мигом утратила интерес к Макссу.

– Ах! – вздохнула она, извлекла кружевной платочек и помахала им возле своего круглого миловидного лица. – Пожалуй, вам следовало бы навестить нас завтра утром. Я успела бы подготовить Минерву...

Грей нахмурился и отбросил за спину полы плаща.

– Вряд ли Минерва обрадуется, узнав, что я прибыл с визитом и уехал, не повидавшись с ней. – Он поставил ногу на кирпичный бордюр и оперся о согнутое колено. Таким образом он намеревался убедить миссис Арбакл, что не станет сдаваться без боя.

Миссис Арбакл беспокойно вздохнула, почему-то напомнив Грею канарейку, которую он когда-то подарил Минерве.

– Вижу, мне вас не переубедить. Джентльмены бывают такими настойчивыми! – Она кокетливо улыбнулась. – Впрочем, именно настойчивость делает их столь неотразимыми в глазах дам!

Макс кашлянул и сделал вид, будто внимательно смотрит в небо сквозь стеклянный купол.

– Надеюсь, Минерве сообщили о моем прибытии? – спросил Грей.

Его собеседница приподняла полные плечи, щедро обнаженные декольте не по сезону легкого шелкового платья.

– Она будет здесь с минуты на минуту.

В коридоре вновь послышались шаги, и Грей выпрямился. Его ладони неожиданно повлажнели.

Раздался знакомый визгливый смешок. Грей на миг зажмурился, предчувствуя появление Портоса Арбакла. При одной мысли об этом человеке у Грея начинались нервный тик и зуд в спине. Ему до сих пор не верилось, что супружеская чета Арбакл могла произвести на свет такое очаровательное создание, как Минерва.

– Что происходит? – осведомился Портос, появляясь на пороге

оранжереи. – Хэтч заявила, что без моей помощи здесь не обойтись. А когда я напомнил, что именно ей платят за помощь по дому, она просто удалилась! Повернулась и ушла! – Он снова рассмеялся и хлопнул себя по коленям, прикрытым заляпанным краской рабочим халатом.

– Мистер Арбакл, – чопорно произнесла его супруга, – у нас гости. Долгожданные гости, – добавила она, подходя к мужу.

– Не припомню, чтобы я кого-нибудь ждал, – возразил мистер Арбакл, воззвись на Грея. – Кто это такие, дорогая?

– Мистер Арбакл! – многозначительно воскликнула его жена и толкнула Портоса в костлявый бок, даже не попытавшись замаскировать свой жест. От неожиданности Портос вскрикнул и отпрянул, но жена поймала его за широкий рукав халата и удержала рядом. Макушка Портоса, на которой красовался обвислый синий берет, не доставала даже до подбородка миссис Арбакл. – Хвала небу, из путешествия вернулся Грей Фэлконер! А мы уж думали, его постигла страшная участь. Какое счастье, что мы ошиблись, – верно, мистер Арбакл?

Грей пристально наблюдал за хозяином дома. Никогда не обманываясь насчет его сумасбродств, Фэлконер считал их почти опасными, но не выдавал своих подозрений. Ощувив угрозу, Арбакл мог прибегнуть к своим обширным связям и навсегда захлопнуть двери перед человеком, которого даже не пытался представить в роли собственного зятя. Портосу Арбаклу вообще был не нужен зять: он твердо верил в умственные способности дочери, ее рассудительность, умение вести домашнее хозяйство и избегать финансовых затруднений. Человека, который дерзнул бы отнять у него такое сокровище, Портос способен был даже убить.

Но разве Минерва могла поверить в то, что ее отец в состоянии совершить убийство? Ведь она даже не слышала, как Портос Арбакл заявил: «Я скорее задушу тебя голыми руками, чем позволю жениться на моей дочери!» Правда, потом Арбакл разразился дурацким смехом и сделал вид, будто пошутил, но Грей воспринял угрозу всерьез и с тех пор не забывал о ней.

Грей задумался: вот оно, еще одно препятствие, которое придется преодолеть в самом ближайшем времени. Именно поэтому он тщательно рассчитывал каждый свой шаг.

– Мистер Арбакл, – продолжала миссис Арбакл, наступая на ногу мужу. Тот взвыл, а дородная матрона покачала головой, качнув кудряшками, – обуздайте свой артистический темперамент, дорогой. Грей Фэлконер вернулся.

Арбакл застыл столбом и уставился на Грея.

– Кто?

На его лице отразилось явное потрясение.

– Грей Фэлконер. Жених нашей дочери.

Несколько мгновений Арбакл тупо смотрел на человека, которого давно считал погибшим.

– У моей дочери нет жениха. Она старая дева. А это кто такой? – Он неучтиво ткнул пальцем в Макса.

– Мистер Макс Россмар, – объяснила миссис Арбакл, – друг Грея.

– Просто друг – и все? Кто такой этот... как, бишь, его?

Макс шагнул навстречу хозяину дома. На его щеках выступил подозрительный румянец, в тусклом свете блеснули каштановые волосы.

– Я – управляющий маркиза Стоунхейвена из замка Керколди.

– Впервые слышу!

– Не может быть, – с преувеличенной учтивостью отозвался Макс. – Это возле Данкелда. Мы с Греем познакомились в Итоне, но с тех пор довольно редко виделись.

– Должен признаться, вам повезло, – заявил Арбакл, а жена в наказание ущипнула его за щеку. Пытаясь оттолкнуть ее, хозяин закатил самому себе оплеуху и продолжил: – Возле Данкелда? Данкелд, Данкелд... Так вы иностранец! Неудивительно, что я не слышал ни о вас, ни о вашем поместье.

На самом деле до Данкелда было не более тридцати миль. Бэллифог располагался на полпути из Данкелда в Эдинбург.

Грей перевел взгляд на миссис Арбакл:

– Как вы думаете, что задерживает Минерву?

– Ликование, – отозвалась миссис Арбакл, вновь энергично тряхнув головой. – Наверное, она никак не может опомниться от радости.

– Спокойной ночи, – вдруг вмешался Портос. – С вашей стороны было очень любезно нанести нам визит. Счастливого пути до... куда вы там собрались. Скатертью дорога. – С этим дружеским напутствием он приосанился и не оглядываясь покинул комнату.

Нервно теребя свой кружевной платочек, миссис Арбакл наклонилась к гостю:

– Прошу простить мистера Арбакла – он нездоров. Я, пожалуй, его провожу.

Опасаясь, что его выдворят, не дав повидаться с Минервой, Грей поспешно ответил:

– Вы правы: вам следует позаботиться о муже. Только скажите, где я могу найти Минерву? Она играет на фортепиано?

– О нет!

– Значит, рисует? Я всегда говорил, что она унаследовала несравненный талант своего отца. – Минерва и вправду недурно рисовала акварелью.

– Нет-нет, – покачала головой миссис Арбакл. – Грей, вам и впрямь лучше бы заехать завтра.

Грей едва сумел скрыть отчаяние.

– Мне необходимо ее увидеть. Надеюсь, вы понимаете мое нетерпение.

Наградой ему стала еще одна кокетливая ужимка.

– Разумеется! Я еще не так стара и помню, что такое пыл страсти! Сейчас вы увидите с Минервой, но не забудьте при этом, что она ждала вас очень долго. Видите ли, моя дочь... изменилась. Заметно изменилась.

– Вот как?

– Да, она... – миссис Арбакл заморгала, – все та же милая девочка, но у нее появились... свои причуды. Да, причуды, не более того. Под ними, как под маской, она прятала свое отчаяние.

– Понимаю.

– В этом я ничуть не сомневаюсь. Сюда, пожалуйста. С недавних пор Минерва уделяет много времени своим кузенам.

Айона и Фергюс Драммонд, сироты-близнецы, дети брата Дженет Арбакл и его жены, жили в доме своей тетки с тех пор, как им минуло десять лет.

– Благодарю, – кивнул Грей. – Не смею больше отнимать у вас время. Вы и без того более чем добры ко мне.

– Иначе и быть не могло. Какая чудесная встреча! Право, это просто чудо!

– Спасибо, – повторил Грей.

Миссис Арбакл направилась было к двери, затем обернулась и нахмурилась.

– Так вы помните, что я вам сказала? Будьте терпеливы с бедняжкой Минервой. Не верьте ее словам. Ею руководят боль и отчаяние.

Грей поймал на себе пристальный взгляд Макса. Тот высоко поднял брови.

– Вы же знаете, как трудно с ней иногда, – продолжала миссис Арбакл. – С недавних пор она стала еще своевольнее. А временами бывает просто невыносима. Мы, впрочем, уже привыкли.

– Не беспокойтесь, – успокоил хозяйку Грей, хотя не на шутку встревожился. – Предоставьте ее мне.

– Да-да, разумеется. Именно так. Я предоставлю ее вам. Предоставлю... – Эти слова леди бормотала до тех пор, пока не скрылась за дверью оранжереи.

– Нам направо, – сообщил Грей. – На третий этаж. Помню, там почти все комнаты были заперты. В них никто не заходил.

– Очевидно, теперь невыносимая Минерва Арбакл избрала их своим убежищем, – обманчиво-ровным тоном отозвался Макс. – Ты до сих пор надеешься смягчить ее раскаянием?

– И я абсолютно уверен в успехе.

– Почему?

– В таких случаях лучше всего действовать прямо.

Макс скрестил руки на груди.

– В каких случаях?

– Когда речь идет о сердечных делах, когда задета душа, и...

– Довольно. Ладно, действуй прямо, Грей.

– Минерва боготворит меня. – В уверенном тоне Грея засквозило легкое беспокойство, впрочем, не заслуживающее внимания. – Она преклоняется передо мной с тех пор, как мы познакомились. А когда я уезжал в Вест-Индию, поклялась меня дожждаться.

Макс хмыкнул – эту привычку друга Грей терпеть не мог – и уточнил:

– Стало быть, она пообещала дожждаться тебя?

– Да, – раздраженно отозвался Грей.

– А ты пообещал вернуться через год?

Россмара обладал явным талантом выводить друга из себя.

– Да.

– Но ты на три года опоздал.

Глава 2

Когда-нибудь женщины станут независимы. Это так же верно, как то, что она зовется Минерва Арбакл. В один прекрасный день все женщины ощутят такую же свободу, как и она сама во время работы. Сегодня Минерва облачилась в свое излюбленное шифоновое одеяние – легкое и свободное, без тесного белья, сковывающего движения, с пышными рукавами, широкой кофточкой и такой же юбкой, не доходящей до щиколоток. Тюрбан с обилием перьев придавал туалету прихотливое своеобразие.

– Ну что, Минерва? – спросил Фергюс Драммонд, склоняясь над рычагом, который приводил в движение вращающуюся платформу, сооруженную из частей ненужных мельничных механизмов.

Отступив назад, Минерва кивнула, и Фергюс медленно повернул рычаг.

Сама платформа, бывшая круглая столешница, угрожающе скрипнула. Уверяя себя, что мгновенная поломка ей не грозит, Минерва сосредоточила все внимание на последнем варианте своего новейшего изобретения.

– Выглядит неплохо, – наконец подытожила она. – А ты что скажешь, Фергюс? Перестань возиться с рычагом и отвечай.

Рыжеволосый, голубоглазый и веснушчатый Фергюс выпрямился. Тяжко отдуваясь, он принялся обозревать шедевр Минервы.

– Неплохо. Но если я не буду работать рычагом, платформа перестанет вращаться и ты не увидишь все эти нелепые оборки и воланы во всей красе.

– Эти нелепые оборки и воланы – настоящая находка для женщин. Да будет тебе известно, это самое поразительное новшество, которое появлялось в мире моды за последние сто лет. Благодаря ему ноги шотландских женщин всегда будут сухими. Им больше не придется сгорать от стыда под пристальными взглядами так называемого сильного пола. А твое мнение, Айона?

Балансируя на платформе, одетая в коричневый бархат Айона высказалась осторожно:

– По-моему, это замечательно.

– Иначе и быть не могло, – завершила ее Минерва.

Придерживая лиф (наряд был позаимствован из сундуков хозяйки дома), Айона внимательно себя оглядела.

– Никогда бы не подумала, что мне идет коричневый.

– Айона! – удивленно воскликнула Минерва. – Всем известно, что рыжим очень идет коричневый! – Волосы Айоны имели тот же морковный оттенок, что и волосы Фергюса. – И вообще вопрос состоит не в том, идет тебе коричневый бархат или нет. Отбрось юбки назад – да не рукой, глупышка! Ногой, как я тебя учила.

Айона послушно закусил губу, сосредоточилась, нахмурилась, скосила глаза к переносице и ногой отвела юбки назад.

Минерва захлопала в ладоши и засмеялась:

– Великолепно! Но, судя по твоему виду, ты выполнила сложный трюк или опасное акробатическое упражнение. Итак, первое испытание прошло успешно. Никому и в голову не придет, что это платье чем-то отличается от обычных. Окружающие просто увидят уверенную в себе женщину, смело шагающую через канавы и лужи, по мокрым от дождя тротуарам и скользкой траве. Она будет идти с торжествующей улыбкой на лице, не нуждаясь в мужской помощи!

Фергюс что-то забормотал – он вечно бормотал себе под нос.

– А я не понимаю, почему женщина почувствует себя уверенной, – вдруг заявила Айона. – Скорее она смутится – потому что ее юбки слишком коротки.

– Как бы не так! – Минерва засмеялась и сделала пируэт, радуясь тому, что ее легкий наряд ничуть не стесняет движения. – Этот фасон войдет в моду к концу весны. К тому времени подолы наверняка станут короче, помни мое слово. Но в целом это несущественно. Посмотри на свою талию.

Айона опустила голову:

– Куда?

– Может, повернуть эту штуковину? – осведомился Фергюс.

– Пока не надо, – ответила ему Минерва. – На талию, Айона. Видишь эту кокетливую атласную ленточку с золотой каймой?

– Ты про бант? – спросила Айона, взялась за кончик ленты и вдруг ахнула от неожиданности.

Нижняя юбка с кружевной отделкой внезапно с шорохом опустилась до самой платформы. Ее подол образовал ровный круг.

– Отлично! – Минерва опять захлопала в ладоши. – Так и было задумано! Лента охватывает талию, с ленты свисают петельки, а на них держится нижняя юбка. Если развязать ленту, нижняя юбка опустится. Правда, не совсем. На концах ленточки я завязала большие узлы, которые не проходят в петли.

Айона напряженно хмурилась, но молчала.

– Итак, перед вами новейший грязеупорный подол Минервы Арбакл! – ликующе объявила собеседница. – Скоро о нем услышит весь мир!

– Минерва... – начала было Айона.

– А теперь последнее испытание. Не стоит останавливаться на полпути.

– Минерва! – повторила Айона.

Минерва уже давно поняла: когда Айона начинает хныкать, лучше не обращать на нее внимания.

– Неси сюда поднос, Фергюс. Айона, держись за меня и становись на середину подноса.

– Минерва...

– Скорее, Фергюс! Айоне надоело стоять столбом. Ты же знаешь, когда она раздражается, то становится невыносимой.

– Минерва! – застонала Айона.

На платформе вмиг оказался глубокий металлический поднос, Айона встала на него.

– Ты даже не спросила, из чего сшиты нижние юбки! – укоризненно заметила Минерва. – Это парусина. Корабельная парусина. Очевидно, что сшитая из нее нижняя юбка не будет промокать! О, коварные и жестокие мужчины! Они все знали, но скрывали от нас, желая, чтобы мы и впредь носили дурацкие юбки, оставаясь беспомощными! Мы не могли даже руки поднять – мужчинам, видите ли, и в голову не приходило, что женщинам, находящимся под их покровительством, необходимо двигать руками! Возмутительная нелепость! – Минерва подняла руки, и широкие шифоновые рукава упали к плечам. – Но на самом деле они боялись дать нам свободу, опасались утратить свою власть над нами!

– Минерва! – шепотом вмешалась Айона. – Минерва, прошу тебя!

– Потерпи еще немного. Мы скоро закончим.

– Минерва, ну сколько можно?

– Прекрати! Фергюс, скорее неси ведра.

В свои двадцать два года Фергюс был гибким и сильным, и хотя внешне брат с сестрой были очень похожи, телосложением он здорово от нее отличался. Айона была столь же хрупка, как ее брат крепок и жилист. Взяв два ведра с водой, он легко поднес их к платформе и вылил грязную воду на поднос, наполнив его почти до краев.

Минерва застыла.

Фергюс стоял не шевелясь.

Айона поежилась и захныкала.

– Ну? – спросила Минерва. – Говори же, Айона.

Девушка переступила с ноги на ногу.

– Холодно. И мокро.

– Надо было надеть сапоги, – заметил Фергюс. – Напрасно ты не заставила ее надеть сапоги, Минерва.

Минерва подошла поближе и наклонилась, пристально изучая подол. Грязная вода пропитала кружева, пристроченные к подолу парусиновой нижней юбки.

– Так, кружева здесь лишние, – заявила она. – Уберем их.

Нижняя юбка постепенно тяжелела, пропитываясь водой. Волнистая серая граница поднималась все выше и выше.

– Минерва, – робко спросила Айона, – ты думала, что парусина не промокнет?

– Разумеется! Ведь из нее шьют паруса.

– А она все равно намочла. Стала тяжелой... – личико девушки скривилось, – ...и противной.

– Но не такой противной, как мокрая юбка.

– Это и есть мокрая юбка – тяжелая, сырая юбка. Мне холодно! – Айона застучала зубами. – Я хочу переодеться.

Услышав издевательский смешок Фергюса, Минерва пришла в ярость. Он умел приводить ее в бешенство своим смехом, особенно когда Минерву постигала очередная неудача.

– Я внесу в конструкцию изменения, – решила Минерва. – И немедленно. У меня уже есть блестящая идея. Парусина – слишком примитивное решение. В следующий раз я выберу кое-что посложнее, но и надежнее.

– Только не сейчас! – захныкала Айона. – Помоги мне спуститься, Фергюс.

Сдерживая усмешку, брат помог сестре сойти с платформы и спуститься по старой стремянке, которую разыскала Минерва. Для своих испытаний она приспособила просторную комнату с галереей, которую ее дедушка Арбакл когда-то превратил из кабинета в личную библиотеку. С тех пор здесь повсюду валялись книги. Поскольку ни мать, ни отец Минервы не интересовались чтением, они охотно предоставили библиотеку в полное распоряжение дочери.

– Минерва, тебе надо переодеться, – заявила Айона. Каждый шаг давался ей с трудом – ее намочшие юбки хлопали, как паруса на ветру. – Твой наряд выглядит непристойно, в нем ты почти как голая – верно, Фергюс?

– Что же ты раньше не сказала? – резко откликнулась Минерва. – Зато

этот туалет обеспечивает мне свободу движений. Я работающая женщина и должна иметь возможность двигаться свободно!

– Женщинам не пристало носить брюки, – настаивала Айона, на хорошеньком личике которой отразилось беспокойство.

– С каких это пор ты стала критиковать меня? – спросила Минерва. – И потом, это не просто брюки, а юбка-брюки. Помяни мое слово: не успеем мы опомниться, как юбки-брюки войдут в моду среди мыслящих женщин, не желающих во всем зависеть от мужчин. Только мужчины считают, что женщинам не пристало выставлять щиколотки напоказ. Тоже мне блюстители нравов! Да любой из них не прочь полюбоваться красивыми ножками – лишь бы остальные не видели того, что он считает своей собственностью. Вот посмотришь, скоро юбки-брюки станут обычным явлением. А еще запомни: все правила и ограничения, навязанные нам мужчинами, имеют сексуальную подоплеку!

– Минерва!

– Если ты не прекратишь произносить мое имя таким тоном, я поменяю его. А теперь к делу. Значит, думаешь, юбки из парусины не годятся?

– Абсолютно. Минерва... – Айона поманила «изобретательницу» к себе, – это ужасно, правда? Настоящее бедствие. Но ты стойко перенесла катастрофу. Только прошу тебя, не произноси больше это ужасное слово... «сексуальный»!

Минерва улыбнулась и обняла свою робкую кузину.

– Какая же ты глупышка, Айона! И ведь уже не ребенок. Тебе двадцать два года, ты всего тремя годами моложе меня. Но каждый раз, когда речь заходит о вопросах пола, ты краснеешь, как та натурщица, которую мы застали у папы!

Фергюс застыл столбом.

– Минерва! – произнес он не своим голосом.

– Ну в чем дело, Фергюс? Что это с вами сегодня? Наверное, не выспались. Немедленно отправляйтесь спать и не вставайте, пока не наберетесь сил. Жаль, что вы оба такие слабенькие. Я совсем вас измучила. Прощу меня простить...

– Минерва, дело не в этом, – перебил Фергюс. – Неужели тебе не холодно? Твои тряпки просвечивают насквозь.

Минерва придиричиво оглядела себя и хмыкнула:

– С какой стати мне должно быть холодно? Наверное, ты съел что-нибудь не то. – Она всерьез забеспокоилась. – Сейчас же ступайте к себе и ложитесь в постель. Я велю миссис Хэтч принести вам хлеба с молоком. И

чаю с медом и лимоном. Идите!

– Минерва...

– Немедленно! – перебила Минерва, подталкивая кузенов к двери. – Я сама здесь все уберу.

Покраснев, Айона закрыла лицо ладонями.

Фергюс скрестил руки на груди, широко расставил ноги и словно врос в землю как крепкое дерево, свалить которое под силу только самому мощному топору.

– Мы никуда не уйдем, – заявил он. – Тебе нельзя оставаться здесь одной, без компаньонки.

– Держи, Фергюс! Это надежная замена компаньонке, – слышался вдруг мужской голос с галереи за спиной Минервы. – Будь любезен, закутай ее.

Обернувшись, Минерва повнимательнее всмотрелась в темноту галереи и разглядела там два высоких силуэта. Спустя мгновение огромный кусок какой-то плотной ткани вздулся в воздухе, опал и был подхвачен Фергюсом, который раскраснелся пуще сестры.

– Будь любезна, надень мой плащ, Минерва, – продолжил неизвестный. – Так нам всем будет удобнее.

Кровь отхлынула от лица Минервы. У нее закружилась голова.

Не может быть!

И в тот же миг, расправив в руках плащ, к ней приблизился Фергюс. Она нетерпеливо отмахнулась.

– Нет! – Все поплыло у нее перед глазами. – Не трогай меня!

– Ты же босиком, – шепотом напомнил Фергюс. – Да еще этот дурацкий тюрбан с перьями. Что он подумает?

– Кто? – Минерва закрыла глаза. Этого не может быть. Так не бывает.

– Сама знаешь кто, – отозвался Фергюс. – Понимаю, ты не можешь опомниться от радости, и все-таки надень плащ.

– Ни за что! – процедила Минерва сквозь стиснутые зубы. – Это жестоко. А я думала, тебе претят подобные выходки!

– Надень!

– Никакой плащ я не надену, – твердо произнесла Минерва. – А теперь прошу оставить меня в покое. Уходите, я больше не желаю терпеть ваши скверные шутки. Как вы посмели разбередить свежие раны?

В наступившей тишине слышались гулкие шаги по витой лестнице, ведущей с галереи.

Открыв глаза, Минерва уставилась на неожиданных гостей и невольно попятилась.

Если этот высокий, мускулистый, крепкого сложения человек не Грей Фэлконер, значит, перед ней его призрак. С такими же, как у Грея, темными вьющимися волосами и холодными серыми глазами, которые вдруг потеплели. Призраку достались весьма чувственные губы Фэлконера, его ямочки на щеках и на подбородке, его волевая челюсть. Правда, это... существо выглядело старше Грея, но с тех пор, как Минерва видела его в последний раз, прошло четыре года. К тому же он пятью годами старше – следовательно, сейчас ему около тридцати.

– Минерва! – произнес призрак. – Милая моя Минерва!

Низкий, рокочущий голос Грея! Минерва уставилась на его протянутые руки. Длинные сильные пальцы Грея!

– Минерва, любовь моя, я вернулся, как и обещал. Ты так же прекрасна, как в моих мечтах, а я так долго грезил о тебе!

Минерва огляделась. Да, она все еще в библиотеке, там, где любила заниматься, по выражению мамы, «всякими глупостями». И Айона здесь, и Фергюс. На шаткой платформе стоит поднос с грязной водой. Такая же вода медленно капает с юбок Айоны на ветхий, но ценный шелковый ковер.

– Понимаю, ты обезумела от радости, – продолжал Грей, расплываясь в обольстительной улыбке. – Ожидание стало для тебя пыткой, выбило из колеи, но теперь, когда я рядом, ты забудешь все свои глупости.

Глупости. Мамино выражение.

– Сегодня я счастливейший из смертных, дорогая. Скажи только, что ты тоже счастлива, и моя радость будет безграничной. И прошу тебя, надень мой плащ, детка. Ты так одета – вернее, раздета, – что непременно простудишься. Или ты сегодня собралась на маскарад? В костюме обитательницы гарема? О, мне давно пора позаботиться о тебе, как полагается. Прежде я считал тебя решительной и сильной духом женщиной. Но ты истосковалась без меня. Минерва, я так сожалею о нашей бесконечной разлуке! Я соскучился по тебе...

– Грей! – вмешался второй мужчина, такой же рослый, с каштановыми волосами и изумрудно-зелеными глазами. Он с беспокойством посматривал на товарища. – Грей, старина, я же говорил: с визитом надо подождать до утра.

– Что? – Грей – если это был он, а не его призрак – оглянулся на спутника. – О чем ты говоришь? Думаешь, мне хватило бы терпения ждать?

– Не знаю. Ты на себя не похож. Уверяю, когда-нибудь ты поблагодаришь меня за то, что я вовремя увел тебя отсюда.

– Вряд ли...

– Ты несешь чепуху, – сообщил Макс. – Выставляешь себя на посмешище.

– Черт бы тебя побрал! – вскипел Грей.

– И сквернословишь в присутствии дам.

Минерве наконец удалось сделать глубокий вздох.

– Ты не спешил вернуться.

– Мне очень жаль.

Голос Грея, серьезные глаза Грея!

– Ты перестал мне писать. – Кажется, ноги Минервы вот-вот подкосятся. – Я уже давно не получала ни строчки. Мне сказали, что ты погиб... – Она осеклась.

– И неудивительно, если вспомнить, в каком положении я оказался. – Грей развел руками. – Но...

– Корабль, на котором ты должен был вернуться, благополучно прибыл в Англию. Капитан сказал, что ты поднялся на борт, но, кажется, передумал и сошел на берег.

– Ему показалось.

– Значит, ты вовсе не умер.

– Да, я жив. Но... обстоятельства не позволили сообщить тебе об этом.

– Я была в трауре. Носила черное.

– О, милая моя Минерва!

– А ты не умер.

– Нет.

– Ты жив. – Ей хотелось убежать, но ноги не слушались. – Все эти три года ты был жив!

– Да.

Так просто! «Ты был жив! – Да». Ласковые слова, улыбка и непоколебимая уверенность в своей безнаказанности! В том, что она бросится к нему в объятия, не задавая лишних вопросов.

– Раз ты жив, – произнесла Минерва, – в таком случае можешь уходить.

Глава 3

Экипаж остановился на вершине холма, откуда открывался вид на Драмблейд. Укрытый стеганым снежным одеялом, мрачный внушительный особняк стоял посреди усадьбы, озаренный серебристой луной.

Грей приник к окну, наслаждаясь строгостью очертаний дома, где он родился в тот самый день, когда умерла его мать. Отец Грея также умер в Драмблейде за год до того, как сын отправился на плантации.

Перед отъездом Грея Минерва Арбакл пообещала ждать его. По настоянию ее отца с помолвкой решили повременить до возвращения. Мистер Арбакл согласился на то, что Грей уезжает всего на год, что у них с Минервой впереди вся жизнь, а потому незачем спешить. Сегодня же Арбакл сделал вид, что не узнал жениха дочери. От этой встречи в душе Грея осталась одна лишь горечь. Резковатыми манерами, артистическим темпераментом и претенциозностью Портос Арбакл прикрывал свое истинное лицо – лицо коварного интригана. С каждым днем Грей все больше убеждался, что смерти ему желал не кто иной, как чудаковатый хлыщ в перепачканном краской халате.

Сидя в экипаже напротив Грея, Макс также смотрел в окно на приближающийся Драмблейд.

– Прекрасный дом, – заметил он. – Должно быть, на острове ты с нетерпением ждал возвращения.

– Я вспоминал о доме, – коротко отозвался Грей, – но гораздо больше меня занимали другие мысли.

Он думал о Минерве, и его охватывала печаль.

– Твоя Минерва... – начал Макс, подсакивая на сиденье – экипаж трясло на ухабах замерзшей дороги, – весьма необычная особа.

– Она сама не своя. – Грей взял с сиденья шляпу и положил ее себе на колени. – В этом я виню только себя, хотя следовало бы упрекать... – Он осекся. Макс у него безгранично доверял, но тем не менее есть вещи, которых не должен знать никто. О разоблачении Арбакла в глазах дочери не могло быть и речи. Минерва вряд ли оправится от такого потрясения. Нет, когти чудовища уже притупились. Теперь следует вырвать их таким образом, чтобы все тайные преступления стали явными и не позволили ему и впредь вмешиваться в судьбу дочери и самого Грея.

Чувствуя на себе пристальный взгляд Макса, Грей принялся похлопывать шляпой по рукаву.

– Она очаровательна, Грей, – добавил Макс. – Иначе и не скажешь.

– Да. – Грей не собирался обсуждать свои чувства к единственной любимой им женщине. – Мы познакомились, когда она была еще ребенком. В то время я считал ее неисправимой проказницей. Она приехала в Драмблейд вместе с родителями на праздник, устроенный моим отцом в саду по настоянию дяди. Дядя Кэдзоу заявил, что отцу пора вновь войти в общество, которого он чуждался после смерти мамы. – Грей не добавил «и моего рождения». – Гостей собралось немного. Отец был добрым человеком и потому пригласил не только тех, кто располагал связями, но и тех, кто не имел никакого влияния в обществе.

– Ты унаследовал его доброту, – заметил Макс. – Мой отец был таким же. Благодаря ему у меня есть множество знакомых, которые могли бы обзавестись влиятельными друзьями, но предпочитают не делать этого.

Грей был знаком с супружеской парой, усыновившей Макса, – Струаном, виконтом Хансингор, и прелестной виконтессой, леди Джастиной. Сам Макс происходил из семьи преуспевающих, невероятно богатых торговцев, возвысившихся до положения видных помещиков. Помимо всего прочего, их отличал избыток великодушия.

– Итак, – продолжал Макс, – ты познакомился с несравненной Минервой, когда она была еще ребенком...

– Я терпеть ее не мог. – Грей засмеялся. – Она напоминала назойливого комара – нет, скорее мотылька или даже прелестную, но упрямую бабочку, которая порхала вокруг, не сводя с меня глаз, и засыпала бесчисленными вопросами. Не обращать на нее внимания было попросту невыносимо. – Грей улыбнулся своим воспоминаниям.

– Что же было потом?

Грей поднял бровь и устремил взгляд на приближающийся особняк. Экипаж катился по дороге к огромным воротам, на столбах которых молчаливо стояли в карауле вздыбленные чугунные единороги.

– Так что же? – напомнил о себе Макс.

– Что? Ах да! Всякий раз, когда я приезжал в Бэллифог – а там часто бывали владельцы соседних поместий, – передо мной, как из-под земли, тут же вырастала маленькая мисс Арбакл. В то время ей было двенадцать, а мне семнадцать лет. Можешь себе представить, насколько мне льстили знаки внимания двенадцатилетней девчонки!

– И все-таки ты помнишь их до сих пор, – усмехнулся Макс.

– Только потому, что это несносное создание ходило за мной по пятам. Она доводила меня до иступления, назойливо лезла на глаза, стремясь всецело завладеть мной. Разумеется, поначалу я ничего не понимал. Ее

намерения стали очевидными, когда мне исполнилось двадцать, а ей пятнадцать лет. Уверяю тебя, откровение стало подобным взрыву.

– Выкладывай!

Грей задумчиво постучал по подбородку набалдашником трости.

– Отважная плутовка поцеловала меня.

– Что?! – Макс привстал с сиденья, глаза его азартно блеснули в полутьме экипажа. – Вот чертовка!

– Именно. Маленькая мисс, которая еле доставала мне до подбородка, даже когда поднималась на цыпочки, подкараулила меня в аллее между Модлин-Мэнором и коттеджем Макспорранов. Она притворилась, что подвернула ногу, а когда я бросился на помощь, обвила мою шею руками и поцеловала меня! Ну, что ты на это скажешь?

– Будь она постарше и хорошенькой...

– Она была красива. – Грей перестал задумчиво улыбаться. – Она всегда отличалась красотой, как сейчас.

Макс не ответил.

– Минерва наделена красотой, которую замечаешь не сразу. Сначала я обратил внимание на ее осанку. Она держалась прямо, ступала плавно и грациозно. А глаза – огромные, темно-синие, почти черные! В них отражается каждая мысль. Черты лица очень тонкие и выразительные, а губы... полные и немислимо нежные...

– Однако они способны произносить не только любезности, – вставил Макс.

Грей снова улыбнулся:

– Да уж. У Минервы пытливый ум и острый язычок. Но на сей раз она имела все основания выгнать меня. Я причинил ей боль.

– У тебя не было выбора.

– Я дорого поплатился за свою неосторожность. Напрасно я тебя не послушал. Впрочем, Минерва вскоре отгадет – в этом не может быть сомнений. Ее чувства ко мне по-прежнему сильны. Ведь она любит меня с детства.

– Любовь не вечна.

– Не надо острить.

– Я никогда не острою ради красного словца. У твоей Минервы... – Макс смущенно кашлянул, – ...превосходная фигура. Наблюдая, как распускается этот прелестный цветок, ты не мог не влюбиться в нее.

– Проклятие! – Грей схватил Макса за галстук. – Довольно намеков! Жаль, что я не сразу заметил, как ты – плотоядно разглядываешь Минерву! Надеюсь, больше такого не повторится?

– Само собой. – Макс еле высвободился из рук Грея. – Я не хотел оскорбить ее, просто сделал комплимент...

– Я никогда не позволял себе бросать на Минерву Арбакл похотливые взгляды!

– Понимаю, старина.

– Я питаю к ней самые возвышенные чувства!

– Безусловно.

– Ее чистоту я берегу и всегда буду беречь как зеницу ока.

– Вот как? – притворно-невинным тоном осведомился Макс.

Осознав всю двусмысленность собственных слов, Грей смутился.

– Я просто хотел сказать, что боготворю ее и не намерен причинять ей боль.

– Похоже, ты оказался в безвыходном положении, – подытожил Макс. – Минерва сердится, к тому же, как ты сам признался, она упряма и своенравна. Вряд ли ты сумеешь убедить ее, что обстоятельства помешали тебе вернуться вовремя.

– Она выслушает меня и все поймет.

– Даже если ты не скажешь всей правды?

В этом-то и была вся загвоздка.

– Я найду способ объясниться.

– Тогда хочешь дружеский совет?

– Совет холостяка? Человека, который ничего не смыслит в любви?

Макс откинулся на сиденье и отвернулся к окну. Грей выразительно посмотрел на его серьезный профиль.

– Макс, ты обиделся?

– Позволь напомнить тебе о том, что каждый из нас чего-то недоговаривает. Но это еще не значит, что закоренелый холостяк не умеет любить. Ты знаешь только то, что для меня любовь – запретный плод. И оставим это.

У каждого свои секреты. Грей виновато потупился:

– Я с радостью приму любой совет.

– Отлично, – отозвался Макс. – В таком случае неотступно преследуй ее. Не вздумай сдаваться. Если она ускользнет, возобнови погоню. Покоряй ее нежными словами, взглядами и знаками внимания. Если ты любишь эту девушку, свяжи с ней свою судьбу, иначе вся твоя жизнь превратится в пытку.

Макс умолк, и в экипаже воцарилось молчание. Грей пристально всматривался в худое, резко очерченное лицо друга, но его глаза остались непроницаемыми.

– Спасибо, – наконец произнес Грей. – Я запомню твои слова. – Он и сам собирался поступить именно так, а горечь только придала ему решимости.

– Я беспокоюсь за тебя, – признался Макс, обернувшись. – Тебя похитили неспроста. Это не шутки, понимаешь?

– Конечно.

– Кто-то пытался разделаться с тобой. Тебе желали смерти. Значит, ты представляешь угрозу для неизвестного заинтересованного лица.

– Об этом мы уже говорили.

– И скорее всего еще не раз вернемся к этому разговору. Разве о таком можно молчать? Боюсь, твои враги не откажутся от своих замыслов. И вправду, с какой стати им складывать оружие? Если они желают твоей смерти, то что заставит их изменить намерения?

Макс не сказал Грею ничего нового. Он решил сменить тему:

– Мне надо подготовиться к встрече с дядей Кэдзоу. Знаешь, он всегда был сдержанным, тихим человеком, отстраненным от всех и вся, но добрым. И набожным до мозга костей.

– Ты говорил.

– Он предпочитает уединение. Дядя посвятил всю свою жизнь благому делу, долго жил за границей. Насколько я помню, в Лондоне. Он любит разглагольствовать о «грешниках среди нас». После смерти моего отца он вынужден был приехать сюда и стать моим опекуном.

– Зачем тебе понадобился опекун? Ведь в то время тебе уже минуло двадцать четыре.

– Согласно завещанию, управление поместьем возлагалось на дядю до тех пор, пока мне не исполнится двадцать пять лет.

Макс насторожился и коснулся колена Грея.

– Впервые слышу. Значит, все бразды правления в руках дяди Кэдзоу? И твоим состоянием тоже распоряжается он?

– Да, – кивнул Грей. – Я понимаю, о чем ты подумал, но не дядя замыслил сжить меня со свету. По крайней мере так мне кажется. Властитель его дум – Бог, а не богатство. Состояние дяди Кэдзоу невелико, однако он ни в чем не нуждается. Кроме того, он слаб здоровьем. В седло он садится в самом крайнем случае. А плетение интриг – сложное, утомительное занятие, противное его натуре. Он наверняка постарается побыстрее передать мне все дела, объяснит, куда посылать его долю прибыли и более чем внушительную ренту, и опять отправится в крестовый поход во имя спасения грешников.

Под колесами экипажа скрипел рыхлый снег.

– Девять вечера, – заметил Макс. – Твой дядя рано ложится спать?
– Когда как, – ответил Грей. – Полагаю, за одну гинею наш дворецкий Рэтли принесет дяде новость вместе с утренним шоколадом.

– Ты боишься, что на радостях твой дядя?..
– Черт его знает, – отозвался Грей, надевая шляпу и ожидая, когда кучер откроет дверцу экипажа. – Я уверен лишь в том, что он склонен к апоплексии. Рано или поздно он станет ее жертвой.

Макс усмехнулся и вышел из экипажа вслед за Греем.

– Мы постучим в дверь сами, – сказал Грей кучеру, – а за багажом я пришлю. Отправляйся на конюшню. Кто-нибудь из слуг приютит тебя на ночь.

Кучер благодарно закивал и принялся разгружать сундуки Макса и три саквояжа с вещами Грея, купленными в Лондоне перед отъездом в Шотландию.

Грей поднялся по каменным ступеням крыльца с пустыми вазонами; летом, правда, в них распускались пестрые цветы. Помедлив минуту, он постучал в прочную дубовую дверь. Им вдруг овладели странные чувства, среди которых преобладала растерянность. И все-таки после всего пережитого, о чем Грей вспоминал не иначе как с содроганием, после тягостного ощущения беспомощности, после долгих мечтаний о свободе, после того как надежда норовила покинуть его, он наконец-то дома!

Дверь медленно приотворилась, в щель выглянул невысокий седовласый слуга с кустистыми рыжими бровями и продолговатым лицом.

– Добрый вечер, Рэтли, – произнес Грей. – Как я рад вновь увидеть тебя!

От неожиданности слуга широко разинул рот, недоуменно задвигал бровями, пожевал сморщенными старческими губами и с трудом сглотнул.

– Право, Рэтли, разве так приветствуют долгожданного гостя? – воскликнул Грей с притворной веселостью.

– Это вы-то долгожданный гость? Скорее, беспутный бродяга! С чего это вам вздумалось вернуться домой? Мы уже успели и оплакать, и похоронить вас! Как не стыдно, мистер Грей, как вам не стыдно! – Слуга прижал ладонь к груди. – Из-за вас меня чуть было не хватил удар. Нет, вы загоните меня в могилу до срока!

Дождавшись, когда Рэтли выплеснет негодование, Грей мягко произнес:

– Рэтли, дружище, я никак не мог вернуться раньше. Объясню потом. Лучше скажи, дядя Кэдзоу уже спит?

Поднеся узловатые пальцы ко лбу, Рэтли прерывисто вздохнул.

– Мистер Кэдзоу! Как же я мог про него забыть! Ручаюсь, нам предстоит беспокойная ночь. Подождите, что еще будет, когда я доложу о вас хозяину! Молитесь, чтобы потрясение не убило его!

Грей и сам понимал, что его неожиданное появление может стать для дяди последней каплей.

Открыв дверь пошире, Рэтли посторонился и пропустил друзей в дом. Сделав несколько шагов по просторному холлу, Грей остановился и оглядел обстановку, на которую когда-то и внимания не обращал. На стенах, тускло поблескивая, висели в ряд геральдические щиты. На каменных плитах пола плясали отблески пылающего в огромном камине огня. Под потолком на уровне второго этажа висела дубовая люстра, вырезанная благодарными арендаторами во времена дедушки Грея. Наверх, к изящному балкону, от которого отходили левое и правое крылья особняка, вела лестница с мраморными перилами.

Макс похлопал друга по плечу. Грей вздрогнул, не сразу сообразив, в чем дело, и только и произнес:

– Как мне недостает Минервы!

– Понятно. – Макс улыбнулся и обнял Грея за плечи. – Ты слишком много пережил. Первым делом тебе надо как следует выспаться...

– О Господи! – прервал вдруг его чей-то громкий возглас. Грей мгновенно узнал голос дяди Кэдзоу. – Боже мой!

Кэдзоу Фэлконер, еще светловолосый, но сильно облысевший за последние три года, тотчас засеменил через весь холл, остановился, сделал еще несколько шажков и рухнул на нижнюю ступеньку лестницы. Выпрямившись, он отыскал глазами Грея, пристально взглянул на него и прикрыл лицо ладонью.

Грей растерянно обернулся к Макс, который покачал головой и беспомощно развел руками.

– Сейчас принесу бренди, – пообещал Рэтли, закрывая парадную дверь.

– Наш багаж! – спохватился Макс.

– Не извольте беспокоиться, – сказал Рэтли и поспешил в гостиную, откуда только что вышел Кэдзоу.

Грей с ужасом понял, что дядюшка плачет.

– Хвала Господу! – сдавленным голосом произнес тем временем Кэдзоу. – Не знаю, что произошло, но я благодарю Бога. Я не смел надеяться, но и не расставался с надеждой. Все считали тебя погибшим. В конце концов мне пришлось смириться с потерей и поведать миру печальную весть. Знаешь, когда ты был ребенком, я почти не уделял тебе

времени. – Дядя Грея поднял голову. Его пухлое лицо было залито слезами, голубые глаза блестели от влаги. – Теперь ты должен узнать правду. Я так заботился о тех, кто не ведаёт истинного Бога, что у меня не оставалось времени на детей. Вот почему я до сих пор не женат. У меня не было ни малейшего желания связывать судьбу с женщиной. Несчастный я человек! – И он вновь разрыдался, всхлипнув на весь холл.

– Успокойся, дядя, – растерянно пробормотал племянник. – Я выжил – правда, чудом...

– Слава Богу! – отозвался Кэдзоу. – А то ведь я остался один как перст. Жалкий человек, в пятьдесят лет мне пришлось изменять своим привычкам. Я и вправду сильно переменялся, поверь мне. Если ты не против, я стану твоим другом. Ведь мы близкие родственники, а я теперь совсем не тот, каким был прежде!

Подойдя к дяде, Грей неловко похлопал его по руке.

– Я очень тронут, дядя. Вот уж не думал, что ты будешь меня оплакивать. – Однако на самом деле Грей не слишком верил в откровенность дяди.

– Ты же знаешь, Грей, меня не привлекала мирская суета. Судьба распорядилась так, что я стал младшим ребенком в семье, и направила меня по Божьему пути. Семейное состояние перешло к моему дорогому Эвану, твоему усопшему отцу, и он блестяще преумножал и берег его. Если бы не он, я давно остался бы нищим.

– Знаю, – кивнул Грей, – мне тоже недостает отца.

– А ты унаследовал деловую хватку Эвана. Она у тебя в крови. Если бы ты знал, сколько раз я проклинал себя за то, что отпустил тебя на плантации! Управляющий наверняка обошелся бы и без тебя. Но я думал, тебе следует разобраться во всех тонкостях семейного предприятия. Сам я успел побывать в Вест-Индии – правда, по другим причинам – и решил, что тебе будет полезно повидать эти места.

Если прежде Грей сомневался в том, что дядя питает к нему родственные чувства, то теперь на смену сомнениям пришла твердая уверенность.

Кэдзоу резко поднялся.

– О, прости меня, прости, дорогой племянник! Я совсем забыл, что ты приехал не один...

Грей представил дяде Макса, и на лице Кэдзоу отразилась его привычная настороженность, которую он поспешил замаскировать потоком любезностей. Узнав, что Макс происходит из семейства Россмара и направляется в замок Керколди, Кэдзоу облегченно вздохнул и пригласил

друзей в гостиную.

Греем вновь завладели многочисленные воспоминания. Эту прекрасную комнату его отец предпочитал всем остальным. Антикварная мебель, обитая темно-зеленым бархатом, которую собирали три поколения семьи Фэлконер, ковры, шелковые драпировки на стенах, шкафы с книгами в кожаных переплетах, потолки, украшенные лепниной в виде фруктов...

В старинном камине бушевало пламя. На мраморной каминной доске громко тикали позолоченные бронзовые часы, принадлежавшие матери Грея. Их по-прежнему окружали пастушки дрезденского фарфора и миниатюрные портреты покойных членов семейства Фэлконер.

Заметив в комнате ярко-красное пятно, Грей вздрогнул от неожиданности. Погрузившись в свои мысли, он не сразу обратил внимание на сидящую в глубокой нише женщину. Боже, ведь именно в этом кресле любила читать мать Грея!

– Кэдзоу... – хрипло и нерешительно прошептала незнакомка. – Кто это? Зачем ты впустил их в такой поздний час? – Поднявшись, она оправила складки пышной атласной юбки.

– Эльдора, – Кэдзоу, раскрыв свои объятия, направился к женщине, – дорогая, я хочу поделиться с тобой радостью. Этот вечер приготовил мне лучший из сюрпризов. Самый неожиданный сюрприз. Тот, на который я уже перестал и надеяться.

Впрочем, сам Грей был удивлен гораздо сильнее. Его дядя и вправду изменился, притом разительно: племяннику и в голову не приходило, что Кэдзоу поселит в фамильном поместье женщину.

Незнакомка, которая ростом превосходила Кэдзоу на несколько дюймов, блистала яркой, даже кричащей красотой. Прямые каштановые волосы, заплетенные в две толстые косы над ушами, придавали ей экзотический вид деревенской простушки, выдавали ее, пожалуй, только миндалевидные глаза золотисто-карего оттенка. Она злоупотребляла белилами и румянами, но обращалась с ними так искусно, что со слоем краски на лице имела таинственный вид драматической актрисы.

Взяв Кэдзоу за руку, незнакомка медленно направилась к гостям. Грей не мог не заметить, как плавно опускаются и вновь взлетают ее ресницы. Он почему-то вмиг вспомнил ленивых кошек, что нежатся на солнце.

А какое у нее роскошное тело... Грей обвел взглядом пышные бедра, осиную талию, великолепную грудь, приподнятую корсетом и скромно прикрытую кружевной оборкой. Напоследок он заглянул женщине в глаза и вздрогнул.

Они были пусты.

Грей задумчиво закусил губу. Стало быть, его благочестивый дядюшка, который никогда не выказывал интереса к женщинам, прельстился роскошной плотью!

Склонившись к протянутой руке женщины, Грей пробормотал:

– Очень рад, мадам.

– Мисс! Все еще мисс. Объясни ему, Кэдзи.

Грей вновь вздрогнул от неожиданности. Пронзительный, бесцветный голос незнакомки словно резанул его по натянутым нервам. Молодой человек поморщился.

– Позволь представить тебе мисс Эльдору Мейквелл, – произнес Кэдзоу, не скрывая обожания. – Мою очень близкую подругу.

– И компаньонку, – визгливо добавила мисс Мейквелл.

– Да, и компаньонку, – согласился Кэдзоу, стараясь не смотреть Грею в глаза. – А это мой племянник Грей Фэлконер. Эльдора, я думал, что потерял его, но ошибся. Теперь я места себе не нахожу от радости. Именно моему племяннику следовало жить здесь и заниматься той работой, которую сейчас выполняю я. Он снимет с меня это тяжелое бремя, потому что все вокруг принадлежит ему. Слава Богу, слава Богу!

По-видимому, дядя Кэдзоу изменился сильнее, чем казалось на первый взгляд. Человек, с которым Грей расстался четыре года назад, был абсолютно равнодушен к женщинам. И никогда не изъявлял ни малейшего желания жениться.

– Рад познакомиться с вами, мисс Мейквелл, – вступил в разговор Макс. Грею даже оглядываться не понадобилось, чтобы понять: его друг пытается оценить умственные способности новой знакомой.

– Я тоже, – откликнулась мисс Мейквелл и разразилась жутким смехом – у Грея даже заныли зубы. – Расскажи им все, Кэдзи. Объясни, в чем дело, пока не поздно. Ты же понимаешь, что я имею в виду. – Она подмигнула Макс и Грею. – Зачем нам ошибочные догадки?

– Эльдора – моя подруга, – заявил Кэдзоу, густо краснея. – Мы познакомились в Лондоне, когда...

– Я актриса, – перебила Эльдора и присела в глубоком реверансе, вытянув руку вперед, словно внимая шквалу аплодисментов восхищенных зрителей. – Вернее, была ею, пока не решила, что моим единственным зрителем должен стать милый Кэдзи. О, такую благодарную публику я вижу впервые! Конечно, вы понимаете, о чем я говорю.

Не удержавшись, Грей искоса взглянул на Кэдзоу.

Из-за двери появился Рэтли, очевидно, решив, что официальная церемония воссоединения родственников закончена. На низкий столик

перед камином слуга поставил поднос с бокалами бренди.

– Я невеста Кэдзи, – объявила Эльдора, обняв дядю Грея за талию и привлекая его к себе. – С ним я стану самой счастливой женщиной в мире. – Верно, Кэдзи?

Бедняга покосился на племянника, скривил рот и сказал:

– Мы так рады, что ты будешь присутствовать на церемонии. – И поспешно добавил: – Впрочем, она состоится еще очень не скоро.

Эльдора прижала голову Кэдзоу к своей объемистой груди, погладила его по макушке и проворковала:

– Мы оба жаждем любви и заботы. Мне всегда их недоставало. Вы не представляете себе, как я счастлива, что вы будете с нами! Кэдзи, разве это не чудесно?

Даже если Кэдзи был согласен с невестой, выразить свое согласие он не мог. Заметив, чем зажат рот дяди, Грей смущенно отвернулся.

– Благодарю, – пробормотал он, не заботясь о том, услышат его или нет. Он совсем обессилел от горьких мыслей о Минерве. Ему хотелось вновь увидеться с ней, и как можно скорее. – По-моему, мы все слишком устали. Наверное, ты занял мои комнаты, дядя. Рэтти, ты не мог бы...

– Я не смел занять их, дорогой, – возразил Кэдзи, наконец высвободившись из объятий Эльдоры. – В глубине души я знал, что ты когда-нибудь вернешься, а потому не переступал порога твоих комнат, хотя кое-кто был бы рад занять их.

– Кто? – тотчас поинтересовался Грей.

Кэдзоу только покачал головой:

– Язык мой – враг мой. Забудь об этом. Рэтти, приготовь спальню для хозяина и для мистера Россмара! – Дождавшись, когда Рэтти выскользнет из гостиной, Кэдзоу продолжил: – Я хочу знать, где ты был, Грей. Ты, конечно, устал, вконец измучен, но как всякому человеку мне присуще любопытство. Так где же ты был, черт возьми?

Последние слова из уст святоши стали для Грея очередным потрясением.

– На одном острове.

Кэдзоу нахмурился:

– Знаю.

– Нет, речь вовсе не о Вест-Индии, – возразил Грей. – Хотя тот остров находится где-то неподалеку, в стороне от оживленных морских путей. Остров сплошь покрыт густой растительностью и принадлежит банде пиратов – тех самых, которые ночью похитили меня с корабля. Ни одна живая душа не знала, куда я исчез.

Молчание длилось так долго, что Грей стал нетерпеливо вышагивать по комнате, время от времени поглядывая на собеседников.

– Не может быть! – наконец выпалил Кэдзоу. – Мне сказали, что ты даже не поднимался на борт корабля, плывущего домой.

– И все-таки я сел на него.

– Но когда корабль пришел в порт, тебя на нем не оказалось.

Грей раздраженно замер.

– Само собой!

– Мне сказали, что ты не появлялся на корабле. Или передумал и сошел на берег перед самым отплытием.

Об этом Грей уже успел поразмыслить.

– Тебе солгали. Меня похитили в первую же ночь. Поскольку перед отплытием никто не проверял, все ли пассажиры на месте, капитан решил, что я сошел на берег.

– Но меня уверяли, что на корабле тебя никто не видел!

Грею впервые пришло в голову, что среди матросов у пиратов были сообщники.

– Они знали, что их слова невозможно проверить.

– Значит, тебя похитили и увезли на необитаемый остров?

– Да, – кивнул Грей, – где и держали в тайном убежище. Впрочем, одиночество только пошло мне на пользу: благодаря ему я продумал и осуществил побег. К сожалению, строительство плота из крыши хижины отняло у меня слишком много времени и сил. Кроме того, мне приходилось действовать тайно, чтобы не привлекать к себе внимания.

Дядя Кэдзоу вытаращил глаза, рухнул в ближайшее кресло и дрожащей рукой потянулся за бокалом с бренди. Отпив глоток, он потряс головой, словно пытаясь разложить все мысли по полочкам.

– Кошмар! – наконец выпалил он. – Ты хочешь сказать, тебя держали в плену целых три года?

Грей предпочел бы повременить с этим разговором. Сейчас ему хотелось лишь одного: найти удачный предлог для встречи с Минервой. Надо выманить ее из Уиллинока, из-под присмотра чудаковатого и жестокого отца.

Размышляя, каким образом этого добиться, Грей взял бокал бренди и изрядно отхлебнул.

– Грей, старина, лучше бы ты воздержался, – предостерег его Макс.

Улыбнувшись, Грей хлопнул друга по плечу.

– Надо же мне как-то взбодриться, – возразил он беспечным тоном. – Меня до сих пор мучают воспоминания.

– Где находится этот остров? – вдруг спросил Кэдзоу, сверкнув глазами. – Мы немедленно отправимся туда вместе с целой армией. И покончим с этой бандой. Они пожалеют о том, что посмели прикоснуться к отпрыску славного семейства Фэлконер!

– Дядя, – перебил Грей слегка заплетающимся языком, – я не знаю, где находится остров. И это к лучшему.

– К лучшему? – встрепенулся Макс. – Да что с тобой, Грей? Теперь мне все ясно: ты до сих пор не пришел в себя. Мы выследим их и узнаем, кто задумал похищение. Вы согласны, сэр? Кто-то заплатил пиратам за убийство Грея. Он подслушал однажды ночью их разговор.

– Что?! – изумился Кэдзоу, вскакивая и багровея. – Им заплатили за убийство Грея? Ну это уж слишком! Какое чудовищное злодеяние!

– Все уже в прошлом, – усталым голосом напомнил Грей. – Я благодарен судьбе за то, что сумел перехитрить их.

– Нет, я этого так не оставляю! – решительно заявил Кэдзоу. – Зло следует наказывать! У этих людей, пиратов, должны быть имена. Ты же прожил среди них три года. Наверняка ты запомнил какие-нибудь подробности, которые приведут нас к цели.

Грей покачал головой:

– Ты ничего не понимаешь. Они не обращались ко мне напрямую. Меня держали в загоне, среди которого стояла ветхая хижина. Пищу и воду мне подавали через ограду из бревен, проволоки и пальмовых веток. Конечно, я видел их издали, слышал пьяные голоса и старался, чтобы они не заметили, как я слежу за ними сквозь крошечное отверстие. Но сами пираты жили с другой стороны острова. Им не о чем было беспокоиться: ясно ведь, что мне некуда бежать.

– Невероятно! – прошептал Кэдзоу.

Эльдора Мейквелл обняла его за талию и обеспокоенно вгляделась ему в лицо.

– Это ужасно, – запричитала она. – Неужели на земле есть такие злодеи, Кэдзи?

– Назови мне хотя бы одно имя, – потребовал дядя Кэдзоу, – припомни что-нибудь, Грей! Я не успокоюсь, пока пиратов не настигнет карающий меч правосудия!

Грей коротко засмеялся:

– Одного из товарищей они звали Кэп, другого – Второй, еще одного – Девятый. Эти сведения тебе пригодятся? Все пираты называли друг друга по номерам. Иногда они умышленно повышали голос, зная, что я их слышу. Похоже, они гордились своей хитроумной выдумкой. А еще они не

скрывали, что за их грязную работу им заплатили – «человек, которому можно доверять», кричали они и смеялись.

– Почему же тебя они не убили? – живо заинтересовался дядя Кэдзоу, но тут же спохватился: – Господи, что я говорю?

– Такой вопрос возникает у любого здравомыслящего человека, – успокоил его Макс. – И вправду, почему пираты не утопили Грея сразу, как только похитили его с корабля? Это избавило бы их от лишних хлопот.

– Слава Богу, ты сумел сбежать!

Грей кивнул, серьезно глядя на дядю.

– Своим спасением я и впрямь обязан Богу. До сих пор не верю, что остался жив. Выяснив, что очутился на острове, я начал понемногу разбирать крышу своей хижины, затем перетаскивать строительный материал через ограду. И все время был начеку: если бы пираты заметили, чем я занимаюсь, до побега дело бы не дошло. Работа продвигалась так медленно, что я чуть не озверел. Мне пришлось довольствоваться тонкими стволами деревьев, ветками и прутьями, но сооруженный из них плот выдержал. Я плыл на нем целый день и две ночи, прежде чем меня подобрал корабль.

– Грей...

– Не перебивай! – попросил Грей Макса, смягчив резкость дружеской улыбкой. – На сегодня хватит рассказов, старина. Мне надо о многом подумать, отдохнуть и вновь заняться делами. Уверен, ты поймешь меня, дядя... и вы тоже, Эльдора. – Грей не одобрял выбора Кэдзоу, но решил относиться к его невесте с подобающим уважением.

Кэдзоу потянулся к шнуру колокольчика, но рука его повисла на полпути.

– Что такое, Кэдзи? – насторожилась Эльдора. – О, милый, как плохо ты выглядишь!

– Грей, – начал вдруг дядюшка, повернувшись к племяннику, – с тех пор, как ты покинул дом, многое изменилось.

– Разумеется, – согласился Грей, заметив, что дядя почему-то смутился. – Все мои знакомые постарели на целых четыре года, – неуклюже пошутил он и засмеялся.

Кэдзоу растерянно провел ладонью по лбу, взъерошив тщательно уложенные жидкие кудри.

– Верно... Скажи, ты вспоминал о Минерве Арбакл с тех пор, как покинул Бэллифог?

Вопрос застал Грея врасплох.

– О Минерве?

Дрожащие губы Кэдзоу растянулись в улыбке.

– Ты покидал отчий дом очень молодым. Вряд ли детская влюбленность оставила заметный след в твоей душе. Но с тех пор ты повзрослел и многому научился. Несомненно, в Индии ты узнал, что, кроме маленькой мисс Арбакл, в мире есть немало женщин, способных подарить тебе радость...

Грей сразу понял, что негодование следует оставить при себе.

– Не будем об этом, – сдержанно попросил он. – Мои чувства к Минерве никого не касаются.

Слабая улыбка упорхнула с губ Кэдзоу.

– Именно этого я и боялся! Напрасно я надеялся, что разлука исцелит тебя!

Внезапно к Грею вернулись силы, усталость исчезла. На смену ей явилась острая тревога.

– Будем откровенны друг с другом, – предложил он дяде. – Раз уж ты заговорил о Минерве, то договаривай до конца. И покончим с этим раз и навсегда.

– Право, мне так неловко... – Кэдзоу сел на прежнее место, привычным жестом откинув фалды бордового сюртука. Устроившись в кресле, он надолго замолчал, склонив голову. – Ладно, рано или поздно ты все равно узнаешь. Уж лучше я сам расскажу тебе горькую правду. Ты помнишь Брамби Макспоррана?

Бэллифог-коттедж принадлежал семейству Макспорран с тех пор, как Грей себя помнил, но у себя в доме они появлялись редко. Макспорраны зарабатывали себе на хлеб, присматривая за большим имением Модлин-Мэнор. В сущности, Бэллифог-коттедж располагался на землях этого имения. Модлин-Мэнором владела престарелая одинокая дама, которая унаследовала его от кого-то из родственников и редко бывала в этих краях. Именно поэтому Макспорраны держались так, словно были не слугами, а владельцами поместья. В округе шутили, что управлять поместьями богачей гораздо выгоднее, чем заботиться о собственном состоянии.

Грей окинул присутствующих настороженным взглядом. Все выжидательно смотрели на него.

– Конечно, я помню Энгуса и Друсиллу Макспорран.

– И Брамби, – нахмурившись, подсказал Кэдзоу.

– И Брамби тоже, – согласился Грей. – Если не ошибаюсь, он мечтал стать актером. По-своему он был довольно славным малым, правда, слишком уж ленивым, но мне нравился.

Брамби и Грей были почти ровесниками.

– Ты не видел его четыре года, – заметил Кэдзоу.

Но его замечание не достигло цели.

– Об этом мне известно, – ровным тоном отозвался Грей, сдерживая закипающий гнев. – Выскажись яснее.

– Успеется и завтра. – Ослепительная, но совершенно неубедительная улыбка Кэдзоу только распалила любопытство и тревогу племянника. – Пока достаточно того, что я уже сказал.

– Нет, – возразил Грей, приближаясь к дяде. – Будь любезен, объясни, в чем все-таки дело.

– Грей, уже поздно, – подал голос Макс, но Грей пропустил его слова мимо ушей.

– Дядя, я жду.

– Как я уже говорил, тебя не было здесь четыре года. Три года мы не получали от тебя никаких вестей. Само собой, девушка нуждалась в утешении...

– Значит, Минерва и Брамби Макспорран... – Грей в ужасе попятился. Кэдзоу развел руками:

– В конце концов, их родители дружат. Арбаклы давно знакомы с Макспорранами. Мне всегда казалось, что они не просто симпатизируют друг другу. По мне, слишком уж они беспокойная компания. От таких лучше держаться подальше.

Арбаклы и Макспорраны и вправду были знакомы много лет.

Старику Арбаклу было бы гораздо легче присматривать за обожаемой дочерью, если бы она вышла замуж за сына его давних друзей – тем более что Макспорраны жили совсем рядом, в пустом поместье, которым управляли. Кроме того, Брамби Макспорран, несмотря на все свои артистические устремления, даже не пытался вырваться из-под родительской опеки, не говоря уже о том, чтобы обзавестись собственным домом. Несомненно, младший Макспорран охотно согласился бы жить в доме тестя или по крайней мере надолго отпускать жену к родителям. При этой мысли Грею стало дурно.

– Они уже поженились? – с замиранием сердца спросил он.

– Нет, – покачал головой дядя Кэдзоу.

– Грей, – вмешался насторожившийся Макс, – Грей, старина, что с тобой?

Ценой невероятных усилий тот изобразил улыбку.

– Я просто устал. Остаюсь здесь, познакомься поближе с моим дядей, а я, пожалуй, поднимусь к себе.

Макс решительно встал.

– Я пойду с тобой.

– Ни в коем случае, – отрезал Грей, направляясь к двери. – Дядя Кэдзоу, окажи мне любезность, удержи Макса. Поведай ему наши фамильные тайны. Увидимся утром.

Покинув гостиную, Грей на миг закрыл глаза, черпая силы из какого-то тайного источника, о существовании которого в себе он узнал совсем недавно. Значит, весь ужас, который ему пришлось пережить, был делом рук не только Портоса Арбакла и Дженет, но и старшего Макспоррана. Грей не верил, что коварные старики посвятили в свои замыслы Брамби.

Но мириться с поражением он не собирался. По крайней мере вновь воспламенить чувства Минервы к нему будет нетрудно. Закрыв глаза, Грей представил себе лицо любимой и решил, что сегодня она не стала бы сердиться, будь он ей безразличен. Грею предстояло серьезное испытание: вырвать Минерву из когтистых лап отца и будущего свекра – да так, чтобы самому не поссориться с ней навсегда.

Глава 4

Из ноздрей кобылы валил пар. Радуюсь тому, что сегодня она выбрала мужское седло, Минерва сжала коленями округлые бока Агаты, подстегнув упрямое животное.

Огни Бэллифога скрылись вдали. Поежившись под плащом, Минерва прислушалась к скрипу снега под копытами Агаты. В воздухе кружились редкие снежинки. В прорехи между облаками выглядывала луна, игриво роняя на землю серебристые лучи. Сумерки не пугали Минерву: она знала округу как свои пять пальцев, а по этой тропе ездил постоянно – правда, не в такой поздний час.

С тех пор как они виделись в последний раз, он почти не изменился.

Надвинув капюшон на лоб, Минерва наклонила голову, придавленная грузом печали и тяжестью предстоящего.

Сегодня она окончательно перестала оплакивать того Грея Фэлконера, которого знала раньше: храбреца, защитника ее чести и достоинства, любимого, самого верного друга. Он явился к ней без предупреждения, повел себя как ни в чем не бывало, а ведь прошло целых четыре года! Грей по-прежнему обращался с ней как с бестолковой девчонкой. Он приказал ей надеть плащ с таким видом, будто она его собственность! Ему и в голову не приходило, что она могла не дожидаться его. Грей ни на минуту не сомневался в ее чувствах. Он распоряжался ею, словно вещь!

Минерва ни в коем случае не желала Грею смерти, но если бы он умер, у нее остались бы сладковато-горькие воспоминания о самой счастливой поре своей безрадостной жизни.

Она терпеть не могла плакать, считая слезы непростительной слабостью, но вот теперь расплакалась, направляясь к своему излюбленному месту – тому самому, где они с Греем часто оставляли друг другу письма и назначали свидания.

Лучше бы она умерла!

Впрочем, Минерва тут же устыдилась своих греховных мыслей. Впервые в жизни она ощущала такую безнадежность.

Лунный свет вновь залил зимний пейзаж. На сей раз луна долго раскрашивала сугробы в синеватые тона, а потом исчезла, словно некий великан поднес к лицу громадную свечу и задул ее.

Ехать осталось совсем недалеко. В то лето, когда Минерве минуло пятнадцать и она украдкой поцеловала Грея, он старательно делал вид,

будто избегает ее. Но почему-то она без труда находила его в разных укромных уголках, например, за стеной розария в Уиллиноке. Весь Бэллифог знал, что за розарием ухаживает не кто иной, как Минерва, проводя здесь почти все свободное время.

При этой мысли она невольно улыбнулась и тут же одернула себя. Вскоре ей придется довольствоваться только воспоминаниями о встречах с Греем Фэлконером.

Когда ей исполнилось шестнадцать, Грей показал ей то место, куда Минерва направлялась сейчас. Притворясь равнодушным, он повел ее на вершину пологого холма к западу от деревни. Здесь, на плоской вершине, росли рябины – весной распускаясь пышным цветом, осенью созывая птиц спелыми, сочными ягодами. Грей и Минерва сидели верхом бок о бок – он на своем гордом Аристократе, Минерва – на Агате. Они так долго молчали, что Минерва наконец не выдержала и спросила, почему Грей привел ее сюда.

– Потому что я часто бываю здесь.

– Понятно, – отозвалась она, ничего не понимая.

– Я хотел, чтобы вы знали об этом.

– Очень мило с вашей стороны, – недоуменно пробормотала она.

Указав вниз, Грей спросил:

– Видите?

Проследив за его взглядом, Минерва поняла, что он указывает на Уиллинок. С вершины холма открывался изумительный вид на дом и парк.

– Что именно? Уиллинок? – робко уточнила она.

– Минерву, – отозвался он странным, хриловатым голосом. – Отсюда я вижу Минерву, даже когда ее там нет. Поэтому я часто приезжаю сюда и радуюсь встречам. Они ненадолго заглушают тоску.

Минерва не нашлась с ответом. В то время ей было шестнадцать, а Грею почти двадцать один. Он казался и совсем взрослым, и одновременно очень юным, и был так дорог ей! Минерва давным-давно подарила ему сердце, а в этот миг поняла, что никогда не сможет полюбить другого.

Агата фыркнула, выпустив облако пара, и сбавила шаг. Если бы кобыла умела говорить, она громко пожаловалась бы на то, что ее разбудили в столь поздний час, совсем неподходящий для прогулки.

Глядя вперед, Минерва вскоре увидела голые ветви рябин на фоне темно-синего зимнего неба. К этим деревьям она испытывала почти родственные чувства. Рабы природы и собственной бренности, они были обречены провести всю жизнь на одном месте.

Минерва тоже была рабыней собственной слабости, а эта слабость

заклучалась в любви к человеку, который давно разлюбил ее. Как она могла так жестоко обмануться? Время, отпущенное их любви, неожиданно истекло. Оставалось только смириться. Минерва растерла озябшие ладони. Грею наверняка известно, что людям свойственно меняться. Будь он действительно благородным человеком, он приехал бы к ней один, потребовал бы встречи наедине, излил бы ей душу и объяснил, что произошло. Однако он предпочел встретиться в присутствии своего друга и кузенов Минервы, лишь бы избежать откровенного разговора и примирения. Да, он стал совсем другим.

Сердце Минервы похолодело, слезы стыли у нее на щеках.

Но тут по склону холма покати́лась снежная лавина. Агата перешла на шаг и звонко заржала. Подняв голову, Минерва вдруг ахнула, набрав полные легкие ледяного воздуха. От собственного возгласа сердце ее ушло в пятки.

Прямо перед ней из ноздрей какого-то приплясывающего и мотающего головой коня вырвалось еще одно облачко пара. Путь к вершине холма Минерве преградил гордо выпрямившийся всадник.

Девушка резко натянула поводья, останавливая кобылу и лихорадочно размышляя, сумеет ли она развернуться и пуститься галопом прочь. Испуганно оглядев коня, на котором восседал незнакомец, Минерва заключила, что он при желании без труда догонит ее. К горлу ее вмиг подступил комок, в груди болезненно сжалось сердце.

– Это я, – произнес всадник. – Грей.

Минерва вмиг ослабела. Несчастливая трусиха! И как она сразу не догадалась? Кто еще мог явиться сюда среди ночи?

Тело вдруг перестало ей подчиняться, и она прижалась лицом к крутой шее Агаты.

– О, Минерва, я напугал тебя! Прости, я не хотел.

В голосе Грея ощущалось беспокойство. Под копытами его жеребца закрипел снег. Агата медленно двинулась ему навстречу.

Сильная рука обняла Минерву за плечи. Долгое время Грей просто сидел рядом, а его широкая ладонь согревала любимую даже сквозь плотную ткань плаща и простого шерстяного платья.

Грей был совсем близко, совсем рядом. Какой удобный случай, чтобы распрощаться с прошлым прямо здесь, на вершине заветного холма, куда Минерва больше не собиралась возвращаться!

Но прикосновение Грея поколебало ее решимость.

– Я знал, что ты сюда приедешь, – наконец произнес он.

Иначе и быть не могло. Грею Фэлконеру и в голову не приходило, что

Минерва решила навсегда вычеркнуть его из своей памяти. Он был уверен, что безраздельно владеет ее сердцем и душой. В конце концов, она сама преследовала его с тех самых пор, как ей исполнилось двенадцать.

– Минерва, я сожалею о том, что причинил тебе боль. Поверь, у меня не было выбора. Может, попробуем помириться? Ведь все осталось по-прежнему!

Последние слова до глубины души возмутили Минерву. Прошло четыре года, Грей давно повзрослел и возмужал. С нетерпением ожидая, когда он вернется, Минерва перестала спать по ночам. Но назначенный срок возвращения наступил и прошел, а затем последовали годы страданий и угасающей надежды, пока Кэдзоу Фэлконер не сообщил, что его племянник погиб. До тех пор Минерва бывала в Драмблейде почти ежедневно. К сожалению, о Грее ничего не было слышно с тех пор, как он отплыл из Вест-Индии домой.

Охваченная шквалом чувств, Минерва выпрямила спину и оттолкнула руку Грея:

– Напротив, все изменилось. Странно, что вы этого до сих пор не поняли.

Грей недоуменно смотрел ей в глаза. Если бы Минерва могла, она отвернулась бы, лишь бы не поддаться чарам его взгляда. Многозначительного взгляда. Грей не надел шляпы, его волосы поблескивали в лунном свете, глаза возбужденно сверкали. На его лице играли тени, подчеркивая выразительность поднятых бровей, высоких скул, изящно очерченных губ, волевого подбородка. У Минервы вновь сжалось сердце.

– Что могло измениться? – тихо спросил он. – О чем ты говоришь?

Когда Грей покинул Англию, Минерва была гораздо моложе и впечатлительнее. Она охотно подчинялась Грею и во всем с ним соглашалась – по крайней мере так ей казалось. Но с тех пор она разучилась подчиняться и обзавелась собственным мнением.

– По-моему, здесь все ясно, – отозвалась она. – Прошло немало времени, мы оба повзрослели. Зрелость и разочарование развеяли иллюзии.

– Но я не хотел разочаровывать...

– Подождите! – Минерва жестом остановила его. – Дайте мне ответить.

Грей нахмурился, вокруг его губ залегли глубокие морщины. Почему-то это вызвало у Минервы улыбку. Очевидно, его заставила замолчать непривычная выходка прежде покладистой подруги.

– Вы хотите знать, почему все изменилось? – продолжала она. –

Потому, что вы добились этого.

– Минерва, я...

– Я еще не закончила.

Жеребец Грея нетерпеливо гарцевал на месте, словно почувствовав волнение седока. Грей послушно замолчал.

– После вашего отъезда я жила так, как советовали вы, – объяснила Минерва. – Я была счастлива, зная, что живу ради вас. Мне казалось, для вас это важно.

– Так и есть. Важнее самой жизни.

Минерва как ни в чем не бывало продолжила:

– Но со временем все изменилось. Как вам известно, я не страдаю глупостью или слабостью духа. Я привыкла жить так, как считаю нужным, и надеялась, что вы одобрите мое решение, ведь Грей Фэлконер, которого я знала раньше, намного опережал свое время. Прежде мы часто мечтали о будущем...

– Я до сих пор мечтаю о нем. Если бы ты только знала, как помогли мне эти мечты! Если бы не они, меня сейчас не было бы в живых.

Но Минерва не собиралась сдаваться: любое проявление слабости означало бы поражение. Сама мысль о том, что ей вновь придется испытывать душевные муки, ужасала ее.

Ей доставляло страдание уже само присутствие Грея.

– Все это время вы были живы. Пока я мучилась, думая, что вы погибли, вы жили. Что ж, за вас я рада. Для меня ваше возвращение означает лишь то, что какое-то время меня для вас не существовало. Не хотелось бы в это верить, но что же еще остается? Вы ведь предпочли обойтись без объяснений...

– Минерва, – Грей глубоко вздохнул, – я не понимаю, о чем ты. Дорогая, я не успел на свой корабль и потому сел на другой. Я потерпел кораблекрушение и очутился на необитаемом острове. Только потому, что мне повезло, я сумел вернуться домой.

Минерва прижала ладонь к груди.

– Впервые слышу, Грей. Не знаю, что и ответить. – Ее терзал стыд, к которому примешивалось заметное облегчение. – Я повела себя эгоистично, глупо, по-детски, но все дело в том, что я боялась. Боялась во второй раз потерять то, чего уже лишилась. Я думала, ты погиб. Не знаю, как мне удалось выжить.

– Я люблю тебя.

Минерва отвернулась.

– Я по-прежнему люблю тебя, Минерва. Если бы я смог, то давно бы

уже вернулся. Пожалуйста, поверь мне! Пойми, я остался таким же. Ни о чем я не мечтаю так, как назвать тебя своей.

– О, Грей!

– Посмотри на меня.

– Подожди, не торопи.

Минерве надо было все обдумать.

Грей взялся за поводья Агаты, обмотал их вокруг правой руки и притянул кобылу к себе. Наконец его нога коснулась бедра Минервы.

– Больше я никуда не отпущу тебя, понимаешь?

– Не отпустишь? – Минерва обернулась к Грею. – Ты сказал, что больше никуда меня не отпустишь? Но ведь это ты уехал отсюда, Грей. Когда ты не вернулся, папа сказал, что ты встретил другую. Оказалось, он всегда считал, что мы с тобой не пара. Поначалу я не верила ему. А когда твой дядя сообщил, что ты скорее всего утонул, папа извинился передо мной. Мы с родителями вместе скорбели о твоей гибели.

Грей что-то пробормотал и добавил погромче:

– Все это в прошлом. Теперь все твои мечты исполнятся. Ты станешь моей женой. Больше тебе не придется самой заботиться о себе – это моя обязанность.

Минерва неуверенно закусил губу.

– Не спеши так, Грей. Я уже не стану такой, как раньше. Придется тебе смириться.

Она попыталась высвободиться, но Грей одной рукой крепко держал поводья Агаты, а другой вдруг обнял Минерву. Жест Грея застал ее врасплох, пытаясь отстраниться, она покачнулась в седле.

– Прекрати! – воскликнула она, чувствуя, что дальнейшая борьба грозит падением. – Немедленно отпусти меня! Прежде ты избегал насилия, Грей. Что с тобой? Почему ты так изменился?

– По необходимости, – сквозь зубы процедил он. – Я боялся потерять то единственное, чем дорожу. Тебя. Ты – мое сердце. Я не могу расстаться с тобой.

– Я и не прошу. Только дай мне привыкнуть к тому, что ты вернулся. Неужели ты ожидал, что я брошусь к тебе с распростертыми объятиями и скажу, что теперь все будет как прежде?

– Именно на это я и рассчитывал.

– Напрасно. Такие решения я принимаю сама, запомни это раз и навсегда. И не надейся, что меня устраивает роль глупого, податливого существа, которое не выживет в жестоком мире без мужской защиты и поддержки.

– Но почему? У тебя появился другой? Неужели ты нашла человека, который согласился подчиниться тебе? Или его для тебя подыскали родители?

Минерва поняла, что разговор следует прекратить.

– Мне пора домой, – заявила она, стыдясь своего дрожащего голоса.

– Любимая, Минерва, судьба моя! Ты – моя чудесная судьба, мое восхитительное возмездие! Я пережил немало горестей, но они не сломили меня. А ты способна стать причиной моей гибели. С ранней юности я привык считать тебя частью своей души.

С неба вновь повалил снег.

– Я не знаю, как мне быть, – откровенно призналась Минерва. – Мысли мои путаются, мне надо подумать.

– Нам не о чем думать – кроме того, что мы любим друг друга и хотим быть вместе.

– С тех пор как мы расстались, немало воды утекло, – сухо напомнила Минерва. – Я уже не та наивная девочка, которую ты помнишь. Я – женщина со своими принципами.

– Когда мы расстались, ты была умной и упрямой девушкой. Если бы ты поглупела, я был бы разочарован. Тебе от меня не отделаться, Минерва. Отныне нас разлучит только смерть, которой ты мне, должно быть, желаешь.

Вскинув голову, Минерва уставилась на него, еле сдерживая закипающий гнев.

– Как ты посмел сказать, что я желаю тебе смерти? Для меня нет ничего тебя дороже. Пожелав тебе смерти, я обрекла бы на гибель прежде всего себя.

– Но ведь ты сама сказала...

– Да. Неужели ты ничего не понял? Разве ты не заметил, как я растерялась? Что можно объяснить в такую минуту? Когда ты исчез, а мне сказали, что ты погиб, я тоже хотела умереть. Я отчаянно призывала смерть, стремилась уйти из жизни вслед за тобой...

Грей вновь мягко обнял ее за плечи.

– А я все это время мечтал очутиться с тобой рядом.

Покрепче обмотав поводья вокруг руки, он схватился за луку седла Минервы. Снег запорошил его волосы и ресницы. На запрокинутое лицо Минервы ложились снежинки. Грей медленно потянулся к ее губам.

Минерва пыталась сохранить самообладание, остаться холодной и безучастной. Не закрывая глаз, она ждала, когда потрясенный и обиженный Грей отстранится.

Поначалу его холодные губы имели привкус ночи и растаявшего снега, а спустя какое-то время уже обжигали как раскаленные угли, и Минерва невольно смежила веки и слегка приоткрыла рот.

Разве могла она устоять перед тем, ради кого жила? Даже узнав о его смерти, она продолжала ждать и надеяться.

И сердце не обмануло Минерву.

Грей обхватил рукой шею любимой, просунул ладонь под капюшон, коснулся маленького уха. Он гладил ее затылок, касался кончиками пальцев нежного подбородка. Наконец они слились в страстном поцелуе, лаская, дразня и воспламеняя друг друга.

Запах Грея взбудоражил Минерву. Он обнимал ее с бесконечной нежностью, однако она чувствовала его власть и силу и понимала, что, не будь он джентльменом, она оказалась бы слишком уязвимой. Когда Грей запустил пальцы в ее волосы, тело Минервы налилось жаром, отяжелело и завибрировало от желания.

Внезапно язык Грея скользнул между влажных припухших губ Минервы. Она вздрогнула и открыла глаза. Грей смотрел на нее в упор. Улыбнувшись, он снова накрыл ей рот поцелуем, и на этот раз она сама обвела языком его губы, услышала, как он глухо застонал, и испытала неведомый дотоле трепет.

Грей наконец отстранился, но Минерва, задрожав и возбужденно хохотнув, вновь прильнула к нему.

Прижавшись щекой к ее лбу, Грей произнес:

– Успокойся, милая! Как я мечтал об этом! Много ночей я провел без сна, вспоминая вкус твоих губ. – Он счастливо вздохнул, обдавая ее лицо горячим дыханием. – Я даже подумывал о... но об этом ты узнаешь позже.

– Расскажи сейчас.

Грей улыбнулся:

– Ты все такая же любопытная! Нет, подожди. Сначала мы должны быть вместе.

– А разве сейчас мы не вместе?

Он засмеялся:

– Скоро ты поймешь, что я имею в виду. А теперь нам пора в путь, Минерва.

Она озадаченно замерла.

– Мы вернемся в Драмблейд, но лишь затем, чтобы взять кое-какие вещи, которые нам понадобятся в дороге.

– В дороге? – Минерва отстранилась, но Грей снова привлек ее к себе и коснулся ее губ. – Ничего не понимаю. Зачем... Ты говоришь о побеге?

– Ни в коем случае. Нам не от кого убегать. Я только хочу забрать то, что принадлежит мне по праву. И никто на свете больше не сумеет мне помешать.

– Ты имеешь в виду меня? – Сердце Минервы колотилось все быстрее. – Грей, пожалуйста, не пугай меня, я этого не вынесу! В чем дело?

– Тебе нечего бояться, любимая. Отныне и навеки мы будем вместе. Но прежде нам надо уехать отсюда. Мы поженимся, а потом, через несколько месяцев, вернемся в Драмблейд, который станет нашим домом.

Минерва взгляделась в его лицо. Может, он болен? Грей говорил торопливо, как в бреду.

– Мне пора домой.

– Ты ведь хочешь быть со мной, – настойчиво и почти сердито уверял он. – А я – с тобой.

– Это правда, и все-таки спешить не стоит. Надеюсь, ты меня понимаешь. Да, я хочу, чтобы мы были вместе. Ты приедешь в Уиллинок завтра?

– Нет. И ты туда никогда не вернешься. Слышишь – никогда!

Минерва недоуменно выпрямилась в седле.

– Грей, перестань! Ты сам не понимаешь, что говоришь. Прошу тебя, приезжай завтра, поговори с папой. Сегодня он вел себя странно, но только потому, что...

– Ни за что! Больше я никогда не стану унижаться. Ноги моей не будет под крышей этого дома, рядом с этим человеком.

– Грей!

– Мне было достаточно вновь увидеть его, выслушать жалкие уверения, заметить маску на его лице... Нет, впредь этот человек не услышит от меня ни единого слова.

Теперь Минерва была убеждена, что она ошиблась. Грей не просто повзрослел: он изменился до неузнаваемости.

– Грей, ты не в себе. Я люблю тебя, я хочу быть с тобой.

– Так и будет. Немедленно. Мы сейчас же уедем отсюда.

– Но я не могу!

Он вновь потянулся к ее губам. Минерва отклонилась.

– Мне пора, Грей. Нам нужно все как следует обдумать.

– Я никогда еще не мыслил так ясно, как в эту минуту. Побег – наш единственный шанс спастись и быть счастливыми. Ты должна раз и навсегда порвать со своими родителями. Ты станешь моей женой, а я – твоим единственным родственником.

Даже если бы Грей ударил Минерву, он не вызвал бы у нее большего

отвращения. Едва он отпустил поводья Агаты, как Минерва заставила кобылу отойти в сторону.

– Это безумие, – пробормотала она, развернулась и стала спускаться по склону холма.

– Расставшись сейчас, мы упустим свой последний шанс.

Сглотнув, Минерва посмотрела на него через плечо:

– Ты нездоров.

– Нет. Я с ума схожу от отчаяния!

– Ты просишь невозможного. Я не могу бросить своих родных на произвол судьбы. – Ожидая, что Грей последует за ней, Минерва направила Агату по обледенелой тропе в долину.

– Минерва! – крикнул ей вслед Грей. – Если ты любишь меня, сделай так, как я прошу! Поедем со мной сейчас же!

На минуту Минерва остановилась, повернулась и произнесла:

– Я люблю тебя. И всегда буду любить. – И направилась к Уиллиноку.

Грей не сдвинулся с места.

Глава 5

– Прежде всего ты обязана заботиться о своих родителях, Минерва, – втолковывала Дженет Арбакл, удивляясь, что дети столь неблагодарны. – Постой, не уходи. Сядь и выслушай нас с отцом.

– Мама, я уже давно вас слушаю, – возразила Минерва, – но не понимаю ни единого слова. Меня ждет работа.

Как обычно, Портос предпочел уклониться от разговора первостепенной важности, делая вид, что его посетило вдохновение. Он развалился в кресле в уютном розовом будуаре своей жены, пряча глаза за темными стеклами очков (однажды Портос услышал, что Перси Биши Шелли и лорд Байрон носили очки с темными стеклами, и с тех пор не расставался с ними), и нетерпеливо ждал, когда жена покончит с неприятным делом.

Но как бы там ни было, виновником случившегося следовало считать самого Портоса. Ему первому пришла в голову злополучная идея. Заварив кашу, он любезно предоставил жене право расхлебывать ее.

– Мистер Арбакл, – окликнула его Дженет, – будьте любезны, вразумите свою дочь.

Портос расхохотался, заворочался в кресле, подтянул колени к груди и вытер слезы, струящиеся по багровым щекам.

Дженет в изнеможении закатила глаза.

– Ну хорошо, Минерва, я постараюсь выразиться яснее. Ты говоришь, что не поняла ни слова. Но тебе вовсе незачем понимать то, что я говорю. Просто скажи, что ты согласна, и выполни нашу просьбу.

С преувеличенно громким вздохом Минерва опустила в кресло и закрыла глаза. Это уж слишком!

– Миссис Хэтч сказала, что Макспорраны уже едут, – продолжала Дженет Арбакл. – Они могут явиться сюда с минуты на минуту. Но прежде чем они войдут в дом, ты должна дать согласие. Мистер Арбакл, да помогите же мне!

Эта просьба вызвала у Портоса очередной взрыв веселья.

– Папа! – Минерва выпрямилась и уставилась на отца в упор. – Мама к тебе обращается.

– Ничего подобного, – возразил Портос, мгновенно посерьезнев и нахмурившись. – Она просто напоминает обо мне, чтобы придать вес своим словам. Я артист! Я не вправе тратить свое драгоценное время на

мирскую суету! Следовательно, ты немедленно должна забыть о своих нелепых изобретениях и обратить все свои недюжинные умственные способности на то, чтобы вытащить нас из долговой тюрьмы.

Дженет ахнула, не в силах поверить в черствость собственного мужа.

– Как ты можешь? Сказать об этом вслух?! Да еще в моем присутствии?! Мне дурно! Минерва, дай мне нюхательные соли!

– Ты совершенно здорова, мама. И долговая тюрьма нам не грозит. Папа просто пошутил – верно, папа? Разумеется, нам следует сократить свои расходы. Тратить деньги надо с умом. Но не будем забывать, что в последние годы папины картины приносили нам приличный доход. Каждый раз, когда он отправляется в Эдинбург или Лондон, чтобы продать свои полотна, я вспоминаю огромные суммы, проставленные на чеках, и горжусь своим отцом. По-моему, ты стал одним из самых известных и модных художников в мире, папа.

– Пожалуй, да, – отозвался Портос.

– В таком случае я не понимаю, – продолжала Минерва, – почему вы с мамой то и дело грозите всем нам разорением? Примерно с пятнадцати лет мне известно, что твой доход почти равен нашим расходам. Стоит нам слегка умерить аппетиты и отказаться от излишеств, которые вы оба называете «предметами первой необходимости», – и мы сумеем даже откладывать деньги.

– Не возьму в толк, о чем она говорит, – заявил Портос, безвольно свесив руки до самого пола. – В этом доме творец я, а не вы, мисс. Вам давно пора обратить свои таланты на пользу семьи – именно для этого Бог вам их и даровал. А про молодого Фэлконера забудьте раз и навсегда. Надеюсь, я ясно высказался?

– Арбакл! – воскликнула Дженет, подкрепив возглас незаметным пинком из-под подола своего нового светло-зеленого платья с оранжевой отделкой. Ей вдруг пришло в голову, что турнюр надо было сделать попышнее. – Арбакл, я совершенно согласна с тем, что Минерва просто обязана посвятить себя финансовым делам семьи. В последнее время она слишком часто занимается глупостями. Но должны ли мы вмешиваться в личную жизнь своей дочери?

Минерва встала и направилась к окну причудливой формы, в раму которого были вставлены разноцветные стекла. Достав из какого-то потайного кармана своего экзотического наряда маленький бинокль, она поднесла его к глазам.

– Разумеется, твой отец прав, Минерва, – продолжала Дженет. – Кстати, зачем ты носишь эти нелепые одеяния? А прическа? С

распущенными волосами ты похожа на обычную крестьянку. Что за возмутительная небрежность! И больше никаких глупостей, ясно? По крайней мере не трать на них столько времени. И еще одно... ты не должна встречаться с Греем Фэлконером. В конце концов, целых три года мы считали, что он мертв. За три года любая невеста, даже дурнушка, могла выйти замуж, дорогая. Подумай, что скажут люди, если ты примешь с распростертыми объятиями того, кто не вспоминал о тебе целых три года, а потом вдруг соблаговолил вернуться?

Минерва даже не шевельнулась. Она вдруг застыла в неподвижности, словно увидев за окном нечто чрезвычайно любопытное.

– Детка, ты ведешь себя точь-в-точь как твой бессердечный отец, – мягко упрекнула Дженет. – Ты пропускаешь мои слова мимо ушей. Вы оба живете в мире иллюзий, надеясь, что я ничего не замечу.

Портос хмыкнул и перевернулся в кресле так, что его голова оказалась на сиденье, а скрещенные ноги в черных атласных шлепанцах свесились за спинку.

– Пора поговорить серьезно, – заявила Минерва, не глядя на родителей. – Со вчерашнего дня вы несколько раз заводили разговор о том, что мы оказались в стесненных финансовых обстоятельствах. Но причины и размеры своих долгов вы предпочитаете от меня утаивать. Может, я чего-нибудь не понимаю?

Стараясь производить поменьше шума, Дженет придвинулась к Портосу, приподняла юбки и резко толкнула его коленом в плечо.

Портос вскрикнул и сел, а Дженет немедленно опустила юбки и выпрямилась. Поскольку мистер Арбакл часто вскрикивал без причины, Минерва даже не обернулась. Дженет нахмурилась. Скверная, неблагодарная девчонка соглашалась слушать своих многострадальных родителей, только когда они говорили без обиняков!

Поерзав в кресле, Дженет приблизила губы к уху мужа:

– Если она узнает, что ты натворил, то взбунтуется. Стоит нам допустить единственную ошибку – и мы погибли, Арбакл. Нас уже ничто не спасет, понимаешь?

На сей раз ее муж не засмеялся. Сняв очки, он удостоил жену внимательного взгляда и кивнул.

– Вот и хорошо. Напрасно ты решился на эту опасную затею, – шепотом добавила его жена.

– Еще совсем недавно ты называла эту «опасную затею» удачной. В конце концов, вчера мы убедились, что ему никто не причинил вреда. И я что-то не припомню, чтобы деньги в нашем доме были лишними.

Жена прижала палец к его губам, прошепав:

– Тише, Арбакл! Минерве незачем знать об этом!

Он согласно кивнул.

– Мы же договорились держать ее в неведении, пока не осуществится наш замысел. Так помоги мне.

– Но как?

– Боже мой! От мужчин не дождешься помощи!

– Тебе же самой не терпелось... ты понимаешь, о чем я. Наши желания совпадали.

– Зато ты собирался найти способ продолжить... сам знаешь что, пока не понял, в чем состоит выгода. Даже с такой простой задачей ты едва справился!

Портос прищурился:

– А ты, дорогая? Каковы твои планы?

– Видишь ли... – начала Дженет, придвигаясь еще ближе, – одно время я думала, что наши планы осуществимы. Но поскольку я благоразумная женщина, то способна изменить свое мнение в мгновение ока. – Она щелкнула пальцами и испуганно скосила глаза в сторону Минервы. Дочь даже не шелохнулась.

– В мгновение ока? – с расстановкой повторил Портос. – Так или иначе, мы висим на волоске. Она, – он кивнул в сторону Минервы, – должна подчиниться нам, или все пропало.

– Об этом я уже говорила, – раздраженно напомнила его жена. – Кстати, вчера ты повел себя глупо, Арбакл. Ты просто ее не понимаешь. Если мы будем настаивать, она из упрямства поступит наоборот.

Портос улыбнулся, надвигая на лоб свой приплюснутый берет.

– Кому знать об этом, как не мне? Зачем, по-твоему, я сделал вид, будто не узнал его и даже не попытался изобразить радость?

У Дженет не нашлось слов.

– Вот видишь! – многозначительно подытожил Портос, подняв толстый короткий палец. – Удивлена? Похоже, нашу дочь я знаю лучше, чем ты. Скорее всего она выгнала его потому, что решила: он повесничал, пока мы считали его мертвым. Черт побери, умных женщин попросту не существует!

– А разве мы не хотели, чтобы она ему отказала?

– Ни в коем случае, дорогая, – пока он не выложит за руку нашей дочери кругленькую сумму.

И почему она сама об этом не подумала?

– Арбакл, ты кладезь мудрости! Ну конечно! Идеальный выход! Мы

заставим его возместить наши убытки, понесенные из-за... ты сам знаешь, из-за чего.

Портос хмыкнул и хлопнул жену по спине так сильно, что она закашлялась.

– Наконец-то ты сообразила, что к чему, мое сокровище! Удачная мысль, верно? В конце концов, именно он виноват в том, что мы очутились на грани разорения.

– Значит, – шепотом заключила Дженет, – надо отговаривать ее от дальнейших встреч с Греем. А если она в пику нам будет встречаться с ним, мы выдвинем свои требования.

Портос покачал головой и возразил, касаясь длинным носом щеки жены:

– Нет, не так! Все будет совсем иначе, моя безмозглая драгоценность! Мы и в самом деле будем вставлять ей палки в колеса, тем самым распаляя в ней дух противоречия. А когда Минерва бросит нам вызов, мы назначим цену. Он охотно заплатит. Минерва из упрямства останется с нами, и мы возместим все свои потери! – Портос коротко и сухо рассмеялся.

Он был совершенно прав. При этом они ничего не теряют. Дженет сразу поняла: ей не придется отказываться от привычной роскоши.

Отдаленный рокот голосов в холле заставил Дженет опомниться и покачать головой.

– Энгус и Друсилла! – воскликнула она. – И надо же им было явиться именно сегодня!

– Они навещают нас ежедневно, – напомнила Минерва, не покидая своего наблюдательного пункта у окна. – С какой стати они должны были отменить визит?

Дженет и Портос многозначительно переглянулись, не зная, в какой момент Минерва стала прислушиваться к разговору.

– Мы говорили шепотом, – напомнила Дженет супругу, тот кивнул.

– Какой мерзкий ветер дует нынче с торфяных болот! – заявил Энгус Макспорран, вваливаясь в будуар. – В наши дни нельзя быть уверенным даже в том, к чему мы давно привыкли. Это преступление, вот что я вам скажу. Верно, Друсилла? Вопиющее преступление!

– Минерва, – произнесла Дженет, сразу сообразив, что неразумную дочь давно пора выслать из комнаты, – кажется, ты собиралась продолжить свои опыты...

– Ни в коем случае! – загремел Энгус, устремив на Дженет красноречивый взгляд. – Брамби будет убит горем, если ему придется уехать, не повидав вашей дочери только потому, что она опять занята... Не

знаю, чем там она занимается. Брамби скоро придет. Он распрягает лошадей. Мы не доверяем свой экипаж чужим слугам.

Одетый в килт, с кожаной сумкой, обшитой мехом, с многочисленными оборками на воротнике и манжетах рубашки, выпущенных из рукавов зеленого бархатного жакета, Энгус прошелся по комнате и остановился рядом с Минервой. Рослый, сутулый, роскошная шапка непокорных седых волос на голове – он невольно приковывал к себе взгляд. Те, кто не был знаком с Энгусом, принимали его за настоящего владельца Модлин-Мэнора, где Макспорраны устраивали пышные приемы.

Молчаливая, чопорная Друсилла, губы которой были вечно поджаты, привычно окинула Дженет пренебрежительным взглядом и опустила в кресло, где недавно сидела Минерва. Друсилла одевалась во все черное. На свой вопрос по этому поводу Дженет получила лаконичный ответ: «Есть вещи, о которых не принято говорить». С тех пор мисс Арбакл ни словом не упоминала о странном вкусе соседки.

– Макспорран, мы попали впросак, – громогласно сообщил Портос. – Надеюсь, вы уже наслышаны. Щекотливое положение. – Не обращая внимания на укоризненные взгляды Дженет, он продолжал: – Придется быть начеку. Но если сделать верный ход, победа останется за нами.

– Довольно и того, что нас ждет испытание, – отозвался Энгус Макспорран. – Впрочем, вызов придает мне силы – верно, Друсилла?

Его жена коротко хмыкнула.

Макспорран начал вышагивать по комнате, по привычке заложив руки за спину. Поддавая подол килта узловатыми коленями, он шагал старательно, словно протаптывал дорожку на розовато-серебристых коврах Дженет.

Хозяйка перевела взгляд на Друсиллу и подняла бровь.

Та вскинула заостренный носик, испещренный сетью тонких лиловых жилок. Дженет считала, что эти жилки – признак тайного пристрастия к спиртному.

– Он хочет сказать, что ему нравится распоряжаться нашим состоянием, – сипловатым голосом пояснила Друсилла. – Он прекрасно справляется с этой работой – верно, Энгус?

Обе супружеские пары уже давно договорились не называть вещи своими именами, а в данном случае иносказание было более чем уместно. Дженет заинтересованно закивала, Энгус промолчал.

– Если ты уверен, что сумеешь выкрутиться, Энгус, нам не о чем говорить, – заключил Портос, засучивая широкие рукава халата. – Наверное, ты заранее продумал все до мелочей, а если еще не успел,

значит, продумаешь. К сожалению, мне придется вас покинуть: с минуты на минуту явится натурщица. Нельзя заставлять гения ждать.

Энгус осклабился, в упор уставившись на Портоса. Подобные ухмылки гостя коробили Дженет.

– Кто это гений? – осведомился он. – Может, натурщица – потому что умеет раздеваться? Или потому что прячет под одеждой нечто ценное? Точнее, не прячет, а выставляет напоказ?

Дженет поморщилась. В обществе мещан, не сведущих в тонкостях искусства, она предпочла бы не вспоминать о том, что ее муж пишет обнаженную натуру.

– Я имел в виду собственный гений, – объяснил Портос. – Сегодня утром меня посетило редкостное вдохновение. Такой случай упускать нельзя.

Кустистые брови Энгуса Макспоррана сошлись на переносице.

– Ты прав, упускать его было бы непростительно. Пожалуй, я сам зайду в мастерскую – убедиться, что никто не мешает полету творческой мысли. Непременно зайду.

– Энгус! – одернула мужа Друсилла. – Нам грозит катастрофа, а ты тратишь время на скабрзную болтовню!

Макспорран недовольно оглянулся на жену, прогнал с лица похотливую ухмылку и фыркнул в усы.

– Кстати, о катастрофе. Ты еще не слышал, Портос?

– Нет, – поспешно отозвалась Дженет. Удивительно, но Макспорраны ведь только что дали понять – им известно, в какой опасности оказались все четверо. Нет, это уж слишком! – Вы еще ничего нам не говорили.

– Тогда я буду краток, чтобы нас ненароком не услышал Брамби. Случилось самое страшное. Невообразимое.

– Мы знаем, – с раздражением перебила Дженет, забыв о правилах приличия. Она открыла было рот, чтобы добавить, что уже видела Грея Фэлконера собственными глазами, но вовремя вспомнила о присутствии Минервы.

– Знаете? – Энгус вмиг замер. – Откуда, Дженет? Мы сами узнали об этом только сегодня утром.

– Это случилось еще вчера, когда...

– Придержи язык, – резко оборвал ее Портос, утратив артистическую томность. Вскочив, он подошел к Энгусу и остановился, глядя на него в упор. – В чем дело?

– Мы пропали, – сообщил Энгус. – Все мы погибли.

Дженет тоже поднялась, знаками напоминая Энгусу об осторожности.

– Придется все вернуть. И немедленно. Иначе возникнут ненужные вопросы. – Энгус ничего не замечал, погруженный в тревожные мысли. – Погибло дело всей нашей жизни! И все по вине какого-то ничтожества!

– Какого? – не удержавшись, спросила Дженет.

– Того самого, – коротко отозвался Энгус, в карих глазах которого на миг отразилось безумие, – человека, который не должен был здесь появиться.

От ужаса у Дженет подкосились ноги. Энгусу давно следовало замолчать.

– Из-за него нам придется потерять все, что было заработано нелегким трудом, но это еще не самое страшное.

Портос побледнел и замолчал, мигом забыв о том, что весь их разговор слышит Минерва.

– Объясни немедленно! – потребовал он. – Пока мы не извелись от беспокойства.

Друсилла вдруг со стоном вздохнула, откинулась на спинку кресла, раскрыла черный веер и принялась в изнеможении обмахиваться им.

– Какое ужасное испытание уготовила нам судьба!

– Энгус, Друсилла! – взмолилась Дженет. – Объясните же, в чем дело?

– Мы арендаторы, – объявил Энгус, разводя длинными руками и поднимая взор к небу. – Жалкие приживалы из Модлин-Мэнора. Мы заботились о нашем чудесном поместье пятнадцать лет, надеясь когда-нибудь унаследовать его, и вот теперь эта неблагодарная тварь сдала его в аренду!

– В аренду! – эхом повторила Друсилла. – А нам приказано играть роль прислуги в собственном доме!

– Да, – заключил Энгус, – в своем доме. Теперь мы слуги.

Разве ей чуждо великодушие? Над этим вопросом Минерва ломала голову, не сводя глаз с далекой рябиновой рощицы. Она всегда считала себя весьма великодушной, однако теперь ей показалось вполне справедливым, что Энгусу и Друсилле Макспорран пришлось признать: Модлин-Мэнор принадлежит отнюдь не им. Минерва сочувствовала только несчастному, безобидному и ни в чем не повинному Брамби, безропотно терпевшему напыщенность и попреки родителей. Впрочем, ему давно пора начать жить своим умом и доказать, что он уже взрослый мужчина.

Вчера ночью, вернувшись домой, Минерва первым делом разыскала бинокль и устремила взгляд вдаль, туда, где навсегда осталось ее сердце. Именно там, на вершине холма, она познала блаженство и разочарование. С

какой стати Грей потребовал, чтобы она покинула родителей и дом? Любовь и собственнические чувства несовместимы. Грей волен быть добрым, мягким, заботливым, но деспотичным?!

– Кто же теперь поселится в поместье? – спросила мать Минервы каким-то не своим голосом. Минерва знала, что ее отец дружит с Энгусом с самого детства, но мама недолголюбивает Макспорранов. Непонятно, какие узы связывают эти две супружеские пары.

– Один ужасный человек, – ответила Друсилла. – Мистер Арбакл, вас не затруднит приказать, чтобы нам подали чего-нибудь... прохладительного? Мои нервы на пределе...

– Кто этот ужасный человек? – допытывался мистер Арбакл. Вовремя обернувшись, Минерва увидела, как он достал из кармана ключ от буфета. За запасами спиртного мистер Арбакл предпочитал следить сам. Дженет считала, что муж слишком много пьет, но Портос уверял, что пропускает лишь стаканчик-другой лишь по особому случаю.

– Расскажи им про мистера Клака, Энгус, – попросила Друсилла. – Про мистера Олафа Клака. У него такой невероятный акцент, что мы понимаем только, когда он гонит нас прочь. Мало того, даже в доме он не снимает тяжелого серого плаща и обращается к нам не оборачиваясь!

– Лучше объясни все сама, – предложил Энгус.

– У него черные волнистые волосы ниже плеч. Странная и, по-моему, неприличная прическа для мужчины. Длинными ногтями он постоянно постукивает по серебряному набалдашнику трости из слоновой кости. Клак носит туфли на высоких каблуках и с золотыми пряжками. И бриджи – представляете себе, бриджи! – из белого атласа. Словом, выглядит как придворный французского короля, только ему недостает лоска и воспитания. В высшей степени загадочный человек! Но поскольку на самом деле он англичанин, в его грубости и невоспитанности я не вижу ничего странного!

– Друсилла хочет сказать...

– А еще он ест круглые сутки. И говорит, что ждет приезда какого-то друга. Нам остается лишь теряться в догадках! – Друсилла повела вздернутым носом. – Если так будет продолжаться и впредь, я уеду отсюда, честное слово! Не желаю быть свидетельницей оргий!

– Уезжай, если хочешь, – заявил Энгус, шевеля густыми бровями. – А я готов пожертвовать собой и остаться.

– Дженет! – многозначительно произнес мистер Арбакл. – Уведи Друсиллу к себе, пусть приляжет. И прикажи миссис Хэтч принести ей

бренди. Побудьте вдвоем. Постарайся утешить подругу.

Минерва едва сдержала улыбку, представив себе выражение лица матери. Но Дженет не стала возражать. Приказания супруга, высказанные многозначительным тоном, она исполняла беспрекословно.

Как только за женщинами закрылась дверь, мистер Арбакл обернулся к Минерве и заявил, словно только что заметил ее:

– Сегодня ты выглядишь великолепно, дорогая. Как называется этот... туалет?

Стремясь побороть смятение и душевную опустошенность, Минерва с утра нарядилась в один из своих шифоновых ансамблей и вместе с Фергюсом и Айоной отправилась в библиотеку. Но едва они приступили к работе над новым проектом, как Минерву срочно вызвали к себе родители.

– Вот этот? – Минерва подняла руки. Широкие рукава упали ей на плечи. Чтобы продемонстрировать юбку с разрезом, она сделала несколько гигантских шагов. – Модель в стиле «свободное движение» – идеальный наряд для деятельной современной женщины.

– Деятельной современной женщины-профессионала? – хором переспросили мистер Арбакл и мистер Макспорран.

– Именно, – довольно подтвердила Минерва. – Для женщины, способной самостоятельно зарабатывать себе на хлеб и не нуждающейся в мужской опеке.

Минерва решила, что ей нечего терять и не к чему стремиться. Ее жизнь кончена, значит, можно позволить себе прослыть эксцентричной особой. По крайней мере эксцентричность – некое подобие индивидуальности. Размышляя об этом, Минерва опустилась в розовое кресло, гордо расправила плечи и закинула ноги на подлокотники, демонстрируя ошарашенным мужчинам фасон юбки-брюк.

Сей непристойный жест дался ей не без труда. Овладев собой, Минерва широко раскинула руки:

– Видите?

Дверь распахнулась, и по будуару проковыляла миссис Хэтч, хромая еще сильнее, чем вчера вечером.

– Еще один гость, – проворчала она, пропуская вперед вышеупомянутого гостя. – Опять мистер Грей Фэлконер.

Глава 6

После долгих размышлений Грей наконец пришел к выводу, что мистер Арбакл вряд ли нападет на него в собственном доме. Ясно ведь, что заплатить за убийство врага на расстоянии тысячи миль от родины мог только трус. И потом, расправиться с противником чужими руками – одно дело, а затевать драку в своем доме – совсем другое. Но Грей все же решил быть начеку.

В причастности Арбакла к похищению Грей ничуть не сомневался. Стараясь не задерживаться взглядом на хозяине дома, гость двинулся к единственному человеку, ради которого явился в Уиллинок и переступил ненавистный порог. Если бы не Минерва, Грей отравил бы Портоса, ибо он вправе отомстить за пребывание на далеком острове, постоянную угрозу смерти и целых три года разлуки с Минервой.

Конечно, об убийстве мистера Арбакла не могло быть и речи, но Грей не собирался прощать ему тех трех лет, которые к тому же грозили погубить его будущее. Арбакл должен поплатиться за предательство самым ценным, что у него есть, – своей дочерью!

Минерва – удивительное существо. Сумасбродное, но прекрасное. Грею хотелось схватить ее в объятия и унести прочь из родительского дома.

Однако следовало рассчитывать каждый шаг, иначе он мог лишиться Минервы навсегда, а это равносильно смерти.

Сегодня Минерва распустила свои блестящие каштановые волосы и нарядилась в очередное шифоновое нечто, на этот раз в голубых, серых и лиловых тонах. Странное, невероятное одеяние! Прищурившись, Грей вперился в него взглядом. Из чего сшит туалет Минервы? Неужели из множества шелковых шарфов?

Минерва восседала в кресле в совершенно неприличной позе, закинув ноги на подлокотники.

А ее юбка оказалась вовсе не юбкой. Как и вчера, ее заменяли мешковатые брюки – широченные внизу и узкие в талии. Белья Грей не разглядел. По крайней мере он точно знал, что нижней юбки на Минерве нет. И действительно, разве можно надеть нижнюю юбку под брюки?

Неужели под слоем полупрозрачного шелка на ней ничего нет?!

– Он? Быть не может!

Грей перевел взгляд на остоленевшего Энгуса Макспоррана. Очевидно, тот решил, что перед ним призрак.

– Добрый день, мистер Макспорран, – учтиво произнес Грей, не скрывая удовольствия при виде ужаса, мелькнувшего в глазах собеседника. – Да, это действительно он. Точнее – я, Грей Фэлконер.

– Минерва, сядь как следует, – бесстрастно проговорил Арбакл. – Не забывай о приличиях.

Но дочь пропустила отцовские слова мимо ушей. Застыв с широко раскинутыми руками и ногами, она уставилась на Грея. Он окинул ее внимательным взглядом. Здесь и вправду было на что посмотреть.

Если на Минерве нет корсета, значит, нет и нижней кофточки. Грей устремил взгляд на груди любимой – два восхитительных налитых полушария, – не преминув заметить, как соски приподнимают возмутительно прозрачную ткань.

Хорошо, что на свете существуют прозрачные материи!

Наконец Минерва скрестила руки на груди.

Грей воззрился ей в лицо. Минерва ответила ему взглядом в упор.

Поерзав, она опустила ноги и уселась как подобает даме.

Арбакл водрузил на нос очки с темными стеклами и тоже скрестил руки на груди. Спустя мгновение, словно погрузившись в размышления, он принялся постукивать по полу ногой.

– Доброе утро, Минерва, – заговорил Грей. – Доброе утро, джентльмены. На редкость удачное утро.

– Холод собачий, – с чудовищным шотландским акцентом отозвался Макспорран. – Впервые вижу, чтобы снег выпадал так рано.

Грей подошел к окну и остановился рядом с Макспорраном.

– Рад вновь видеть вас, Макспорран. Как поживают ваша супруга и Брамби?

Макспорран состроил свирепую гримасу.

– Второго такого юноши, как Брамби, в целом свете не найти. Его не понять тем, кому следовало бы благодарить небеса за малую толику ума, которым наделен мой сын. Если бы не известные обстоятельства, он блистал бы на подмостках Эдинбурга.

– Ах, Эдинбурга! – проговорил Грей.

– Да, самого Эдинбурга. За время вашего долгого и неожиданного отсутствия эдинбургский театр изменился к лучшему.

– Я должен убедиться в этом собственными глазами, – заявил Грей. – Вы давно были в театре? Что вы порекомендовали бы посмотреть?

Макспорран нахмурился, невнятно замычал и наконец изрек:

– У меня нет времени на такие глупости.

Минерва подтянула колени к груди и попыталась откинуть волосы за

спину. Заметив, что ей это не удалось, Грей улыбнулся.

Поймав его взгляд и улыбку, Минерва порозовела.

– Когда вы намерены вновь покинуть нас, Фэлконер? – весьма неучтиво осведомился Арбакл.

– Покинуть вас? – Грей надул щеки и шумно выпустил воздух. – Покинуть вас? О, понимаю! Я так и думал, что вы заговорите о моих планах и желаниях прежде, чем я сам разберусь в них. В конце концов, кому, как не вам, обладателю поразительной интуиции, знать, какие грандиозные планы я строю на будущее?

– Мне?! – У Арбакла вмиг запотели очки.

– Разумеется! Ведь именно вам мои планы принесут пользу в первую очередь.

– Мне?

– Да-да, вам. – Грей подошел к любимой и накрыл ладонью ее руку. – Разве Минерва еще не упоминала о своем предложении?

Ее синие глаза стали огромными.

– Не может быть! Мне известно, что у членов семейства Арбакл нет секретов друг от друга. Ну, что скажете, мистер Арбакл?

– Да, что ты скажешь, Портос? – подхватил Макспорран.

Грей поставил Минерву на ноги и повернул ее лицом к себе и спиной к отцу и его другу. Брови девушки взлетели до самого пробора, затем опустились, глаза прищурились, а губы сложились в немой вопрос: «В чем дело?»

– Мистер Арбакл! – напомнил о своем вопросе Грей.

– Не знаю, что и сказать... Видите ли, я...

– Вы чем-то недовольны? – Грей умело изобразил разочарование. – А я думал, что вы встретите меня с восторгом! Ведь каждый отец желает своим детям счастья и благополучия. И поскольку у вас всего одно чадо, а именно наша драгоценная Минерва, можно предположить, что вы в любом поступке исходите из интересов дочери.

– Естественно, – поспешно кивнул Арбакл.

– Стало быть, вы согласны?

– Само собой.

Склонив голову набок, Минерва заглянула в глаза Грею, всем своим видом давая понять: она не имеет ни малейшего представления, о чем идет речь.

Риск был огромен, но Грей решил воспользоваться шансом.

– Благодарю вас, сэр! Я знал, что вы дальновидный человек. Да, Минерва, ты была права: твой отец на редкость дальновиден и

предусмотрителен. Итак, можно приступать.

Нахмурившись, Минерва попыталась высвободиться. Раскусив замысел Грея, она насторожилась: такая двойственность жениха была ей в новинку.

– Подождите! – спохватился Арбакл. – Не будем забывать о самом важном. Поговорим с глазу на глаз, как подобает мужчинам.

– Непременно, – согласился Грей, опасаясь, что заветная цель начинает ускользать.

– Кстати, а как быть с финансовой стороной? Какую бы неприязнь я ни питал к столь низменным материям, между нами не должно быть неясностей...

От облегчения Грей заулыбался во весь рот:

– Ах да, финансы! – Как он и предполагал, коварный старикан решил, что речь идет о браке, и не упустил случая проявить свою вторую пылкую любовь – к деньгам. Очевидно, ему не терпелось сорвать солидный куш, не выдавая Минерву замуж.

Потерев рука об руку, Арбакл осведомился:

– Вы уже обсуждали этот вопрос со своим дядюшкой?

– Дядя предпочитает не вмешиваться в мои дела. – По правде говоря, Грей предполагал, что бедняга Кэдзоу будет ошеломлен, но не станет препятствовать племяннику. – Я хотел бы обосноваться на третьем этаже, сэр. Занять кабинет, где я очутился бы, так сказать, в центре событий.

У Минервы рот приоткрылся от изумления.

– Я обдумал твое предложение и решил, что отказываться от него просто нелепо, – сообщил Грей Минерве, а ее отцу объяснил: – Поскольку теперь мы с Минервой стали деловыми партнерами, а я в состоянии предоставить как рекомендации, так и оборотный капитал, мне придется часто бывать в Уиллиноке и по необходимости подолгу жить здесь.

По комнате прошелестел легкий ветерок изумленных возгласов.

Грей тотчас поднял руку:

– Нет-нет, не надо меня благодарить! Я делаю это ради прекрасной половины человечества и ради будущего. Для счастья этого достаточно.

Неожиданные смешливые морщинки в уголках глаз Минервы придали Грею уверенности. Хитроумный план сработал! А любимая невольно способствовала этому, хотя Грей боялся яростного сопротивления с ее стороны.

– Минерва, может быть, скажем твоему отцу, как мы решили назвать свое предприятие?

С трудом сдерживая смех, она отозвалась:

– Разумеется. Не следует держать его в неведении.
– Ты права, – откликнулся Грей, лихорадочно соображая. – Итак, позвольте представить вам... «Фантастические фасоны Фэлконера»!

С лица Минервы мигом слетела улыбка.

– Нет, «Аристократический выбор Арбакла».

– «Выбор Арбакла»? – растерянно повторил Арбакл.

Поклонившись, Грей заключил:

– Как вам будет угодно, сэр.

Глава 7

Эльдора Мейквелл старательно расставляла капканы для Кэдзоу вовсе не с тем, чтобы выйти замуж за самого бедного мужчину семейства Фэлконер.

В свои тридцать пять Эльдора, по ее собственным словам, пребывала в расцвете женственности и красоты. Кэдзоу воспылал к ней желанием с тех самых пор, как они познакомились в Эдинбурге, на одном из приемов для незаурядных людей с исключительными вкусами. Поначалу Кэдзоу вел себя робко, даже застенчиво, ссылаясь на свою набожность. Лицемер! Он преследовал ее, обольщал, трубил о намерениях окружить ее заботой и любовью.

Выждав время, Эльдора приняла его предложение. Ради Кэдзи она пожертвовала всем. Сказать по правде, она пребывала в стесненных обстоятельствах после ссоры с одним женатым джентльменом, который отказал ей в содержании, узнав о некоей совершенно невинной проказе. И вправду, почему бы энергичной, полной сил, цветущей женщине время от времени не побаловать себя? Впрочем, все неприятности уже позади. Эльдоре удалось урвать жирный кусок.

Сидя перед зеркалом в своей спальне, она выбрала серьги с жемчугом и рубинами и такое же ожерелье. Эти и множество других украшений Кэдзоу успел подарить ей за год знакомства.

Пухлые купидоны на потолке прекрасной комнаты в светло-голубых, розовых и лавандовых тонах поддерживали искусно переплетенные золотистые ленты, стенные панели были расписаны вычурными цветами. Заполняла спальню французская мебель. Эльдора восхищалась вкусом и мастерством французов: чего стоили одни только бронзовые или позолоченные ножки, эмали, мозаика и лаковая роспись по дереву! Как требовали правила приличия, покои Кэдзоу располагались довольно далеко от спальни Эльдоры. Слуги усердно изображали почтение, но Эльдора прекрасно знала: они питают к ней зависть и ненависть. Будь у слуг возможность подпортить ее репутацию в Бэллифогге, где Эльдора собиралась стать самой влиятельной персоной, они охотно сделали бы это. Поэтому Эльдора и Кэдзоу старательно поддерживали видимость респектабельности, которая только доступна людям, живущим под одной крышей.

– Это уж слишком, – произнесла Эльдора, заморгала, плотно сжала

веки и приблизила лицо к зеркалу, проверяя, естественными ли получились слезы. Со слезами на глазах она выглядела непреодолимо обольстительной. Даже Кэдзоу, человек, не сведущий в искусстве комплиментов, однажды заметил, что у нее золотистые глаза. – Да, слишком, – повторила Эльдора, с надрывом повышая голос. Она вполне могла бы стать знаменитой актрисой.

Нынешняя роль требовала от нее уговорить Кэдзоу согласиться на ее условия.

– Кэдзи, я настаиваю, – проговорила она.

Жаль, что Макс Россмара уехал в Керколди к своим родным. Эльдора застегнула на шее замочек длинного ожерелья. Такого мужчину, как мистер Россмара, не забудет ни одна женщина. Эльдора задумчиво коснулась кончиками пальцев собственной груди, обнаженной низким вырезом ночной рубашки и пеньюара. Зеленоглазые мужчины вообще неотразимы, а уж прекрасно сложенные зеленоглазые красавцы, умеющие ценить женскую красоту!..

Но Макс уехал домой, а Грей – в Уиллинок.

Комнаты Кэдзоу находились этажом ниже. Из его гардеробной в спальню Эльдоры вела потайная лестница. Обычно Кэдзи ждал, когда все в доме утихнет, и только потом поднимался к Эльдоре, но сегодня она позвала его к себе сразу после отъезда Грея.

Она попросту отдала приказ, а он выслушал его, глядя на нее щенячьими глазами, преданный как раб. Будь он бульдогом, у него из пасти потекли бы слюни. Иногда Эльдора и вправду замечала слюну в уголках его рта.

Эльдору передернуло. Кэдзи вовсе не был красавцем, как Грей или молодой Россмара, однако оказался достаточно искушенным мужчиной, в особенности для праведника. Он был весьма опытен в том, что называл шалостями маленькими. Оглядев себя в зеркало, она опустила уголки губ. Пожалуй, пришло время найти себе увлечение. Да, именно увлечение. Не просто опытного, а и весьма изобретательного поклонника.

Услышав глухой стук в гардеробной, Эльдора вздрогнула, сердце ее неприятно забилося. Сегодняшнему свиданию она придавала особую важность. Проявив безоговорочную покорность, она взамен надеялась обеспечить себе безбедное будущее.

Эльдора с удовольствием отметила, что в комнате царит привлекательная, интимная атмосфера. Камин затопили вовремя, и теперь в нем бушевало пламя, распространяя тепло.

Ковер в гардеробной прикрывал крышку потайного люка. Эльдора

отодвинула ковер в сторону, подняла крышку и убежала в спальню прежде, чем Кэдзи успел увидеть ее.

Обогнув кровать с четырьмя столбиками, Эльдора спряталась за прозрачными персиковыми занавесями. Услышав шаги поклонника, она выглянула и произнесла:

– Я плакала, Кэдзи.

– Что? – Он наполнил большой бокал мадерой из хрустального графина и жадно отхлебнул.

– Говорю, я плакала. Я боялась, что мой Кэдзи не придет, что Эльдора наскучила ему...

Кэдзоу облизнул губы, сделал еще глоток и вытер рот рукавом.

Он уже успел снять галстук, жилет и сюртук, а рубашку расстегнул. Эльдора старалась не смотреть на его выпирающий живот, перетянутый поясом. Но взгляд чуть ниже пояса вновь доставил Эльдоре удовлетворение.

– По-моему, от меня тебе нужно только одно, Кэдзи. – Эти слова были произнесены с интонацией опытной актрисы. Драматической актрисы. Эльдора держала у лица персиковую занавеску и старательно делала скорбные глаза. – Тебе нравится только мое тело, верно?

Согнувшись пополам и опершись рукой о колено, Кэдзи тяжело отдувался: подъем по крутой узкой лестнице дался ему нелегко, к тому же бокал он осушил слишком быстро.

– Я бы так не сказал, дорогая, – задыхаясь, произнес он. – Впрочем, я всегда говорил: твою грудь не оценил бы только слепец. Подойди сюда, я покажу тебе, как высоко ценю ее.

Эльдора хихикнула. Иногда Кэдзи становился слишком грубым. Какая удача, что ее возбуждают плоские шуточки!

– Не подойду, пока не скажешь, что любишь меня и не докажешь это, не прикасаясь ко мне, несносный сластолюбец!

Кэдзи шагнул к постели, оперся ладонью о матрас и устался на Эльдору, не замечая, что пролил мадеру.

– Ты особенно нравишься мне в белом, – заметил он, жадно разглядывая ее белый пеньюар простого, но элегантного покроя. – В девственно-белом. Любопытная мысль... Давно у меня таких не бывало.

Эльдора хотела было надуться, но передумала.

– Ты хочешь девственницу, Кэдзи?

Причмокнув мокрыми синеватыми губами, он нахмурился, словно погрузившись в раздумья.

– Скажем так, – наконец заговорил он, – если бы представился случай,

я бы его не упустил. Я охотно внес бы свой вклад в дело просвещения женщин.

– Животное! – в притворном негодовании воскликнула Эльдора. – Мне следовало бы выставить тебя!

– А как же наши маленькие шалости, дорогая? Неужели ты откажешься от них?

Эльдора уже давно свыклась с мыслью, что ей не отучить Кэдзи называть происходящее между ними маленькими шалостями. Пора было переходить к делу. Охваченный вожделением, Кэдзи терял способность рассуждать здраво.

– Кэдзи, нам надо поговорить.

– Потом.

– Нет, сейчас, Кэдзи.

– Я же сказал: разговоры потом, Эльдора. Или ты забыла, чей это дом? Кто платит за твои роскошные наряды и украшения? Кому ты принадлежишь?

Эльдора вспыхнула:

– Я принадлежу только самой себе. Если хочешь, я уйду отсюда.

– Отлично. Можешь идти. Не стану удерживать тебя.

Его равнодушный тон испугал Эльдору, слезы сами хлынули из глаз.

– Не люблю, когда ты плачешь, дорогая. Давай покончим с этими глупостями и немного пошалим.

Как обычно, в спальне Кэдзи выражался без обиняков. Эльдора подавила вздох. Ладно, она готова пошалить, но совсем не так, как хочется ему. Он предпочитал, чтобы Эльдора лежала неподвижно. Иногда это продолжалось слишком долго, порой Кэдзи становился ненасытным. В такие минуты он расточал Эльдоре грубоватые ласки, которые она обожала, а затем требовал от нее помощи, чтобы завершить начатое.

Но сегодня все будет по-другому.

– А у тебя когда-нибудь была девственница, Кэдзи?

Кэдзоу, который в эту минуту снимал рубашку, замер и нахмурился.

– Само собой.

– Юная, прелестная девственница в белом? Которая, несмотря на страх, мечтала только об одном: подарить тебе наслаждение? Она была изобретательна и неистощима на выдумки?

– Довольно, Эльдора. Раздевайся.

– Сейчас, – покорно отозвалась она и выскользнула из пеньюара. Под прозрачной рубашкой отчетливо вырисовывалась полная грудь. – Только позволь немного развлечь тебя, дорогой. Чтобы ты пустил сок.

Почесав в промежности, Кэдзи сообщил:

– Я и так весь истекаю соком. Его давно пора направить по верному руслу.

Но Эльдора не торопилась.

– Сядь сюда, Кэдзи. В кресло.

– Еще чего!

– Я сказала: сядь. Ты не пожалеешь.

На мгновение Эльдоре показалось, что Кэдзи бросится на нее и повалит на постель. В возбужденном состоянии он часто применял силу. Но на сей раз он недовольно заворчал и сел в кресло подле.

– Тогда поторопись, Эльдора. Мы оба уже слишком стары для таких глупостей.

– Говори только за себя, – обиделась она, намереваясь показать, что Эльдора Мейквелл еще достаточно молода.

Гнев придал ей смелости.

– Расстегни брюки. Я хочу видеть мерило моего успеха.

– Что? Просто расстегнуть брюки? Но разве можно...

– Я хочу видеть тебя, дорогой. Хочу следить за тем, как продвигается дело, чтобы не переборщить с маленькими шалостями. Доверься мне. Ты ни на секунду не пожалеешь о сегодняшнем вечере.

Кэдзи положил ногу на ногу.

Эльдора встала на постели на четвереньки.

– Ну будь умницей, расстегни панталоны. Покажи, что ты там прячешь.

Слегка порозовев, Кэдзи решительно замотал головой.

Происходящее стало забавлять Эльдору.

– Ты должен слушаться меня. Будешь выполнять мои просьбы?

– Смотря какие, – отозвался Кэдзи голосом капризного ребенка.

– А если я пообещаю тебе блаженство, какого ты еще никогда не испытывал? Если сделаю то, о чем ты даже не мечтал? Тогда ты согласишься подчиниться моему запрету?

– Какому?

– Не прикасаться ко мне, пока я не попрошу.

Кэдзи в упор уставился на ее грудь:

– Суровый запрет. Особенно когда передо мной твои прелести.

– Так ты согласен, Кэдзи?

Слегка улыбнувшись, он пожал плечами:

– Согласен. Только поскорее переходи к делу.

– Торопишься? Прекрасно. Расстегни панталоны.

– Ни в коем... ну ладно. – Он выполнил ее просьбу, расстегнув панталоны. Всем видом он доказывал, что не нуждается в приготовлениях к маленьким шалостям.

Повернувшись спиной к нему, Эльдора спустила с плеч бретельки ночной рубашки. Рубашка упала до бедер.

– О, детка! – простонал Кэдзоу. – Не заставляй меня ждать!

Эльдора вновь повернулась к нему лицом, позаботившись о том, чтобы Кэдзи не видел ее тела ниже живота. Его взору предстали белые холмы груди, приподнятых корсетом, едва прикрывавшим соски.

– О-о! – простонал Кэдзоу. – Никогда не видел ничего подобного!

Он привстал, но Эльдора напомнила:

– Ты же обещал не двигаться! Я хочу, чтобы шевелилось только вот это. – Она кивнула на низ живота Кэдзоу. – Пусть постоит.

– Ах ты, плутовка! – пробормотал Кэдзи с усмешкой. Дотянувшись до бокала, он посмотрел на Эльдору поверх его края. – В душе ты прирожденная блудница. Впрочем... – Он не договорил и многозначительно улыбнулся.

Эльдора решила, что Кэдзи поплатится не только за это замечание, но и за скабрёзный намек. Но прежде следовало кое-что предпринять.

– Я хочу выйти замуж, – заявила Эльдора, ложась на спину и запрокидывая голову. Согнув ноги в коленях, она медленно развела их в стороны. – Больше я не желаю ждать.

– Не сейчас. – Даже лежа вниз головой, Эльдора видела, как покраснели щеки Кэдзи и нахмурился его лоб. Его фаллос восстал и побагровел. Вцепившись в подлокотники кресла, Кэдзи заерзал. – Потом поговорим.

Стараясь выиграть время, Эльдора придвигалась все ближе к краю постели. Она медленно расшнуровала корсет, развязала ленты, расстегнула крючки и наконец развела полы корсета в стороны. Как всегда, в первый миг ее поразила тяжесть собственной груди, зато милейшему Кэдзи предстало незабываемое зрелище. Подхватив грудь ладонями, Эльдора уставилась на беднягу, уверенная, что он уже места себе не находит от возбуждения.

– Эльдора! – Вскочив, Кэдзи шагнул к ней.

Но Эльдора поймала его прежде, чем он успел прикоснуться, – поймала за самую выпирающую часть тела. Кэдзи взвыл, а Эльдора довольно рассмеялась.

– Как не стыдно! – воскликнула она. – Скверный мальчишка! Стой смиренно, иначе лишишься своей гордости.

Все попытки Кэдзи высвободиться оказались тщетными. Чем настойчивее он вырывался, тем крепче Эльдора сжимала пальцы.

Звуки тяжелого, возбужденного дыхания наполнили комнату. Неожиданно Эльдора убрала руку и оттолкнула Кэдзоу.

– Сядь на место, – приказала она в притворном гневе и перекатилась на живот, попутно сбросив сбившуюся рубашку. Когда она вновь встала на четвереньки, то была совершенно обнажена. – Ты же обещал! А теперь пообещаешь еще кое-что...

Под пристальным взглядом Кэдзи, который судорожно облизывал пересохшие губы, Эльдора просунула пальцы между ног и коснулась влажных складок, своей жаждущей наслаждения плоти. Затем откинувшись назад и опершись на свободную руку, Эльдора отдалась своим ощущениям, чувствуя, что Кэдзи наблюдает за ней не сводя глаз.

Едва успела утихнуть волна наслаждения, как Эльдора передвинулась на постели и запрокинула голову, встряхивая грудью и гордо демонстрируя свою наготу.

Кэдзоу буквально выскочил из панталон. Он метнулся к постели, но Эльдора оказалась проворнее: она со смехом спрыгнула на пол с противоположной стороны кровати, дразня Кэдзи.

Впрочем, спастись ей не удалось. Со звериным рычанием и поразительной ловкостью Кэдзи обежал кровать, предугадав следующее движение Эльдоры, сделал резкий выпад и схватил ее, а затем грубо повалил на постель.

– Так нечестно! – воскликнула Эльдора, разразившись звонким смехом. Увидев, что Кэдзи совсем рядом, она не упустила случая снова схватить его за самое уязвимое место. Одно движение – и пульсирующее орудие оказалось у нее во рту.

Кэдзи снова взвыл, схватился за ее грудь и застонал. Волна возбуждения обожгла Эльдору. Воспламененный Кэдзоу рухнул на колени меж ее раскинутых ног.

Некоторое время он старательно работал языком и губами, а затем замер. Эльдора начала извиваться, и он задвигался вместе с ней.

Вот он, долгожданный момент! Кэдзи не терпелось войти в нее. Эльдора помогла ему приподняться, и сама легла на подушки, но скрестила ноги, преграждая путь к заветной цели.

– В чем дело? – с досадой спросил он. – Впусти меня, будь умницей.

– Я и так умница, – заявила Эльдора. – Я хорошая девочка и потому хочу получить награду.

Рывком раздвинув ее ноги, он упал на нее.

Ловко просунув руку, Эльдора ущипнула его за фаллос и заулыбалась, услышав возмущенный вопль:

– Ах ты, чертовка! Ты за это заплатишься!

– И это говорит набожный человек! – упрекнула она, покачав головой и хватая его покрепче. Она так сильно сжала пальцы, что Кэдзи не мог высвободиться, не причинив себе мучительной боли. – Сначала выслушай меня, а потом будем наслаждаться. Я доставлю тебе неслыханное удовольствие.

– Мне больно, – прошипел Кэдзи сквозь зубы. – За это я убью тебя.

– Сомневаюсь. Тебе понадобятся силы для других дел.

– Черт бы тебя побрал, Эльдора!

– Женись на мне.

– Я же обещал. Всему свое время.

Эльдора сжала пальцы чуть сильнее.

– Время уже пришло.

– Эльдора!

– Тебе нужны наследники. Сын, который унаследует твое дело и состояние.

– Наследники? Какие еще наследники, черт побери? Зачем? В этом доме уже есть хозяин. Теперь все принадлежит Грею. Мне достанутся лишь жалкие крохи, ну да ладно.

– Ты и вправду получишь крохи, если будешь сидеть сложа руки, – подтвердила Эльдора, направляя оружие Кэдзи в себя. – Этого слишком мало. Нельзя же довольствоваться милостыней!

– Эльдора, какое блаженство! Пожалуй, я даже не стану наказывать тебя за проказы...

Он погрузился глубже и замер, закрыв глаза от наслаждения. Но Эльдора не собиралась останавливаться на достигнутом. Пришло время пустить в ход поразительный дар убеждения, которым она обладала.

Пламя страсти тем временем все разгоралось, на коже Кэдзи выступил пот.

– Грей был мертв, – напомнила Эльдора. – По крайней мере мы считали его мертвым.

Кэдзоу приоткрыл один глаз.

– Нас ввели в заблуждение.

– Если он умрет, все достанется тебе.

– Двигай бедрами!

Эльдора повиновалась.

– Нам достаточно всего лишь повернуть время вспять. Вернуться в

прошлое, когда Грей был мертв. Но на сей раз он не должен воскреснуть и помешать нам.

Кэдзоу приподнялся и нанес еще один удар.

– Ты спятила... Это ожерелье тебе подарил я?

– Ты же знаешь, я ношу только твои подарки.

– Отлично. Давай-ка посмотрим, на что еще оно годится...

– Нет, Кэдзи! Сосредоточься.

– Уже сосредоточился, – пробормотал Кэдзоу, снимая с нее ожерелье.

Он лег рядом с Эльдорой и стал по одному просовывать рубины и жемчужины в ее влажное лоно.

– Воображением наделена не только ты. – Он сухо рассмеялся, продолжая работать обеими руками.

Эльдора извивалась и пыталась вырваться. Даруемые любовником ощущения доводили ее до безумия. Кэдзоу редко проявлял фантазию, но любые выдумки доставляли ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Чудесно! – простонала Эльдора, задыхаясь. – Ты заслуживаешь самого лучшего, дорогой. Ты должен получить все, что сумел сберечь за эти годы. Ты управлял имением, преумножал состояние Фэлконеров. Оно должно достаться тебе одному.

– Хватит об этом, – отрезал Кэдзоу, проталкивая внутрь последнюю жемчужину. – Оставим его там или вытащим наружу?

Собравшись с силами, Эльдора на миг замерла и напонила:

– Грей уехал к Арбаклам.

– Об этом потом. Не стоит тратить времени на разговоры.

– Нам надо все продумать, пока он не вернулся. Чем скорее мы перейдем к действиям, тем лучше.

– Но сначала немного позабавимся. – Кэдзоу сунул палец между влажными складками, и Эльдора ахнула. – Пожалуй, ожерелье пора извлечь.

– Кэдзоу, ты обещал мне все состояние. Уверял, что оно станет принадлежать тебе и мне, твердил, что твой племянник мертв. Значит, так тому и быть. Помоги мне, и он исчезнет. А люди решат, что он не вынес пережитых испытаний и покончил с собой.

Неутомимые руки между тем развели в стороны ее согнутые в коленях ноги.

– Перестань! – Эльдора задыхалась. – Прекрати сейчас же! Отпусти меня! Я знаю, что надо делать. Река – вот что нам поможет. Мы утопим Грея и скажем, что его часто тянуло к воде потому, что однажды он уже чуть не утонул. Видимо, он считал, что должен когда-нибудь очутиться на

дне.

– Нет. – Кэдзоу прижался губами к ее промежности и сделал резкий вдох.

Эльдора взвизгнула от наслаждения и почувствовала, как бусины ожерелья одна за другой покидают ее атласный грот.

– Кэдзоу, не надо!.. Да, Кэдзи, да!

Замерев, он усмехнулся:

– Нравится, правда? Вот и хорошо. Вижу, ты уже устала, моя грудастая прелестница. Но я не позволю тебе уснуть, пока не закончу.

– Мы могли бы написать предсмертную записку от имени Грея, – в отчаянии предложила Эльдора. – Прошу тебя, Кэдзи, помоги мне, сделай это ради нас! Тогда мы получим все. Целое состояние станет нашим!

– Грей мой племянник. Сын моего брата. Я несу ответственность за него. Забудем все, что ты тут наговорила раз и навсегда.

– Но...

– Замолчи. Ты получишь все, чего заслуживаешь, ясно?

– В таком случае...

– Так ты поняла меня или нет? – Он усердно заработал ртом, вытаскивая жемчужины и рубины зубами.

– Все, чего я заслуживаю? – С каждым вынутым камнем Эльдора вздрагивала. – Все, Кэдзоу?

Он кивнул, вытаскивая еще одну бусину, вторую, третью...

– Кэдзи, я больше не могу!

Жемчужины и рубины выскакивали наружу. Это продолжалось бесконечно, руки и ноги Эльдоры дрожали, она с трудом сдерживала крик.

Наконец Кэдзоу улегся на бок и провел влажным ожерельем по животу и груди Эльдоры.

– Отдохни немного, мое сокровище. Самое лучшее я приберег напоследок.

Эльдора попыталась возразить, но передумала.

– Значит, ты не согласен?

– И никогда не соглашусь, – отрезал Кэдзи, наваливаясь на нее, чтобы одарить «самым лучшим». Закрыв глаза, он задвигался в размеренном ритме.

Ладно, подумала Эльдора, закидывая руки за голову, придется действовать в одиночку. Потом Кэдзи наверняка поблагодарит ее. А за помощью можно обратиться к другому человеку, который наверняка согласится стать ее сообщником, как только она объяснит, что выбора у него просто нет.

Глава 8

– Шутки кончены, Грей, – объявила Минерва, услышав, как за спиной ее отца захлопнулась дверь. – Ты поступил слишком жестоко. Выставил моего отца на посмешище.

– Дорогая, я не шутил, – возразил Грей, подхватив рукой волосы Минервы и зарываясь в них лицом. – Я затеял серьезную игру.

– Ты сделал вид, будто просишь моей руки. – Лицо Минервы покраснелось. – Ты разыграл папу!

Напряжение нарастало.

– Я уже сделал тебе предложение, – напомнил Грей. – Или ты забыла? Я повторил его несколько раз.

Минерва высвободила волосы, но Грей поднес к губам ее руку.

– Ты выдвинул свои условия, Грей.

– А как же иначе? Ни одна солидная сделка не обходится без условий.

Грей легонько касался губами ее пальцев, целовал каждый кончик, каждый сустав, нежно дул на ладонь.

Минерва вздрогнула.

– Мы просто созданы друг для друга, – уверял Грей. – И должны быть вместе.

Минерва не стала напоминать о возмутительном условии, которое Грей выдвинул вчера вечером.

– Не понимаю, почему папа согласился на такое нелепое предложение. – А еще она не понимала, почему ее отец проводил их с Греем в бывшую библиотеку.

– Тебе вовсе незачем это понимать. – На лице Грея появилось какое-то загадочное выражение. – Деловые отношения – привилегия мужчин. Твоему отцу что-то понадобилось от меня, и он решил добиться своего любой ценой. Не забивай себе голову подобной чепухой. Оставь ее тем, кто разбирается в этом лучше.

Минерва решила, что Грей умышленно дразнит ее.

– Ты намеренно пытаешься досадить мне, и не без успеха. Но ты не увидишь, как я злюсь, – такого удовольствия я тебе не доставлю. Как ты посмел явиться сюда после того, что наговорил вчера вечером?

Грей нахмурился. Его взбалмошная невеста грозила разрушить тщательно продуманный план.

– Так вот, я требую, чтобы ты немедленно покинул наш дом...

В этот момент до них донесся лязг металла, она обернулась.

– Извини, Минерва, – произнес Фергюс из дальнего угла комнаты, где он только что опрокинул ведро. – Я убираю улики...

Разгорячившись, Минерва совсем забыла про Айону и Фергюса.

– Какие еще улики? – удивилась она.

– Свидетельства твоего поражения, – довольно объяснил Фергюс. – Ты совсем забыла про них.

– Где ты пропадала, Минерва? – вступила в разговор Айона. В слишком просторном шерстяном сиреневом платье с пышными юбками (еще одном наряде из сундуков миссис Арбакл) Айона выглядела особенно хрупкой. Цвет платья никак не сочетался с ее рыжими волосами и бледной веснушчатой кожей. Айона выжидательно подняла бровь.

Близнецы отличались неистребимым любопытством. Минерва знала, что они не отстанут от нее, пока не узнают, зачем родители позвали ее в будуар миссис Арбакл в такой ранний час.

– Мама и папа просто хотели поговорить со мной.

Близнецы разочарованно переглянулись.

Минерва решила взять инициативу в свои руки:

– Грей явился, чтобы...

– Доброе утро, – перебил Грей, обращаясь к близнецам. – Простите, если я помешал. То, что я увидел вчера, было достойно восхищения. Вот я и решил посмотреть, чем вы намерены заняться сегодня.

– Доброе утро, Грей, – жизнерадостно откликнулся Фергюс. – Очень рады видеть тебя. Правда, сегодня мы не собирались возиться с грязеупорным...

– Что бы я делала без тебя, Фергюс! – съязвила Минерва.

– Это практичный...

– Грей не интересуется подобными вещами, Айона, – перебила Минерва, потеряв терпение.

– Кстати, Грей, ты не знаешь, чем можно заменить парусину? – осведомился неугомонный Фергюс. – По-моему, опыта тебе не занимать...

– Пожалуй, я мог бы кое-что подсказать. Надо лишь посоветоваться со своими помощниками. Мы не только выращиваем сырье, но и перерабатываем его.

Еле сдерживаясь, чтобы не взорваться от ярости, Минерва замолчала. Еще недавно она считала, что в трудную минуту вправе рассчитывать на поддержку своих самых давних и преданных друзей – кузенов-близнецов. Но не тут-то было! В час испытаний Айона и Фергюс подвели ее. Фергюс вел себя так, словно был закадычным другом Грея, а Айона всячески

поддерживала брата.

Сегодня Минерва планировала продолжить работу над грязеупорным подолом. Парусину следовало заменить другой непромокаемой тканью – естественно, не прибегая к помощи Грея Фэлконера. А пока Минерва собиралась испытать свое очередное изобретение – практичные подтяжки. Но в присутствии Грея об этом не могло быть и речи. Минерва слишком хорошо помнила вчерашний разговор и возмутительное требование Грея навсегда порвать с родителями.

И вот теперь он как ни в чем не бывало торчит в библиотеке, прислонившись к книжному шкафу, скрестив руки на груди и наблюдая, как Айона возится с пробной моделью практичных подтяжек. Как ни странно, присутствие зрителя не смущало Айону.

– Тяжелые, – заметила она, шурша юбками.

– Может, поставим ее на платформу? – спросил Фергюс. – Правда, я не подумал, что сегодня она нам понадобится. – Он притворился, будто внимательно изучает чертежи Минервы.

– Нет, – коротко отозвалась Минерва. – Ты забыл, что мы не одни?

– Ты имеешь в виду Грея? – Фергюс умело изобразил удивление. – Прости, Минерва, но дядя Арбакл сказал, что теперь Грей наш деловой партнер...

Стало быть, близнецы подслушали, что сказал отец перед уходом. Увидев невинные глаза близнецов, Минерва так и вскипела от негодования:

– На этот раз папа поспешил с выводом. Он, видимо, забыл: то, чем мы занимаемся, – мои, как они с мамой привыкли выражаться, глупости, и мне не нужен партнер.

– Ладно тебе, Минерва, – перебил Грей, понимающе улыбнувшись, – признай, что тебя перехитрили. Ты ведь не возражала, услышав, что я намерен стать твоим партнером. И в присутствии родителей согласилась заключить со мной сделку. Так стоит ли теперь сердиться?

Минерва не стала увиливать от ответа.

– Ты застал меня врасплох, – объяснила она, понизив голос. – Мне и в голову не пришло, что это не шутка.

– Я был абсолютно серьезен, Минерва.

Откинув полы своего черного сюртука, Грей решительно сунул руки в карманы. В глаза мисс Арбакл бросился темный жилет, плотно облегающий его широкую грудь и плоский живот. За четыре года Грей Фэлконер заметно возмужал и окреп.

Оба в упор разглядывали друг друга, пока не ощутили неловкость. Наконец Минерва сказала:

– Вчера я вела себя глупо. Меня захватили воспоминания о прежних чувствах. С женщинами такое случается. В конце концов, все мы дорожим памятью о былых временах, которые почему-то считаем особенными.

Грей слегка расставил ноги и выпрямился. Он то и дело поглядывал на дверь и в сторону балкона.

– А ты полагаешь, что время, которое мы провели вместе, было ничем не примечательным?

Минерва отвела взгляд, и только.

– Минерва, я к тебе обращаюсь. Ты утверждаешь, что вчерашний вечер был самым заурядным? А как же наш поцелуй?

У нее перехватило дыхание. Казалось, Грей намеренно пытается разбередить старые раны. Но Минерва не поддавалась искушению.

– Зачем ты просил меня порвать с родными? – Она напряглась, ожидая, что Грей выразит недовольство, услышав вместо ответа очередной вопрос.

Фэлконера тем временем отвлек треск, донесшийся откуда-то сверху. На балкон падала тень, и Грей, подбоченившись, устремил взгляд туда.

– Нервничаешь, – с удивлением заметила Минерва. – Ждешь засады?

Грей тотчас схватил ее за предплечье. Через тонкий шифон его пальцы впились в кожу.

Вскрикнув от боли, Минерва попыталась вырваться.

– Почему ты спрашиваешь? – Он притянул ее ближе. – Отвечай!

Большинство женщин было бы напугано подобной выходкой, но Минервой овладели совсем иные чувства.

– Ты изменился, – заявила она, вскинув голову. – Грей Фэлконер, которого я знала прежде, ни за что не причинил бы мне боли.

Переведя взгляд на руку любимой, он поспешно разжал пальцы.

– Прости. В последнее время мне приходится все время быть начеку. Но пойми: именно за меня ты обещала выйти замуж. Следовательно, я вправе рассчитывать на твою поддержку и понимание. Безоговорочное понимание.

– Вот как? Такого способен требовать только мужчина. Безоговорочное понимание! А по-моему, тебе все равно, понимаю я тебя или нет. Ты хочешь лишь одного – чтобы я тебе подчинилась. Чисто мужское желание! Женщине полагается исполнять приказы мужчин не задумываясь. – Минерва сделала паузу, вздохнула и продолжила: – Грей, будь я глупой двадцатилетней девчонкой, я подчинилась бы тебе, не споря. Но мне уже двадцать пять. Я взрослая, и самостоятельная женщина.

Грей пристально всмотрелся в ее лицо.

– Ты ничуть не изменилась, – приглушенным, ровным тоном произнес

он. – Ты все та же Минерва, с которой я расстался четыре года назад. Та самая, которая обещала дожидаться меня.

– Я сдержала обещание. – Она почувствовала, как на глаза ее навернулись слезы. – Но ты не вернулся в назначенный срок.

– Как тебе известно, я навестил тебя сразу же, едва очутился на родине. – Губы Грея сжались в тонкую прямую линию. – Неужели ты думаешь, что разлука с тобой далась мне легко? В таком случае ты меня совсем не знаешь.

Значит, он требовал все забыть, простить и согласиться на новые условия! Минерва решила положить конец этому разговору.

– Фергюс! – Минерва попятилась, не скрывая раздражения. – Фергюс, приступим к работе. Айона, дорогая, забирайся на платформу. Только будь осторожна: юбка слишком тяжела и громоздка. Ничего, скоро мы сами начнем шить себе удобную одежду. Вот заработаем немного денег и купим ткань.

– У нас уже есть деньги, – напомнил ей Грей.

На миг смежив веки, Минерва продолжила:

– Поднимайся, Айона. Так, теперь займемся подтяжками. Ты помнишь, как они действуют?

– Кажется, да, – отозвалась Айона.

– Ни черта она не помнит, – усмехнулся Фергюс. – У нее куриные мозги.

– Фергюс! – возмутилась Айона, поджимая губы, чтобы не улыбнуться.

– Это гораздо проще, чем управляться с бальным платьем, – заверила Минерва. – Наша цель – приспособить мое изобретение для бальных туалетов. Да-да, именно для них.

– Подожди, ты еще увидишь этот шедевр, Грей, – воодушевленно воскликнул Фергюс. – Это потрясающе!

– Благодарю, Фергюс, – откликнулась Минерва. – Начнем с восхождения вверх по лестнице. Вперед, Айона!

Просунув пальцы под искусно задрапированный шалевый воротник (сооруженный из старого покрывала специально для испытаний), Айона сосредоточенно нахмурилась, зашевелила губами, ведя счет, и старательно подергала какую-то тесемку.

Прошелестев, словно открывающийся занавес, нижний волан платья приподнялся спереди на несколько дюймов.

– Подтяжка сработала! – радостно воскликнула Айона. – Теперь я могу подняться по лестнице, не глядя себе под ноги. И не просто подняться, а

взлететь вверх по самым крутым ступеням!

Аплодисменты единственного зрителя сначала вызвали у Минервы ликование, а затем холодное раздражение. Грей, по всей видимости, забавлялся, считая ее изобретение бесполезной чепухой!

– Спасибо, Грей, – изрекла она. – У нас большие планы, но, чтобы осуществить их, предстоит напряженная работа.

– Зато теперь вся конструкция на виду, – спохватился Фергюс. – Что будем делать?

Минерва внимательно посмотрела на подол. Подтяжки были прикреплены к крепкой тесьме, вставленной в петли, пристроенные к лифу и юбке. Едва Айона привела механизм в действие, как воротник сбился, открыв взглядам тесьму.

– Потребуется лишь незначительные изменения, – заметила Минерва. – А теперь садись, Айона.

– Молодец, хорошая собачка, – пробормотал сзади Грей тихо, но довольно отчетливо. Минерва пропустила его слова мимо ушей.

Фергюс тем временем водрузил на платформу небольшой позолоченный стул с прямой спинкой. Айона вновь сосредоточилась и вот заднее полотнище ее юбки с шелестом поднялось. Торжествуя глядя на Минерву, Айона осторожно присела на краешек стула.

– Замечательно! Юбку приподнимать не пришлось! Минерва, ты умница!

Грей вновь зааплодировал.

Минерва коротко поклонилась, не сводя глаз с послушной ассистентки.

– Смотри, у нее от напряжения побелели пальцы, – заметил Фергюс, нахмурившись и подходя поближе. – Но это еще не все. Не знаю, как ты к этому относишься, но лично я бы не рискнул...

– Фергюс, перестань ходить вокруг да около, – решительно прервала его Минерва. – Ты хочешь знать, прилично ли даме на балу показывать ноги до самых колен? А заодно и панталоны? Ни в коем случае!

Айона ойкнула, вздрогнула и отпустила тесемку. Юбка с громким шелестом опустилась. Кузина прижала ладони к груди.

– Минерва, это замечательное изобретение! – Искося взглянув на Грею, она снова просунула руку под большой воротник. – Честное слово! Напрасно ты беспокоишься. Ты такая умница! Смотри, подтяжки действуют исправно!

И к негодованию Минервы, ее благоразумная кузина принялась дергать подтяжки во все стороны. Сиреневые шерстяные воланы

зашевелились и задвигались самым неподобающим образом, то приподнимаясь выше колен, то свисая сзади до самого пола или собираясь в складки, словно венецианские шторы. Последнее действие имело весьма практичную цель – применять его следовало при посещении дамской комнаты.

Минерва напряглась: если Грей посмеет рассмеяться...

Однако он молчал. Впрочем, похвал от нее он все равно не дождется.

– Спасибо, кухня. – Минерва дружески улыбнулась, подавив желание броситься вон из комнаты. – Ты права, подтяжки действуют безукоризненно. Но ты, должно быть, устала. Ладно, на сегодня хватит.

– Ты и вправду считаешь, что мы добились прогресса? – взволнованно спросила Айона, прибегнув к помощи брата, чтобы спуститься с платформы.

– Это просто чудо! – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул Грей. – Какое хитроумное приспособление!

– Как ты уже слышал, – отозвалась Минерва, – это экспериментальный образец. Ему еще предстоит претерпеть множество изменений.

– Вот как? Но юбка поднимается и опускается так... оригинально!

Минерва медленно обернулась.

– Пойду переоденусь, – сообщила Айона, проскакивая между Минервой и Греем и успевая удрученно покачать головой при взгляде на кухню.

– Ты полагаешь, я напрасно сержусь, – произнесла Минерва, обращаясь к кухне. – Ты не выносишь ссор. Но Грей не заслуживает твоей поддержки и прекрасно знает это – правда, Грей?

Вытаращив глаза в притворном недоумении, Грей спросил:

– Чем я тебя обидел?

И тут в комнату вошел Брамби Макспорран, как всегда, что-то насвистывая сквозь зубы. Брамби вечно посвистывал – этот приятный, мелодичный звук несколько заглушал неумолчную болтовню его родителей.

– Привет, Брамби! – обрадовался Фергюс. – Где ты пропадал? Мы ждали тебя и вчера, и позавчера...

– Ездил в Эдинбург, – объяснил Брамби, недружелюбно взглянув на Грея. – По одному... весьма деликатному делу.

– Выкладывай! – распорядился Фергюс. – Как ее зовут?

Кивнув Брамби, Айона поспешила к себе, чтобы избавиться от громоздкого наряда.

– Мне нечего ответить, Фергюс. – Брамби устремил взгляд умных

карих глаз на Минерву. – Для меня существует лишь одна-единственная женщина в мире, и она живет отнюдь не в Эдинбурге. Тебе это известно.

Брамби унаследовал от своего отца неплохое телосложение и некоторую флегматичность. Говорил он с расстановкой, словно запинаясь, и никакими силами его невозможно было заставить поспешить. Кроме того, он редко проявлял хоть какое-то подобие эмоций.

Однако сегодня Брамби изрек последнее замечание несвойственным ему резковатым тоном. Обычно бесстрастное выражение лица изменилось, глаза вдруг засверкали, пухлые губы сжались. Минерва уже не в первый раз замечала, что Брамби производит впечатление совершенно взрослого мужчины, которому впору обзавестись семьей. Однажды она имела неосторожность высказаться об этом вслух. В ответ Брамби излил ей душу, признавшись, что мечтает только о ней. Каким-то чудом Минерве удалось убедить его, что она до сих пор любит другого. Уточнять имя было незачем, и вот теперь, когда Грей вернулся, Брамби, продолжавший лелеять надежду на взаимность Минервы, впервые продемонстрировал, что он способен на жгучую ненависть.

– Добрый день, Брамби, – учтиво поздоровался Грей, несмотря на явную враждебность давнего знакомого. – Как продвигается твоя сценическая карьера?

Брамби густо покраснел. Его отношение к Грею неприятно удивило Минерву.

– Мне не суждено посвятить себя любимому делу, – сообщил он не своим голосом. – Долг превыше всего. На меня возложено немало обязанностей. Впрочем, о том, что такое долг и честь, знают лишь те, кому чуждо себялюбие.

– Великолепно! – восхитился Фэлконер. Глаза Брамби были холодны, но их мрачный блеск мерк по сравнению с пугающим блеском глаз самого Грея. – Значит, именно долг препятствует твоей карьере?

Брамби драматическим жестом откинул спутанные темные кудри со лба.

– А что ты скажешь, узнав, что я увлекся фехтованием? Как тебе это понравится?

Минерва затаила дыхание. Еще до злополучной поездки в Вест-Индию Грей прославился в качестве искусного фехтовальщика на всю Шотландию.

После недолгих размышлений Грей ответил:

– Могу только поздравить тебя с удачным выбором изысканного увлечения. Фехтование развивает умение сосредоточиться и силу воли. Занимаясь им, человек обретает душевный покой.

– И возможность продемонстрировать силу, – подхватил Брамби. Его лицо как-то странно покраснелось. – По правде говоря, мне удалось многому научиться. Со шпагой в руке я чувствую себя настоящим мужчиной.

Минерва заметила, как беспокойно заерзал на месте Фергюс. Ее собственное сердце ускорило ритм. Если Брамби умышленно поддразнивал Грея, то он поступал слишком опрометчиво.

– Ты непременно должен побывать в поместье, – продолжал Брамби. – У нас появился новый чистокровный жеребец, какого ты еще не видел. Отец купил его для меня.

Опустив глаза, Минерва с тревогой ждала ответа Грея.

– Непременно заеду, – коротко отозвался тот. – Минерва, сегодня я пообещал Кэдзоу привезти тебя в гости в Драмблейд. Дяде не терпится возобновить знакомство с тобой и твоими родными.

– Разве ты забыла, что я раньше пригласил тебя в гости, Минерва? – поспешно спросил Брамби. – Наверное, родители уже сообщили тебе, что к нам приехал старый друг семьи, наш дальний родственник. Я буду рад познакомить тебя с ним. Он не прочь пожить в деревне, но изводится от скуки. А ты, дорогая, непременно найдешь способ развлечь его – конечно, если согласишься сделать нам одолжение.

Минерва впервые оказалась объектом ссоры двух мужчин. Мало этого, каждый из них был дорог ей по-своему.

Грей принялся с преувеличенным интересом рассматривать обширную коллекцию дедушкиных книг.

Насколько поняла Минерва, он предоставил ей полное право самой решать, как предотвратить назревающий скандал между поклонниками. Да еще это упоминание Брамби о несуществующих родственных узлах между его родителями и новым обитателем Модлин-Мэнора! Минерва была явно раздражена.

– Ну и ну! – воскликнул Фергюс. – Похоже, сегодня на тебя большой спрос, Минерва. Того и гляди вспыхнет дуэль. Предупреждаю: если кому-нибудь из вас понадобится секундант, я в этом ни черта не смыслю.

Ужаснувшись, Минерва потихоньку придвинулась к Фергюсу и толкнула его в бок:

– Фергюс Драммонд, такими вещами не шутят! Ты забыл, что дуэли запрещены законом?

– Минерва, не вмешивайся в мужские разговоры. У мужчин есть свои, не предусмотренные законом способы улаживать недоразумения. Так всегда было и будет.

– Мужские разговоры? И это говоришь ты – помощник свободной женщины, посвятившей жизнь освобождению себе подобных от мужского гнета? Сколько можно твердить, что только унижительные законы, выдуманные мужчинами, мешают нам занять свое законное место в обществе? Только мужчины могли изобрести дьявольские способы усложнить нам жизнь – такие, как неудобная одежда! Жалкими, беспомощными, безмозглыми женщин сделали сами мужчины! – Минерва сделала глубокий вздох, намереваясь продолжить тираду.

Но Фергюс прервал ее.

– Извини, Минерва, – произнес он, правдоподобно изображая раскаяние.

– Что касается меня, я всегда был согласен с тобой, Минерва, – поспешил заверить Брамби. – Ты ни в чем не уступаешь мужчинам.

Минерва охотно смиростивилась бы, если бы не заметила, что Грей вовсе не собирается извиняться.

– Скажи лучше, – произнес он, – долго ли еще мне тебя ждать? Я привел сюда нового жеребца, которого недавно купил Кэдзоу. Славный малый, смирный как овечка – в самый раз для тебя.

– Потому что я не умею держаться в седле? – вспыхнула Минерва.

– Горбатого могила исправит, – поморщился Брамби, с ненавистью глядя на Грея. – Мама с папой будут рады, если ты нанесешь нам визит и познакомишься с мистером Клаком.

– Я вовсе не говорил, что ты плохо едешь верхом, – невозмутимо заметил Грей. – Ты не так поняла меня, дорогая. Я прежде всего забочусь о тебе. Мне известно, что ты опытная наездница. Но что плохого в том, что я предложил тебе смирное, покладистое животное?

– Нечего обращаться со мной как с неженкой! – возмутилась Минерва.

– Если хочешь, поезжай на моем новом жеребце, – предложил Брамби. – Ты, конечно же, сумеешь его укротить.

– На той громадной зверюге с бешеными глазами, что я видел во дворе? – уточнил Грей и, дождавшись, когда Брамби кивнет, заявил: – Минерву я к нему и близко не подпущу! Похоже, Брамби, ты привел его сюда для форсу. Жеребец из рук вон плохо выезжен.

– Времена, когда ты мог указывать Минерве, давно в прошлом. – Брамби сделал шаг к Грею. – Ты лишился права решать, как ей поступать, когда исчез на четыре года.

Они говорили так, словно забыли о Минерве.

– Успокойся, Макспорран, – отозвался Грей, старательно сдерживая гнев. – Что это на тебя нашло? Давай лучше расстанемся друзьями.

– Да, давай расстанемся, – подхватил Брамби и указал на дверь, давая Грею понять, что ему давно пора. – Надеюсь, больше мы здесь не встретимся.

Минерва чуть не застонала от досады.

– Вряд ли. – Несмотря на учтивый тон, в лицо Грею было страшно смотреть. – Мы с Минервой заключили деловую сделку. Теперь мы партнеры по «Выбору аристократического Арбакла».

– По «Аристократическому выбору Арбакла», – машинально поправила Минерва.

– Вот именно, – согласился Грей, не глядя на нее. – Поэтому мне придется часто и подолгу бывать здесь.

– Черта с два! – вскипел Брамби, ударяя сжатым кулаком по левой ладони. Он принялся лихорадочно рыться в карманах, очевидно, что-то потеряв.

– В чем дело? – спросила Минерва. – Что ты ищешь?

– Перчатку. Никак не могу найти...

– Зачем тебе понадобилась перчатка, Брамби? – спросил Фергюс.

Минерва была близка к обмороку.

– Чтобы вызвать соперника на поединок. Для этого надо бросить ему перчатку, верно?

– Ни в коем случае! – вмешалась Минерва. – Об этом и думать забудь. По-моему, вам обоим пора домой.

– Сомневаюсь, что Брамби согласится нанести мне визит, – усмехнулся Грей.

Брамби обошел вокруг противника.

– Минерва, пусть этот надменный ублюдок убирается отсюда.

– Придержи язык, Брамби! – хором воскликнули Грей и Фергюс.

Минерва сочувствовала Брамби: несмотря на все достоинства, ему недоставало лоска и житейского опыта Грея.

– Я с удовольствием побываю в Модлин-Мэноре, – обратилась она к Брамби, быстро подойдя к нему и взяв за руку. – Но боюсь, сегодня не получится. Я очень занята. – Последние слова она произнесла с нажимом, давая Грею понять, что не считает его партнером.

– Поедем прямо сейчас, – настаивал Брамби с видом капризного ребенка. – Я же говорил: Клак изнывает от скуки, мне нужна твоя помощь.

– А Минерва объяснила, что сегодня ей не до визитов, – отозвался Грей. – Так почему бы тебе не обратиться и не оставить нас в покое?

Брамби возобновил судорожный обыск собственных карманов.

– Грей! – тихо сказала Минерва. – Прошу тебя, не зли Брамби.

Видишь, он сам не свой.

– Это верно, – подтвердил Грей, даже не попытавшись понизить голос. – Раньше он был благоразумным малым и знал свое место. Он помнил, что ты принадлежишь и всегда будешь принадлежать только мне. Не понимаю, что на него нашло.

– Брамби! – Минерва поспешно встала между мужчинами. – Я боюсь за тебя. Вы оба мне надоели. Прошу тебя, Брамби, возвращайся домой. Мне не терпится посмотреть нового жеребца. И познакомиться с мистером Клаком. Судя по всему, он незаурядный человек.

– Что за Клак? – грубо осведомился Грей. – С каких это пор ты интересуешься нахлебниками? Недурной способ увеличить свои расходы!

Брамби даже отшатнулся от неожиданности. При виде его оскорбленного лица у Минервы сжалось сердце.

– Я уезжаю, – бросил он. – Я не в силах провести ни минуты рядом с этим человеком. Завтра я за тобой заеду. Хорошо?

Разве Минерва могла отказаться?

– Спасибо, заезжай. Скажем, в десять.

– Ладно, в десять. – Брамби вновь окинул взглядом Грея. – А тебе я советую хорошенько почистить шпагу, Фэлконер. Ты слишком долго оставался безнаказанным.

– Откуда ты знаешь? – притворно удивился Грей.

Брамби невольно покраснел.

– Я слышал, как ты говорил, что был там, где вовсе не хотел оказаться, и занимался тем, чего предпочел бы не делать.

– Ты сам слышал? Любопытно. Ничего подобного я не говорил.

– Значит, сказал нечто похожее, – настаивал соперник. – Так или иначе, нам скоро предстоит встретиться вновь, или кто-нибудь встретится с тобой по моей просьбе.

Сердце Минервы оборвалось.

– Брамби, выбрось из головы эти глупости!

– Ты слышал меня, Фэлконер? Приготовься защищаться.

– Чертовски странный способ бросать вызов, – заметил Грей. – Ты хочешь сказать, что я оскорбил тебя, и потому ты предлагаешь дуэль? Я правильно понял, Макспорран?

– Нет, – покачал головой Брамби, который вдруг побледнел и ссутулился. – Я только хотел сказать, что буду следить за каждым твоим шагом. И готов сражаться за то, что мне дорого, ибо я способен позаботиться об этом сокровище лучше, чем ты. Свое равнодушие ты уже доказал, покинув ее на несколько лет.

К изумлению Минервы, Брамби схватил ее за руку, зажмурился и прильнул к ней в страстном поцелуе. Так же неожиданно он отпустил ее руку и широким шагом, шурша полами плаща, направился к двери. На пороге Брамби остановился, послал Минерве продолжительный и пылкий взгляд, махнул рукой и скрылся за дверь.

– Какая жалость! – воскликнул Фергюс. – Из-за тебя, Минерва, похоже наш Брамби совсем спятил.

Минерва не смотрела ни на кузена, ни на Грею. Брамби она никогда не представляла в роли мужа, но видеть его несчастным было невыносимо. А еще страшнее было вспоминать о том, на какой риск отважился Брамби, бросив вызов Грею.

– Похоже, я здесь лишний, – наконец произнес Фергюс. – Пойду-ка взгляну на лошадей – должно быть, во дворе их целый табун.

Усмехнувшись, Минерва отозвалась:

– Не преувеличивай, Фергюс!

– Воздух здесь насыщен страстью. От нее у меня путаются мысли. Смотри, как бы с тобой ничего не случилось, Минерва. Впрочем, ты отнюдь не первая и не последняя, из-за кого вспыхивает спор между мужчинами. Битва завершится, когда вождь приз достанется одному из них. Он и станет победителем. А женщина вдруг обнаружит, что с завершением погони ее возлюбленный утратил весь свой пыл... Что касается меня, я ухожу немедленно.

Глава 9

Оставшись вдвоем с Греем, Минерва еще долго слышала звенящее эхо слов Фергюса. Стоит ли верить им? А если нет, тогда чему вообще верить?

Как разобраться во всей этой путанице? Жалея, что на ней столь причудливый наряд, Минерва прошла в темный угол комнаты, единственный угол, который не был завален рулонами чертежей и тканями, и присела на табурет.

– Ты сердишься на меня? – спросил Грей.

– Да.

– Почему?

– Ты сам знаешь.

Осторожно, но решительно прикрыв дверь, Грей медленно приблизился к возлюбленной.

– Ты сердишься потому, что я настаиваю на своем. И совершенно напрасно. Мы же заключили договор. Ты согласилась стать моей женой.

– Да. Но ты прекрасно понимаешь, что все далеко не так просто.

– Нет, не понимаю.

– Тут и понимать нечего. Я сдержала слово, а ты нет.

Но Грей явно остался при своем мнении.

– По-моему, нам не о чем говорить, – вздохнула Минерва.

– Напротив, нам предстоит долгий разговор. Прежде всего надо возобновить помолвку. Обсудить, как мы проведем ее. Затем все обдумаем, договоримся, сколько времени будет длиться помолвка. Я бы предпочел сразу перейти к свадьбе. Ее надо подготовить особенно тщательно – потому что это будет самая прекрасная из свадеб, какие только видел Бэллифог. Предлагаю сразу же отправиться к преподобному Памфри.

Минерва отвернулась.

– А что потом? – спросила она. – Что будет дальше?

Грей положил ладони на плечи любимой.

– А потом, – тихо ответил он, – я буду иметь удовольствие сделать тебя своей женой.

Минерва невольно опустила глаза. С тех пор как Грей вернулся, ее часто бросало в жар. Вот и сейчас ее будто охватило пламя. А когда Грей склонился и поцеловал ее в шею, огненная волна накрыла ее, лишая воли.

– Завершение церемонии бракосочетания – важное событие, дорогая. Несомненно, ты уже успела обо всем подумать.

– Само собой. – Минерва хотела ответить резко, но голос почему-то подвел ее.

– Хочешь, мы поговорим об этом?

Вкрадчивый голос Грея будто обволакивал ее.

– Не стоит. Мне вполне хватит собственного опыта.

Длинные пальцы Грея скользнули за воротник ее шифонового одеяния.

– Боже, твой полупрозрачный наряд восхитителен! После свадьбы я позабочусь о том, чтобы ты почаще носила его.

– Зачем?

Грей тихо рассмеялся и поцеловал ее в мочку уха.

– У тебя же богатый опыт. Догадайся сама.

Прижавшись губами к ее шее, Грей заставил Минерву наклонить голову и осыпал множеством кратких, нежных поцелуев ее висок, щеку, бархатистый подбородок и плечо, которое еще совсем недавно было прикрыто тканью.

– Когда мы расставались, ты была совершенно неопытной и невинной, Минерва, – продолжал он, прокладывая дорожку поцелуев. – Я никогда не целовал тебя так, как сейчас, верно?

– Да, – кивнула Минерва, даже не пытаясь остановить его.

– А вчера вечером наш поцелуй был менее целомудренным, правда?

Зачем он напомнил ей об этом?

– Ты хочешь сказать, потому, что ты просунул язык мне в рот?

Грей усмехнулся:

– Если я не ошибаюсь, моя способная ученица, ты последовала моему примеру. И не испытала разочарования.

Его горячее дыхание ласкало ее, заставляя желать... Минерва сама не знала, чего хочет.

– Минерва!

– Если ты намекаешь, что вчерашний поцелуй пробудил во мне более сильные чувства, чем я испытывала прежде, то ты абсолютно прав. Я вынуждена с тобой согласиться.

Его пальцы заскользили вниз, неумолимо приближаясь к груди Минервы. Она понимала, что должна остановить его, но молчала.

– Если бы не ты, я бы не выжил, – пробормотал Грей, словно разговаривал сам с собой. Найдя губами краешек ее рта, он поцеловал его и прижался к щеке.

Его пальцы тем временем спускались все ниже.

Надо остановить его.

Еще ниже.

– Ты... – он вздохнул, прикоснувшись к ее полной груди, прикрытой легким шифоном, – ты так чудесно сложена, дорогая. Ты не знаешь себе цены. И мне это очень нравится! У тебя бесчисленное множество достоинств.

Еще ниже...

– Я никогда не причиню тебе боли и ничем не опозорю тебя. Никогда! Ты веришь мне, Минерва?

Откуда она могла знать? Особенно теперь, когда подушечка среднего пальца Грея касалась темного кружка с затвердевшей бусинкой в центре.

Ощущение было незабываемым. Правда, слишком слабым, но прекрасным.

– Скажи хоть что-нибудь, Минерва. Прошу тебя.

– Да, – еле выговорила она неожиданно для самой себя.

– Любимая, я больше не в силах ждать!

Минерва твердо знала: сейчас последует нечто еще более восхитительное и неповторимое. Она откинула голову и удивила Грея, издав слабый стон.

– Ты тоже изнываешь от нетерпения! – обрадовался он. – Но я вынужден помнить о благоразумии. Я поклялся оберегать твою чистоту столько, сколько понадобится.

– Да, – слабо вымолвила она. Почему ей вдруг стало нечего сказать? Минерва качала головой из стороны в сторону, прижимаясь затылком к животу Грея.

Ногтями он обвел ее набухшие соски. Казалось, он не сомневался, что она испытает неизъяснимое блаженство. Чтобы не упасть, Минерва вцепилась в табурет.

– Милая моя Минерва! – бормотал Грей, сжимая ее соски, которые вдруг ощутимо затвердели. Обхватив большими и указательными пальцами, Грей слегка пощипывал их. – Мы еще наверстаем упущенное, – пообещал он.

– Мне... мне так нравится. О, Грей!

Он вновь сжал ее соски, пробуждая в Минерве блаженный трепет. А ей хотелось, чтобы это ощущение длилось до бесконечности.

– Ты должна быть моей, – заявил Грей, – и как можно скорее.

– Еще! – взмолилась Минерва, не задумываясь о том, что ей следовало произнести совсем другие слова. Неудивительно, что так много женщин сбилось с истинного пути в погоне за тем, что мама называла «опасными плотскими наслаждениями». – Доставь мне удовольствие, Грей.

– Непременно, мисс. – Он рассмеялся, не разжимая пальцев. Второй

ладонью он подхватил ее грудь снизу, с губ его сорвался мучительный стон.

– Тебе плохо? – встревоженно спросила Минерва.

– Мне никогда еще не было так хорошо, – возразил он. – Ты способна сделать меня самым счастливым мужчиной Шотландии. Не двигайся, дорогая. Я скоро возьму себя в руки, но прежде ты должна позволить мне еще одну вольность.

Еще одну вольность?

– Разумеется!

К полному изумлению Минервы, Грей спустил легкий шифон с ее плеч, обнажив грудь, встал перед ней на колени и коснулся губами того места, до которого только что дотрагивался пальцами.

Вскрикнув, Минерва запустила руку в волосы Грея, но он, похоже, ничего не заметил.

Он самозабвенно втягивал ее сосок в рот, слегка прикусывал его зубами, обводил кончиком языка. Неопишуемые ощущения!

Грей издал невнятный взглас наслаждения.

– Это блаженство, Грей. – Опустив голову, она увидела его темные волосы на фоне нежной кожи левой груди и его загорелую руку, поддерживающую правую грудь. Минерве вдруг показалось, что ее собственная грудь увеличилась в размерах.

При этой мысли она смутилась. Но мужчинам нравится большая грудь – иначе женщины не тратили бы столько сил, чтобы придать пышность этой части своего тела.

Минерва замерла. Грей положил ладонь ей на колено и начал продвигаться вверх по ноге к бедру.

Это вызвало наплыв новых чувств в самой глубине ее существа.

Минерва почувствовала, что между ног у нее стало влажно.

О подобных явлениях она слышала от знакомых девиц. Почему-то такие разговоры вызывали у нее смутный стыд – наверное, потому, что после отъезда Грея она часто бывала предоставлена сама себе, и... Но неужели его прикосновения так заворожили ее, что вызвали трепет во всем теле? Заставили лоно увлажниться?

Быть не может!

Свободной рукой Грей поглаживал ее грудь. Подняв голову, он вдруг взглянул на нее, а она едва удержалась, чтобы не попросить его продолжать ласки. Грей явно любовался ее грудью. Внезапно Минерва задышала прерывисто и глубоко. Ее грудь ныла, требуя продолжения.

Грей пробормотал что-то неразборчивое и снова уткнулся лицом в ложбинку между ее грудей.

Откуда-то из глубины, должно быть, из самой души, хлынул поток мощных эмоций. Минерва погладила волосы Грея, взяла его за подбородок и заглянула в глаза.

Она не могла улыбнуться: чувства так переполняли ее, что ей было не до улыбок. Приоткрыв губы, Минерва ощутила, как на глаза ей наворачиваются слезы.

Бросив последний взгляд на ее грудь, Грей тщательно прикрыл ее, натянув легкий шифон ей на плечи и расправив его. Он поднялся, подал Минерве руку и помог ей встать.

Они вновь слились в поцелуе, лаская друг друга языками. Только на этот раз поцелуй продолжался гораздо дольше, наполнив Минерву сладкой истомой. Укромное местечко между ее ног увлажнилось еще сильнее.

– Я должен остановиться, – вдруг произнес Грей так резко, что Минерва вздрогнула и нахмурилась. – Незачем так удивляться, милая. Это мне полагалось испытать потрясение, а не тебе. Ты бесподобна. Послушай, почему бы нам сразу не сыграть свадьбу? Разумеется, предстоит немало дел, но для нас самое важное – быть вместе.

– Да, – кивнула Минерва, признавая правоту жениха. – Мы немедленно пойдем к моим родителям. Ведь выбора у нас нет.

Едва заметно заколебавшись, Грей отозвался:

– Пожалуй.

– Я не пойду наперекор воле родителей.

– Само собой. – Его взгляд и голос вдруг стали ледяными. – Именно за это я и люблю тебя. Но отныне ты должна принадлежать только мне. Минерва, у меня есть свои причины держать истину в тайне. Надеюсь, скоро я смогу поведать ее тебе. А пока... помоги мне.

– Если хочешь – пожалуйста, но...

В дверь постучали, и в комнату тотчас ворвалась Дженет Арбакл. Она застыла на пороге в картинной позе, а затем направилась к дочери, шурша подолом нового шелкового платья.

– Брамби сказал, что вы оба здесь, – произнесла она, недружелюбно поглядывая на Грея. – Минерва, ты уже не ребенок. Тебе известно, что оставаться наедине с мужчиной неприлично.

Если бы мать вошла в комнату несколько минут назад, у нее было бы гораздо больше причин для беспокойства. Минерве вдруг представилась рука Грея, ласкающая ее грудь, губы, касающиеся соска, и по всему ее телу пробежала дрожь.

– Мы с Минервой помолвлены, миссис Арбакл, – напомнил Грей. – Она согласилась стать моей женой еще до того, как я покинул Англию.

– Но помолвка была неофициальной.

– По вашему настоянию. Ваш муж согласился объявить о помолвке, как только я вернусь. Я вернулся.

– Гораздо позже, чем вы обещали. Неужели вы надеялись, что на руку моей дочери не найдется претендентов? Уверю вас, вы заблуждаетесь.

– Мама, прошу тебя!

– Не вмешивайся, – отрезала Дженет. Под слоем искусно нанесенных румян ее лицо казалось бледнее обычного. – Я не собиралась заходить сюда, поскольку была уверена, что ты не настолько глупа, чтобы попасть на крючок обманщика. Человека, который бросил тебя.

– Я не бросал вашу дочь. – На лице Грея отразился такой гнев, что Минерва вздрогнула. – На самом деле... – Он вдруг осекся, перевел взгляд с Дженет Арбакл на Минерву, и на его щеке дрогнул мускул.

– О вашей причастности к глупостям, которыми увлекается Минерва, не может быть и речи.

Минерва вполне владела собой, но последние слова заставили ее нахмуриться – не от страха, а от горечи.

– Будьте любезны покинуть этот дом, мистер Фэлконер!

Грей перевел взгляд на Минерву.

– Я не намерен задерживаться там, где мое присутствие считают недопустимым, – заявил он. – Ты едешь со мной?

Минерва заколебалась, отчаянно желая дать разумный ответ. Ей хотелось закричать: «Да, да!»

– Ты останешься здесь, Минерва, – заявила мама.

– Минерва! – напомнил о себе Грей.

– Он не тот, за кого себя выдает, – продолжала Дженет. – Этот человек – самозванец.

– Не может быть! Мама, это Грей. Я хорошо знаю его.

– Конечно, это Грей. Но спроси его, где он провел три года после того, как покинул Вест-Индию!

– Она уже спрашивала, – сообщил Грей, поднимая бровь, – но я решил рассказать об этом потом.

– Потому, что вы не рискнули! – выпалила мама. – Нам известны ваши замыслы. Вы прохвост, сэр, суций проходимец. Мы слышали, что вы уже посмели обвинить нас – да, нас! Моего талантливого, почти гениального Портоса, и меня саму, женщину, которая за всю жизнь не заслужила ни единого упрека! Вы утверждали, что ваше длительное отсутствие – наша вина. И не вздумайте отпираться!

Минерва ахнула.

- Кто это вам сказал? – спросил Грей.
- Видишь, Минерва? – воскликнула мама. – Он ничего не отрицает.
- Я спрашиваю, где вы услышали эту совершеннейшую чепуху?
- Посмейте только сказать, что вы этого не говорили!

Резко отвернувшись от Минервы, Грей направился к двери. На пороге он помедлил.

– Должен признать, вы умная женщина, миссис Арбакл. Только из вежливости я хочу пожелать вам всего хорошего.

Глава 10

Чертова деревушка полностью соответствовала своему названию.^[1] С раннего утра Грей бродил по окрестностям в густом тумане, плотной стеной отгораживающем его от остального мира. Вскоре начался снег, и туман рассеялся, словно улетучился к свинцово-серым тучам.

«Какая красота, – раздраженно думал Грей, – особенно для человека, который в состоянии любоваться природой».

– Чертов туман! – пробормотал он, оступившись на узкой деревенской улочке и чуть не повалившись носом в снег. – Тут поневоле пожалеешь о морском бризе... – Чувство юмора не изменило ему и сейчас. Поразмыслив, Грей вдруг понял, что, забыв об осторожности, может вновь оказаться на опостылевшем острове.

Радоваться еще рано. Ему по-прежнему грозит опасность.

Однако Грей не собирался складывать оружие, доставив истинное удовольствие Портосу, Дженет Арбакл и всем их сообщникам.

Впереди, точно луч света во мраке, показалась разукрашенная витрина деревенской лавчонки.

Неужели он больше никогда не почувствует себя в безопасности? За пояс брюк Грей предусмотрительно заткнул пистолет. Просторный черный плащ скрывал его из виду, а тяжесть оружия придавала ему уверенности. В голенище сапога Грей спрятал нож.

Супруги Арбакл перехитрили его, первыми выдвинув обвинения и с негодованием отвергнув свою причастность к исчезновению. Целью Дженет Арбакл было предостеречь незадачливого жениха: если Грей вздумает подать на них в суд, объяснения у них давно наготове. Должно быть, коварная чета надеялась, что он отступит, поджав хвост и смирившись с поражением.

Но не тут-то было! Он уже прошел огонь, воду и медные трубы. С разоблачением Грей решил подождать до тех пор, пока не женится на Минерве. Только после этого она станет оружием в борьбе с собственными родителями. Если супруги Арбакл и любят кого-нибудь, так только свою дочь. Опасаясь навредить ей, они будут молчать. А сама Минерва сначала наверняка возненавидит его, но потом, если повезет, все простит. Правда, ей придется навсегда порвать с родными: Грей не собирался поддерживать дружеские отношения с людьми, которые пытались его убить.

Эти мысли сводили его с ума.

Грей пинал по пути многочисленные ледышки. Мимо проезжали повозки, которые каждую среду съезжались с окрестных ферм на деревенский рынок. Сегодня как раз была среда. Ежась от холода, с полными корзинами продуктов, Грея обгоняли крестьяне.

За спиной Грея висел большой кожаный мешок. Прежде чем поддаться искушению побродить по окрестным холмам, он направился напрямик в церковь, где находился фамильный склеп Фэлконеров. Там Грей надеялся спрятаться от настойчивой невесты Кэдзоу, которая вчера вечером нашла сразу несколько причин, чтобы зайти к нему.

Ее голос напоминал Грею скрип железа по стеклу. Он резал обнаженные нервы.

От ее вопросов, соблазнительных поз и плоских шуток Грея тошнило.

Ему требовалось уединиться, чтобы ознакомиться с положением семейного предприятия. И если это возможно только в церкви, значит, так тому и быть.

При необходимости Грей решил последовать совету Кэдзоу: уйти в армию, пока его враги не состарятся и не откажутся от преследований.

Но такой шаг означал бы потерю Минервы.

Вчера он допустил непростительную ошибку.

И все-таки ничуть не жалел о ней. Минерва была бесподобна, он вождедел ее, как ни одну женщину на земле. Грей догадывался о ее чувственности, и это мучило его с тех пор, как они расстались.

Грей знал, что большинство мужчин – прежде всего самцы, и он не исключение. Однако ничуть не жалел о своей страсти к прелестной Минерве.

Неожиданный порыв ветра швырнул снег ему в лицо. Поплотнее запахнув плащ, Грей наклонил голову. В эту минуту он шагал мимо деревенского постоянного двора «Летучий барабан и свинья» – единственного места в округе, где можно было пропустить стаканчик.

Должно быть, дилижанс прибыл совсем недавно. Кучер распрягал усталых лошадей, вокруг багажа суетились пассажиры. В чистом воздухе витал запах конского пота, навоза и кожи.

Навстречу Грею шли двое: низкорослый, сгорбленный субъект неопределенного пола в мешковатых, развевающихся одеждах, и тощий надменный джентльмен. Коротышка почти волочил по снегу два туго набитых ковровых саквояжа. Его худосочный спутник, облаченный в десятилетней давности костюм повесы с Бонд-стрит, вышагивал налегке, если не считать чересчур длинной трости, очевидно, целиком сделанной из серебра. Эту трость незнакомец бережно прижимал к груди левой рукой.

Спохватившись, Грей отвел взгляд от странной пары и продолжил путь.

– Эй! Эй, вы! Псст!

Грей остановился, пораженный давно вышедшим из моды окликом «псст» вместо «постойте». Несомненно, тощий щеголь заметил пристальный взгляд Грея и счел его оскорблением. Только этого ему не хватало! И почему неприятности валятся на него как из рога изобилия?

– Да-да, вы! – подтвердил незнакомец и направился к Грею. Под его ногами поскрипывал снег. – Ну наконец-то! – облегченно вздохнул он, приблизившись. – Не могли бы вы помочь нам? Похоже, здесь не встретишь образованного человека.

Грей не стал уверять, что Бэллифог кишит высокообразованными людьми.

– Чем могу помочь?

Незнакомец приподнял самый высокий цилиндр, какой Грею случалось видеть.

– Сайлас Минер, – представился он. – Безумно рад встрече с вами. А это мой камердинер Финиш, Микки Финиш. С виду он невзрачен, но, уверяю вас, это бриллиант чистой воды.

– Охотно верю, – пробормотал Грей, загипнотизированный видом абсолютно лысой головы Сайласа Минера. Этот джентльмен густо пудрил лысину. На ней не было ни волоска. Мертвенная белизна макушки резко контрастировала с желтоватым лицом, на котором пышно разрастались холеные светлые усы, окладистая борода и клочковатые длинные брови. – Так чем могу служить?

– Мы запутали, любезный, – объяснил Минер, пошевелив туловищем, туго затянутым в корсет и оттого приобретшим нелепую форму дуги, выгнутой вперед. Пошарив в карманах своих ярко-желтых брюк, Минер выудил оттуда золотой соверен. – Эта монета достанется вам, если вы скажете, где можно найти Олафа Клака.

Грей лишился дара речи. Обижаться было бессмысленно: его новый знакомый оказался болваном.

– Вернее, мне следовало бы спросить, где находится Модлин-Мэнор. Клак там, черт бы его побрал. Мы намерены убедиться, что он...

Странный бесполой спутник Минера наступил ему на ногу – очевидно, чтобы удержать от дальнейших объяснений. Затем Финиш дернул его за рукав красного пальто и потянулся к его уху.

– Довольно, Финиш! – отмахнулся Минер, поспешно убирая монету в карман. – Я уже понял свою ошибку. Боюсь, я несколько отвлекся и не

заметил... Видите ли, по натуре я артист, а нам, творческим личностям, трудно сосредоточиться на обыденных подробностях жизни!

Грей молчал. Эти двое вызвали у него острую неприязнь. Они выглядели вполне безобидно, но что-то в них раздражало – а может, казалось смутно знакомым? Но откуда Грей мог знать этих путников? Он присмотрелся. Нет, встретившись с такими гротескными персонажами, он вряд ли забыл бы их.

Наверное, длительное уединение пагубно сказалось на его рассудке.

Его подмывало отправить этого фата в Уиллинок, к Портосу Арбаклу – не менее эксцентричной творческой натуре. Но Грей рассудил, что присутствие чудаковатого путешественника ему ничем не поможет, если не повредит.

– Модлин-Мэнор находится в двух милях от деревни, – любезно сообщил он. – К северу.

– В двух милях? В двух милях?! Но мне сказали, что поместье расположено в Бэллифогге. – Минер огляделся, останавливая взгляд на вывеске постоялого двора и деревенских лавках. – Надеюсь, я не ошибся и это действительно Бэллифогг? Здесь чертовски туманно. – И он отрывисто засмеялся собственной остроте.

– Извозчика вы найдете возле постоялого двора, – подсказал Грей, собираясь продолжить путь. – Зайдите туда и спросите, не согласится ли кто-нибудь довезти вас до поместья за шиллинг.

По-прежнему прижимая трость к груди, Сайлас Минер поднял великолепные брови.

– Непременно последую вашему совету! На редкость разумное решение. Правда, я надеялся дойти до поместья пешком, и дошел бы, если бы не эта омерзительная погода!

Кивнув, Грей повернулся, чтобы уйти.

– Кстати, с кем имею честь, сэр? Простите, что сразу не спросил вашего имени...

– Грей Фэлконер. – Не желая тратить время на обмен любезностями, Грей двинулся к церкви.

Оглянувшись, он увидел, что странная пара стоит на прежнем месте, провожая его взглядом. Заметив, что Фэлконер смотрит на них, путники заторопились к постоялому двору.

Качая головой, Грей двинулся к церкви, стоящей на краю деревни.

Прошагав четверть мили, он очутился у ворот церкви святого Олдхелма и сразу увидел самого преподобного Памфри, сметающего снег с каменного крыльца.

Дальнозоркий Памфри издалека узнал Грея, хотя не видел его несколько лет.

– Ба, кого я вижу! Молодой Фэлконер! – воскликнул священник. – Я слышал, что вы вернулись домой. Рад, очень рад за вас.

– Благодарю, ваше преподобие, – откликнулся Грей. – Вы не против, если я немного побуду в склепе Фэлконеров? Мне надо подумать...

На вытянутом лице Памфри отразилось веселое изумление.

– Подумать, говорите? Искренне рад за вас! Я бы сказал, давно пора. Гредю Фэлконеру, который покинул Бэллифог четыре года назад, вечно не хватало времени для размышлений.

Склонив голову, Грей снял шляпу, прежде чем войти в церковь.

– Вы правы. В то время я был гораздо моложе и опрометчивее. Только с возрастом к человеку приходит мудрость.

– Но далеко не к каждому. Впрочем, я всегда знал, что вы когда-нибудь поумнеете. Входите, добро пожаловать. Господь будет рад вашему обществу.

Преподобный Памфри родился в Бэллифогге, учился у прежнего священника церкви Святого Олдхелма, а затем его отправили в семинарию. Наставник Памфри не сомневался, что его подопечный непременно вернется на родину. Так Памфри и сделал, а заодно привез с собой Памелу – миниатюрную, хлопотливую, как птичка, жену.

Войдя в величественное старое здание с узким нефом и прекрасным витражом за алтарем, Грей зашагал между рядами деревянных, почерневших от времени скамей. Вышитые руками дочерей, жен и матерей коврики для молений, многие из которых уже поблекли и обтрепались, обозначали места, отведенные семьям прихожан-старожилов.

В глубине церкви, рядом с устрашающего вида купелью, вырезанной из громадного дуба в незапамятные времена, виднелись позолоченные ворота склепа Фэлконеров.

С чувством благодарности и неожиданного спокойствия Грей вынул ключ от склепа, захваченный из Драмблейда, и отпер ворота.

Здесь все осталось по-прежнему. Отдавая дань памяти усопшим, Фэлконеры предпочитали сидеть не на скамьях, а в деревянных креслах, коричневые кожаные сиденья и спинки которых были покрыты сетью мелких трещин.

Закрыв за собой ворота, Грей опустился в кресло, принадлежавшее его отцу. Сегодня ему так не хватало отцовской рассудительности и проницательности.

Развязав мешок, он разложил на каменном полу связки книг и бумаг.

Плащ хорошо согревал Грея, а прохлада склепа казалась справедливой платой за покой и уединение.

Он взглянул на брегет лишь через несколько часов. К тому времени чувство умиротворения улетучилось без следа.

Что, черт возьми... Грей оборвал себя, упрекнув в кощунстве. Но куда же, черт возьми, Кэдзоу девал деньги?

Громадные, немыслимые суммы! Эти суммы Кэдзоу время от времени снимал с личных счетов племянника, которыми имел право распоряжаться, пока Грею не исполнилось двадцать пять лет. Вернувшись в Англию, Грей намеревался сам заняться своими финансами.

Может, Кэдзоу пристрастился к азартным играм? Вряд ли. Тогда в чем же дело? Неужели у Кэдзоу возникли финансовые затруднения и он решил поживиться деньгами племянника, зная, что тот не вернется?

Кэдзоу заметно изменился, но он всегда был порядочным человеком. Вряд ли он унизился бы до воровства. Расхождения в отчетах должны иметь другую причину – конечно, если это просто расхождения. Насколько понимал Грей, деньги были потрачены по необходимости. Однако все эти расходы обозначались в книгах как «разное». Ничего не понимая, Грей усиленно потер виски. Как можно потратить такие суммы на мелочи? И почему затрат так много?

В памяти вдруг зазвучали отдаленные голоса. Хвастливые, заплетающиеся от спиртного. Голоса изредка становились громче, до Грея долетали обрывки слов. Речь шла о каком-то мистере Некто: его называли болваном за то, что он уплатил и продолжал платить деньги просто так, ни за что.

Грей устремил вперед невидящий взгляд. Перед его мысленным взором проходили безликие тени в отблесках костра, разведенного на берегу моря. В ту ночь корабль вернулся в тихую гавань, и банда до рассвета праздновала победу. Каждый раз, когда пираты устраивали попойку, Грей ждал, что в запале они убьют его. Он ни на миг не сомневался, что когда-нибудь с ним покончат. Но Богу было угодно продлить его жизнь.

Мистер Некто...

Затопавав озябшими ногами, он подышал на ладони и снова начал вглядываться в цифры. Увлечшись, он и не заметил, что в склепе не один, Грей оторвался от своего занятия только когда услышал знакомый голос:

– Вот ты где! Перепугал меня до смерти. – Прикрыв за собой ворота, в склеп шагнул Кэдзоу. – Ты никому не сказал, куда идешь. Никто из слуг не видел, как ты покинул дом.

Прикрыв обеими руками разложенную на коленях книгу, Грей понадеялся, что дядя не поймет, чем он занят. Неужели это Кэдзоу пытался избавиться от него?

– К счастью, одна весьма странная пара, которая брела по аллее, дрожа от холода, сообщила мне, что повстречалась с тобой возле постоянного двора, а затем ты направился к церкви...

– Извини, – произнес Грей, по-прежнему занятый своими мыслями. – Ты говоришь про верзилу в старомодной одежде и коротышку с...

– Да, о них, – подтвердил Кэдзоу. – Хорошо, что я встретился с ними. Пришлось усадить их в экипаж и отправить в Модлин-Мэнор. Иначе они замерзли бы до смерти.

– Ты говоришь, они шли к Драмблейду? – спохватился Грей. – Странно... Я ведь объяснил им, что Модлин-Мэнор находится к северу от деревни.

Кэдзоу хмыкнул.

– И посоветовал им нанять экипаж.

– По-моему, бедняги слишком понадеялись на свои силы, – предположил Кэдзоу. – Впрочем, это не важно. Я знаю, чем ты занят. Нам надо объясниться, пока не поздно.

Грей вспомнил, как Сайлас Минер с готовностью извлек из кармана сверен. Этих денег с избытком хватило бы, чтобы с комфортом добраться до Модлин-Мэнора. Но как и Кэдзоу, Грею было некогда размышлять о странном поведении новых знакомых. Он взглянул на книгу, а когда поднял голову, то обнаружил, что и Кэдзоу не сводит с нее глаз.

– Ты разоблачил меня. – На пухлом лице дядюшки отразились смирение и покорность судьбе. – Но на самом деле все совсем не так, поверь мне. У меня возникли сложности, и мне не осталось ничего другого, как воспользоваться твоими счетами. Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Кэдзоу, я ничего не понимаю, – возразил Грей притворно беспечным тоном.

Откашлявшись и потоптавшись с ноги на ногу, дядюшка растерянно развел руками, не зная, как объясниться.

– Ты хочешь сказать, что тебе не хватало денег и ты решил одолжить их у меня. Я правильно понял?

– В некотором смысле – да.

– Так да или нет?

– Да.

– Ясно.

– Но тому виной были известные обстоятельства.

Грей вздохнул:

– Кэдзоу, имение приносило солидный доход. Кроме того, ты получал свою долю прибыли от фамильных предприятий – более чем внушительную по меркам любого человека.

– Но в последнее время мои расходы... заметно возросли. Я познакомился с Эльдорой... Ты же понимаешь, я должен был произвести на нее впечатление, чтобы она заинтересовалась мной.

Грей решил, что еще не пришло время сообщить Кэдзоу, какое впечатление сложилось у него о самой Эльдоре Мейквелл. Оставалось ждать, когда Кэдзоу наконец одумается и порвет с этой алчной особой.

– Но твои деньги я тратил не на Эльдору. Честное слово! Нет, побрякушки для нее я покупал сам – именно поэтому и оказался в стесненных обстоятельствах. Я предпочел бы расплачиваться из собственного кармана, однако он был почти пуст, и, кроме того, мне не удавалось управлять помещьем так умело, как это делал твой отец. Я обнаружил, что деньги утекают у меня сквозь пальцы. Понимаешь, я никогда не интересовался... впрочем, ты и сам знаешь, что я лишен деловой хватки. Но прежде мне всегда хватало собственных доходов и я берег деньги семьи, верно?

Грей растерянно приоткрыл рот и снова закрыл его. Неужели Кэдзоу намерен открыто признаться во всех своих провинностях?

– Ты согласен? – вновь спросил Кэдзоу. – В конце концов на карту было поставлено слишком многое. Я не осмелился не заплатить по счетам, боясь потерять все. Конечно, я мог бы отложить миг расплаты, но не решился. Грей, я просто не смог. Вот я и расплатился твоими деньгами. Теперь ты знаешь все. Умоляю, прости меня! Мне так стыдно! Я сделаю все возможное, чтобы вернуть тебе деньги, несмотря на то что растратил их не только по своей вине...

– Кэдзоу! – прервал Грей, приглаживая волосы. – Прошу тебя, замолчи! Для начала я сам выясню, что именно с тобой произошло. Но дело не в этом. Ты решил, что я все равно не вернусь. Нет, не возражай – я понял это без слов. Ты воспользовался моими счетами только потому, что уже считал их своими. Это меня не радует, но по крайней мере я в состоянии понять причины твоего поступка. – Грей пребывал в полном смятении и растерянности. Да, этого он никак не ожидал.

– Все было совсем иначе! – воскликнул Кэдзоу, и из его глаз потекли слезы. Всхлипнув, он смущенно отвернулся.

Тоже смутившись, Грей встал и положил книгу расходов в кресло. Подойдя к Кэдзоу, он произнес:

– Дядя, чистосердечное признание – лучший способ загладить вину.

– Да-да, разумеется. – Кэдзоу шмыгнул носом, склонил голову и подтянул перчатки. – Грей, я не оправдал твоего доверия. Эван справился бы гораздо лучше, чем я. Признаюсь, я был в панике. Откровенно говоря, у меня уже и руки опустились...

Грей потрепал дядю по плечу.

– Расскажи все как было. Мы найдем выход.

– Ты слишком добр ко мне. – Кэдзоу поднял голову, и Грей увидел, что слезы льются по его щекам и повисают на подбородке крупными каплями. Кэдзоу утерся перчаткой. – Господи, какое унижение! До чего я докатился!

Окончательно растерявшись, Грей обнял дядю и похлопал его по спине.

– Давай покончим с этим – и чем быстрее, тем лучше. – Он ни на минуту не забывал, что перед ним стоит единственный родственник, брат умершего отца. Родственные узы требовали простить его и забыть о случившемся.

– Видишь ли, я должен был заплатить один должок. – Кэдзоу снова шмыгнул носом, заставив Грея брезгливо отстраниться. – Меня предупредили, что другого выхода у меня нет. Что еще мне оставалось? Грей, скажи, что я мог поделаться?

– Кто предупредил тебя? – нетерпеливо спросил Грей. – О чем?

– А разве я не сказал? Мне сообщили, что ты еще жив...

Грей застыл на месте. Кэдзоу по-прежнему всхлипывал, уткнувшись ему в плечо. Племянник смотрел вверх его головы и ждал продолжения.

– Мне сообщили: чтобы тебя оставили в живых, я должен заплатить. Но я не знал, жив ты или уже погиб. С самого начала я сомневался в том, что ты когда-нибудь вернешься, и со временем только утвердился в своих предположениях.

– Продолжай, – тихо попросил Грей.

– И все-таки я не мог рисковать. Меня уверяли, что тебя не тронут до тех пор, пока я буду продолжать присылать деньги, вот и пришлось мне посылать их. Клянусь, я сделал бы все возможное, чтобы спасти тебя!

От услышанного у Грея закружилась голова.

– Не знаю, что и сказать...

– Письма мне привозил один человек. Он приезжал в Бэллифог в дилижансе, а потом сразу уезжал. Каждый раз он увозил с собой деньги. Я подумывал о том, чтобы выследить его, но не решался. Незнакомец утверждал, что за мной следят и что, если я попытаюсь разоблачить его, ты погибнешь. Ради тебя я был готов на все. Я ощущал такую беспомощность!

Меня шантажировали, Грей. – Вытирая слезы рукой, Кэдзоу попятился. – Каждый раз мне обещали отпустить тебя, но не отпускали. Время шло, надежды медленно угасали. Я был безутешен, думая, что ты уже никогда не узнаешь, как был мне дорог. Ведь своих детей у меня не было...

Грей отвернулся. У него перехватило дыхание. Что подумает Кэдзоу, если узнает, что в похищении виновны его соседи? Грей уже не сомневался, что это злодеяние – дело рук супругов Арбакл. С каждой секундой туман рассеивался. Наверное, и Кэдзоу шантажировали они, обманом выманивая у него деньги. Неудивительно, что они ужаснулись, обнаружив, что их драгоценный пленник – курица, несущая золотые яйца! – вырвался на свободу.

Он обернулся к Кэдзоу.

– Дядя... – начал он и осекся. Как знать, не решит ли Кэдзоу вмешаться, узнав о планах племянника сбежать вместе с Минервой?

– Что, Грей?

– Так, ничего. – Грей понял, что преступления супругов Арбакл потребуются доказать. Он улыбнулся. – Спасибо. Теперь я перед тобой в неоплатном долгу.

– Но я же не сумел спасти тебя. Ты спасся сам.

Кэдзоу явно остался порядочным человеком.

– И тем не менее я благодарен тебе за помощь. Спасибо за то, что ты верил в мое спасение и не сдался без боя. Признаться, я был готов поверить в самое худшее...

Кэдзоу шумно вздохнул.

– Будь я более опытным управляющим поместья, я платил бы за тебя из собственного кармана. Я старался изо всех сил, но увы! Мне следовало обратиться за помощью, но я боялся, что шантажисты узнают об этом и... убьют тебя. Мой карман почти пуст. Отныне мне придется придерживаться строгой экономии и научиться разумнее распоряжаться своим состоянием.

– Я сегодня же переведу крупную сумму на твой счет, – пообещал Грей. – Не возражай, позволь помочь тебе. Если ты не против, я готов помочь тебе в финансовых делах и стать твоим постоянным советником.

– Как ты добр ко мне! – Утирая слезы, Кэдзоу попятился. – Спасибо, Грей. Ты настоящий сын своего отца. Он гордился бы тобой. Я с радостью принимаю твое предложение.

Несколько минут спустя входная дверь церкви с грохотом захлопнулась. Грей вновь остался наедине со своими мыслями, от которых голова уже шла кругом.

Как и следовало ожидать, в своих предположениях насчет супругов

Арбакл он не ошибся. Но теперь положение заметно осложнилось.

Кэдзоу чуть не разорил его и вдобавок подорвал доверие к себе. К счастью, он умел признавать свои ошибки и учиться на них.

Боже, какие суммы он, должно быть, потратил на мисс Мейквелл! От взгляда Грея не ускользнули крупные рубины и жемчужины на ее шее, пальцах и в ушах. Они наверняка обошлись Кэдзоу в целое состояние. Сколько еще бесценных побрякушек перепало его ненасытной любовнице?

Грей был благодарен дяде за помощь и поддержку, и все-таки его терзали сомнения. В будущем он решил быть начеку и не спускать с Кэдзоу глаз. Какое счастье, что он успел вовремя вернуться! Теперь состояние Фэлконеров будет спасено: к нему дядюшка больше не притронется.

Грей надеялся, что дядя не солгал, уверяя, что не брал денег со счета семейного предприятия. В противном случае Грею грозил бы скандал, а репутация Кэдзоу оказалась бы навсегда запятнанной.

Глава 11

В дверь церкви вновь постучали. Гулкий стук эхом отозвался под высокими потолками.

Грей вспомнил о бдительности.

Скользнув в темный угол, он выглянул в узкое окно возле входной двери, и на него словно повеяло свежим ветром. На крыльце стояла женщина в плаще и капюшоне, опасливо оглядываясь по сторонам.

Минерву он узнал бы в любом наряде. Немного помедлив на крыльце, она приоткрыла дверь и на цыпочках вошла в церковь. При виде невесты в жилах Грея забурлила кровь. Та же кралась, словно стыдясь своего вторжения в храм.

Весь ее вид свидетельствовал о том, что Минерва чем-то встревожена. Грею не терпелось утешить и успокоить ее, однако он медлил, опасаясь, что любимая упадет в обморок, услышав чьи-то шаги.

Остановившись в проходе между скамьями, она огляделась и прошептала:

– Грей! Ты здесь?

Грей с облегчением вздохнул и отозвался:

– Да, дорогая! Иду!

Они встретились возле купели. От холода лицо Минервы побледнело, в полумраке поблескивали одни лишь глаза.

– Как ты нашла меня? – наконец спросил Грей. – Ты одна?

– Разумеется, – настороженно отозвалась Минерва. – Я пришла сюда пешком.

– В такую погоду? Тебе не стоит предпринимать столь изнурительные прогулки.

– Мне хватило бы сил, чтобы доить коров и вставать на рассвете. Сэр, несмотря на внешнюю хрупкость, я крепко сложена. Я отнюдь не слабое и беспомощное создание, каким вы почему-то меня считаете.

Голос Минервы звучал резко и решительно. В волнении она привставала на цыпочки.

– Пожалуй, ты права. – Грей не стал спорить, видя, что Минерва явно не в себе. Должно быть, для нее наступили такие дни месяца, когда даже самые благоразумные женщины не в состоянии рассуждать здраво. Да, наверное, дело в этом. Минерва смотрела на него в упор; в глазах ее полыхала ярость.

– И это все, что ты можешь сказать?! – воскликнула она.

– Ты о чем?

Не спуская глаз с Грея, Минерва шагнула ему навстречу. Негодование, отразившееся на лице любимой, заставило его попятиться.

Минерва же продолжала наступать.

– В чем дело, дорогая? Тебе нужна моя помощь? Объясни, что случилось. Открой душу.

Минерва оглянулась.

– Мы в храме Божьем.

Бедняжка, как она взволнованна!

– В самом деле. Подходящее место.

– Но не для таких исповедей! Грей Фэлконер, я была бы весьма признательна, если бы вы немедленно вышли отсюда вместе со мной.

– Прошу прощения?..

– Не дождешься. Встретимся возле церкви.

И не успел Грей опомниться, как Минерва развернулась и зашагала к двери. Вспомнив про книги и бумаги, разбросанные по полу склепа, Фэлконер вернулся за ними, запихнул их в мешок и покинул церковь чересчур поспешной, неподобающей джентльмену походкой.

– Минерва! – позвал он, выскочив на заснеженное крыльцо. Оказалось, снегопад возобновился и быстро усиливался. – Минерва, где ты? – Он осмотрелся в поисках возлюбленной.

– Здесь.

Обернувшись, Грей увидел, что Минерва сидит сзади, на каменном парапете крыльца.

Он поспешно подошел и уселся рядом.

Но Минерва тут же вскочила и направилась в сторону кладбища.

– Дорогая, я вынужден настаивать, чтобы... – начал он, с трудом догнав ее.

– Ты не вправе настаивать ни на чем. Не знаю, надо ли было мне вообще встречаться с тобой. Сама не понимаю, почему я решилась на такое.

– Потому, что ты меня любишь, – напрямик заявил Грей.

– Ха!

– Ты влюблена в меня так же, как я в тебя.

– Да неужели?

Грей обогнал ее и зашагал чуть впереди, заглядывая в лицо Минервы.

– С тех пор как тебе исполнилось двенадцать, ты знаешь, что мы созданы друг для друга.

– Самонадеянный глупец! – пробормотала она.

Грея бросило в жар, и не только от торопливой ходьбы в теплом плаще.

– Минерва, факты говорят сами за себя.

– Позволь напомнить, что все это я слышала уже сотни раз. Я требую, чтобы ты перестал обращаться со мной, как с несмышленным ребенком!

– Зачем нам враждовать, дорогая? Мы ведь любим друг друга.

Минерва ускорила шаг.

– Как романтично! – съязвила она, закатив глаза. – Меня чуть не стошнило!

Грей отчетливо почувствовал, что его беспокойство уступает место раздражению.

– Минерва Арбакл, ваша язвительность неуместна.

– Неуместна? – повторила она, склонив голову набок и расплывшись в пренебрежительной улыбке. – Ах, какая досада! Я сгораю от стыда! Мне больно думать, что ты счел мое поведение недостойным! Нет, вы только послушайте: «Минерва Арбакл, ваша язвительность неуместна»! – Она продолжала идти вперед, увязая в глубоком снегу.

Несколько секунд Грей смотрел ей вслед. Наконец он поправил на спине кожаный мешок и подбоченился.

– Черт бы побрал этих женщин! – с чувством выпалил он. – Минерва! – Проклятие! Куда она идет? – Минерва, стой! – Грей бросился за ней вдогонку, безмолвно проклиная сугробы.

Когда он вновь обогнал Минерву, она опустила голову и отвернулась.

Грей преградил ей путь, а она направилась в обратную сторону.

Вновь забежав вперед, он остановился прямо перед ней на дорожке между двумя надгробиями в белых снежных шапках.

– Стой! – приказал он. – Не двигайся! Минерва, ты слышишь меня?

Но она, тяжело дыша, упорно шагала вперед. Поскольку голову она опустила, Грей не мог разглядеть выражение ее лица. Но поникшие плечи любимой подсказали ему, что ярость ее постепенно утихает.

Слава Богу!

Наконец Минерва подняла глаза и посмотрела на него в упор.

Грей потянулся к ней, но вовремя понял свою ошибку и тотчас отпрянул.

– Минерва, что с тобой? Разве ты забыла, что ничто не в силах разлучить нас, встать между нами? Дорогая, ты плачешь?

– Нет, – всхлипнув, Минерва запрокинула голову, – это на лице растаяли снежинки.

- И все-таки ты плачешь.
- Я никогда не плачу.
- Но я же вижу!
- Я имею право плакать, когда захочу.
- Спорить с женщинами бесполезно. Особенно в таких случаях.
- В каких? – Минерва вспыхнула. – Что ты имеешь в виду?

Грей смущенно пожал плечами, не зная, можно ли обсуждать вслух столь деликатный предмет.

– Женские дни. Да, дни, мучительные для женщин. Поскольку с мужчинами такого не бывает, нам трудно даже представить... Но нам известно, что в такое время женщины становятся неуравновешенными. Даже неуправляемыми.

Минерва изумленно раскрыла глаза.

– Только не волнуйся, дорогая! Скажи, у тебя так всегда? Или с возрастом... мучения усиливаются?

– С возрастом? – Минерва прищурилась и сжала губы, а затем, к ужасу Грея, слезы хлынули по ее щекам. – Сэр, мне двадцать пять лет! Меня не назовешь юной, но я отнюдь не старуха! И поскольку ты в этом ни черта не смыслишь, не смей упоминать о... женских днях!

Озадаченный Грей замер и нахмурился.

– Но как же тогда быть? Как иначе мужчина может проявить сочувствие к женщине во время... Черт возьми!

– Ты решил, что я сержусь только потому, что «женские дни» вывели меня из равновесия? Какая черствость! Какое возмутительное оскорбление! Разве можно быть таким бестолковым? – Расставив ноги, Минерва вперила взгляд в синие глаза Грея и подытожила: – Предположение, достойное мужчины!

Грей не знал, который теперь час, но день казался ему слишком длинным. Медлить было нельзя. Надо сейчас же решить, как быть дальше.

– Послушай, Минерва, нам обоим в последнее время пришлось нелегко. Если я чем-то тебя обидел – а порой я бываю неделикатным, – прошу меня простить. Боюсь, я утратил светский лоск. Пожалуйста, пойми: я всего лишь старался разобраться в том, в чем действительно ни черта не смыслю. В конце концов, мой опыт общения с женщинами...

– Замолчи! – приказала она, подняв затянутую в перчатку руку. – Не будем больше об этом! К твоему сведению, у меня вовсе нет... словом, ты ошибся.

– Вот как?

Минерва зарделась, всем видом давая понять, что Грей совершенно

напрасно затронул эту тему.

– Минерва, здесь так холодно. Я беспокоюсь о твоём здоровье. Может...

– О моём здоровье беспокоиться нечего. Я уже говорила, что крепка, как крестьянка. Я никогда не изображала оранжерейное растение и не собираюсь делать это впредь.

– А я замерз, – признался Грей, чувствуя, что его терпение иссякает. – И потом, мне не хочется продолжать этот разговор посреди кладбища.

– Почему? Чем здесь плохо? По крайней мере нас никто не подслушает.

Подумав, Грей улыбнулся:

– Ты всегда отличалась сообразительностью, дорогая. Пожалуй, ты даже чересчур умна. Предлагаю устроиться...

– И ты надеешься, что я приму твоё предложение?

– Если дашь мне договорить. Я просто предлагаю найти местечко поудобнее. Тогда ты сможешь высказать мне все, что собиралась. Сможешь бранить меня сколько пожелаешь, не рискуя промерзнуть насквозь.

– Я хочу остаться с тобой наедине, Грей.

– В таком случае...

– Там, где нам никто не помешает. И наконец разобраться во всем.

Грей сразу сообразил, что Минерва решила уединиться вовсе не для того, чтобы предаться плотским наслаждениям. Какая досада!

– Вижу, ты в растерянности. Очень хорошо. Гораздо хуже было бы, если бы ты сразу предложил укромное местечко.

Временами он с трудом понимал возлюбленную.

– О, Грей, никогда бы не подумала, что в тебе ещё сохранилась наивность! А может, ты считаешь, что я слишком наивна, чтобы думать о таких вещах? Словом, если ты не знаешь места, где нам никто не помешает, значит, ты не привык к тайным встречам с женщинами, как многие другие джентльмены.

– Минерва, я и не подозревал, что ты умеешь быть такой прямолинейной и грубой.

– Я?!

– Вот именно. Кстати, я растерялся и не предложил найти укромное место для разговора только потому, что отношусь к тебе иначе, чем ко всем остальным женщинам, с которыми мог бы...

– Довольно, – прервала Минерва, опуская глаза с видом скромницы, который, однако, не убедил Грея в её наивности. – Мне известно одно подходящее место. Я часто бываю там – чтобы спокойно привести свои

мысли в порядок, не отвлекаясь на болтовню пустоголовых сородичей. Ты согласен пойти со мной?

– Да. – Что же еще он мог ответить? Другой ответ ему просто в голову не пришел. – Может быть, послать за экипажем?

– Это совсем рядом. Дойдем пешком.

Грей послушно зашагал вслед за Минервой, изнывая от желания взять любимую под руку, но сдерживаясь при виде ее горделивой осанки.

Пройдя через кладбище, они приблизились к дому преподобного Памфри и его супруги. Открыв ворота, Минерва вошла во двор.

Грей последовал ее примеру и закрыл за собой ворота.

– Минерва, – нерешительно начал он, – это же...

– Мне известно, где я нахожусь. Почему бы тебе просто не идти следом, не задавая никаких вопросов? Или ты мне не доверяешь?

И прежде чем Грей успел ответить, Минерва двинулась к живописному дому эпохи Тюдоров с темными потрескавшимися поперечными балками и белыми оштукатуренными стенами.

Перед мысленным взором Грея возникло ее лицо. С возрастом Минерва только расцвела. Некоторые находили ее внешность простоватой и заурядной: они просто не понимали, что Минерва Арбакл – прекраснейшая женщина на свете.

Она постучала в дверь черного хода. Ей сразу же открыла сама Памела Памфри. Светлые волосы жены священника прикрывал белый чепец, поверх простого серого платья был надет белоснежный передник с оборками. Увидев Минерву, Памела заулыбалась:

– А, это вы! Бог мой, да вы посинели от холода! Входите скорее. – Она перевела взгляд на Грея. – И вы тоже, Грей Фэлконер. Скорее, пока не промерзли насквозь.

По кухне распространялись приятное тепло и аромат свежего хлеба. Грей почувствовал себя неловко.

– Добрый день, миссис Памфри, – чинно начал он. – С вашей стороны было очень любезно пригласить нас, но...

– Грей, как всегда, не забывает о манерах, – усмехнулась Минерва. – Он даже не дал мне возможности объяснить, что мы идем сюда, так что, как видите, он растерялся.

– Пустяки! – отозвалась Памела Памфри. Удивительно миниатюрная и хрупкая, она двигалась так, словно не касалась ногами пола. – Минерва просто нервничает, Грей, как и вы. Можете мне поверить. Она объяснила, что вам надо поговорить с глазу на глаз, и, конечно, я ей не отказала. – Последние слова были произнесены деловитым, даже сухим тоном.

– Но почему именно здесь? – тихо спросил Грей у Минервы. – И когда ты успела договориться о визите? Кстати, кто сказал тебе, что я в церкви?

– Минерва часто бывает у нас, – объяснила миссис Памфри, ведя гостей из кухни по узкому коридору и вверх по скрипучей лестнице, пропахшей лавандовым воском, которым натирали старинное дерево. – Увидев ее вчера, я сразу заметила, что она сама не своя. Я уж думала, вы разругались. Минерва объяснила, что хочет поговорить с вами, и мы с Памфри согласились ей помочь. Да, мы сразу согласились. Нам тоже пришлось нелегко, когда мы были молоды и хотели быть вместе. Мы можем вас понять.

– Нам просто нужно поговорить, – сказала Минерва. – Вот и все. Мы не собираемся... переходить от слов к делу.

– Правда? – отозвалась миссис Памфри, ступив на другую лестницу, расположенную в глубине холла. – Ладно, о чем говорить – решать вам. А как Минерва нашла вас, Грей, я понятия не имею. Наверное, сердце подсказало... Вот сюда. Здесь вам никто не помешает.

Она провела гостей в комнату, где стояла пустая деревянная колыбель, а на подоконнике были расставлены куклы и плюшевые зверюшки. К пылающему камину кто-то предусмотрительно придвинул кресло-качалку. В дальнем углу комнаты находилась еще одна дверь. Миссис Памфри открыла и ее.

– Если здесь вам наскучит, можете перейти в соседнюю комнату. Я никому не скажу, что вы здесь.

С этими словами она тотчас удалилась.

Минерва подошла к подоконнику и взяла в руки обезьянку, сшитую из пестрых ситцевых лоскутков.

– Как ты нашла меня? – спросил Грей, чувствуя себя неловко в непривычной обстановке.

– Ты знаешь, что у супругов Памфри есть дочь?

– Разумеется, знаю. Моредж уже замужем.

– Да. Приезжая к родителям в гости вместе с мужем и сыном, она занимает эту комнату.

Грей кивнул. Он уже решил, что не следует торопить события: пусть Минерва сама начнет разговор и направит его в нужное русло.

– Знаешь, я завидую Моредж, – вдруг призналась Минерва.

Грей сбросил мешок на пол, снял плащ, положил его на кедровый сундук, а поверх бросил шляпу и перчатки.

– Моредж очень милая. Ей несказанно повезло: с раннего детства она знала, что родители всегда выслушают ее, утешат и поддержат. Они

никогда не перебивали ее и не меняли тему.

Грей осмотрел свои промокшие сапоги, вспомнил про пистолет и прикрыл его полкой сюртука.

– Редко встретишь таких людей, как супруги Памфри. – Гредю и в голову не приходило, что Минерва так болезненно воспринимает отчужденность собственных родителей, более занятых своими делами, нежели жизнью дочери.

– Верно. – Она сняла плащ и, стряхнув с него подтаявший снег, сунула перчатки в карман. Сегодня на ней было темно-зеленое шерстяное платье почти такого же оттенка, как и плащ. Облегающий лиф с высоким воротом застегивался спереди и был украшен пелеринкой с золотой тесьмой. Узкое золотистое кружево окаймляло ворот и манжеты платья.

Грей в который уже раз восхитился ею. Тем более что теперь он знал, какова она под платьем... Он вдруг спохватился: думать об этом не следовало. По крайней мере пока. Но его взгляд невольно притягивали полная грудь Минервы и ее талия – не неестественно тонкая, как того требовала мода, а вполне пропорциональная.

Впрочем, любой согласился бы, что Минерва Арбакл – поразительно красивая женщина. Гредю не терпелось заключить ее в объятия и увезти с собой.

– Перестань раздевать меня взглядом!

Грей вздрогнул.

– Я только хотел... прошу прощения.

Минерва развязала ленты изящной шляпки, сняла ее, отряхнула и разгладила лихо изогнутое зеленое перо вокруг тульи.

Скрестив руки на груди, она заявила:

– Вы слишком пристально разглядываете меня, Грей Фэлконер. По моему, так смотреть на женщину попросту неприлично.

Грей невольно улыбнулся: Минерва порой бывала непоследовательной.

– Ты забыла, что я уже раздевал тебя и отнюдь не взглядом? – спросил он, медленно приближаясь.

Вскинув голову, Минерва слабо улыбнулась и покраснела.

– Джентльмену не пристало напоминать о подобных вещах.

– Значит, я не джентльмен, поскольку напоминать о них мне приятно.

Хочешь, расскажу, что именно мне довелось вчера увидеть?

– В таком случае я немедленно уйду, и уйду навсегда.

– Ладно, я согласен играть по твоим правилам.

– Мудрое решение.

– Может, все-таки объяснишь, как ты нашла меня в церкви?.. Ах да! Тебе сказал преподобный Памфри!

– Не Памфри, а Олаф Клак.

Грей нахмурился:

– Олаф Клак? Постоялец Макспорранов?

– Арендатор Модлин-Мэнора. Это поместье не принадлежит Макспорранам – они лишь управляют им в отсутствие владельца. Об этом я напоминаю исключительно потому, что неясность только сбивает с толку все заинтересованные стороны. И тогда возникает слишком много недоразумений.

– Мне прекрасно известно, кому принадлежит Модлин-Мэнор. Значит, ты побывала там?

– Да. Вместе с Брамби, как и обещала.

– Я не желаю, чтобы ты встречалась с Брамби. – Этот олух чуть не вызвал его на дуэль! – Больше не смей оставаться с ним наедине, ясно? Он явно домогается тебя.

– Я сама решу, как мне быть.

– Ты моя невеста.

– Пока я вовсе не невеста, тем более твоя. Итак, я сдержала слово и отправилась в Модлин-Мэнор вместе с Брамби. Но на самом деле мне хотелось встретиться с тобой и все прояснить.

Грей недовольно поморщился:

– Могла бы мне написать. Я немедленно приехал бы с визитом.

– Ты прекрасно знаешь, что в Уиллиноке нам не дали бы спокойно поговорить.

Грей с трудом сдержал желание объяснить Минерве, что на совести ее родителей лежит более тяжкое преступление.

– Я познакомилась с Олафом Клаком.

– Надеюсь, знакомство было приятным.

– Скорее, необычным. В то же время ему нанесли визит два человека, от которых я и узнала, где ты.

– Мистер Минер и мистер Финиш?

– Кажется, да. Найти тебя в Бэллифогге было проще простого. Но скажи, что произошло между тобой и Кэдзоу? Он вышел из церкви мрачным и подавленным.

Кэдзоу был подавлен?

– Ты неправильно поняла. Между нами состоялся чрезвычайно важный разговор. Теперь мы с дядей близки, как никогда прежде. Наша беседа взволновала не только его, но и меня. – Грею не терпелось сменить

тему.

Минерва вышла в другую комнату. В своем зеленом платье она была неотразима. Из уложенных на затылке кос вдруг призывно выбились темные локоны.

Грей последовал за ней и очутился в угловой комнате со скошенным потолком и большим окном. Подоконник был завален пестрыми пухлыми подушками и укрыт покрывалом с набивными розами. Из той же ткани были сшиты занавеси для большой кровати с четырьмя столбиками. Здесь в камине тоже горел огонь. Минерва с явным удовольствием оглядела уютное помещение.

– Значит, именно они сообщили тебе, что встретили меня, – произнес Грей, убедившись, что Минерва не собирается продолжать разговор.

– Не мне, а мистеру Клаку.

Грей был озадачен.

– Клаку? Но почему? С какой стати?

Минерва сорвалась с места так быстро, что Грей не успел отпрянуть. Схватив его за руку, она подтащила его к окну и усадила рядом с собой на подоконник.

– Именно это меня и тревожит. А вот твоя неделикатность, грубость, самонадеянность и настойчивость почему-то не причиняют мне столько беспокойства.

– Вот и хорошо, – отозвался Грей, не зная, смеяться ему или насторожиться. – Было бы досадно думать, что ты придаешь такое значение моим ничтожным провинностям.

– Грей, мне не до шуток.

В голосе Минервы явственно прозвучала тревога.

– Прости, я не хотел.

Минерва расправила юбки и нахмурилась.

– Грей, это я должна просить прощения за свою раздражительность. В оправдание могу сказать только, что последние три года жизнь моя сделалась невыносимой.

– Я ни в чем тебя не виню, – заверил Грей, смягчившись при виде искреннего раскаяния Минервы.

– Так больше продолжаться не может. Ты рассказал о том, что потерпел кораблекрушение, но просил молчать об этом. Я выполняю обещание, но не понимаю, в чем дело.

Услышав это, Грей все-таки не решился открыть ей тайну, хорошо понимая, как она будет потрясена неопровержимым доказательством преступления своих родителей, а потому только и сказал:

– Спасибо, Минерва. Я знал, что могу рассчитывать на тебя.

– Конечно, ведь я тебя люблю, – подтвердила она. – И все-таки происходит что-то чрезвычайно странное. Похоже, тебе грозит опасность. Пожалуйста, объясни, в чем дело. Тогда я смогу рассказать тебе обо всем, что услышала в Модлин-Мэноре. Конечно, я ничего умышленно не вынюхивала. Просто случайно подслушала.

Грей, напомнив себе об осторожности, собрался с мыслями и взял Минерву за руку. За стеклами в потрескавшихся деревянных рамах угасал день; багровые, зеленые, синие и янтарные тона закатного неба словно эхо повторились в огне камина.

Напряженное выражение лица Минервы встревожило Грея.

– Минерва, ты прелесть. Я безмерно восхищаюсь тобой. Прости, если я тебя чем-то огорчил...

– Я не просто огорчена. Мне страшно за тебя. И похоже, очень скоро придется опасаться и за саму себя.

– Но почему?..

– Выслушай до конца. – Минерва, не мигая, уставилась в глаза Грею. – Я должна знать, что произошло с тобой за время нашей разлуки. Ни за что не поверю, что ты всего лишь потерпел кораблекрушение. Произошло что-то гораздо более серьезное, иначе ты бы ничего не скрывал.

Грей медлил с ответом.

– Что ж, теперь я вижу, что не ошиблась. Что ты скрываешь от меня? Почему считаешь, что я проболтаюсь?

– Минерва, от тебя ничто не ускользает. – Грей мысленно добавил, что в данном случае знание не придаст ей силы, а только усугубит опасность, что недопустимо. – Но не надо забивать свою прелестную головку...

– Довольно! Прекрати, Грей! Давай забудем об условностях. Не надо обращаться со мной как с пустоголовой девчонкой, которую следует опекать на каждом шагу. Я никогда не страдала глупостью, но теперь это не важно. Выслушай меня внимательно, я намерена сообщить тебе нечто чрезвычайно важное.

Помедлив, она сглотнула, а Грей испытал сильнейшую тревогу – впервые с тех пор, как покинул остров.

– Грей, – заговорила Минерва, подавшись к нему и не сводя с него глаз, – я слышала, о чем говорили эти люди. Они несколько раз повторили: особенно важно, чтобы ты никогда не узнал, что произошло на самом деле.

Грей затаил дыхание, осторожно вздохнул и уточнил:

– Это правда?

– Да. Они говорили, что ты представляешь для них опасность. Они

даже не предполагали, что ты вернешься домой, и теперь боятся, что ты провалишь все их планы.

– Продолжай!

– А еще сказали, что, если истина, как они выражались, станет известна заинтересованным сторонам, им придется отдать за свою свободу все деньги, которые удалось заработать. А потом начать все заново.

Грей настороженно нахмурился:

– Лучше бы тебе об этом не знать, Минерва.

– Потому-то я и рассердилась! – Она сжала кулаки и ударила Грея по коленям. – Ты говоришь, что любишь меня, называешь единственной и при этом не доверяешь!

– Я просто забочусь о твоей безопасности. Мне необходимо уберечь тебя.

– Но кто защитит меня, если тебя не станет? – возразила Минерва, нахмутив брови. – Неужели ты думал, что я забыла о тебе и занялась поисками другого жениха в тот же день, как услышала от Кэдзоу весть о твоей гибели?

– Минерва, дорогая, не надо винить меня в том, что я всего лишь пытаюсь оградить тебя от суровой реальности. Чем закончился разговор тех людей?

– Невразумительными намеками и недомолвками. Но по-моему, они предпочли бы разделаться с тобой раз и навсегда! – Она тотчас в ужасе схватилась за сердце. – Грей, что все это значит? Я теряюсь в догадках!

Но Грей и сам почти ничего не понимал.

– Поверь, я буду на твоей стороне, что бы ни случилось, – продолжала Минерва. – Но свой союз мы должны держать в тайне – лишь так я сумею тебе помочь. Вдвоем мы все преодолеем. Только прошу тебя, перестань скрывать от меня правду! Обещаешь? – Не дождавшись ответа, она повторила: – Так ты обещаешь, Грей?

– Я сделаю все, что в моих силах. Больше я ничего не могу сказать. Никому не дано знать, что принесет следующий день.

Закрыв глаза, Минерва произнесла:

– Ладно, пока достаточно. Начни с самого начала – расскажи по порядку, что случилось с тобой за последние три года.

Грей по-прежнему считал, что Минерве совсем не обязательно знать об этом. Невозможно проболтаться о том, о чем даже не подозреваешь.

– Грей, пожалуйста!

– Все, что со мной произошло, настолько важно, что некоторые подробности должен знать только я. По крайней мере пока.

– Я тоже должна знать их!

Похоже, Минерва отступить не собиралась. Грей не сомневался, что любые попытки приукрасить или сократить этот печальный рассказ сразу вызовут подозрение его смышленной возлюбленной.

– Ну хорошо, – вздохнул он, – ты узнаешь все. Но это долгая и запутанная история.

– Миссис Памфри сказала, что здесь нас никто не потревожит. Так что можешь не спешить.

Странная услуга со стороны жены священника, подумалось Грею. Очевидно, миссис Памфри сочла его обладателем железной воли и непоколебимых нравственных принципов. Впрочем, даже образцам добродетели свойственно совершать ошибки.

– Так с чего же начать? – задал он вопрос самому себе. – Полагаю, с самого начала. Но прежде расскажи мне, что ты еще узнала? О чем говорили этот Клак и его чудаковатые приятели?

Минерва окинула его пристальным взглядом.

– Ты не так меня понял. Эти двое только сообщили Клаку, что встретили тебя в деревне. Они упомянули твое имя – именно это мне и показалось странным.

– А, вот оно что! Теперь все ясно.

– Подслушанный мной разговор о том, как поступить с тобой, вели вовсе не Клак и его друзья. Ты представляешь опасность для других людей. Для Энгуса и Друсиллы Макспорран.

Глава 12

Удел женщины – страдания, горестно размышляла Дженет Арбакл. Страдания, бремя ответственности, заботы о самом главном: репутации в обществе, семье и о том, чтобы вовремя ставить на место низшие сословия...

Арбакл так и не сумел оценить добросовестность, с которой Дженет исполняла свой долг жены и хозяйки Уиллинока. И матери его детей... пусть даже единственной дочери.

– Что нужно от нас этому Клаку? – проворчал Арбакл. Он вновь ввалился в будуар жены и занял ее любимое кресло. Миссис Арбакл могла бы поклясться, что он явился сюда с единственной целью: досадить ей. – Дженет!

Вздрогнув, она спросила:

– Что?

– Зачем сюда явился тот тип, о котором доложила миссис Хэтч?

– Будем надеяться, ответ мы узнаем от него самого.

Арбакл пренебрежительно махнул рукой:

– Еще чего! Мы сразу дадим ему от ворот поворот. А теперь выкладывай, что ты сказала Фэлконеру. Глупая женщина, когда же ты научишься советовать со мной, прежде чем бросить псу под хвост плоды многолетних трудов?

– Если бы ты соизволил подумать, – начала его жена, старательно понижая голос, – прежде чем высказаться, то понял бы, что сморозил глупость. Ты только что предположил, что я намеренно погубила нас. Если мы и вправду погибли, то виноваты в этом оба... Нет, разумеется, я ни в чем не обвиняю тебя, дорогой. Ты безупречен! Великолепный образец бесподобной пронизательности, полубог среди смертных, краса и гордость нашего дома, дар Всевышнего... – она помедлила, ожидая, что муж остановит ее, и, не дождавшись, заключила: – и извечная больная мозоль!

Арбакл по-прежнему сидел с закрытыми глазами. На его губах играла довольная улыбка, словно он видел то, о чем не подозревала его жена.

Не муж, а сущее наказание!

– Арбакл, чему ты усмехаешься?

– Я не усмехаюсь, а обдумываю композицию своего нового полотна. Загадочную, грандиозную, невысказанно сложную! Но не приложив стараний, невозможно испытать удовлетворение оттого, что достиг

величайших вершин мастерства!

Значит, Арбакл ничего не слышал. Дженет была благодарна даже за эту неожиданную милость судьбы.

– Если Фэлконер разберется, что к чему, он раструбит о своем открытии по всей округе, угрожая нам всеми карами небесными. Он далеко не глуп. Что, если он начнет задавать лишние вопросы?

– Ему никогда не догадаться, что я имела в виду.

– Ага! – Арбакл вскочил и нацелил на Дженет палец. – Вот оно, признание! Ты сама призналась, что поступила неразумно, дав врагу ключ к разгадке! – Он расхохотался, стремительно усиливая громкость. – Разве можно надеяться на то, что противник не откроет истину случайно? Что не начнет размышлять, кому были выгодны его похищение и смерть? И не придет к выводу, что прежде всего нам?

– Но ведь он покинул наш дом, – напомнила Дженет. – Уверяю, он ни за что не сообразит, что я имела в виду. Зато ему хватит ума, чтобы понять: в этом доме он – персона нон грата.

– А если он начнет расспрашивать – что тогда? Если начнет выведывать, разнюхивать и узнает, как возросли наши расходы с тех пор, как его... с тех пор, как он должен был вернуться из Вест-Индии?

Дженет в изнеможении закатила глаза.

– Арбакл, ради Бога, прекрати пугать меня своими ужасными предположениями! Ну посуди сам, разве он заметит связь? Всем известно, как часто ты едешь в Лондон и Эдинбург. Все знают, каким успехом пользуются твои картины...

Гневный взгляд мужа приятно порадовал Дженет. Для разнообразия Арбаклу было полезно испытать чувство неловкости.

Открыв дверь без стука, в будуар проковыляла миссис Хэтч – как обычно, встрепанная и недовольная.

– Ума не приложу, с чего это вам взбрело в голову принимать тут гостей.

– Нам здесь нравится, миссис Хэтч. Здесь очень уютно. А где и как мы будем принимать гостей, вас не касается. Кстати, это моя комната, – добавила Дженет, устремив взгляд на Арбакла, который изучал носок собственной туфли. – Так вы говорите, у нас гости?

– Будет гость, если одолеет лестницу. Он еле-еле ползет.

Вздохи и стоны, доносящиеся из-за двери, постепенно усиливались. Эти звуки, выражающие невыносимые страдания, дополняло невнятное бормотание.

Подбоченившись, миссис Хэтч выглянула за дверь, наблюдая за тем,

как гость приближается к двери будуара.

– Да не спешите вы так! – сжалилась она. – Куда вам торопиться? Стало быть, вы все-таки решили подняться? Вот и хорошо. Можете рассчитывать на теплый прием. – Обернувшись к хозяевам дома, она неуклюже присела. – Мистер Олаф Клак из Модлин-Мэнора! Явился засвидетельствовать почтение в высшей степени достойным членам здешнего общества, супругам Арбакл. Это он сам так сказал.

Попятившись, чтобы пропустить гостя, миссис Хэтч чуть не сбила его с ног и взвизгнула: «Ах, шалун! Что это вы себе позволяете?» Должно быть, руками мистер Клак орудовал гораздо успешнее, чем ногами.

– О Боже мой! – ахнула Дженет и мгновенно зажала рот ладонью. Но гость, увлеченный разговором с экономкой, не заметил ее жеста. Дженет перевела взгляд на Арбакла. Тот протер темные стекла очков рукавом халата и воззрился на пришедшего.

– Олаф Клак, – наконец отрекомендовался гость, склонив голову так, что подбородок вжался в грудь. – Рад познакомиться с вами, мистер и миссис Арбакл. Сказать по правде, моя радость так велика, что мне не с чем даже сравнить ее!

Мистер Арбакл не нашелся с ответом.

– Благодарю вас, мистер... Клак, – откликнулась Дженет. – Прошу вас, входите, присаживайтесь – вот сюда, поближе к огню. День сегодня выдался такой ненастный!

– Что и говорить, миссис, паршивый денек.

Дженет хлопотала вокруг гостя, с изумлением разглядывая его. Этот человек не мог иметь ничего общего с почтенной четой Арбаклов.

Несомненно, Клак был калекой с самого рождения. Его позвоночник имел гротескный, нелепый, причудливый изгиб, отчего гость сгибался почти пополам. Он тяжело опирался на трость красного дерева с резным набалдашником в виде башмака. Как уже упоминали Макспорраны, Клак обладал густой гривой иссиня-черных волнистых и длинных волос, которые ниспадали на спину и свисали вдоль щек, бросая на лицо тень.

Во внезапном порыве – должно быть, вспомнив об обязанностях хозяина дома, – Арбакл бросился навстречу гостю.

– Как вы сказали – мистер Олаф Клак? Тот самый мистер Олаф Клак?!

– Насчет «того самого» не знаю – просто Олаф Клак, и все. Имел честь поселиться в Модлин-Мэноре на неопределенное время.

Дженет и мистер Арбакл переглянулись, встревоженные последними словами. В разговоре с Макспорранами они неоднократно выражали надежду, что Клак долго в поместье не задержится.

– А табурет у вас найдется? Я ненадолго, да только стоять мне неумоготу. Вы уж, наверное, заметили – вид у меня неважнецкий. Ранило во время индийской кампании.

Дженет приоткрыла рот и усердно закивала.

– Так как насчет табурета? Если я сяду в кресло, то уж потом не встану.

– Ах, табурет! – спохватилась Дженет, вскакивая и оглядываясь. – Арбакл, у нас есть табурет?

Арбакл задумался, затем, просияв, поднял палец.

– Ну конечно! – Наклонившись, он вытащил из-под позолоченного полукруглого столика Дженет маленький пуфик, обитый красным бархатом. – Конечно, это не табурет, старина, но что-то вроде того. Располагайтесь!

Арбакл подтолкнул пуфик поближе к икрам кривых ног Клака, обтянутых белыми шелковыми чулками. Тот неуклюже уселся, широко разведя ноги в атласных темно-коричневых бриджах. Его рубашку украшало пышное жабо из тонкого белоснежного кружева. Некоторое время Клак ворчал, вздыхал и ерзал, поудобнее пристраивая на пуфе свои филейные части. Левую руку он опустил, правой оперся на трость. Из-под рукавов серебристого парчового сюртука старомодного покроя выбивались пышные кружевные манжеты.

– Друсилла говорила, что он не снимает плаща, – забывшись, произнесла вслух Дженет и тут же поправилась: – Друсилла упоминала о том, какие у вас прекрасные плащи, мистер Клак.

– Тут слишком жарко, – объяснил Клак, продолжая ерзать. Наконец он принял удобную позу, фыркнул и медленно водрузил левую ладонь на колено. – Вот так... Превосходно! Надеюсь, вы простите меня за вторжение. Я решил убедиться в том, что семейство Арбаклов и вправду самое достойное и почтенное во всем Бэллифог!

Хотя он немилосердно коверкал слова, вздыхал и пришепетывал, последним комплиментом ему удалось несколько расположить Дженет к себе. Впрочем, если она и смягчилась, то совсем чуть-чуть, чтобы не уронить достоинства.

– Весьма любезно с вашей стороны, мистер Клак.

– Откуда вы прибыли? – со своей обычной прямоотой осведомился Арбакл.

Мистер Клак приподнялся с пуфа, вытащил из-под себя полы сюртука и снова сел.

– Из Индии. Я же сказал, что меня там ранили.

– Да, но...

– Решил, что пора разбить лагерь на новом месте. Несколько лет выбирал и вот остановился на Шотландии. За свою жизнь я объездил весь мир, ей-богу! Эти глаза всякое повидали. – Он указал на собственное лицо, по-прежнему скрытое в тени густых волос. – Но старым костям нужен отдых. Шотландия подошла как нельзя лучше и Модлин-Мэнор тоже – словно сделан по заказу! Поначалу мне здесь не слишком понравилось, но теперь я уже обжился, осмотрелся и понял, что нашел местечко в самый раз. А вы откуда родом?

– Из Шотландии, – хором ответили Дженет и Арбакл.

Неужели он навсегда останется в Модлин-Мэноре?! Это недопустимо! Дженет переплела и стиснула пальцы. Гневным взглядом она без слов приказала Арбаклу немедленно перейти к действиям.

– А как же давние привычки, мистер Клак? – спросил Арбакл. – Разве солдат может прожить без сражений?

– Привычка – вторая натура, – согласился Клак. – Бывало, в молодости один лишь шум битвы будоражил кровь! Мужчина обязан продемонстрировать миру, на что он способен!

– Вы совершенно правы, – подтвердила Дженет, гадая, на что намекает мистер Клак.

Клак поднял трость, поставил ее перед собой и сложил ладони на набалдашнике.

– Да, надо показать себя с лучшей стороны. Пусть все знают, кто я такой! Главное – задать тон!

Дженет растерянно заморгала, жестом призывая супруга на помощь.

Арбакл, недоумевая, осведомился:

– Не хотите ли выпить?

– Какое обхождение! Значит, вас по праву считают образцом благородства! – Клак хлопнул себя по колену, зашатался и вытянул руку вперед, чтобы удержать равновесие. – Я бы с радостью выпил виски, да побольше. Старым костям не мешает согреться.

Арбакл достал ключ от буфета и послушно отправился за виски.

– А где же миссис Клак? – любезно осведомилась Дженет.

– Ее нет! – отозвался Клак. – Слишком уж я робок с женщинами. Трудновато, знаете ли... нет-нет, я не женат. Пока.

– Пока? – Дженет насторожилась.

Арбакл принес виски и протянул Клаку наполненный стакан. Гость с благодарностью принял его, поднес к неразличимому в тени рту и издал гулкий чмокающий звук. Дженет увидела, как уровень виски в стакане стал

снижаться.

Клак вновь хлопнул себя по колену и перевел дыхание.

– Хорошо пошло! Отличное виски, Арбакл. Вы истинный офицер и джентльмен!

Арбакл никогда не служил в армии, а в том, что он джентльмен, сомневалась даже Дженет.

– Мы очень благодарны вам за то, что вы выкроили свободную минутку и навестили нас, – произнесла Дженет, заметив, что Клак слишком увлекся виски и совсем забыл о хозяевах дома. – Надеюсь, теперь вы будете к нам заглядывать. Мы найдем возможность прислать вам приглашение.

Обтянутый белой перчаткой палец взметнулся вверх.

– Какая пронизательная особа! Вот именно приглашение! Именно поэтому я здесь. Видите ли, я не всю жизнь провел в Индии. В душе я англичанин, миссис. Тот, кто родился англичанином, навсегда останется им.

– К сожалению... – буркнул Арбакл.

– Но я решил, что Шотландия мне в самый раз. Слишком уж долго я прожил вдали от цивилизации. И потому теперь не прочь вкусить всех благ лучшей жизни!

Последовала пауза. Клак что-то бормотал, а Арбакл стал выказывать признаки раздражения.

– Весьма похвально, – громко заявила Дженет. – Вы согласны, мистер Арбакл?

– Разумеется, дорогая.

– Я решил принимать гостей в поместье.

Дженет стало дурно. Она не сомневалась в том, что смертельно побледнела. От лица Арбакла стремительно отливала кровь.

– Устроим настоящий салун! Все, как положено. С харчами и выпивкой. С музыкой и игорными столами. Надеюсь, вы меня понимаете, мистер Арбакл.

Харчи, музыка, салун... Очевидно, под последним Клак подразумевал светский салон.

– Звучит... заманчиво, – еле выговорила Дженет.

– Я знал, что вам понравится! Женщины там тоже будут – уйма женщин, Арбакл! Но только самых шикарных. Привезем их из Лондона.

– А почему не из Эдинбурга? – машинально осведомилась Дженет, но тут же осеклась.

– И оттуда тоже, – согласился Клак. – Ну что скажете? Годится?

– Годится? – растерянно повторила Дженет и принялась нервно вышагивать по комнате. – Арбакл!..

– Разумеется, мы принимаем приглашение, старина, – высказался Портос, подмигивая жене совсем как в молодости. – Сочтем за честь!

– Ушам не верю! Сами Арбаклы – в салуне Олафа Клака! Новость прямо для газет! Настоящее светское общество – получше, чем в Индии!

– И неудивительно.

Дженет вздохнула свободнее. Она готова была расцеловать Арбакла: он умел объяснять, что не так страшен черт, как его малюют.

Клак вновь приложился к стакану с виски.

– Вот поэтому я и пришел сюда. Чтобы повидаться с вами. Услышал, что вы – самые достойные жители Бэллифога и окрестностей. Здесь вас знает любой и каждый.

– Да? – Дженет развернула веер и принялась судорожно обмахиваться им.

– Вот я и решил собрать гостей в своем салуне в удобный для вас день.

– О нет! Ни в коем случае! – поспешно воскликнула Дженет. – Мы будем искренне огорчены, если не сумеем побывать у вас, но умоляю, не стоит из-за нас менять свои планы.

– С какой стати? Нет уж, без вас не будет никакого салуна. Вот и все.

Заерзав на месте, Дженет бросила на мужа красноречивый взгляд.

– Беспокоиться не о чем, – заявил Арбакл. – Мы редко бываем заняты. Назовите день, старина, и ради визита к вам мы отложим все дела.

– Тогда в пятницу на будущей неделе. Идет? Как раз к Михайлову дню.

– В пятницу? – Дженет закусила губу и нахмурилась, задумчиво покачивая головой. – Через шесть дней? Дорогой, мне кажется...

– Ты совершенно права, Дженет, – перебил Арбакл. – Мы будем свободны, все наше семейство. Надеюсь, вы не против, мистер Клак? Нас всего пятеро. Наверное, Дженет беспокоится, что нас слишком много.

– Ничуть! Буду польщен. Значит, в пятницу на следующей неделе. Ей-богу, не пожалеете. Вы привезете свою прелестную дочь?

– Непременно, – усмехнулся Арбакл.

Дженет отрицательно замахала руками, но муж не обратил на нее никакого внимания. Остолоп!

– А еще привезем своих племянника и племянницу, – продолжал Арбакл. – Детей брата моей жены. Они сироты, бедняжки. Мы любим их как родных. Они ни в чем не нуждаются – верно, Дженет?

– Думаю, да. – Пользы от мужчин ни на грош! И как мог Арбакл преспокойно принять приглашение в какой-то ужасный «салун»?

– И еще одно... – заговорил Клак. – Нет, не могу. Я и без того прошу о многом.

– Да уж, – пробормотала Дженет.

– Ничуть! – перебил ее Арбакл с сияющей улыбкой. – Мы к вашим услугам. Говорите же, мистер Клак. Не знаю, дождусь ли я пятницы. Стало быть, вино, женщины и песни? Не припомню, когда в последний раз веселился по-настоящему.

Дрожа и опираясь на трость, Клак поднялся с пуфа и застыл, всем своим видом напоминая крокетные ворота. Затем звучно откашлялся.

– Вам плохо? – участливо осведомился Арбакл, и миссис Арбакл вдруг поняла: муж беспокоится о том, что «вина, женщин и песен» ему не видать как своих ушей. Дженет поклялась, что он за это еще поплатится.

– Пустяки. – Клак еще раз откашлялся. – Миссис, я прошу вас оказать мне величайшую честь и помочь составить список приглашенных. В моем салуне не должно быть случайных людей!

Дженет показалось, что она сию же минуту лишится чувств. Смертельно побледнев и отвернувшись, она закрыла глаза. Ведь, согласившись выполнить просьбу Клака, Дженет рисковала стать посмешищем для всего Бэллифога и его окрестностей.

– Но это еще не все, – продолжил Клак. – Вы же сами сказали, что готовы помочь. Как насчет того, чтобы разослать приглашения? Да-да, вы вряд ли мне откажете! Только самым достойным гостям! Помогите мне поразить их размахом. Пусть увидят самый большой и веселый салун в мире! Я могу рассчитывать на вас?

– Право, я...

– Само собой, Клак! – перебил Арбакл и хлопнул гостя по плечу. Этот неосторожный жест имел плачевные последствия. Колени Клака подогнулись, и Портосу пришлось хватать гостя за руку, чтобы тот не упал. – Простите, старина. Ваше предложение настолько воодушевило меня, что я на минуту забылся. Разумеется, миссис Арбакл разошлет приглашения от вашего имени. Все будут ошеломлены – верно, миссис Арбакл? – Его жена подавленно молчала. – Видите? От радости она лишилась дара речи! Кстати, поскольку вы не женаты, позвольте миссис Арбакл помочь вам принимать гостей. Да, мы настаиваем! – заключил он, не давая Клаку возразить.

Дженет тихо застонала и опустилась в кресло:

– Арбакл, нюхательные соли!

– Что с ней? – насторожился Клак. – Ваша миссис нездорова, Арбакл?

– Нет, что вы! Моя жена крепка телом и духом. Просто она разволновалась, размышляя, кого из соседей следует пригласить.

– А, вот оно что! – Клак сунул руку в глубокий карман своего

сюртука. – Только самых достойных, миссис. Недостойный гость – как в горле кость. Ха! Да я, оказывается, поэт! Гость – кость. Да, и насчет костюмов не забудьте!

– Позвольте проводить вас до двери, – предложил Арбакл. – В такую погоду вы не скоро доберетесь до поместья.

Клак вытащил из кармана что-то красное.

– Пойдите, я еще не закончил. Это вам, миссис. Маленький подарок в знак признательности. – И он взмахнул красной вещицей.

Дженет обмякла в кресле, томным жестом приложила ладонь ко лбу и закатила глаза. Почему она до сих пор не лишилась чувств?

– Других таких не сыскать. Я же говорил, что пришел сюда не просто так. Они достались мне от одной французской шлю... то есть леди из Франции. Язык мой – враг мой.

– Арбакл! – слабо прошелестела Дженет, но ее немилосердный супруг был слишком занят. Он внимательно разглядывал подарок, которым Клак потрясал перед хозяйкой дома, как флагом.

– Да, я привез их из одного местечка... словом, из Франции. Вот, возьмите. Носите на доброе здоровье. Да смотрите, больше не хворайте!

На колени Дженет упали красные шелковые шальвары.

Глава 13

– Никакого кораблекрушения не было.

– Не было? – Минерва встрепенулась. – Значит, ты солгал?

– Да, то есть не совсем... Да, пожалуй, я солгал. Но у меня были на то свои причины. Я пытался избавить тебя от подробностей, и совершенно напрасно. Мне следовало сразу понять, что ты не успокоишься, пока все не разознаешь.

– Если корабль не потерпел крушения, тогда где же ты был? – Почувствовав горечь в голосе Грея, Минерва не стала упрекать его во лжи.

– В назначенный день я поднялся на борт корабля. В первый же вечер, когда я стоял на палубе, к борту бесшумно причалили пираты и похитили меня. Затем отвезли в шлюпке на свой корабль, а потом доставили на остров, где держали в загоне, словно зверя. Впрочем, мне все равно было некуда бежать.

Минерва потянулась к нему, но Грей покачал головой, и она опустила руки.

– В течение трех лет я постепенно разбираю крышу своей хижины и мастерил плот. Когда он наконец был готов, я решил покинуть остров. На сей раз удача мне улыбнулась. Плывущий в Англию корабль подобрал меня и доставил на родину.

Минерва не знала что и сказать. У нее вмиг похолодели руки.

– У тебя наверняка возникло множество вопросов, и я постараюсь на них ответить. По всей видимости, кто-то стремился разделаться со мной. Пиратам заплатили за то, чтобы они похитили меня и убили.

– Не может быть! – ахнула Минерва и в ужасе вздрогнула.

Грей склонил голову:

– Я не хотел тебе говорить, но ведь иначе ты не успокоишься. В общем, вместо того чтобы убить меня, пираты начали вымогать деньги из моих злоумышленников, угрожая разоблачить их. Теперь ты знаешь все. Осталось лишь добавить, что мне... по-прежнему грозит смертельная опасность.

– Грей, какой ужас! Бедный ты, бедный...

– Пожалуйста, не надо. – Грей покачал головой и горестно нахмурился, не желая, чтобы Минерва его жалела.

Выпрямившись во весь рост, он уставился в окно. На лице его не отразилось ничего, кроме суровой отчужденности.

Мужчины вечно сами усложняют себе жизнь.

Минерва стащила промокшие ботинки и пошевелила пальцами в чулках на потертом зеленом ковре.

Мужчины сами втискивают себя в нелепые рамки, не дают воли своим чувствам, размышляла она. Они только притворяются сильными, невозмутимыми, бесстрашными. И совершенно напрасно. Понятно, почему на свете так много вдов. Скорее всего этот вывод насмешил бы мужчин, но Минерва не удивилась бы, узнав, что только благодаря своей чувствительности женщины живут гораздо дольше. Невозможно представить себе, какая бездна боли и страха скрывается под мужской гордостью, не находя выхода!

– Абсурд!

– О чем ты говоришь, Минерва?

Грей так замкнулся в себе, что вряд ли согласился бы принять от нее помощь.

– В гневе я способна на все!

– Ну и что хорошего?

Бедняжка! Он попросту ничего не понимает.

– Когда ярость вырвется наружу, мне станет легче, Грей.

– Это ничего не изменит.

Какое здравомыслие!

– Излив гнев, я сумею сосредоточиться и стану противником, с которым нельзя не считаться.

– Ты и без того опасный противник.

Равнодушный тон Грея вызвал у нее недовольство. Он только что рассказал ей ужасающую историю, и Минерва ничуть не сомневалась, что услышала сущую правду.

– Надо действовать сообща и выяснить, кто стоял за этим вопиющим преступлением.

– Ни в коем случае! – Грей тотчас повернулся к ней. – Сейчас же пообещай, что ты ничего не станешь предпринимать. Это мужское дело. Оставь его мужчинам.

– Мужчинам?

Грей снова уставился в окно, за которым кружили редкие снежинки.

– Да, мужчинам. Мой дядя знает о случившемся, он намерен помочь мне раскрыть это преступление. А всего в нескольких милях отсюда живет Макс Россмара. Мы с ним договорились в случае необходимости общаться через посыльных.

– Я не говорила, что у тебя нет преданных друзей. Просто меня

взбесила твоя уверенность в том, что лишь мужчины способны бороться со злом. Ничего подобного, я не позволю отстранить меня от дел. Преступление против тебя означает преступление и против меня. Нас разлучили, и я отомщу виновным!

Грей устремил на нее такой тоскливый взгляд, что Минерве захотелось броситься к нему, обнять и помочь излить горечь и досаду.

– У тебя отняли три года жизни!

– Минерва, если бы не твои настойчивые просьбы, я бы до сих пор пребывал в молчании. Не беспокойся, я сумею отомстить врагам.

– Но тебя снедает тревога.

Грей скривил губы, лицо его исказила злая гримаса.

– Я успокоюсь, только когда свершится правосудие.

– И ты надеешься, что я забуду обо всем, что услышала?

– Я рассчитываю, что ты не станешь вмешиваться в мои дела. Я мужчина. Это меня держали в плену. Значит, я и буду мстить виновным.

Минерва решила действовать осторожнее. Несмотря на отказ Грея от помощи, она не собиралась сидеть сложа руки.

– Скажи, к чему привело расследование в Вест-Индии?

– Ты о чем, Минерва?

– Может, я тебя неправильно поняла? Куда же девались твои вещи, которые были доставлены на борт корабля? Их вернули сюда?

– Нет. Капитан корабля сообщил Кэдзоу, что я вообще на корабле не появлялся.

– А на самом деле ты садился на корабль? Вместе с багажом?

– Разумеется.

– Значит, капитан и его команда были сообщниками пиратов. Иначе твои вещи давно бы нашлись.

– Они исчезли. – Глубоко вздохнув, Грей снял сюртук. – А тебя не хватятся дома? Ты отсутствуешь слишком долго...

– Родители уверены, что я работаю.

– Вот и хорошо. Сейчас ты мне так нужна.

У Минервы перехватило дыхание.

– Я должна быть рядом с тобой, – тихо ответила она, но не посмела прикоснуться к Грею.

– Возможно, капитан и знал о планах злоумышленников, но ручаться я не стану. Корабль исчез... А если предположить, что его просто переименовали? Скорее всего капитан боялся, что его обвинят в моем исчезновении. Кэдзоу со мной согласен.

– Если бы не... – Минерва осеклась. – Если бы я не подслушала

разговора Макспорранов о том, что им необходимо избавиться от тебя, я бы сказала, что на поиски ответа нам следует отправиться в Вест-Индию.

Грей протянул ей руку и улыбнулся:

– Как быстро ты делаешь выводы! Дай мне руку, Минерва. Это придаст мне сил.

Улыбка любимого отчасти взбодрила Минерву, как и его простые слова. Она подала ему руку, и они застыли рядом, глядя в окно.

– Из разговоров, подслушанных на острове, я узнал, что нити заговора тянутся в Шотландию. Пираты часто упоминали о «шотландском горшке с золотом». Да, разгадка кроется именно здесь. Знаешь, вернувшись домой, я каждую минуту жду нападения.

Он словно прочел мысли Минервы. От страха у нее даже в горле пересохло. Так и есть: Грей только казался невозмутимым.

– Но откуда у Макспорранов взялись деньги, чтобы заплатить пиратам?

– Черт побери! – Грей стиснул ее руку так, что хрустнули кости. – Ну конечно! И как я сразу не додумался?

– Грей! – напомнила о себе Минерва. – Ты уже понял? Объясни мне.

– Просто у меня возникла любопытная мысль, – отозвался он, качая головой. – Подожди, дай мне подумать...

Минерва знала, что в эту минуту настойчивость ей не поможет.

– Мистер Макспорран родился в семье обедневших помещиков, располагавшей более чем скудными средствами. Энгус учился в школе вместе с моим отцом. Кажется, за обучение Энгуса платили попечители школы, но об этом он никогда не упоминал. Мама недолюбливает Друсиллу. А что касается Брамби, он славный мальчик.

– Брамби...

– Тс-с! – перебила Минерва. – Брамби и вправду славный мальчик. Только бы он поскорее встретил свою любовь. Его влечет ко мне лишь потому, что в Бэллифоге все невесты наперечет.

Грей привлек Минерву к себе, так что она уткнулась носом в булавку на его галстук.

– Подобное влечение, как ты его называешь, вполне понятно. Увидев тебя однажды, любой мужчина пожелает обладать тобой.

– Не знала, что ты стал таким льстецом. – Минерва томно прижалась к его груди.

Грей обнял ее за талию и крепко прижал к себе, чтобы она, не дай Бог, не вырвалась.

– Я не льстец, а честный человек, которому очень и очень повезло.

– Они ни в коем случае не должны догадаться, что мы их заподозрили, – заявила Минерва. – Значит, надо позаботиться о том, чтобы они не утратили доверия ко мне.

– Держись от них подальше.

Минерва пропустила слова Грея мимо ушей.

– Они надоели мне постоянными приглашениями в Модлин-Мэнор, но теперь я буду часто навещать их.

– Нет.

– Ты не имеешь никакого права распоряжаться мной. Будь любезен запомнить это. Как я уже сказала, я буду часто бывать в Модлин-Мэноре и потихоньку наблюдать за ними. Тебе грозит опасность, и я намерена защитить тебя.

– Проклятие! – Грей сжал руки, а затем отпустил Минерву и отступил на шаг, сведя брови над переносицей. – Ну как мне убедить тебя, что это не игра? Похитить тебя? Запереть где-нибудь подальше отсюда?

Если бы не мрачное лицо любимого, она не выдержала бы и рассмеялась. А так пришлось лишь покачать головой:

– Не стоит.

– Не приближайся к этому дому и этим людям.

Склонив голову, Минерва подошла к окну и, приложив ладони к стеклу, встала на колени на подоконнике.

– Минерва, я хочу возобновить нашу помолвку. Конечно, сообщать о ней во всеуслышание незачем, но я должен знать, что мы понимаем друг друга.

– Я же сказала...

– Этого мало.

– Ты недооцениваешь моих родителей. Надо немедленно попросить помощи у них. Я не рассказала им о подслушанном разговоре только по одной причине: мне хотелось сначала поговорить с тобой.

Грей тотчас чертыхнулся с таким чувством, что Минерва оглянулась через плечо. К счастью, он уже устался в камин.

– Ты что-то скрываешь от меня? – спросила Минерва. – Уверял, что тебе нечего добавить, но я же чувствую: все совсем не так.

– Минерва, не надо об этом. Ты ничего не понимаешь. Зачем ты настаиваешь? Почему никак не хочешь смириться с тем, что я вправе сам распоряжаться своей судьбой?

Потрясенная его тоном, Минерва затаила дыхание. Прижавшись лбом к холодному стеклу, она попыталась успокоить сильно бьющееся сердце. Грей впервые говорил с ней так резко.

За стеной, окружавшей сад священника, виднелись надгробия, засыпанные снегом. Вдалеке возвышалась темная громада церкви.

В замерзшем саду Памфри по снегу скользила расплывчатая тень с распростертыми, трепещущими крыльями... Минерва едва ли не вдавила лицо в стекло. Поначалу она бездумно следила за передвижением тени. Но та вдруг обрела очертания человеческой фигуры, подошла к воротам, бросила взгляд на окно комнаты, где скрывались влюбленные, выскользнула за ворота и исчезла среди могил.

– Грей! Грей, смотри!

Он мгновенно подскочил к ней:

– Что случилось?

– Там внизу кто-то есть. Он пробежал по саду и кладбищу!

– Я никого не вижу.

– Он уже скрылся из виду, но он точно был здесь. Я отчетливо видела его. Сначала я решила, что это птица, тень какой-то птицы... – Она осеклась, не сводя глаз с зимнего пейзажа за окном и ожидая ответа Грея.

– Тень какой-то птицы?

– Но я ошиблась. – Минерва вдруг почувствовала, как глупо звучат ее слова. – То есть мне только показалось, что я вижу птицу, – в саду слишком темно. Но затем я разглядела силуэт человека. Он остановился у ворот, оглянулся на мое окно и убежал.

– Вероятно, тебе почудилось.

– Да нет же! Уверяю тебя, я не ошиблась!

– Охотно верю, но вряд ли это имеет значение. Просто внимание этого человека привлек свет в окне, и ничего более. Разве так не бывает?

Поразмыслив, Минерва кивнула:

– Да, бывает.

– Мимо часто ходят люди, – продолжал Грей. – Многим приходит в голову сократить путь, пройти к церкви прямо через сад Памфри.

– Ты прав. – Минерва решила выбросить случившееся из головы. – Просто теперь меня настораживает любая мелочь.

– Было бы удивительно, если бы ты сохраняла спокойствие. Не забывай, что Бэллифог невелик. Это не океан, где никто не заметит исчезновения человека. Почему-то эта мысль меня утешает. По-моему, здесь непросто разделаться с человеком. И к тому же у нас есть верные друзья, которые не откажут в помощи. Мы будем сражаться до победного конца.

Узнав об исчезновении Грея, Минерва оплакивала его целых три года, но только теперь заметила зло вокруг. Как хорошо было бы навсегда

остаться вместе с Греем в этой уютной комнатке!

– Я хотела бы умереть здесь, рядом с тобой, – пробормотала она.

– Не смей так говорить! Минерва, ты моя жизнь, понимаешь? Ты согрела мне душу. Я бы с радостью заверил тебя, что все идет своим чередом, но я не могу. Пока не могу. И прошу тебя, не надо спорить!

Минерва тяжело опустила на подоконник и скрестила руки на груди.

– Прости, – пробормотал Грей, вновь отворачиваясь. – Я опять забылся и наговорил лишнего. Как бы я хотел жить, как прежде! Милая, я в полной растерянности. Не знаю, поймешь ли ты меня...

– Почему ты просил меня порвать с родителями и уехать с тобой?

– Потому что... – Минерва услышала, как Грей взял кочергу и принялся ворошить угли в камине. – Потому что ты нужна мне. Здесь я перестал понимать, кто друг, а кто враг. Мне хочется навсегда покинуть Бэллифог. Но без тебя я отсюда не уеду.

Минерва похолодела.

– Я никуда тебя не отпущу!

Грей продолжал орудовать кочергой.

– Нам нужна помощь. Ты должен защищаться. Если Макспорраны... Не могу поверить, что они способны на преступление. Но, судя по их словам, ты представляешь для них угрозу. Ума не приложу почему.

– Само собой.

– С помощью твоего дяди и моих родителей мы могли бы...

– Нет.

– Может, обратимся в полицию?

– Нет, Минерва. Ты и представить себе не можешь, с чем мы столкнулись. В Бэллифогге нет ни пиратов, ни пиратских кораблей, ни необитаемых островов. Я сам сумею постоять за себя. Вместе с дядей мы справимся с врагами. Мы уже договорились быть начеку.

Только теперь Минерва заметила то, что должна была увидеть сразу.

– У тебя пистолет! – Ноги у нее вдруг подкосились. – Зачем ты носишь с собой такую опасную вещь? Разве в этом есть необходимость?

– Ни малейшей, – язвительно рассмеялся Грей, взяв пистолет в руку. – Зачем человеку защищать собственную жизнь и тех, кто ему дорог?

– Ни за что не поверю, будто кто-то решил тебя убить! В конце концов, у твоих врагов было немало шансов, но они ими не воспользовались. Захотев, они давным-давно избавились бы от тебя.

Кочерга выскользнула из рук Грея и загрохотала, ударившись об пол.

– Что ты сказала?

– Пираты могли бы прикончить тебя и продолжать вымогать деньги

под тем предлогом, что ты еще жив. Кто бы проверил? Наверное, у них были свои причины сохранить тебе жизнь. Вероятно, они даже хотели, чтобы ты вернулся в Шотландию.

В таком случае пираты могли бы помочь ему или хотя бы делать вид, что не замечают, как он сооружает плот.

– Минерва! – Грей положил ей руку на плечо, заставив вздрогнуть. – Разве такое возможно?

– По-моему, да.

– Но зачем Макспорранам понадобилось держать меня на острове? Только затем, чтобы их сын успел обвенчаться с тобой?

Минерва отрицательно покачала головой.

– И все-таки мое возвращение привело их в панику. – Грей нахмурился и погладил плечо любимой. – Минерва, наверное, дело в том, что... нет, вряд ли. А может, Макспорранам просто грозит разорение?

Об этом Минерва никогда не задумывалась.

– Они никогда не жаловались на стесненные обстоятельства и не производили впечатления нуждающихся. Очень многие в округе привыкли считать, что Модлин-Мэнор принадлежит Макспорранам. Но теперь, когда в поместье появились Олаф Клак и его друзья, все изменилось... Пожалуй, ты прав: Макспорранов не назовешь состоятельными людьми.

– В то время как твои родители... – На лице Грея мелькнуло странное выражение, он сделал глубокий вдох. – Твоя семья обеспечена гораздо лучше, чем Макспорраны. Кажется, твой отец получил солидное наследство после смерти своего крестного. И, насколько я понимаю, картины приносят ему немалый доход.

– Верно, но откуда ты знаешь?

– Об этом знает весь Бэллифог. В день приезда я слышал подобные разговоры на постоялом дворе.

Минерва терпеть не могла сплетен, особенно по поводу наследства, но внимание соседей к ее отцу оказалось приятным.

– Грей, не вижу никакой связи между твоим похищением и моими родителями.

– Связь есть, но косвенная, – объяснил он. – Если Макспорраны рассчитывали поправить свои дела, женив на тебе Брамби и заполучив большое приданое, тогда моя смерть была бы им выгодна, а мое возвращение стало бы неприятным сюрпризом, верно? Особенно в том случае, если они заплатили пиратам, чтобы разделаться со мной раз и навсегда.

– Ты прав, это...

– Лишь косвенная связь. По-моему, существует только один способ узнать истину.

Минерву осенило:

– Открыто заявить о своих подозрениях?

– Да, но не теперь. Прежде надо хорошенько во всем разобраться, иначе самые важные детали могут ускользнуть. Любой план начинается с единственной мысли, с одной идеи. Моя задача – найти эту идею и защитить нас с тобой.

– Это не только твоя задача, – возразила Минерва.

– Послушай моего совета: не глупи. – Грей устремил на нее пристальный взгляд. – Кажется, я заблуждался, принимая тебя за женщину.

Он заблуждался?

– Я и вправду женщина.

– Я был несправедлив к тебе. Неудивительно, что родители доверили тебе финансовые дела семьи. Прежде я не сознавал, каким выдающимся умом ты наделена.

Минерва зарделась от удовольствия.

– Ты хочешь сказать, что напрасно не пытался сравнивать меня с мужчинами?

– Да. По крайней мере мне так кажется.

– Должно быть, ты просто считал, что я слабее мужчин, – отозвалась она, тотчас напомнив себе, что Грей – мужчина.

– Да, потому что так оно и есть.

– Вот как? – Минерва приложила палец к подбородку и подняла бровь. – Потому что физическое превосходство на стороне мужчины?

– Минерва, во всем мире принято считать, что женщины... не отличаются особым умом. В конце концов, женщины не в состоянии занять место мужчин, сыграть их роль, верно? Они не участвуют в государственных делах, не сражаются за свою страну, не подвергают себя смертельной опасности. Женщины...

– А все потому, что мужчины, пользуясь своей грубой физической силой, намеренно принижают женщин, ставят их в зависимое положение! Но ум, рассудок и мускулы – не одно и то же. Конечно, если ты считаешь, что миром правит физическая сила, тогда ты прав: разумеется, мужчины сильнее. Но если ты отдаешь должное силе ума, тогда... – она развела руками, – тогда ты напрасно спешишь с выводами.

– Черт! – выпалил Грей, не сумев подобрать другого слова. Хладнокровный, самоуверенный Грей Фэлконер потерпел поражение в споре. – Я всего лишь хотел сделать тебе комплимент!

– Извинившись за то, что тебе и в голову не приходило сравнивать меня с мужчинами? Премного благодарна!

– Сдаюсь!

Минерва усмехнулась, радуясь победе.

– Ладно, перестаньте язвить, мисс. Ведите себя, как подобает мужчине... то есть женщине.

Минерва расхохоталась, а Грей с улыбкой продолжил:

– У тебя есть отвратительная привычка выводить меня из себя и выставлять на посмешище. Признаюсь, я был не прав и поплатился за это. По всем меркам ты наделена невероятно проницательным умом. Мне повезло, что ты до сих пор терпишь рядом с собой такого неотесанного олуха, как я.

– Как не стыдно, Грей! – воскликнула Минерва, поднимаясь и толкая его в бок. – Ты надеялся, что я начну извиняться и уверять, что недостойна тебя?

От резкого толчка Грей вдруг стиснул зубы и попятился, а Минерва задумалась: зачем он до сих пор держит в руках пистолет, словно пытается ей угрожать?

– Ты права, на это я и рассчитывал, – наконец смущенно произнес Грей.

– Если уж хочешь знать, я считаю тебя самым мыслящим из всех своих знакомых.

– Правда? – Искренняя радость Грея насмешила Минерву. Очевидно, он не уловил иронии в ее голосе. – Я весьма признателен тебе, Минерва.

– Можешь не благодарить. Во-первых, у меня слишком мало знакомых, а во-вторых... впрочем, я уверена, что в любом обществе тебя сочтут незаурядным человеком.

– Спасибо. – Грей взял ее ладонь, прижал к своей груди и повел Минерву за собой через всю комнату.

В этот момент в дверь детской постучали. Послышался голос миссис Памфри:

– Минерва, Грей! Не надейтесь, что я про вас забыла. Вы беседуете уже несколько часов кряду.

Поморщившись, Минерва отозвалась:

– Мы до сих пор спорим, миссис Памфри, точнее, беседуем. – Она сделала большие глаза, указывая Грею на пистолет, и вышла в другую комнату как раз вовремя, чтобы помочь миссис Памфри поставить на стол поднос. Деревянный стол скрипнул под тяжестью блюд с хлебом, сыром, яблоками, фруктовым пирогом, чайной посуды, бутылки домашнего вина и

стаканов.

– Сдается мне, вы помирились, – заметила миссис Памфри, переводя взгляд с Минервы на Грея, который уже успел спрятать пистолет. – Мы с мистером Памфри уверены: любую ссору можно уладить мирным путем.

Грей весело рассмеялся, Минерва немного успокоилась.

– Напрасно вы так хлопчете. Вы и без того нам очень помогли.

Миссис Памфри взмахом руки отмела возражения Минервы.

– Садитесь к столу. Время ужина давно прошло. Вы еще молоды, вам надо расти и крепнуть. Вино делал сам мистер Памфри. Наверное, к такому вы не привыкли, Грей, но оно вас согреет. Перекусите и поболтайте, а затем отправляйтесь по домам. Вам давным-давно пора быть вместе. Мы думали, что вы поженитесь еще несколько лет назад.

– И я тоже, – отозвался Грей с такой готовностью, что миссис Памфри снова засмеялась и вышла из комнаты. Ее смех еще долго слышался на лестнице. – Славная женщина, – заметил Грей с улыбкой.

– А ее муж – прекрасный человек. – И тут, вспомнив о том, что вскоре им придется расстаться, Минерва расстроилась.

– Они мудрые люди, – заключил тем временем Грей.

Минерва задумчиво подтвердила:

– Конечно.

Откупорив вино, Грей наполнил стаканы, закрыл дверь и взял Минерву за руку.

– Они верно рассудили, что я вряд ли воспользуюсь уединением у них в доме.

– Грей!

В ответ он наклонился и поцеловал ее так крепко, что у нее подкосились ноги.

– Вот так, – радостно объявил Грей, поддерживая ее обеими руками. – Это демонстрация мужской силы.

– Тоже мне сила! Если бы я захотела, то без труда остановила бы тебя!

Грей ответил еще одним поцелуем, Минерва вновь обмякла.

– Соппротивление бесполезно, – подытожил он.

– Вот это я и пыталась объяснить тебе, Грей. Ты ошибочно полагал: чтобы стать равной мужчине, женщина должна уподобиться ему. – Если Грей в эту минуту и способен был думать, то лишь о губах Минервы. Но она продолжила: – Вы заблуждались, сэр. У женщин немало достоинств. – И тут она поняла, что отстаивать свою теорию бесполезно.

– А как же! – невпопад отозвался Грей.

Безнадежный случай!

– Пожалуй, мне пора, – заявила Минерва, уклоняясь от очередного поцелуя. – Рано или поздно меня хватятся, и тогда Айоне и Фергюсу придется лгать, чтобы выгородить меня. А это нехорошо.

– Очень нехорошо.

Расшалившись, Минерва схватила Грея за щеки и сама поцеловала его. Сначала поцелуй был робким, но страсть быстро нарастала. Особое удовольствие Минерве доставляла пляска языков. Очевидно, Грей тоже наслаждался ею, поскольку чуть не выронил бутылку, пытаясь покрепче прижать Минерву к себе.

Она пробежалась пальчиками по его шее, плечам и широкой, крепкой груди. За последние четыре года Грей заметно возмужал, и это радовало Минерву, поскольку сама она отнюдь не выглядела миниатюрной.

– Грей! – произнесла она, отстранившись, чтобы посмотреть ему в глаза. – Большинство мужчин не любят таких, как я, верно?

– Что? – Обычно ясные глаза Грея затуманились.

– Я ничуть не похожа на хрупкое создание, какие теперь в моде. Я... существо из плоти и крови. – Нечего сказать, выбрала слова! – Я, Минерва Арбакл, – существо из плоти и крови, а ты...

– Хрупкое создание?

– Ты же сам знаешь, что красавец мужчина должен быть рослым, иметь широкие плечи и грудь, мускулистые руки и стройные крепкие ноги. А если он к тому же и... словом, настоящий красавец должен выглядеть точь-в-точь как ты: мне нравятся твои глаза, высокие скулы и губы. А губы у тебя не только красивы, но и многоопытны. Никогда бы не подумала, что они умеют так ловко двигаться. Оставшись одна, я часто представляю себе, как твои губы прикасаются к моим. Я отчетливо вижу тебя. А иногда... – Минерва смутилась, но через мгновение продолжила: – Иногда по ночам мне кажется, что ты лежишь рядом, что стоит только протянуть руку – и вот он, ты. Конечно, это неприлично, но я всегда говорю правду.

Очевидно, слова Минервы привели Грея в мрачное настроение. Он нахмурился и уставился на нее так, словно хотел бы многое сказать, но передумал.

Минерва опустила глаза:

– Прости...

– Нам лучше уйти отсюда.

У Минервы сжалось сердце.

– Пожалуй, ты прав.

– Давай завернем еду в платок и унесем с собой.

– Чтобы не обидеть миссис Памелу?

- Вот именно.
- Ты предусмотрителен.
- Я в отчаянии!

Минерва попыталась высвободиться, но Грей крепче прижал ее к себе.

– В чем дело? – Голос Минервы вдруг дрогнул. – Я была слишком откровенна? Вела себя излишне смело? Я шокировала тебя поведением, неподобающим леди? Что ты делаешь?

Держа бутылку в одной руке, Грей обнял Минерву другой и привлек к себе. Прикосновение тел было кратким, но этого хватило, чтобы Минерва ахнула и схватила Грея за плечи.

– Ты сама не понимала, что говоришь, – объяснил он все с тем же мрачным выражением лица. – Ты объясняла, каким видишь меня, какие чувства ко мне испытываешь.

Привстав на цыпочки, Минерва поцеловала его в щеку, в подбородок и в губы. Грей глухо застонал.

– Когда ты рядом, я ничего не могу с собой поделать, Грей.

– И я ничего не могу с собой поделать – вернее, дольше я не выдержу. – Внезапно Грей резко отстранил ее и вытащил носовой платок. Наполнив стакан, он залпом осушил его, налил в чашку чаю и протянул ее Минерве: – Пей сейчас же.

Минерва поднесла чашку с остывающим чаем к губам и попыталась сделать глоток, но чуть не поперхнулась: руки ее неудержимо дрожали.

Хлеб, сыр и пирог были быстро сложены в платок. Грей сунул узелок под жилет, а яблоки рассовал по карманам.

Минерва изумленно наблюдала за ним.

Вот он исчез в соседней комнате и тут же вернулся со своим сюртуком. Встав на колени, он помог Минерве обуться.

На краткий, неуловимый миг его пальцы коснулись ее икры. Порывисто наклонившись, он прижался губами к ее щиколотке.

Закрыв глаза, Минерва запустила пальцы в волосы Грея.

Он тотчас привлек ее к себе и уткнулся лицом в ее живот. Он вел себя так, словно слова и поступки Минервы не вызвали у него ни малейшего раздражения.

Вновь поднявшись на ноги и не сводя с нее глаз, он помог ей надеть плащ, а свой набросил на плечи.

– Ты совсем сбил меня с толку, – призналась Минерва. – Сказал, что мы должны быть вместе, а потом вдруг рассердился. И тут же признался, что ты в отчаянии оттого, что я вела себя непростительно. А дальше... Грей, ты дотронулся до меня... О!.. – Она не договорила.

Грей взял ее за руку и повел к двери.

– Помнишь, что я сказал про супругов Памфри?

– Что они мудрые люди?

– И не только. – Грей открыл дверь. – Они знали, что у них в доме тебе ничто не угрожает даже наедине со мной.

– Да, помню.

– А потом мы... прикоснулись друг к другу. Минерва, что это было за объятие! Ни одна женщина не способна воспламенить меня так, как ты, – одним взглядом, невинной лаской!

– Мы прикоснулись друг к другу... – повторила Минерва. Каждое слово, произнесенное Греем, приобретало особый смысл. – Объятие...

– Я сказал тебе, что я в отчаянии.

Минерва нахмурилась:

– Да, так и было.

– Я и вправду в отчаянии. Я страстно желаю оказаться там, где смогу без угрызений совести прикоснуться к тебе.

Глава 14

– Мистер и миссис Арбакл, я так виновата перед вами! – воскликнула Эльдора, впорхнув в самый безвкусный розовый будуар из всех, в каких ей случалось побывать. – Очаровательная комнатка, миссис Арбакл! Вы позволите называть вас Дженет? Какие насыщенные розовые тона, серебряная отделка, плюш! Даже шезлонг! Непременно уговорю Кэдзоу купить мне точно такой же... Мне давно следовало навестить вас. Поскольку мы непременно породнимся, я решила как можно скорее исправить свою досадную ошибку и немедленно познакомиться с вами поближе!

– Мисс Эльдора Мейквелл, – сообщила из-за ее спины экономка с желтоватым помятым лицом. – Вам еще что-нибудь нужно? Если нет – я ложусь спать.

Супруги Арбакл изучали Эльдору, словно экзотический и бесценный шедевр. Вскинув голову, Эльдора улыбнулась хозяйке дома, а затем задержала взгляд на самом Арбакле. «Уродливый хлыщ», – подумала она.

– Порто-ос, – пропела гостья, прикусила зубками нижнюю губу и опустила ресницы так, словно присела в реверансе, чего, разумеется, она не собиралась делать. – Вы позволите звать вас Портосом? А я – Эльдора.

– Они уже знают, – сообщила экономка.

– Убирайтесь вон! – распорядилась Эльдора, но тут же опомнилась и сладко улыбнулась – пожалуй, даже чересчур сладко. – Спасибо, что проводили меня.

Дженет Арбакл шумно втянула ртом воздух.

Не сводя глаз с бюста Эльдоры, Арбакл тоже вздохнул:

– Миссис Хэтч, вы слышали? Убирайтесь отсюда.

Дверь захлопнулась с таким треском, что у Эльдоры зазвенело в ушах. Старательно делая вид, будто она не заметила возмутительной выходки экономки, гостья разгладила на груди лиф отделанного перьями белого вечернего платья, выбранного специально для такого случая.

– Вечером мы с мистером Фэлконером приглашены еще в один дом. Его хозяева чрезвычайно влиятельные люди. – Эльдора предоставила супругам Арбакл самим решать, насколько ее слова соответствуют истине. – Прошу простить меня за неподобающий наряд, но я предпочла бы пробыть с вами подольше, а не спешить домой, чтобы переодеться.

– Что же неподобающего в вашем наряде? – возразил Арбакл. Он

поднялся со своего кресла перед камином и оперся о спинку дивана. – Таким женщинам, как вы, не следует упускать случая показать себя во всей красе. Ваше место – в центре, так сказать, пейзажа, а не на заднем плане. Садитесь же, дорогая Эльдора.

Миссис Арбакл раздраженно поерзала в своем уродливом шезлонге, а Эльдора не преминула заметить:

– Прекрасный шезлонг, Дженет! Такая обивка выгодно подчеркивает ваши достоинства. – Шерстяное вечернее платье и цвет лица Дженет полностью потерялись на фоне кричаще-розового плюша, которым был обит шезлонг. Эльдора расположилась в предложенном кресле. – Благодарю вас, Портос. Признаюсь, сегодня я чувствую себя немного усталой. В последнее время на меня свалилось столько хлопот!

– Устраивайтесь поудобнее, дорогая, – предложил Арбакл, наклоняясь к гостье. По-видимому, он все еще изучал ее впечатляющую грудь.

Слегка наклонив голову и поводя плечами, Эльдора делала все возможное, чтобы облегчить хозяину дома эту задачу.

– Что вам угодно, мисс Мейквелл? – спросила его жена. – Нам не хотелось бы торопить вас, но мы с Арбаклом сегодня приглашены к друзьям.

Эльдора надеялась, что Арбакл опровергнет слова жены, но тот был так поглощен созерцанием, что пришлось ей ответить:

– Дженет, я не могу винить вас за бесцеремонность...

– Какую бесцеремонность?

– О, простите! Я только хотела сказать, что вы вправе сомневаться в моем неожиданном предложении бескорыстной дружбы. Видите ли, я медлила так долго потому, что не хотела усугублять ваши страдания, – должно быть, вам пришлось нелегко, когда все мы смирились с мыслью, что Грея больше нет в живых.

– Великолепно! – пробормотал Арбакл, отвлекая Эльдору. Внимательно осмотрев ее платье спереди, он перевел взгляд на ее лицо и добавил: – Какие поразительные предусмотрительность и отвага!

– Отвага? – переспросила его жена. – О чем вы, мистер Арбакл?

Портос снял синий берет, обнажив жидкие волосы цвета грязного песка.

– Наша гостья не побоялась довериться нам, рассчитывая на благосклонность. Смелый поступок для такого хрупкого и чувствительного создания!

– Вы так добры ко мне! – проворковала Эльдора, не забыв одарить улыбкой и Дженет. – Мы с вами понимаем, как трудно подчас приходится

женщинам, верно, Дженет? Мы, чувствительные существа, не созданы для этого жестокого мира... Но я думала, теперь, после возвращения Грея, вы согласитесь принять мою дружбу. Мы должны сделать все возможное, чтобы познакомиться поближе.

– Да, как можно ближе, – с готовностью подхватил Арбакл.

Лицо Дженет Арбакл приобретало все более насыщенный оттенок розового, губы сжимались все плотнее.

– Вы должны гордиться своим мужем, – продолжала Эльдора. – Подумать только – вы замужем за артистом, прославленным художником!

Арбакл смущенно хмыкнул.

– Мой муж пользуется бешеным успехом, – подтвердила Дженет. – И отрадно думать, что отчасти этим успехом он обязан мне – потому что ему не приходится беспокоиться о мелочах. Он думает только об искусстве.

– Весьма похвально, – кивнула Эльдора, не сводя глаз с собеседницы.

– Вам когда-нибудь приходилось позировать? – осведомился Арбакл.

Эльдора издала жеманный смешок и раскрыла привезенный с собой веер.

– О, что вы, Портос! Конечно, нет! Боюсь, натурщица из меня не выйдет.

– Дорогая, у меня наметанный глаз. Ваша красота, запечатленная на холсте, будет изумительна – как восход солнца в горах.

– Она же сказала, что не умеет позировать, Арбакл, – напомнила ему жена.

– Когда-то я была актрисой, – призналась Эльдора, легонько проводя перьями веера по шее и прикладывая веер к груди. – Драматической актрисой. Но возражения родных заставили меня отказаться от карьеры. Короче, я зарыла свой талант в землю, чтобы не испортить репутацию леди.

Эльдора услышала брошенное шепотом замечание Дженет Арбакл: «Весьма редкостный талант», – но пропустила его мимо ушей.

– Мы с Минервой обе выходим замуж – разве это не чудесно? Кто бы мог подумать, что трагическое исчезновение Грея примет такой удачный оборот?

Портос и Дженет промолчали.

Играя веером, Эльдора словно невзначай передвинула бриллиантовую подвеску на груди так, что она очутилась в глубокой ложбинке. Гостья заулыбалась, довольная собой. Этот бриллиант был самой броской деталью ее туалета, подчеркивающей достоинства остального «пейзажа».

После умело выдержанной паузы она произнесла:

– Видите ли, прежде всего мне хотелось бы обсудить с вами одну личную просьбу. Надеюсь, вы поможете мне сделать Кэдзоу свадебный подарок, который доставит ему истинное наслаждение...

Дженет перебила:

– Портос, позови миссис Хэтч! Пусть принесет мои нюхательные соли.

– Мы будем счастливы помочь вам, – заверил Портос, подтянул ногой красный бархатный пуф и уселся у ног Эльдоры. – Только попросите, дорогая.

– Но сначала мне хотелось бы уточнить, беретесь ли вы за подобную работу, Портос? Пишете ли вы картины на заказ?

– Нет, не пишет, – отрезала Дженет. – Ему это ни к чему. Свои картины он продает за огромные суммы – верно, Арбакл?

– Мы с миссис Арбакл сгораем от нетерпения, – заверил Портос. – Не томите!

– Но после слов миссис Арбакл я едва ли осмелюсь... – робко начала Эльдора.

– Мы настаиваем – правда, миссис Арбакл?

Дженет нехотя подтвердила слова мужа. Она вовсе не собиралась сидеть сложа руки и наблюдать, как ее супруг заключает союз с гостьей.

– Ну если вы настаиваете, я объясню. Мне хотелось бы подарить Кэдзоу картину. Точнее, свой портрет. – Она скромно опустила ресницы. – Он часто повторяет, что хотел бы иметь его, чтобы как можно чаще видеть меня.

– Мистер Арбакл пишет только обнаженную натуру, – сообщила Дженет, глядя в спину мужа.

Тот не сводил с Эльдоры глаз.

– Знаю, – кивнула она. – Конечно, мне не сравниться с профессиональными натурщицами, но, может быть, для меня вы сделаете исключение? Я готова щедро заплатить.

– Сколько? – оживилась Дженет, выпрямляясь в шезлонге.

– С вас, моя дорогая Эльдора, я согласен взять...

– Огромную сумму, – перебила Дженет. – Мы, естественно, рассмотрим ваше предложение.

Эльдору эти слова обрадовали гораздо сильнее, чем мужа Дженет.

– Итак, я с удовольствием назову свою цену. Портос, Дженет, мне неловко спрашивать об этом, но так велит моя совесть. Правильно ли я поняла, что вы вовсе не рады возвращению Грея Фэлконера?

Дженет Арбакл приоткрыла рот.

Портос Арбакл отвлекся от созерцания будущей натурщицы.

– По-моему, своим возвращением Грей Фэлконер доставил вам лишние хлопоты.

– Черт побери! – воскликнул Портос, вскакивая на ноги. – На редкость прямой вопрос.

Эльдора красноречиво пожала плечами:

– Всего лишь вопрос. Я ваш друг или стану им, если позволите. Все, что будет здесь произнесено, останется между нами. – Сложив веер, она прикоснулась им к губам. – Но разумеется, настаивать я не стану. Я прекрасно понимаю, как вас тревожит мысль о том, что ваша милая дочь выйдет замуж за Грея.

– Арбакл, о чем она говорит? Что все это значит?

– Гораздо важнее другое, – отозвался Арбакл, – почему она решила, что вправе задавать нам подобные вопросы?

«Это уже кое-что», – обрадовалась в душе Эльдора. День не пропал даром. Расплатой за огромный риск ей станет обещанное состояние. Она надеялась обойтись без помощи святоши и лицемера Кэдзоу.

– Мисс Мейквелл, – начал Портос, водружая берет на макушку и цепляя на нос очки с темными стеклами, – мы хотим знать, что именно вам известно. Вернее, что вы предполагаете.

Эльдора охотно исполнила бы даже первую просьбу. Она расплылась в торжествующей улыбке. Значит, она не ошиблась, строя догадки о том, почему Арбаклы так и не нанесли визита в Драмблейд, чтобы поделиться радостью и серьезно обсудить предстоящую свадьбу дочери и Грея.

Поднявшись, Эльдора взглянула на Арбакла сверху вниз.

– Думаю, мы прекрасно поняли друг друга. По разным причинам и мне, и вам не хотелось бы, чтобы ваша дочь стала женой Грея. Точнее, этот брак представляет угрозу для ваших замыслов.

Дженет безвольно обмякла в шезлонге. Арбакл молчал, очевидно, считая, что очки придают ему загадочный и властный вид. Но Эльдора находила их нелепыми.

– Мне нет никакого дела до ваших интриг, понимаете?

Оба супруга молча кивнули.

– Вот и хорошо. Я предлагаю объединить усилия и избавиться от досадной помехи. Ну что скажете?

Арбакл обернулся к тихо охнувшей жене, помедлил и спросил:

– Но вам-то какой от этого прок?

– Я намерена выйти замуж за весьма состоятельного джентльмена, – сообщила Эльдора. – Большую часть его доходов составляет прибыль от семейного предприятия, в котором Грею принадлежит самый крупный пай.

У меня нет ни малейшего желания быть женой человека, который играет в этом предприятии вторую скрипку. Так не пойдет, пусть даже мой избранник набожен и имеет безупречную репутацию. Смирение уже не в моде! – Не дождавшись ответа от потрясенных слушателей, она продолжила: – Кроме того, на мне лежит серьезная ответственность. Я должна защитить любимого от него самого.

Дженет Арбакл судорожно сглотнула, и Эльдора представила себе, как пересохло у бедняжки в горле.

– Это... весьма похвально, Эльдора. Истинная, бескорыстная любовь прекрасна.

Близость победы воодушевила гостью.

– Я рада, что мы понимаем друг друга. В таком случае предлагаю перейти к сделке, чрезвычайно выгодной для всех.

– Минутку! – Арбакл привстал на цыпочки и хитро усмехнулся. – Помоему, только нам принадлежит право решать, какую сделку и когда следует заключать. Вы же сами заметили, что наша дочь выходит замуж за владельца самого большого пая. Зачем же нам мешать счастьем своей дочери?

– Арбакл! – прошипела Дженет.

– Ваша жена уже ответила на этот вопрос. Просто подобный брак не принесет вам никакой выгоды. Грей недолголюбивает вас обоих.

Супруги разинули рты.

– Я слышала, как он говорил об этом с дядей. – Эльдора солгала и полагала, что весьма убедительно. – Разумеется, набожный, чистый душой, смиренный Кэдзоу пытался переубедить племянника, но увы... – Она скорбно умолкла.

Супруги придвинулись к ней.

– Ничто не заставит Грея относиться к вам иначе. Он ненавидит вас. – Эльдора помолчала, давая чете Арбаклов возможность переварить услышанное. – Я не собиралась говорить об этом, но в конце концов поступила так, как велел долг.

Вскочив с шезлонга, Дженет приблизилась к Эльдоре.

– Продолжайте! – шепотом потребовала она. – Что он предлагал Кэдзоу?

– Ничего. Они просто беседовали. Грей рассказывал о своих планах. Кстати, не забывайте: состояние Фэлконеров достанется Минерве, а не вам.

– Да, но...

– Что «но», Дженет? Как только она станет женой Грея, обратного пути у нее уже не будет. Она ни в чем не будет нуждаться, станет хозяйкой

поместий здесь, в Шотландии, и в Вест-Индии, в ее распоряжении будут целые армии слуг, великолепные коллекции мебели, фарфора, серебра, экипажей, рысаков, драгоценностей, горы денег, и...

– Говорите, что еще он сказал! – Дженет стиснула кулачки. – Немедленно, слышите?

– Непременно. Грей заявил, что как только он женится на Минерве, то сразу заставит ее навсегда порвать с вами. Больше вы никогда не увидите ни дочери, ни гроша из сундуков Фэлконеров. Вам не позволят даже поддерживать связь с Минервой!

– Арбакл, ты слышал? – воскликнула Дженет, потрясая кулаками. – Неблагодарный пес! И это после всего, что мы для него сделали!

– Неблагодарный! – взревел Портос.

– Итак, – любезно продолжала Эльдора, – всякий согласится, что по сравнению с Минервой вам достанутся сущие пустяки. Именно поэтому для вас имеет смысл заключить союз со мной и получить то, к чему вы стремитесь.

Портос снял очки и уставился на Эльдору в упор, чем несказанно ее удивил.

– Пожалуй, хватит ходить вокруг да около, мадам.

– Мисс, – по привычке поправила она.

– Ручаюсь, найдутся люди, которым вы известны в ином качестве, – усмехнулся Арбакл. – Каковы ваши намерения?

– Я же сказала: устранить препятствие на пути к нашему счастью.

– Мы согласны, – твердо заявил Арбакл. – Верно, дорогая?

– Да, – слабым голосом откликнулась Дженет. – Но что же нам делать?

Эльдора кокетливо улыбнулась, пощекотала веером подбородок Арбакла и направилась к двери:

– Мне пора в Драмблейд. Наверное, Кэдзоу уже ждет меня – я же говорила: сегодня мы приглашены в гости. О моем свадебном подарке мы поговорим потом.

– А как же...

– «Огромная сумма», которую я намерена уплатить за портрет, придется весьма кстати. Она вознаградит вас за необходимость следить за неблагодарной дочерью, чтобы та не сбежала с вашим состоянием. Кроме того, вам же придется объяснять, откуда у вас взялись такие деньги. Вот вы и скажете, что я заплатила за портрет. – Впрочем, Эльдора не собиралась платить ни гроша.

– А как же... все остальное? – растерянно спросила Дженет. – Вы понимаете, о чем я говорю?

Убедившись, что супругам не терпится увидеть Грея в гробу, Эльдора чуть не рассмеялась. Она получит вожаденную добычу, и все потому, что рискнула воспользоваться неслыханным шансом!

– Все очень просто, – объяснила она. – Нам поможет Минерва.

Глава 15

Грей забеспокоился: уже стемнело, а Минерве предстояло возвращаться в Уиллинок. Хотя от деревни до поместья было не больше мили, Грей и слышать не хотел о том, чтобы отпустить возлюбленную домой пешком. Хорошо, супруги Памфри помогли, предложив свою двуколку, которой они несказанно гордились.

– До утра она нам все равно не понадобится, – заверил преподобный Памфри, запрягая свою любимую гнедую кобылку. – Мы вообще редко покидаем дом.

– Высади меня у ворот, – попросила Минерва. Поглубже завернувшись в плащ, она надвинула на лоб капюшон. – Если мы подъедем слишком близко, кто-нибудь услышит шум и заведет ненужные расспросы.

Грей согласился, но посчитал, что Минерве не следует одной идти к дому в темноте по аллее, густо обсаженной деревьями.

– Ты поверил, что я видела кого-то в саду Памфри, только когда мы нашли следы?

– Я сразу поверил тебе, – возразил Грей, сворачивая на аллею, ведущую к Уиллиноку. Двуколка тяжело колыхалась на ухабах. – Я же говорил: жители деревни часто ходят в церковь через сад священника.

– Но этот незнакомец направился не к церкви.

Они уже давно обсуждали неизвестного, увиденного в саду Памфри. Минерва часто повторялась, выдавая свою тревогу.

– Мы все равно не узнаем, откуда он взялся и куда скрылся. Его след потерялся на обледенелой тропе за домом, перед церковью. Я охотно верю, что ты там кого-то видела, но не стоит придавать такое значение ничего не значащему факту.

Минерва обернулась к любимому. Грей поднял верх двуколки, надеясь спастись от пронизывающего ветра. Единственный фонарь, покачивающийся на оглобле, слабо освещал лицо возлюбленной. Однако Грей различил в ее глазах неуверенность.

– Минерва...

– Ворота вон там, – перебила она, указывая вперед. – Высади меня здесь.

– Ни в коем случае. Прошу тебя, не спорь... Черт! Держись за меня! – Грей едва успел свернуть на обочину, чтобы избежать столкновения с экипажем, на бешеной скорости пронесшимся по аллее. Натянув поводья,

он с трудом остановил Тилли.

Подгоняемые криками кучера, чужие лошади пронеслись мимо и скрылись в темноте.

– Болван! – выругался Грей, сообразив, что опасность миновала.

Фыркающая и переступающая копытами на обледенелой земле, Тилли мотала головой. Из рта и ноздрей ее валили клубы пара. Между тем вдалеке затихал стук копыт и колес ландо.

На сей раз Минерва послушалась Грея: вцепившись в него обеими руками, она замерла и только спустя какое-то время удивленно спросила:

– Кто это покинул Уиллинок в такой час? Должно быть, что-то случилось... Гости никогда не приезжают к нам так поздно.

– Скорее всего что-то действительно случилось, – ответил Грей, согревая в руках ее пальцы, – но совсем не то, чего ты боишься. Давай выясним, что здесь произошло и почему. Конечно, если удастся. Мы въедем в ворота и оставим двуколку среди деревьев, где ее никто не заметит. А потом я попрошу тебя об одном одолжении.

– Ты успел разглядеть, кто сидел в том ландо?

Грей въехал в ворота и направил кобылу к соснам, радуясь тому, что маленькую двуколку супругов Памфри так легко спрятать.

– Грей!

– Я хочу подъехать как можно ближе к дому, чтобы тебе не пришлось далеко идти пешком. – Взяв Минерву за руку, Грей подался вперед, не сводя глаз с дороги. – Навстречу нам попало ландо Фэлкнеров. Пассажиркой была Эльдора Мейквелл, невеста моего дяди Кэдзоу.

– Правда? – изумилась Минерва. – Та самая женщина, о которой?.. Я слышала, что она живет в Драмблейде уже довольно давно.

– Та самая, – мрачно подтвердил Грей. – Ума не приложу, что ей здесь понадобилось. Надо выяснить это. Тебе придется действовать очень осторожно, заводя расспросы. Если ты скажешь, что чуть не столкнулась с ее ландо на аллее, родители заподозрят...

– Грей, не надо вдалбливать мне каждое слово. Я справлюсь сама, и скоро мы все узнаем. Остановись вон там и потуши фонарь. Отсюда виден весь дом, а двуколку никто не заметит.

Спрыгнув на снег, Грей привязал поводья к низкой ветке старого бука и подал руку Минерве. Однако он не сразу отпустил ее: прижатая к колесу двуколки Минерва очутилась в его крепких объятиях.

Она уткнулась головой в грудь Грея и на миг замерла.

– Я буду следить за тобой, – пообещал он. – За каждым твоим шагом. И ждать, когда ты вернешься.

Минерва кивнула.

– Не знаю, смогу ли я выдержать еще одну разлуку с тобой.

– У нас нет выбора.

– Выбор есть всегда, Минерва. – Грей приподнял ее капюшон и прильнул губами к ее макушке. Волосы Минервы оказались сладкими на вкус. – А теперь ступай и поскорее возвращайся. Главное – не привлекать к себе внимания.

Она кивнула и пообещала:

– Я скажу родителям, что иду спать. – Она грустно вздохнула. – Терпеть не могу обманывать, но другого выхода нет, верно?

– Верно, – согласился Грей. – Ничего, скоро с ложью будет покончено навсегда.

– Грей, – она просунула ладони под плащ любимого и погладила его по груди, – мы даже не успели поговорить о том, что для нас важнее всего. Не знаю, сумеем ли мы когда-нибудь наверстать четыре упущенных года...

– У нас впереди уйма времени.

– Правда? – Она подняла голову, но лицо ее осталось в тени. – Помнишь, как мы хотели всю жизнь провести вдвоем? Нам не хватило даже времени поближе узнать друг друга!

Не удержавшись, Грей рассмеялся:

– Не обижайся, но я считаю, что друг друга мы знаем достаточно хорошо. Ты честна, сообразительна, пожалуй, даже слишком умна и умеешь любить так, что приводишь меня в трепет. Хорошо, что я унаследовал от дяди хоть какую-то набожность. Только она и помешала мне сегодня предаться плотским наслаждениям. Понимаешь?

Минерва молча смотрела на него.

Грей смущенно кашлянул.

– Прости. Я совсем запутал тебя.

– Запутал? Ну уж нет! Я просто обдумывала ответ. И вот что тебе скажу: унаследованная тобой от дяди набожность ничуть меня не радует. Лично я предпочла бы плотские наслаждения библейским цитатам. Какая скука! Разве можно так бездумно тратить время?

Грей приглушенно рассмеялся:

– Мисс, вы неисправимы.

– О, ты меня еще плохо знаешь!

Минерва обняла его под плащом за талию и прошептала:

– Мне пора.

Грей легонько погладил ее по спине.

– И вправду, пора.

– Постараюсь вернуться поскорее. – В этот момент Минерва как бы невзначай нащупала большими пальцами его соски подakraхмаленной рубашкой. Грей вздрогнул. – Ага! Значит, ты чувствуешь то же, что и я!

Тяжесть в чреслах ничуть не удивила Грея: возникнув мгновенно, она теперь настойчиво напоминала о себе.

– И очень многое, – подтвердил он. – Вижу, ты ничего не забыла.

– И никогда не забуду. – Минерва покачала головой так старательно, что капюшон упал ей на плечи. – Грей, мне страшно...

– Не стану тебя уверять, что нам нечего бояться. И тем не менее, пока жив, я готов защищать тебя до последнего вдоха и сделать все возможное, лишь бы с тобой ничего не случилось. Иди, я буду ждать. – Он легонько подтолкнул Минерву.

– Мне еще надо убедиться, что Айона и Фергюс не хватились меня. По вечерам мы частенько обсуждаем мои изобретения.

– А, изобретения!

Поцеловав Грея так стремительно, что ее губы только скользнули по его щеке, Минерва вырвалась. Он не успел удержать ее.

– А это за что? – спросил он.

– За то, что я не сержусь, даже когда ты подтруниваешь надо мной. – Запрокинув голову, она посмотрела ему в глаза.

Грей попытался вновь заключить ее в объятия, но вовремя спохватился.

– Скорее! Не надейся, что я уеду отсюда ни с чем. Придется тогда войти в дом через парадную дверь и забрать тебя с собой.

– В таком случае, – заявила Минерва, оглядываясь через плечо, – мне следует позаботиться о компаньонке.

И она бросилась бежать, увязая в глубоком снегу.

Через несколько минут Грей увидел, как Минерва вошла в дом через боковую дверь. Хорошо бы она остановилась на крыльце и махнула ему рукой... Он тут же спохватился и упрекнул себя за глупость. Минерва просто не могла совершить такую чудовищную ошибку и привлечь к нему внимание домочадцев.

Прошло полчаса.

Свет в окнах дома начал гаснуть.

Где-то среди деревьев заухала сова. Этот звук вызвал у Грея легкую улыбку, напомнив о давней ночи в лесу и свидании с Минервой. В окрестностях Уиллинока, Драмблейда и даже Бэллифога не найдется ни единой рощи, где бы они ни побывали вдвоем.

Грею не терпелось возобновить эти прогулки.

Но вот улыбка на его губах угасла, ноздри раздулись, губы упрямо сжались. А если ему не удастся вызволить Минерву из родительского дома?

Тилли тихонько заржала. Грей подошел к ней, поправил накинутую на спину попону. Лошадь переступила с ноги на ногу.

– Умница, – тихо произнес Грей, – хорошая лошадка.

Тилли почему-то встревоженно оглянулась. Он решил, что даже лошади не терпится оказаться подальше от этого дома.

Наконец Грей решил забраться в двуколку. Отсюда тоже был виден дом, а кожаный верх защищал от пронизывающего ветра.

Среди деревьев послышался треск – наверное, вдоль аллеи рыскали ночные зверьки. Тучи рассеялись, на небе засияла луна, заливая парк призрачным синевато-белым светом.

Грей, напрягая зрение, взглянул на часы. С тех пор как Минерва вошла в дом, прошло больше часа.

Что могло задержать ее?

Тилли фыркнула, заржала и сдвинулась с места. Грей тут же взялся за вожжи, чтобы успокоить лошадь.

Неподалеку от двери, через которую вошла Минерва, открылось тускло освещенное окно. Слышно было, как треснула рама. Кто-то широко распахнул окно, выбрался наружу и тщательно прикрыл за собой створки.

Чертыхнувшись, Грей вскочил в двуколке и взгляделся повнимательнее. Если Минерве пришлось покидать дом таким способом, значит, что-то случилось.

Поначалу темная фигура направлялась в сторону двуколки, но вдруг повернула вправо. Только тогда Грей заметил, что ростом неизвестный гораздо выше Минервы и с ног до головы одет в черное.

Стараясь не шуметь, Грей выбрался из двуколки, подкрался к лошади и стал поглаживать ее по морде в надежде, что Тилли не заржет в самый неподходящий момент.

На полпути к вершине холма беглец оглянулся, а Грею вдруг вспомнился рассказ Минервы о безликом незнакомце в саду Памфри. Кажется, она говорила, что тот человек остановился и посмотрел на дом, на окно комнаты, где они прятались.

Грей вновь перевел взгляд на дом – там, на втором этаже, находилась спальня Минервы, он прекрасно знал ее окна. Теперь в этих окнах вспыхнул свет, по комнате задвигались тени.

Неизвестный, выпрыгнувший в окно, замер в неподвижности, не сводя глаз с тех же самых окон. Внезапно он взмахнул длинными руками, потряс зажатым кулаком и бросился бежать, путаясь в полах длинного плаща. Он

проскочил в какой-нибудь сотне ярдов от того места, где стояла двуколка.

Грей мог бы без труда догнать его.

Пригнувшись, он последовал за незнакомцем. Где-то снова заухала сова. Грей остановился и увидел, что беглец тоже застыл на месте, испуганный жуткими звуками.

А затем Грей услышал хруст согнувшихся под тяжестью снега веток. Еще мгновение – и незнакомец тихо запел. Он бормотал бессвязные слова на одной и той же ноте. В этом пении было что-то от монотонной скороговорки священника.

По спине Грея побежали мурашки, волосы встали дыбом.

– Танцуй, танцуй, танцуй! – пел неизвестный. – Тень на стене!

Совсем близко прозвучали конское ржание, звон сбруи. Грей увидел, как беглец вскочил в седло невысокого, но резвого чистокровного жеребца. Неудивительно, что Тилли волновалась! Грей обругал себя за то, что невнимательно прислушивался к ночным звукам. Будь он осмотрительнее, не отправил бы Минерву домой одну.

На миг Грей остановился в нерешительности. Если он последует за незнакомцем, Минерва, вернувшись, не найдет его. Не зная, что с ним случилось, она может натворить бог знает что. К тому же в двуколке, влекомой старой разжиревшей кобылой, он вряд ли догонит скакуна.

Очевидно, не подозревая, что за ним наблюдают, мужчина – а Грей ни секунды в этом не сомневался – потянул поводья жеребца и развернул его на месте. Затем опять устался на окна Минервы.

– Попляши на стене!

По комнате по-прежнему двигалась тень.

– Моя марионетка... Поклонись, повернись... Отдай самое дорогое... Поклонись, повернись... Поплачь!

Грей попытался подкрасться поближе, чтобы рассмотреть незнакомца.

– Поклонись, повернись... А теперь умри!

Всадник снова развернул коня и тронулся с места. Уверенно держась в седле, он легко запетлял между деревьями и скоро скрылся из виду. Еще некоторое время Грей слышал хруст снега под копытами, а потом стих и этот звук.

Грей поспешно вышел на поляну, где стоял жеребец, надеясь найти какую-нибудь оброненную вещицу, увидеть хоть какой-то след. Ночной ветер охлаждал кожу, но еще пуще Грея леденило воспоминание о странном голосе незнакомца. Казалось, он передавал хозяйке комнаты тайную весть – а может, воображение Грея еще богаче, чем у Минервы?

Но с тем, что Грей видел несколько секунд назад, игра воображения не

имела ничего общего.

Глава 16

В душе у Грея возникла какая-то пустота, смешанная со смутной боязнью неизвестности.

Его окружала тьма. Вероятно, ему следовало бы поблагодарить судьбу за столь своевременное предупреждение. Теперь-то Грей точно знал, что в Бэллифоге далеко не все благополучно, и мог не опасаться за собственный рассудок. Однако мысль о том, что Минерва очутилась в самой гуще зловещих событий, повергала его в ужас.

Он вернулся к двуколке как раз вовремя, ибо от дома уже отделилась невысокая фигурка.

Минерва задыхалась, полы ее плаща разошлись. Подбежав к Грею, она в изнеможении упала ему на грудь и отмахнулась, когда он попытался закутать ее в плащ.

– Жарко, – простонала она. – Не надо!

Выждав еще несколько секунд, Грей все-таки закутал ее, невзирая на сопротивление:

– А то простудишься. Не хватало еще, чтобы ты заболела из-за меня. Я хочу видеть тебя здоровой, ясно?

Не дожидаясь ответа, Грей запечатлел на ее губах поцелуй, от которого Минерва превратилась в подобие тряпичной куклы. Впрочем, ее губы помнили недавний урок. Она ответила на поцелуй, приоткрыв рот и заработав языком так, что Грею пришлось напоминать себе: он достойный, порядочный человек, ему не пристало овладевать девственницей прямо в снегу, под открытым небом.

Грей, правда, в который уже раз пожалел о своей порядочности.

Прижав Минерву к себе, он уперся подбородком ей в макушку и криво усмехнулся:

– А теперь полезай в двуколку и расскажи все, что разузнала. – Грей решил молчать о незнакомце, пока в упоминании о нем нет особой необходимости. Не обращая внимания на протесты возлюбленной, Грей подхватил ее на руки, усадил в двуколку и сам устроился рядом. меховым одеялом сомнительного происхождения, позаимствованным у Памфри, Грей укрыл их обоих. Минерва зябко вздрогнула.

Грей не стал торопить ее. Прижав к себе, он согревал Минерву дыханием, упиваясь тонким цветочным ароматом ее духов. Он даже не смел надеяться, что когда-нибудь наступит время, когда он обнимет ее,

ничего не боясь и зная, что их счастьем ничто не угрожает.

Сдерживая дрожь, Минерва прильнула к нему сильнее.

– Конечно, мне следовало бы промолчать, но я не прочь просидеть вот так всю жизнь.

Грей улыбнулся:

– И я тоже. Когда-нибудь нам не придется расставаться. Вот станешь моей женой...

– Надеюсь, мы будем обниматься не только в постели?

Грей в очередной раз поразился тому, что Минерве не составляет труда лишить его самообладания.

– Если ты захочешь...

– Разумеется. Я охотно соглашусь посидеть с тобой вот так ночью, в снегу, в двуколке. Под меховым одеялом. – Она поерзала на холодном сиденье. – Только без одежды.

– Минерва!

– «Минерва, как тебе не совестно!» – передразнила она. – О таком дозволено говорить только мужчинам. А женщины не имеют права даже думать о подобных вещах. Мало того! Женщины обязаны носить страшно неудобные рукава, в которых руки поднимаются всего на пару дюймов!

Грей не заметил связи между этими двумя доводами, но, несмотря на неожиданные заявления, Минерва всегда оставалась сокровищем для него.

– Любимая, не стоит говорить об этом, пока мы не женаты. Если бы ты чаще прислушивалась к советам родственниц, ты бы понимала.

– Опять ты со своими упреками! – обиженно протянула Минерва.

Грей рассмеялся.

– Если бы я и впрямь упрекал тебя, то был бы глупцом. Сказать по правде, меня восхищают каждое твое слово, каждый жест. Просто я пытаюсь помнить об ответственности, а это нелегко.

– Значит, тебе тоже хотелось бы, чтобы на нас не было одежды?

Еще слово, и терпение Грея иссякнет.

– Не стоит пока на эту тему. Сейчас нам предстоят другие, более серьезные дела. Ну что тебе удалось выяснить, дорогая?

Недовольно нахмурившись, она объяснила:

– Нечто невероятное. Фергюс и Айона уже в постели...

– Это и есть твое «невероятное»?

– Нет, что ты! Я упомянула о них просто потому, что собиралась зайти к ним. Они уже легли спать, но беспокоились обо мне. Надо найти способ их успокоить.

– Ничего не говори близнецам.

Минерва возмущенно зашевелилась в его объятиях.

– Грей, не надо мной командовать! Ты мне еще не муж. Может случиться так, что мы никогда не поженимся. Поэтому я сама буду решать, как мне поступать и что говорить.

– Минерва, дорогая, муж – глава жены и глава своего дома. Так полагается.

Она вскинула голову и нахмурилась.

– Конечно, я не стану утверждать, что мужчина не должен заботиться о жене и детях, но это еще не доказывает его превосходства. Несправедливо считать, что на жене лежит меньшая ответственность, чем на муже. А его задача – помочь жене вырасти во всех отношениях, чтобы она стала не только его любимой, но и другом на всю жизнь.

К горлу Грея совершенно неожиданно подкатил комок. Сглотнув, он посмотрел на Минерву с переполняющей его сердце нежностью.

– Я непременно запомню ваш совет, мисс Арбакл. Но по-моему, вас уже нечему учить.

– Иногда, – отозвалась Минерва непривычно слабым голосом, – я не понимаю даже саму себя и знаю, что мне предстоит еще многому учиться...

Грей благоразумно промолчал и осторожно провел большим пальцем по верхней губе любимой.

– У нас побывал мистер Клак – тот самый Олаф Клак! Он приезжал в гости к маме и папе.

– Конечно, к ним – к кому же еще? – отозвался Грей резче, чем следовало бы. Но его интересовал не Клак, а Эльдора Мейквелл.

Минерва отвернулась.

– Если хочешь, продолжай дерзить.

– Больше не буду. Прошу тебя, рассказывай.

Несмотря на пробежавший между ними холодок, Минерва заговорила:

– Знаешь, он омерзителен. Похож на клоуна, только гораздо страшнее. Он носит костюмы и прическу, словно персонаж старинной пьесы. Стоит согнувшись в три погибели. Он не расстается с тростью с набалдашником в виде башмака.

Грей внимательно слушал, постепенно настораживаясь.

– И говорит он с каким-то странным акцентом, так, словно ничему никогда не учился, но выдает себя за образованного человека. Папа сказал, что Клак прямо-таки раболепствовал перед ними. Отвратительно! Представляешь себе?

– Еще бы. – Гредю не составляло труда представить, как обрадовал

Арбаклов подобный визит. Но чем скорее рассказ о Клаке будет завершен, тем раньше Минерва перейдет к разговору об Эльдоре. – Что здесь понадобилось Клаку?

– По словам мамы и папы, он хотел подружиться с ними! – Минерва засмеялась, и этот беспечный смех согрел сердце Грея. – Ты же знаешь, я не настолько спесива, чтобы выбирать лишь знатных друзей, но зачем человеку, которому по средствам арендовать Модлин-Мэнор, пользоваться услугами Макспорранов и устраивать пышные приемы, пресмыкаться перед моими родителями? Он называл их самыми достойными людьми в округе, подбирая весьма высокопарные и нелепые выражения. Если рассказывать все по порядку, нам целой ночи не хватит.

– Тогда забудем о нем, – кивнул Грей, тщетно скрывая нетерпение. – Сомневаюсь, что он когда-нибудь появится здесь вновь.

– Ошибаешься! Клак попросил родителей помочь ему устроить салон – точнее, салун, как он выразился. Первый прием назначен на следующую пятницу. Маме предстоит составить список гостей и разослать приглашения – только самым достойным жителям округи! По правде говоря, Клак излагал свои намерения так, что приглашать следовало бы самых недостойных...

Грей коротко рассмеялся:

– Бедняга! Его можно пожалеть. Наверное, он из нуворишей. Если мы когда-нибудь встретимся, постараемся быть с ним полубезнее.

– Бедняга? Наверное, ты имел в виду маму? Папа был так очарован причудами Клака, что предложил ему маму на роль хозяйки приема. Клак не женат.

– Значит, – на сей раз Грей сдержал смех, – посочувствовать следовало твоим отцу и матери. А теперь поговорим об Эльдоре...

– Ее визит был еще невероятнее! Боюсь, ты мне даже не поверишь!

– Я попытаюсь, – заверил Грей, расстегнул плащ и привлек Минерву к себе. – Так тебе будет теплее, – объяснил он.

– По словам Эльдоры, она счастлива, потому что наши семьи скоро породнятся, – начала Минерва.

– Вот как? – Грей поднял брови. Что задумала эта распутница? – И это все?

– Нет, что ты! Она заговорила о том, что хочет преподнести жениху особенный свадебный подарок.

– Какого черта... Зачем Эльдоре Мейквелл понадобилось говорить об этом с твоими родителями?

Минерва хихикнула – такое с ней случалось крайне редко.

Грей поцеловал ее в кончик носа и будто невзначай провел ладонью по груди. Вздох Минервы доставил ему невыразимое удовольствие.

– Рассказывай, дорогая.

– Мисс Мейквелл пожелала, чтобы папа написал ее портрет, – начала Минерва высокомерно, но не выдержала и усмехнулась: – Скоро она начнет позировать.

Грей представил себе Эльдору, позирующую Портосу Арбаклу, а затем вспомнил картины, украшающие стены Уиллинока.

– Но ведь твой отец пишет только обнаженную натуру!

– Да. – Минерве еле удалось взять себя в руки.

А вот Грей взорвался хохотом, попытался сдержать его и потерпел фиаско. Откинувшись на спинку сиденья, он подтянул меховое одеяло, чтобы приглушить звуки, пока кто-нибудь не обнаружил их убежища.

Минерва бесцеремонно толкнула его в бок.

– Немедленно прекрати! – заявила она. – Такие выходки недостойны джентльмена. Что это на тебя нашло?

– Лучше скажи, что нашло на Эльдору! Кэдзоу будет вне себя от негодования. Его хватит удар!

Минерва усмехнулась:

– Думаешь? Стало быть, джентльмены-святоши не способны оценить портреты их обнаженных невест?

– Откуда мне знать! Может, Эльдора таким образом надеется ускорить свадьбу? Бедняга Кэдзоу что-то не торопится. Наверное, опасается, что ему не пережить свадебную... – Грей вовремя прикусил язык.

– Почему ты считаешь, что портрет поможет ей приблизить свадьбу?

Грей махнул рукой:

– Не знаю. Я просто предположил, что портрет расшевелит Кэдзоу.

Грей не увидел, а скорее почувствовал, как Минерва недоуменно нахмурилась.

– Не понимаю... Ты хочешь сказать, что портрет ему понравится? – уточнила она. – Или что Кэдзоу рассердится на невесту?

– По-моему, он будет польщен, узнав, что ради него она принесла такую жертву.

– Какую жертву?

– Разделась перед незнакомым мужчиной.

– Но ведь папа художник! Он всю жизнь пишет обнаженных женщин. Однажды я даже видела, как это происходит...

– Правда? – Сие известие Грею не понравилось. – Очень странно с его стороны. Недопустимо, чтобы молодая девушка...

– Папа ни о чем не подозревал.

Грей решил не расспрашивать о подробностях.

– Итак, Эльдора пожелала получить свой портрет в костюме Евы. Забавно...

Почувствовав, как Минерва замерла, Грей обернулся к ней:

– Что случилось, дорогая?

– Ты пытаешься представить себе Эльдору без одежды? – Грей замялся. – Не отпирайся! Как тебе не стыдно! – И Минерва попыталась выбраться из-под одеяла.

– Не двигайся! – приказал Грей, подкрепляя приказ грубой силой. – Я пока не собираюсь уезжать. Значит, и ты не сдвинешься с места.

– Я сдвинусь с места, когда пожелаю. Я сейчас же уйду домой.

– Вряд ли. Тебе давно пора понять: ты моя, и только моя. Поэтому все будет так, как я скажу.

– А если я не желаю продолжать этот разговор?

– И говорить незачем. Постараюсь убедить тебя без слов.

– Как же ты...

Грей привлек ее к себе, усадил на колени и зажал рот поцелуем. Не прерывая поцелуя, он принялся расстегивать мелкие пуговицы на ее лифе. Застежка начиналась у ворота и заканчивалась на несколько дюймов ниже талии.

Не поворачивая головы, Минерва попыталась помешать ему расстегнуть платье, но силы были неравными.

Грей понимал, что место для подобного развлечения выбрано неудачно: двуколку окружал занесенный снегом лес, стояла морозная ночь, неподалеку светились огни в окнах дома Минервы. Ему явно следовало дожждаться свадьбы.

Но его мужское достоинство решительно восстало и прижалось к телу Минервы. Для этого Грею было достаточно вспомнить, что их разделяет только несколько слоев ткани.

– Грей, – прошептала она, когда поцелуй наконец прекратился, – так нельзя...

– Ты права. – Ее платье было уже расстегнуто. Грей проник к ней под лиф, защищая от холода своим телом. Едва он коснулся ее полной груди, как его пронзила мысль о том, что придется сдержаться. – Ты хочешь, чтобы мы остановились?

Минерва развязала его галстук и принялась расстегивать рубашку.

Грей потянул за ленту на вороте ее нижней кофточки.

– Может, все-таки остановимся, Минерва? – Спросить-то Грей

спросил, но ведь именно он сделал первый шаг – ему и решать, как поступить дальше.

Молча и сосредоточенно Минерва расстегнула его рубашку. Теперь она осторожно исследовала подушечками пальцев волосы на его груди, вокруг сосков. Указательный палец Минервы скользнул в ямку пупка, и Грей судорожно вздрогнул. От неожиданности Минерва вскрикнула.

– Не волнуйся, – успокоил ее Грей. – Мне просто щекотно. – Он вообще не ожидал от нее решительных действий, но был не прочь продолжить урок.

– Ты совсем не такой, как я.

– И слава Богу!

– Что?

– Я хочу сказать, что наши различия только радуют меня. В том-то и дело, что мы разные. Наши тела – две половинки, Минерва. Вместе они образуют единое целое.

Какое красноречие, Фэлконер! Хорошо, что тебя больше никто не слышит!

– А мне понравится? Не думай, что я ничего не поняла. Я не ребенок, а взрослая женщина. Просто я не знаю, доставит ли мне удовольствие такое... событие.

В устах Минервы это слово прозвучало так, словно речь шла об игре – например, в крокет.

– Возможно, поначалу тебе будет неприятно, но вскоре понравится. Я обещаю.

– Да?

Пока Минерва размышляла, Грей решил подкрепить свои слова делом. Он распустил ленту, стягивающую ворот ее нижней кофточки, и приподнял грудь ладонью.

– Грей! – воскликнула Минерва с беспокойством.

Несколько минут он дразнил пальцами ее затвердевшие соски, услышав слабый стон, победно улыбнулся и возобновил натиск. Затем место пальцев заняли его губы. По напрягшемуся телу Минервы пробежала дрожь. Она изогнулась на коленях Грея, запустила руки ему в волосы и притянула голову к себе.

Грей только утвердился во мнении, что Минерва самая прелестная и желанная женщина в мире.

Он сторал от страсти – нет, от вожделения к ней. Будь он раздет, его восставшая плоть давно нашла бы путь к заветной цели. Грею следовало бы стыдиться своей похоти, но он не чувствовал стыда.

Минерва ласкала его – везде, где только могла. Когда она просунула ладонь под брюки Грея и начала перебирать жесткие волоски, окружающие его вздыбленный жезл, Грей перепугался. Он боялся утратить власть над собой и вызвать отвращение у любимой.

Пальцы Минервы уже коснулись самых чувствительных местечек, и Грей со свистом втянул в себя воздух.

Минерва поспешно отдернула руку.

– Что такое? Тебе больно?

– Нет, не больно, – отозвался Грей и снова поцеловал ее в грудь, надеясь отвлечь от опасного занятия. – А что чувствуешь ты?

– Восторг, – задыхаясь, ответила Минерва хрипловатым голосом. – Когда мы поженимся, мы будем заниматься всем этим, когда захотим. Теперь я точно знаю.

– Непременно, любимая. – Грей дотянулся до подола ее шерстяного платья, просунул под него руку и осторожно погладил икру. – Нравится?

– Ты и прежде касался моих ног.

Грей мысленно чертыхнулся, проклиная железную логику Минервы.

– Но не так, дорогая. – Он поднялся выше колена, до самой подвязки, придерживающей чулок, а затем осторожно погладил атласную кожу бедра и улыбнулся, услышав томный вздох Минервы. – Это совсем другое дело. Ты согласна?

– Конечно!

Она прерывисто вздохнула, и Грей ощутил, как поднялась ее грудь, – зрелище, способное свести с ума любого мужчину. Ее соски давно превратились в твердые крупные бутоны, вздрагивающие от самого легкого прикосновения. Чтобы подчеркнуть полноту груди и стройность талии, Минерва не нуждалась ни в корсете, ни в других хитроумных приспособлениях. Ее груди не умещались в ладони Грея, а когда он пытался сжать их, его орудие набухало сильнее, заставляя опасаться возможных последствий.

– Поласкай меня там, – прошептала Минерва, прижимая ладонь Грея к своей груди.

– Где? – еле выдохнул он.

– Там, где все дрожит. Знаешь, где в такие минуты у женщин становится...

– Я знаю только, что иногда ты слишком любишь поболтать. – И Грей быстро закрыл ей рот поцелуем, затем прихватил зубами нижнюю губу и слегка куснул ее. Минерва выгнула спину и томно застонала.

Почувствовав, что она жаждет его ласки, он начал продвигаться выше

по ее ногам, заставляя ее извиваться в попытке приблизить наслаждение. Конечно, Минерва должна все узнать, всему научиться, но не слишком быстро. Уже того, что было, хватит, чтобы она думала о нем круглые сутки. Грей надеялся таким способом сломить ее сопротивление.

Но едва эта мысль возникла у него в голове, как он прогнал ее прочь. Сегодня ему не хотелось думать о будущем. Ночь принадлежит только им, это лишь прелюдия и незачем портить ее.

Дрожь Минервы заметно усилилась. Если бы не объятия Грея, она сбросила бы одеяло и плащ, забыв о пронизывающем холоде.

Наконец он проник рукой в ее панталоны, улыбнулся, ощутив влагу, и раздвинул складки, прикрывающие местечко, которое требовало еще неведомых Минерве наслаждений.

Грей легонько коснулся его.

Минерва вскрикнула, прильнула к его груди и зажала ногами его руку так сильно, что он охнул.

– Не останавливай меня, любимая, – шепотом попросил он. – Расслабься. Все будет хорошо, вот увидишь. Получишь такое удовольствие! Обними меня.

Тяжело дыша, Минерва исполнила просьбу Грея, и, едва она переплела пальцы на его затылке, он и вправду доставил ей обещанное удовольствие.

Она была слишком неопытна, чтобы просить о большем, неопытна, чтобы предполагать, что это большее существует. Долгое время Минерва сидела неподвижно, прижавшись к нему и всхлипывая, а Грей не успокаивал ее, понимая, что это слезы восторга и откровения. Минерва открыла еще одну тайну собственного тела, которое скоро будет принадлежать ему. Он надеялся в самом ближайшем времени продолжить путешествие в неизведанное.

– Тише, тише, – наконец зашептал он и зажмурился, чтобы овладеть собой. Он боялся раздавить ее в объятиях, гладил ее волосы, лицо, шею и трепещущую грудь.

– Даже если так нельзя, мне все равно, – наконец выговорила Минерва. – Я хочу, чтобы все повторилось. Если ты не против.

Только смущение помешало Грею рассмеяться.

– Я не против, но тебе уже пора домой. И надо еще подумать, как быть дальше, – без тебя я долго не выдержу.

– И я без тебя тоже, – призналась Минерва. – Может, просто поговорим с моими родителями и поженимся?

– К сожалению, все не так просто, – возразил он. – Ты же знаешь, что нам грозит опасность.

– Грей...

– Нет, милая, выслушай меня. – Он начал оправлять одежду Минервы. – Опасность и без того серьезна, а если сидеть сложа руки, положение может осложниться.

– Мне страшно!

– Вот и хорошо. Ты напугана, поэтому внимательно выслушай меня и сделай то, что я прошу. – Грею тоже было страшно, но не за себя. – Помнишь, ты обещала почаще бывать в Модлин-Мэноре и следить за Макспорранами? Я не стану возражать. Ты наведишь Макспорранов, и я поеду с тобой.

– Брамби это не понравится.

– К черту Брамби! – не выдержал Грей и тут же виновато опустил голову. – Прости. Когда-то Брамби мне нравился. Возможно, я сумею с ним поладить. Мы с тобой поедem в поместье, и я попробую возобновить дружбу с Брамби.

– Он сердится на тебя.

– Я буду настойчив.

Минерва вздохнула, застегнула платье и оправила юбки.

– Ладно, будь по-твоему. Я постараюсь тебе помочь.

– Спасибо, Минерва. Но это еще не все. Если так мы ничего не добьемся, придется изменить тактику... Ты уже готова? Я провожу тебя до дома, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Что со мной может случиться? Кто мне встретится в такое время?

Она, конечно же, заблуждалась.

– Верно, время позднее, и я не хочу рисковать. Закутайся в плащ и надень перчатки.

Грей набросил свой плащ и выбрался из двуколки. Когда он протянул руки, чтобы помочь ей спуститься на землю, Минерва торопливо вытащила из кармана перчатки. При этом на пол двуколки упал какой-то белый комочек. Грей поднял его и протянул Минерве.

Минерва взглянула на крошечный сверток и покачала головой.

– Это не мое, – сказала она.

– Он выпал из твоего кармана, дорогая.

Пожав плечами, Минерва развернула бумажную обертку.

– Очень милая конфетка, – заключила она, положив конфету на ладонь и разглядывая ее при лунном свете. – На вид аппетитная. Но я не клала ее в карман.

– Наверное, ты забыла, – подсказал Грей.

– Не может... Грей Фэлконер, это твои проделки! Я так спешила, что

совсем забыла сказать про коробку конфет. Ее уже принесли мне в комнату. И когда ты успел?

Грей улыбнулся, но промолчал.

– Наверное, эту конфету ты сунул мне в карман, пока мы были у Памфри? Какой же ты хитрец! Пытаешься меня раскормить? По-твоему, я слишком худая?

Различив кокетливые нотки в ее голосе, Грей хотел было сообщить, что о коробке слышит впервые, но тут Минерва поднесла конфету ко рту и приготовилась ее съесть.

Неожиданно для самого себя, Грей выхватил конфету у нее из рук. Минерва невольно вскрикнула.

– Что с тобой? – опасно спросила она и попятилась.

Грей разжал пальцы. На его ладони лежала раздавленная конфета. Очевидно, в кармане плаща она отсырела, и потому раздавить ее не составило труда.

– Смотри, что ты натворил! – упрекнула Минерва. – Как не стыдно! Грей, я тебя не понимаю. Может, ты хотел, чтобы я нашла конфету только после твоего отъезда? Но я уже видела у себя в спальне целую коробку...

Забыв об осторожности, Грей зажег фонарь и поднес ладонь с остатками конфеты к свету. Он внимательно присмотрелся к кристалликам сахара и крохотному розовому цветочку, сделанному для украшения. Ничего подозрительного он не заметил. Минерва права: это просто конфета. Грей смутился:

– Прости... Дело в том, что я не присылал тебе конфет, дорогая.

– Но на карточке значится твое имя.

– И все-таки конфеты ты получила от кого-то другого. – Грей снова перевел взгляд на сахарные крошки. – Ты точно взяла ее не из коробки?

– Я просто уверена в этом. Когда сегодня утром я уходила из дома, коробки в спальне еще не было. Конфету могли положить мне в карман, только пока мой плащ лежал в детской Памфри, а мы беседовали в соседней комнате.

Грей вдруг вспомнил о незнакомце, пробежавшем через сад священника. Минерва говорила, что он оглянулся на дом – точно так же, как тот, что покинул Уиллинок через окно.

Прищурившись, Грей вдруг понял то, что следовало учесть с самого начала. Если этот человек причастен к злоключениям Грея в Вест-Индии и если дьявольский план разработан супругами Арбакл, неизвестному вовсе незачем было вылезать в окно или прятать лошадь в парке.

Неужели он ошибся насчет Арбаклов?

– Странно... – произнес Грей, имея в виду не только коробку конфет. Он вновь поднес ладонь к свету и принялся изучать розовый цветок. В середине цветка он разглядел темно-синюю сердцевину – несомненно, свидетельство мастерства кондитера. Ковырнув ее ногтем, Грей обнаружил гладкий, удлиненный сгусток.

– О Господи! – воскликнул он. – Индийский дурман? Здесь?!

– Грей, в чем дело?

Покачав головой, он наклонился и понюхал странное содержимое конфеты, а затем поспешно взял из рук Минервы обертку и ссыпал в нее разломленный пополам синий комочек. Аккуратно свернув бумагу, Грей сунул ее в карман, схватил Минерву за руку и окунул обе ее ладони в снег.

– Перестань! – воскликнула она. – Грей, прекрати! Мне страшно!

– Оботри руки снегом – вот так, – показал Грей, – и почисти под ногтями. Как только вернешься домой, возьми эту коробку конфет, плотно заверни ее в бумагу, перевяжи бечевкой и спрячь так, чтобы никто не нашел. И поскорее отдай ее мне. Да не вздумай коробку открыть! Поняла?

– Да, – кивнула Минерва и принялась усердно обтирать пальцы снегом. – А в чем дело?

Грею не хотелось тревожить ее, но, чтобы добиться послушания и уберечь любимую от беды, следовало сказать ей правду:

– Кто-то хотел отравить тебя этой конфетой.

У Минервы рот открылся от изумления.

– Ты заметила комочек в середине цветка? Это семечко растения, которое в Вест-Индии называют дурманом. Его выращивают одни мерзавцы и продают другим – для каких целей, тебе знать не обязательно.

– Семечко дурмана? Впервые слышу. Это ядовитое растение?

– Оно известно под названием «пляска смерти». Достаточно одного крохотного семечка, чтобы человек через несколько минут скончался в страшных муках.

«Танцуй, танцуй, танцуй!» – вспомнился ему монотонный голос.

Грей рывком привлек Минерву к себе и стиснул в страстных объятиях.

Глава 17

– Что за шутки, Грей? – возмутился Макс Россмара, дожевывая ломтик тоста, который он успел схватить с тарелки, прежде чем Грей выволок его из столовой Драмблейда. – Какого дьявола?

Грей завладел вниманием друга в тот же миг, едва Эльдора и Кэдзоу покинули столовую. За завтраком Эльдора томно жаловалась на недомогание.

– Куда ты меня тащишь? – допытывался Макс, с трудом поспевая за другом. Грей провел его в бильярдную и плотно захлопнул за собой дверь. Макс с отвращением уставился на бильярдный стол. – Терпеть не могу эту игру. Элла, моя родная сестра Элла, вечно обыгрывает меня. Это унижительно! Играть с тобой я не стану, даже не уговаривай.

Несмотря на всю серьезность момента, Грей улыбнулся и отпустил руку друга.

– Если бы ты ни с того ни с сего не явился к завтраку, мне не пришлось бы выдумывать предлог, чтобы поговорить с тобой наедине, подальше от ушей этой распутницы Эльдоры.

Макс выразительно приподнял бровь, облокотился о стол и скрестил ноги.

– Должен заметить, что завтракаете вы довольно поздно. Но давай перейдем к делу. – И он с аппетитом отправил тост в рот.

– Что ты здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? – переспросил Макс с набитым ртом. – То есть как?

Взглянув на дверь, Грей выбрал кий.

– Не прикидывайся, ты прекрасно меня понял. Мы же договорились, что я сам пришлю тебе весточку. – Собрав шары, Грей сложил их в пирамидку, а затем подал второй кий другу.

– Я же сказал, что терпеть не могу...

– Всего лишь камуфляж, – объяснил Грей. – На случай, если сюда кто-нибудь войдет.

– Вот как? – Макс оживился. – Значит, расследование продвигается успешно? Ты уже выяснил, кому встал поперек дороги?

– Я в полной растерянности, – признался Грей, понизив голос. – Кажется, я иду по ложному пути. А может, и нет. Но связь с Вест-Индией прослеживается абсолютно точно. Так зачем ты приехал?

– Просто был поблизости и решил навестить тебя. А почему связь с Вест-Индией тебя так удивила?

– Поблизости? Зачем?

– Я извелся, не зная, что с тобой происходит. Это правда.

– Так я и понял. – Грей хлопнул друга по плечу. – Чертовски рад тебя видеть. Сегодня я все равно собирался отправлять к тебе посыльного. А теперь выслушай меня.

– С удовольствием. – Усмехнувшись, Макс уселся прямо на бильярдный стол. – С детства люблю сказки. Она не страшная?

– Мне не до шуток, – заявил Грей. – Знаешь, здесь творится нечто странное...

Макс вмиг посерьезнел.

– Подумаешь, удивил! Позже, когда у нас появится пара свободных недель, я расскажу тебе, что действительно достойно изумления. Но с этим можно подождать. Сегодня твоя очередь.

– Вот именно, – подхватил Грей. Макс всегда оставался для него своего рода загадкой, поскольку был наделен неподражаемым чувством юмора, галантностью, пристрастием ко всему неизведанному и склонностью к неожиданным выходкам.

– Продолжай, – велел Макс. – Итак, в чем дело?

– Первое из странных событий, о которых я хочу рассказать, случилось еще в Вест-Индии, едва лишь я узнал, как обстоят дела на плантациях Фэлконеров, и уладил некоторые недоразумения. Ко мне с визитом явился один человек. Из тех, кому сам черт не брат, – если ты понимаешь, что я имею в виду. Прежде всего он заставил меня гадать, что случится, если я закрою глаза. Увижу ли я его снова, когда открою их...

– И останешься ли в живых? – подсказал Макс.

Грей уставился в невинные зеленые глаза друга. Тот сохранял невозмутимый вид.

– Почему ты спросил об этом?

– Извини. Чутье подсказало мне именно такой конец фразы.

– Ты почти угадал, – признался Грей, чувствуя себя так, словно кто-то чужой заглянул в его мысли. – Незнакомец был очень смуглым. Или загорелым. Борода, усы, бронзовая кожа... Мне показалось, что он недавно был ранен: он плотно прижимал неподвижную левую руку к телу. На нем были белая чалма и длинные белые одежды. Хотя с виду он походил на индуса, я до сих пор не могу понять, что это за человек на самом деле.

– Он разыскал тебя на плантациях?

– Да. Изъяснялся на правильном английском и производил впечатление

весьма образованной и воспитанной особы. Потому я и не сумел решить, каково его происхождение. Впрочем, это не столь уж важно – по крайней мере я так считаю, пока не столкнусь с ним вновь.

– А это вероятно?

– Вряд ли. – Грей уже подумал об этом. – Но благодаря его визиту вчера ночью мне удалось спасти Минерву.

Макс поднес к лицу бильярдный кий, недоуменно посмотрел на него и опустил.

– Не тяни, выкладывай! – потребовал он. – Что произошло?

– Сначала вернемся к тому человеку в чалме. Он предложил мне один товар, попытался продать его... – Подумав, Грей уточнил: – Вернее, предлагал заплатить мне за услугу.

Макс только головой покачал:

– Не могу сказать, что я все понял, но кое-что уловил. Давай по порядку. С Минервой все в порядке?

– Нет. – Как ни досадно Грею было оставлять ее в Уиллиноке, он тешил себя надеждой, что вскоре вызволит любимую из родительского дома. – Человек этот хотел, чтобы я отвез в Англию некий груз. Спрятав его в мешках с сахаром.

В коридоре слышались шаги. Дверь отворилась, и в бильярдную заглянул Кэдзоу. Увидев Грея и Макса, он направился к ним.

– Я ищу вас по всему дому, – сообщил дядюшка. – Надеюсь, маленькое недомогание Эльдоры не испортило вам аппетита.

Грей с трудом удержался, чтобы не выпалить: если что-нибудь и способно лишить его аппетита, так только сама Эльдора, а не ее «маленькие недомогания». Эта женщина вызывала у него безотчетное отвращение: сам не зная почему, Грей не доверял ей.

– Ничуть! – отозвался он, мельком взглянув на Макса. – По правде говоря, я рад, что Эльдора... Нет, ее недомогание меня не радует, но я доволен, что у нас наконец-то появилась возможность поговорить с глазу на глаз. Незачем взваливать наши беды на хрупкие женские плечи, верно?

– Абсолютно, – согласился Кэдзоу и нахмурился. – Так в чем же дело, мой мальчик? Чем я могу помочь?

Почему любой разговор с дядей превращается в предисловие к исповеди? Пожав плечами, Грей отогнал эту мысль.

– Если бы вчера я раньше вернулся домой, то объяснил бы все сразу. Сегодня утром, в присутствии твоей невесты, я не решился завести разговор. Несколько минут назад я начал объяснять Максу, что меня тревожит, но не слишком преуспел.

– Грей, – притворно возмутился Макс, – уж не хочешь ли ты сказать, что я никудышный слушатель?

Покачав головой, Грей коротко повторил Кэдзоу все, о чем только что сообщил другу.

– Значит, тебе предложили плату за доставку груза? – уточнил Кэдзоу. – Насколько я помню, наша компания никогда не отказывалась от подобных предложений...

– Верно. – Грей умолчал лишь об одном: о том, что Минерве грозила смертельная опасность. – Незнакомец вел себя так, словно уже имел предварительную договоренность с кем-то из семейства Фэлконеров и считал разговор со мной пустой формальностью.

Кэдзоу кивнул:

– Очень может быть. Конечно, в свою бытность на плантациях я не участвовал в подобных делах. Но помню, как управляющий с гордостью сообщил о том, что нашим кораблям не приходится возить воздух. Помоему, мы брали на борт груз шелка, каких-то безделушек...

– Полагаю, тебя не просили помочь в том деле, о котором говорил со мной этот визитер. Речь шла не о шелке и не о безделушках, дядя, а о семенах дурмана. Мне предлагали плату за то, что я спрячу их в мешках с сахаром.

Недоумение исчезло с лица Кэдзоу так же быстро, как и отразилось на нем.

– Дурман? «Пляска смерти»? Не может быть!

– Значит, ты слышал о нем? – Грей вдруг испытал облегчение – хотя бы оттого, что его дядя подтвердил существование ядовитого растения.

– Как тебе известно, я отправился в Вест-Индию, чтобы принести туда благую весть, – начал Кэдзоу. – К сожалению, на своем пути я не раз встречал препятствия... Да, мне известно об этом порождении дьявола – не важно, откуда. Достаточно сказать, что я сделал все возможное, лишь бы убедить несколько человек, что им грозит опасность потерять бессмертную душу. Но гораздо важнее, мой мальчик, что ты дал этому человеку понять: Фэлконеры никогда не опорочат своего честного имени таким... – Он внезапно попятился. – Но почему ты вдруг заговорил о дурмане? Да еще здесь, в нашем доме?

– Вчера ночью какой-то мерзавец пытался отравить Минерву семечком дурмана. Оно было спрятано в конфете.

Кэдзоу вытаращил глаза, попятился назад, наткнулся на кресло и обессиленно рухнул в него.

– Здесь, в Шотландии? – еле выговорил он и побледнел. – Грей,

должно быть, ты ошибся!

– Какая ошибка?! Я знаю, как выглядят эти семена, потому что гость показал мне свой смертоносный груз так невозмутимо, словно пригоршню горошинок перца. Не будь семена дурмана синими и блестящими, я принял бы их за какую-нибудь безобидную пряность.

– А они всегда вызывают смерть? – поинтересовался Макс.

– Всегда, – кивнул Грей. – Страшнее всего то, что они отличаются изумительным вкусом. Попробовав одно семечко, всякий захочет получить еще. Через несколько минут несчастный ощущает покалывание во всем теле, затем ему перестают повиноваться конечности. Отравление происходит так быстро – паралич наступает в считанные минуты, – что жертва узнает о приближении смерти, только когда падает на землю, вопя и извиваясь от боли. Затем нарушаются все функции организма, и...

– Перестань! – взмолился Кэдзоу, гладкий лоб которого покрылся испариной. Поймав взгляд Грея, он объяснил: – Я не в силах этого слушать. За свою жизнь я многое повидал, но при виде такого зла мне по-прежнему становится страшно. Неужели для несчастного нет спасения?

Откашлявшись, Макс спрыгнул со стола на пол.

– У меня есть дядя Кэлам, герцог Франшо. Так вот, Кэлама часто повергало в уныние зло, на которое способен человек. Однако он неизменно утверждал, что, не будь человеческая натура так слаба, ему не понадобился бы Бог.

– Значит, мы должны быть благодарны за то, что вчера ночью Минерва чуть не погибла? – спросил Кэдзоу с несвойственной ему резкостью.

Грей насторожился.

– Если только яд не был предназначен кому-нибудь другому, – вставил Макс.

Грей живо обернулся к нему:

– Об этом я не подумал. Ты хочешь сказать, что все случившееся следует расценивать как предостережение, адресованное мне?

– Очень может быть. Вероятно, злоумышленники заранее рассчитали, что ты почувствуешь опасность и предотвратишь ее.

– Но в комнате Минервы оказалась целая коробка этой отравы – я имею в виду конфет. Кстати, к коробке была приложена карточка с моим именем.

– Однако план был продуман так, что никто не заподозрил бы тебя в смерти Минервы, – задумчиво заметил Кэдзоу. – Шотландские сельские врачи понятия не имеют о дурмане.

– А если бы кто-нибудь другой попробовал эти конфеты и тоже

умер? – возразил Грей. – Разве такое совпадение не вызвало бы подозрений?

Макс устремил палец на Грея:

– Ты попал в самую точку! Что ты сделал с этой конфетой после того, как запретил Минерве к ней прикасаться?

– Спрятал в надежном месте. Нам нельзя делать опрометчивые шаги. Пусть злоумышленники считают, что мы ничего не заподозрили, до тех пор, пока не выяснится, что к чему. Меньше всего нам нужно, чтобы виновный насторожился и сбежал. Он не станет тревожиться, пока не поймет, что его разоблачили.

– Его? – переспросил Макс.

Грей пропустил этот вопрос мимо ушей.

– А он пробудет здесь, пока не осуществит своих намерений. Его задача – намекнуть о грозящей мне опасности.

– При необходимости даже с помощью убийства, – мрачно закончил Кэдзи. – Нам надо действовать сообща и с величайшей осторожностью. Любая ошибка приведет к катастрофе. Ты уже думал о том, кому выгодно избавиться от тебя, Грей? Знаю, я немного опоздал с вопросом, но, по-моему, разгадка кроется в нем.

– Да, – согласился Грей. Излагать свои предположения он пока не собирался. – Точно я ни в чем не уверен, но непременно найду доказательства. Я представляю для кого-то смертельную угрозу – вероятно, для нескольких человек.

– А значит, – подхватил Макс, – тебе грозит смерть. По-моему, тебе нельзя здесь оставаться. Ты должен куда-нибудь уехать и пребывать в надежном убежище, пока...

– Именно этого они и добиваются. – Грея вдруг пробрал озноб. – Только этого они и ждут. Они пытаются заставить меня сбежать отсюда. Хотят, чтобы я очутился там, где от меня легко избавиться.

В дверь постучали, в комнату заглянул Рэтли.

– Молодые люди к мистеру Грею, – доложил он с явным недовольством.

– Кто именно? – откликнулся Грей, не желая прерывать разговор.

– Двое сирот из Уиллинока, сэр. Сомнительная компания. Приживалы.

Грею не раз хотелось намекнуть Рэтли, что он высокомерный сноб, однако дворецкий знал свое дело и вряд ли изменил бы взгляды на мир и свое место в нем.

– Фергюс и Айона Драммонд, – пояснил Грей. – Проводите их сюда, Рэтли.

- Если позволите, я скажу, что вы никого не принимаете, сэр.
- Ни в коем случае!
- Разумеется, к мисс Арбакл это не относится, но эти двое...
- Минерва здесь? – встрепенулся Грей. – Что же вы сразу не сказали?
- Сэр, у меня и в мыслях не было ничего дурного...

Не дослушав, Грей выбежал в коридор и увидел в противоположном его конце Минерву. Он раскрыл объятия, и любимая бросилась к нему, по обыкновению не заботясь о приличиях. Растрепавшиеся косы болтались у нее за спиной, глаза радостно сияли. Плащ, тот самый, который был на ней вчера вечером, распахнулся, открывая взгляду Грея очередную юбку-брюки, правда, на сей раз сшитую из плотной синей ткани.

– Грей, – подбежав, Минерва кинулась ему на грудь, – я больше ни минуты не могла выдержать без тебя!

– А я без тебя, – тихо ответил он, касаясь губами ее макушки. Затем он склонился к уху Минервы и сообщил: – Мы здесь не одни. Вокруг друзья, но я не хочу, чтобы о случившемся узнали слуги и Эльдора, если она решит присоединиться к нам. Конфеты в надежном месте?

Минерва подняла голову, лицо ее сияло. Грей не подобрал бы слов, чтобы описать ее прелесть.

– Я буду осторожна, – пообещала она, наморщив нос и прижав ладонь к щеке. – Коробка у меня. А еще я приняла чрезвычайно важное решение.

– Грей, где вы? – Кэдзоу выглянул из бильярдной. – Что случилось? Что понадобилось детям?

Вышеупомянутые дети топтались в коридоре, исподтишка поглядывая на Грея и Минерву.

– Любимая, – прошептал Грей, касаясь ее лица, – нам надо найти способ остаться вдвоем. Наедине. Ладно, разгоним всю эту толпу и встретимся позднее.

– Когда? – Минерва приподнялась на цыпочки, явно намереваясь поцеловать его.

Мельком взглянув на зрителей, Грей сам поцеловал ее – очень крепко, но стремительно.

– Предоставь это мне. Кажется, в нашем деле кое-что прояснилось. Я не сразу вспомнил, что нет худа без добра. Как видишь, мои враги сами сделали первый шаг. Остается только выманить их из логова.

– Наши враги, – поправила Минерва. – Все, что происходит с тобой, касается и меня.

– Не совсем так. Ты будешь...

– Мы должны изучить все детали. А как насчет Макспорранов? Их

опасений? Похоже, они побаиваются тебя. Или злятся. – Подняв плечи, она нахмурилась. – Сколько загадок!

– Да-да, – пришлось согласиться Грею. – Но прошу тебя, предоставь мне самому решать, как поступать дальше.

– Но ведь это я чуть не съела «смертельный танец».

– «Пляску смерти». Тише, Минерва! – Грей поманил к себе Фергюса и Айону и радостно воскликнул: – Идите сюда, к нам! Перестаньте жаться в углу!

Близнецы торопливо приблизились. Они удивительно походили друг на друга, хотя Айона излучала женственность, а черты ее брата поражали мужской суровостью.

Грей нехотя отстранил Минерву, слегка поклонился и тут же понял, что свои чувства к ней ему не скрыть.

– Дорогая, придется смириться с неизбежным. Здесь Макс Россмара. Ты помнишь его? Макс – мой давний друг.

Они вошли в бильярдную, за ними последовали близнецы Драммонд. На лице Рэтли застыло мученическое выражение, брови сошлись на переносице, и он страдальчески склонил голову набок.

– Ступайте, Рэтли, – отпустил его Грей. – Здесь все свои. Айона и Фергюс – кузены Минервы. А Минерва – моя невеста.

– Свадьба! – вдруг воскликнула Айона и тут же зажала рот ладошкой.

Фергюс покраснел так густо, что Грей невольно пожалел его.

– Как вам угодно, мистер Грей, – отозвался Рэтли, окинув Драммондов негодующим взглядом. Не добавив ни слова, он забрал у гостей плащи и покинул комнату.

– Он недолюбливает сирот, – заметила Айона безо всякой враждебности. – Как и многие другие. Некоторые считают, что только родители виноваты в том, что их дети остались сиротами, особенно если эти дети – близнецы. Говорят, что родители близнецов вынуждены расплачиваться за то, что даровали им жизнь...

– Ничего подобного! – строго перебила Минерва. – С чего ты взяла?

– Услышала от миссис Хэтч, – пояснил Фергюс, не обращая внимания на протесты сестры. – Айона ловит каждое слово старой ворчуньи. Знаете, миссис Хэтч рассуждает как дикарка. По ее словам, если женщина родила близнецов, значит, у нее было...

– Фергюс, – прервал Грей, опасаясь, что юноша наговорит лишнего, – по-моему, незачем...

– Подожди, я не договорил. Послушать миссис Хэтч, так наша мама вела разгульную жизнь. Должно быть, нашей экономке виднее, когда-то я

так ей и сказал. С тех пор она со мной не разговаривает. А я только рад этому. И ты напрасно слушаешь ее, Айона.

– Фергюс только хотел сказать, – продолжила Айона, – что миссис Хэтч считает: мать близнецов дважды решилась на то, что делают, чтобы иметь детей. Нет, как вам это нравится?

– Прошу вас, присаживайтесь, мисс Драммонд, – вдруг произнес Макс, удивив Грея. Прежде он не замечал за другом особой чуткости.

Взглянув на Макса, Айона, как сомнамбула, двинулась к указанному креслу. Ее веснушчатое личико, характерное для шотландок, казалось слишком нежным, почти прозрачным, да еще волосы медового оттенка... В своем светло-зеленом платье с кружевной отделкой на вороте, рукавах и юбке она выглядела очаровательно.

Мысленно чертыхнувшись, Грей решил позже предупредить Макса, чтобы тот не вздумал вскружить голову юной кузине Минервы.

– Добро пожаловать, Минерва, – вступил в разговор Кэдзоу, кланяясь гостю. – Как давно мы не виделись, дорогая! С тех самых пор, как я привез вам страшную весть... Но не стоит о грустном. Удача улыбнулась нам: Грей вернулся домой. Мне стыдно, что я не отважился утешить вас в трудные времена.

Минерва подала ему руку, а потом порывисто присела, выпрямилась и поцеловала Кэдзоу в щеку.

– Вам самому пришлось несладко: на вас разом свалилось столько бед и забот! Предлагаю отпраздновать удачу, а не скорбеть о прошлом.

Смущенно отвернувшись, Кэдзоу пробормотал:

– Какая мудрость, несмотря на юный возраст! Дорогая, мне следовало бы поучиться у вас. – И он отошел к окну, откуда открывался вид на занесенную снегом аллею.

– Простите, – мягко отозвалась Минерва, поднося ладонь к груди, – я не хотела вас обидеть...

– Никто и не обиделся, – заверил ее Грей. – Для этого нет никаких причин. – Минерва взяла его за руку и нахмурилась. – В чем дело? – понизил голос Грей.

Нахмурившись еще сильнее, Минерва указала ему взглядом на близнецов.

– Нас прислала тетя, – спохватился Фергюс. – Мы привезли вам приглашение, мистер Кэдзоу.

– А я решила поехать вместе с ними, – добавила Минерва, не сводя глаз с любимого.

От ее взгляда у него подкашивались ноги – очень непривычное

состояние для крепкого и уверенного в себе мужчины. В сущности, виной тому был ее наряд, а именно юбка-брюки, открывающая щиколотки. Лиф своим покроем напоминал морской китель и был украшен медными пуговицами. Минерва выглядит бесподобно, решил Грей. Очень женственно.

Кэдзоу, стоявший у окна, обернулся:

– Приглашение от родителей Минервы? По какому случаю?

– Айона, объясни, – попросил Фергюс.

Айона смотрела на Макса с нескрываемым восхищением, такое выражение Грей видел на ее лице впервые. А Макс, черт бы его побрал, улыбался девушке так обольстительно, что она, очевидно, совсем потеряла голову.

– Айона, – повторил Фергюс, – объясни, что это за приглашение.

– Ой! – спохватилась Айона, зарделась и громко объявила: – Это приглашение в Модлин-Мэнор. Прием состоится через пять дней, в следующую пятницу. Его устраивает мистер Олаф Клак.

Фергюс вытащил из кармана конверт, должно быть, с вышеупомянутым приглашением. Грея так и подмывало спросить, почему Драммонды взяли на себя труд объяснить суть приглашения на словах, но он сдержался.

– Это будет чудесный вечер, – добавила Айона и снова перевела взгляд на Макса. – Наверное, мистер Клак пригласит и вас, если узнает, что вы гостите в Драмблейде.

– А на меня, очевидно, это приглашение не распространяется, – подытожил Грей.

Повисла минутная пауза, но Минерва наконец нашлась:

– Напротив! Я сама слышала, что мистер Клак хотел видеть обоих Фэлконеров. Мама просто ошиблась.

Кэдзоу удивленно вскинул голову:

– Ваша мама рассылает приглашения от имени этого Клака?

– Он живет в наших краях совсем недавно, – раздраженно пояснила Минерва. – Потому и обратился за помощью к моим родителям, чтобы, дав пышный прием, заодно познакомиться со всеми соседями. К тому же Клак не женат, ему нужна хозяйка. Мама с папой любезно согласились сделать ему одолжение.

– Миссис Арбакл взяла на себя роль хозяйки на приеме мистера Клака, – пояснил Грей. – Разумеется, по настоянию мистера Арбакла. Великодушный он человек, мистер Арбакл. – И Грей переглянулся с Максом.

– В Бэллифоге еще никогда не бывало ничего подобного, – подхватила Айона, краснея и сияя от радости. – Мы с Фергюсом тоже приглашены – правда, Фергюс?

Брат пожал плечами, не выказывая энтузиазма.

В коридоре опять послышались шаги – а точнее, шаги нескольких пар ног, – и небывало встревоженный Рэтли протиснулся в приоткрытую дверь.

– В чем дело? – спросил Кэдзоу. – Что это с вами, Рэтли? Люди издавна наносят друг другу визиты. А вы, наш дворецкий, вместо того чтобы быть невозмутимым хранителем дома, скачете по коридорам, как паяц!

– Простите, мистер Фэлконер, – отозвался Рэтли, поджав губы. – Но на этот раз сюда явились весьма необычные гости. Уверяют, что вы охотно примете их. Один из них сказал, что вы давно хотели его видеть. Кажется, остальные только сопровождают его.

– Вот как? – внезапно разгневавшись, отозвался Кэдзоу. – Кто же этот человек?

Рэтли вытянул тощую шею, отчего вмиг стал ниже ростом.

– Мистер Олаф Клак, сэр. Он сказал, что явился из Модлин-Мэнора, но мы-то знаем, что это неправда.

Кэдзоу вытащил из кармана платок и отер пот со лба.

– Я не привык к таким частым визитам.

– Мистер Клак действительно живет в поместье, – сообщила Минерва, приблизившись к Кэдзоу и взяв его за локоть. – Простите нас за шумное вторжение. Пожалуй, мы поедem домой. Не будем мешать вашей встрече с мистером Клаком.

– Вздор! – Благосклонная улыбка, которой Кэдзоу одарил Минерву, подсказала Грею, что его дядюшка очарован. – Вы останетесь здесь. В конце концов, вскоре этот дом станет вашим. Пригласите сюда джентльменов, Рэтли. Кстати, спасибо вам за усердную службу.

С бесстрастным лицом Рэтли выпрямился и осведомился:

– Может быть, предложить спутникам мистера Клака подождать на кухне? Я распоряджусь насчет чая...

Дверь распахнулась, задев Рэтли, и он едва не упал на пол. Грей тоже еле избежал удара. Даже со спины он узнал Олафа Клака по описанию Минервы. За Клаком вошли Сайлас Минер и Микки Фишер.

С трудом удержавшись на ногах, Рэтли вопросительно уставился на Кэдзоу.

– Мы останемся здесь, – заявил Минер. – Мы давние друзья мистера Клака, мистер Фэлконер. Дело в том, что мы знаем друг друга с самого...

– Детства, – подсказал Клак, пряча лицо в тени свисающих густых

волос. – А недавно мы вновь встретились, чему несказанно рады.

– Благодарю, Рэтли, – произнес Кэдзоу, который разглядывал вновь прибывших, словно загипнотизированный. – Я позову вас, если нам что-нибудь понадобится.

– Да, мы позвоним, – тотчас подхватил Клак. – Но нам вряд ли что-нибудь понадобится, мистер Фэлконер.

Стоя за спинами гостей, Грей увидел, как Кэдзоу растерянно заморгал, обводя взглядом всех присутствующих.

– Вижу, от радости вы прямо сам не свой, – заметил Клак. – Для нас это большая честь. Мы тоже очень рады.

Судя по всему, гость просто неумело пошутил. Грей хотел было засмеяться, но передумал.

– С вашей стороны было очень любезно навестить нас, – наконец выговорил Кэдзоу, производя впечатление скорее удрученного, нежели обрадовавшегося человека. – Насколько я понимаю, это ваше приглашение. – И он помахал конвертом, который ему подал Фергюс.

– Да, в салун! – громогласно откликнулся Клак. – Так сказать, на репетицию перед рождественскими праздниками! Миссис Арбакл, добрая душа, предложила мне помощь. Значит, общество соберется самое изысканное.

– А Макса она не пригласила, – вмешалась Айона.

Скрестив руки на груди, Грей красноречиво потер подбородок, заметив, что друг старается не смотреть на него.

– Макса? – удивился Клак. – Кто такой Макс?

– Макс Россмара, – тонким голоском пояснила Айона. – Вот перед вами. Он из замка Керколди. Его отец – виконт.

С топотом, оханьем и постукиванием трости Клак приблизился к Максусу и произнес:

– Буду рад принять вас в своем доме. Приглашение вам пришлют немедленно.

– И Грея тоже не пригласили, – продолжала Айона, набравшись смелости и даже отважившись улыбнуться. – Мистера Грея Фэлконера. Вот он.

Олаф Клак так и замер на месте.

– Грея Фэлконера? – наконец переспросил он, опуская голову. Затем, медленно обернувшись, тряхнул головой и уставился в щель между двумя прядями волос. Впрочем, его лицо так и осталось в тени. – А я вас не приметил, сэр. Конечно, вас я тоже приглашаю.

Сайлас Минер и Микки Финиш тоже обернулись и воззрились на Грея.

Сайлас вполголоса обратился к Микки:

– Помнишь давние времена? Похоже, все повторится. И довольно скоро.

Микки закивал головой. Густые спутанные волосы упали ему на лицо и на поднятый воротник мешковатого пальто длиной до самого пола.

Грей решил, что с него хватит туманных замечаний и еще более неясных действий.

– Конечно, мы ждем и вас, прелестница, – произнес Сайлас Минер, обращаясь к Айоне. Он присел на подлокотник ее кресла с таким видом, словно они были давно и близко знакомы. – Знаете, было бы недурно устроить маскарад. Я уже вижу вас в костюме восточной танцовщицы. Или богини.

– А кто они такие? – настороженно осведомился Фергюс. – Эти богини?

Клак, рассмеявшись, подошел поближе:

– Кое-кто считает, что все это выдумки. Кажется, они повсюду разгуливают почти нагишом. Очень удобный костюм! Главное – обходится дешево!

– Вот как? – Фергюс сжал кулаки, свирепо глядя на раздетого Минера с его напудренной лысиной и щегольской тростью. – Пожалуйста, повежливее с моей сестрой, иначе я вызову вас на дуэль!

– Не стоит, – вмешался Макс, от учтивости которого не осталось и следа. – Будьте любезны покинуть кресло мисс Драммонд, сэр. Она беседует со мной.

Продолжая левой рукой прижимать серебряную трость к груди, Минер вскочил и попятился.

– Поверьте, я никого не хотел оскорбить! Просто пытался завязать разговор. – Он сделал красноречивый жест свободной рукой. – Видите ли, как дружелюбный человек, я стараюсь найти подход к каждому...

– Несомненно, – перебил Макс. – Но я был бы вам очень признателен, если бы вы выказывали больше уважения к моим друзьям.

Боже, как Грей жаждал покоя! И уединения с Минервой. Понятно, что только правила приличия побудили Макса вступить за Айону, а девушка наверняка придаст совсем другой смысл его поступку.

– Ну, теперь все довольны? – спросил Клак. – Все приглашены в мой салон? Не забудьте про костюмы!

– Костюмированный салон? – переспросил Макс, не сводя глаз с Минера, который томно поклонился Айоне. – Впервые слышу.

– Евнух! – смачно объявил Клак. – Я буду евнухом и потому очень

горжусь! А у вас неплохое жилье, Фэлконер. Хорошо, что я сам явился сюда, чтобы засвидетельствовать вам почтение. Между нами есть немало общего, Фэлконер. Два сапога – пара.

Кэдзоу неловко переступил с ноги на ногу.

– Я тоже рад вашему приезду. Если хотите, могу показать вам свою обитель, вы ведь, конечно же, торопитесь в обратный путь...

Грей чуть не заскрипел зубами. Бедняга Кэдзоу! Он надеялся, что имеет дело с людьми, способными понять намек!

– Очень мило с вашей стороны, сэр, – откликнулся Минер, оглядывая Айону с ног до головы. – Мы с удовольствием совершим экскурсию по особняку – не правда ли, Микки?

Закутанный в мешковатую бесформенную одежду Финиш усердно закивал встрепанной головой.

– Вот видите! – воскликнул Минер, обнимая Кэдзоу за плечи и подталкивая его к двери. – Мы с нетерпением ждем экскурсии. Вы даже не представляете, как мы рады...

– Вот и хорошо. – Напряженная поза Кэдзоу свидетельствовала о том, что его терпение на исходе. – Тогда давайте поспешим.

Когда все четверо удалились, Грей тяжело вздохнул:

– Бедняга Кэдзоу! Ему следовало бы дать медаль.

– Он очень добрый человек, – заметила Минерва. – Видимо, ему не хотелось, чтобы этот противный мистер Минер... словом, вы меня понимаете.

– Само собой, – сердито ответил Фергюс. – Но я и сам могу постоять за свою сестру.

– В этом никто не сомневается, – заверила его Минерва, – но гораздо разумнее избегать ссор.

– Грей, почему бы нам не вернуться к разговору? – вмешался Макс.

– А он знает?.. – спросил Фергюс у Грея, кивая в сторону Макса, к которому явно питал неприязнь. – Об этой «пляске»? Минерва нам все рассказала. Мы ее упростили.

Мысль о том, что теперь близнецам все известно, вовсе не обрадовала Грея, однако он мог понять, почему Минерва доверилась им.

– Максу все известно, – подтвердил он. – Он мой друг.

– Кто-то пытался отравить Минерву! – взволнованно заявила Айона. – Теперь мы будем есть только то, что приготовим сами, верно, Фергюс? Минерва, ты согласна?

– Но прежде вы должны поклясться в том, что будете держать язык за зубами, – произнес Грей. – Нас может погубить даже одно-единственное

слово, если сболтнуть его не вовремя.

– Какой ужас! – прошептала Айона.

Макс не сумел скрыть улыбку, но, поймав взгляд Грея, мгновенно посерьезнел.

– Надо составить план действий. Нельзя допустить, чтобы неосторожное слово навредило кому-нибудь из нас.

– Прошу прощения, но нам с Греем придется ненадолго вас покинуть, – неожиданно вмешалась Минерва. – Не считите за грубость, но мне абсолютно необходимо поговорить с ним с глазу на глаз.

Возглас Макса «ну разумеется!» стал единственным ответом.

Под пристальными взглядами двух пар глаз – Айона не отрываясь смотрела на Макса – Грей и Минерва покинули комнату. Едва они остались вдвоем, Минерва взяла его за руку, огляделась и повернула направо. Видимо, она выбрала это направление по одной простой причине: свернув налево, они попали бы в холл, где могли столкнуться с Кэдзоу и его гостями.

Вместе с ней Грей дошел до конца коридора, остановился и положил ей руки на плечи.

– Так в чем же дело, любимая? – спросил он, не позволяя себе смотреть на губы Минервы или нежную шейку, где билась тонкая жилка...

– Поцелуй меня, Грей. – Она опустила глаза.

В напряженной позе, на негнущихся ногах Грей легко коснулся губами ее лба.

Минерва мгновенно открыла глаза. На миг Грею показалось, что девушка возмутится, но она только кивнула, улыбнулась и произнесла:

– Прости меня за эгоизм. Нам надо сосредоточиться. Сколько бы мы ни говорили об угрозе, неизвестно, насколько она серьезна.

– Это не так, Минерва. Я, например, могу стать жертвой катастрофы. – Он не договорил, что если ему не удастся предотвратить беду, то главное – добиться, чтобы больше никто не пострадал.

– Отчасти ты прав, – отозвалась Минерва, – но только отчасти. Я много думала о том, что услышала от тебя, и о том, что случилось с нами. Кем бы ни были твои враги, они стремятся избавиться от тебя. А меня они решили сделать своим оружием.

Грей не стал разубеждать Минерву.

– Да. Я знаю, как должен поступить. Мне надо покинуть Бэллифог. Оставаясь рядом с тобой, я подвергаю тебя опасности.

– Нет, Грей.

– Да! – Грей яростно сжал Минерву в объятиях. – Господи, вчера

ночью я чуть не потерял тебя! Я мог бы стать причиной твоей смерти!

Минерва обвила руками его шею.

– А если ты уедешь отсюда, найдешь надежное убежище и будешь продолжать разыскивать своих врагов, они наверняка изыщут способ использовать меня, чтобы причинить тебе вред.

Скрывать истину от этой смышленной девушки всегда было нелегко.

– Минерва, об этом не смей даже думать!

– Несмотря на то что ты не думаешь ни о чем другом? Вот тебе и ответ, Грей. Нам надо уехать отсюда вдвоем.

Глава 18

– Грей, ты согласен? – Минерве не стоялось на месте. – Ну пожалуйста, согласись! Нам надо уехать отсюда.

Грей смотрел на нее невидящим взглядом.

– Ты же сам хотел, чтобы мы вместе покинули Бэллифог или немедленно поженились, а это одно и то же, поскольку пожениться здесь нам не дадут.

Молчание Грея и выражение его лица испугали Минерву.

– Грей, что с тобой? О чем ты задумался?

Грей вздрогнул и вновь сосредоточил взгляд на ее глазах.

– Я хочу тебе кое-что сказать. Сначала ты расстроишься, а потом наверняка все поймешь. Только тогда тебе станет ясен ход моих мыслей.

От недавней сдержанности Грея не осталось и следа. Он сжал руки Минервы так крепко, что она поморщилась.

– Минерва... – начал он, замялся, но вскоре продолжил: – Минерва, здесь не место для подобных разговоров. Я не уверен, что нас никто не подслушивает...

– По-моему, это и так ясно, – перебила его Минерва. – Пока мы не узнаем правды, следует подозревать всех и каждого.

Темные брови Грея сошлись у переносицы. Разжав объятия, он принялся вышагивать по коридору. Наконец остановился и обернулся к Минерве:

– Твоим кузенам можно доверять?

Минерва похолодела от ужаса.

На лице Грея отразилась решимость.

– Минерва, так как насчет твоих кузенов?

Она утвердительно кивнула:

– Фергюс и Айона добрые, честные и порядочные люди.

– Им придется научиться скрытности и терпению, ибо я попрошу их вернуться обратно в Уиллинок и вести себя как ни в чем не бывало – будто они ничего не видели и не слышали.

Грей мог бы рассказать, к каким выводам пришел совсем недавно, но счел за лучшее пока промолчать.

– Они встревожатся, но не откажут нам в помощи. Объясни, что ты задумал?

Грей шагнул к Минерве и взял ее за руки. Она вдруг поняла, насколько

он силен.

– Что бы ты подумала о человеке, который строит выводы на основе одной-единственной фразы, сказанной в запале? – спросил Грей. – По моему, этого недостаточно. Что, если в своих умозаключениях он руководствуется прежде всего личной неприязнью к тому или другому человеку?

Поколебавшись, Минерва сказала:

– Все зависит от самого человека и в большинстве случаев от того, какие выводы он строит. Разумеется, ты имеешь в виду себя. Я всегда была о тебе самого высокого мнения.

– Правда? Странно...

И Грей неожиданно привлек Минерву к себе и так яростно впился в ее губы, что она ответила ему страстным объятием – чтобы удержаться на ногах, и крепким поцелуем – просто потому, что так хотела.

Он не отпустил ее, даже когда в коридоре послышались шаги.

И не прервал поцелуя, пока не услышал хриплый мужской шепот:

– Грей, Грей!

Минерва замерла, крепко прижавшись к нему. Под тонкой тканью сюртука она ощущала упругие мускулы Грея. И прежде, до того как он покинул Бэллифог, Минерва считала его настоящим мужчиной, но, как выяснилось, она еще не знала его возможностей. На знойном, далеком, чуждом острове он превратился в сегодняшнего Грея Фэлконера – воплощение силы и мужества.

– Черт побери... Грей! Где ты?

Грей недоуменно уставился на Минерву.

С трудом подняв руку, она указала любимому за спину. От поцелуев ее бросило в жар.

Стиснув зубы и глубоко вздохнув, Грей оглянулся.

– Что тебе, Макс?

– Нам надо поговорить.

– Сейчас?

– Да, прямо сейчас. Сию же секунду, Грей.

Грей обнял Минерву за плечи.

– Я слушаю.

Минерва пожалела о том, что ей свойственно густо краснеть от любого пустяка.

– Простите, что мне пришлось так бесцеремонно прервать вас, – начал Макс, – но меня вдруг осенило. Возможно, я ошибаюсь, а может быть, и нет.

– Шифр, – проворчал Фэлконер. – Очередной запутанный шифр. Как будто моя чертова жизнь и без того не превратилась в зашифрованное письмо!

– Грей! – с упреком прошептала Минерва.

– Прости, – спохватился он. – Меня подвел язык.

– Тебе незачем извиняться. Мы оба слишком взволнованны, чтобы помнить о приличиях. Макс, я хочу, чтобы он уехал вместе со мной.

Грей недовольно уставился на нее:

– Это касается только нас двоих.

Минерва беспомощно пожала плечами:

– Я не знаю, что сказать, как заставить тебя согласиться. Но уговорить тебя я обязана.

– Будет лучше, если Айона и Фергюс...

– Знаю, – перебил Макса Грей. – Мы с Минервой уже решили отправить их домой.

Макс встрепенулся:

– Тогда надо сделать это немедленно. Мне необходимо обсудить с вами нечто важное.

Не отпуская Минерву, Грей направился в бильярдную, вслед за Максом, где их ждали близнецы.

– Послушайте меня внимательно, – начал Грей, опуская ладонь на плечо Фергюса. – Как вы уже поняли, происходит нечто из ряда вон выходящее...

– Мы готовы помочь, если сможем, – заявил Фергюс.

Айона свела рыжеватые брови.

– Мы так беспокоимся за Минерву! Скажите, что нам сделать для вас?

– Отправиться домой, – тотчас ответил Грей твердым тоном.

– Но...

– Да, домой, – повторил он, перебив Фергюса. – Там вы принесете нам больше пользы. Следите за всем, что происходит в доме, но ни во что не вмешивайтесь, ясно?

Айона взяла Минерву за руку:

– Минерва, я не хочу оставлять тебя здесь. Мне страшно...

– Мне тоже, – призналась Минерва. – Но мы не одни.

– Тс-с! – Грей поднял руку и прислушался. – Кажется, кто-то идет – точнее, крадется сюда.

Прежде чем он успел опустить руку, дверь скрипнула, приоткрылась на несколько дюймов, и в щель просунулось желтоватое лицо Сайласа Минера с белокурой растительностью. Он усмехнулся, вошел в

бильярдную и остановился, неестественно выпятив торс, затянутый в корсет.

– Кажется, я оставил его здесь... – пробормотал он и прошелся по комнате, заглядывая под столы и стулья.

– Вам помочь? – осведомился Грей.

Вошедший чем-то напоминал Минерве мерзкую, скользкую жабу. Собственная неприязнь к незнакомцу удивляла ее. Она виделась с ним всего пару раз и тем не менее испытывала к нему непреодолимое отвращение.

– Вряд ли, – отозвался Минер, останавливаясь возле девушки и почесывая тростью лысую макушку. На воротник его красного сюртука посыпалась пудра. – Вы Минерва?

– Да. Если помните, мы познакомились в Модлин-Мэноре.

– Память у меня скверная. Вы дочь Арбаклов?

Минерва вспомнила, что во время встречи Минер уделил ей более чем пристальное внимание.

– Да, Портоса и Дженет. Я их единственная дочь.

– Вы хорошо себя чувствуете? – продолжал расспросы Минер.

Переглянувшись с Греем, она ответила:

– Отлично, благодарю вас. А почему вы спрашиваете?

Минер вцепился в свою трость, как ребенок в любимую игрушку. Похоже, в эту минуту вся его спесь куда-то улетучилась.

– Мы слышали, вчера вечером в Уиллиноке поднялся переполох. Об этом мы узнали от одного из слуг. Говорят, вы всем доставили немало хлопот. С вами случилось нечто вроде... словом, толком я ничего не знаю.

И он выскользнул из комнаты, оставив дверь открытой.

Макс захлопнул ее.

Айона недоуменно спросила:

– От кого из слуг? Родители Брамби не доверяют этому человеку.

– Не беспокойтесь. – Макс одарил ее ослепительной улыбкой. – Поезжайте с Фергюсом домой. Обещаю, я лично буду держать вас в курсе событий.

Заметив, каким взглядом ответила Айона Макс, Минерва чуть не ахнула. Обаятельный красавец был всего-навсего любезен с новой знакомой, а Айона же, напротив, выказывала все признаки влюбленности.

В дверь вновь бесшумно проскользнул Сайлас Минер. На этот раз он молча кивнул присутствующим, сделал еще один круг по комнате и остановился рядом с Греем.

– Вы опять здесь? – осведомился Грей сквозь стиснутые зубы.

– Клак медленно ходит. Он славный малый, но слишком уж медлительный. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Мой друг – калека. Прискорбно.

– Весьма прискорбно, – подтвердила Минерва.

– Сегодня опять холодно, – заметил Минер, приподнимаясь на цыпочки, словно пытаюсь выглянуть в окно. – Еще холоднее, чем вчера. Вы не мерзнете, мистер Фэлконер?

– Нет, благодарю.

Минер хмыкнул, просунул правую руку под фалды сюртука, покачался на носках и обвел комнату неспешным взглядом.

– В такую погоду опасно выходить из дому в легкой одежде.

– Да, – подтвердил Грей. – Но что вы хотите этим сказать, Минер?

– Ничего особенного. Просто поддерживаю разговор. Проявляю любезность. Пожалуй, я пойду. – С этими словами он снова вышел, на сей раз закрыв за собой дверь.

– Странный человек, – заметила Минерва. – Рядом с ним мне становится не по себе.

– А у меня мурашки пробежали по всему телу, – с дрожью призналась Айона. – Идем, Фергюс, нам пора.

– Пусть это прозвучит банально, – вступил в разговор Грей, – но мне не нравится этот человек. Скорее всего он просто сплетник, но я бы не хотел видеть его в своем доме.

– Позаботься о том, чтобы его сюда больше не впускали, – посоветовал Макс. – А потом забудь о нем. У нас найдутся дела и поважнее.

Грей позвонил, призывая Рэтли. Вся компания встретилась с дворецким в просторном холле, где в массивном камине пылал огонь.

– Мистер и мисс Драммонд уезжают, – сообщил Грей дворецкому, и тот двинулся за плащами.

В ожидании дворецкого собравшиеся в холле переглядывались, но молчали, помня о том, что их легко подслушать.

От камина по всему холлу распространялось приятное тепло, причудливые отблески плясали на развешанных по стенам щитах и каменных плитах пола.

– Да что он там копается? – наконец не выдержал Макс, склоняясь к огню и зябко потирая руки.

– Рэтли уже не молод, – пояснил Грей. – С возрастом любой из нас станет медлительным.

– Если доживет до старости, – проворчал Макс.

Минерва поежилась.

– Я из тебя пудинг сделаю! – послышался крик Рэтли из соседней комнаты. – Так я и знал! За такими, как ты, нужен глаз да глаз!

Громко стуча каблуками, Грей направился на голос Рэтли.

– Сэр, я нашел здесь этого бродягу! – крикнул Рэтли. – Вы только посмотрите! Он вор, это ясно как день. Не удивлюсь, если все они окажутся ворами. У них круговая порука, это уж точно. Знаете, сколько воря развелось в Эдинбурге? Поверьте мне, все они из одной шайки.

– Вставай, – приказал Грей.

Качая головой, вслед за Греем в комнату вошел Макс, за ним спешили Минерва и близнецы. В небольшой комнате пахло ваксой и сырой шерстью. Несомненно, источником этого запаха был ворох верхней одежды, разбросанной по полу.

Грей тотчас склонился над объектом ярости Рэтли.

Среди разбросанных плащей и пальто на полу сидел Микки Финиш. Он втянул голову в плечи, а руки спрятал в рукава.

– Он что-то сунул в карман! – сообщил Рэтли. – Впрочем, чему тут удивляться? Похоже, он давно тут вертится. Вор – вот кто он такой. Надо его обыскать.

Финиш попытался сжаться в комок.

– А, вот ты где, Микки! – послышался рокочущий голос Олафа Клака. – А я уже гадал, куда ты запропастился? Что здесь происходит? – Согнутый в дугу старик замер над Финишем, но тот не шевельнулся.

– Очевидно, дворецкий застал его, когда он рылся в карманах чужих пальто и плащей, – объяснил Грей. – Весь этот беспорядок – дело его рук.

– Это правда, Микки? – Клак ткнул обвиняемого тростью, и Микки решительно покачал головой. – Так я и думал! Как он испуган! Обычно он не боится ничего, кроме... Вы и вправду считаете его виновным? Думаете, он вор? Микки – вор?! Чушь! Его честность не уступает росту, вот что я вам скажу. Бедняга, он опять поплатился за свою доброту! Он всегда готов услужить. Мне стало зябко. Я чуть было не заледенел. Вот я и послал Микки за своим пальто.

– Вы прибыли сюда в плаще и не раздевались, – напомнил Рэтли. – Никакого пальто вы здесь не оставляли.

Ничуть не смутившись, Клак продолжил:

– Да, вижу, ты искал здесь мое пальто, Микки, а тебя приняли за вора. Теперь я все понял.

– Неужто молчание Микки было настолько красноречивым? – не удержавшись, съязвил Грей.

– Нечего острить, – отозвался Клак, подцепив Микки набалдашником

трости за воротник и поднимая мерзавца на ноги, словно вытаскивая из воды попавшуюся на крючок рыбу. – Мы понимаем друг друга без слов. Конечно, ты хочешь немедленно покинуть этот дом, Микки. Мы сейчас же уходим. Что? Нет, ни в коем случае. Даже не настаивай. Мы уходим сейчас же!

Лавируя между расступившимися Минервой, Греем, Максом и близнецами, Клак по-прежнему придерживал Микки тростью за воротник и подталкивал его вперед.

– Мой дядя спустится, чтобы проводить вас? – спросил Грей.

– О, наш добрый Кэдзоу! Это ни к чему, совсем не обязательно. Он устал и лег спать.

– Не забудьте захватить с собой мистера Минера, – язвительно напомнила Минерва. – Кстати, где он?

– Ушел, – отозвался Клак, неуклюже ковыляя вперед. – Был вынужден покинуть нас. Печаль моя светла, и так далее. Пока. До встречи, богини!

– Боже милостивый! – выдохнул Макс, придя в себя. – Может, это сон? Откуда они явились – из цирка?

– Лучше бы они отправились туда, откуда пришли, – отозвался Грей.

Айона помогала Рэтли собрать разбросанную одежду. Когда на полу ничего не осталось, она вдруг спохватилась:

– А где же мой плащ?

– Где-нибудь здесь, сестренка, – отозвался Фергюс, раздраженно хмурясь. – Вечно ты все теряешь. Дай-ка я поищу...

Через несколько минут и Фергюс был вынужден объявить, что плащ пропал.

С упавшим сердцем Минерва посмотрела на Грея. Тот досадливо выпрямился.

– Я отвезу вас домой, – пообещал Макс близнецам, решительно отменяя протесты Фергюса, основанные на том, что они пришли из Уиллинока в Драмблейд пешком и обратный путь проделают тем же образом. Набросив свой плащ на плечи Айоны, Макс велел близнецам погреться у камина, пока кучер не принесет ему запасной плащ.

Оставшись втроем с Греем и Минервой, Макс понизил голос и спросил:

– Ну что?

– Кто-то украл плащ Айоны, – произнесла Минерва.

– А Минер молот какую-то чепуху, – добавил Макс, – а потом исчез.

– С плащом Айоны, – подытожил Грей, скрестив руки на груди. – Он взял его по ошибке, думая, что это плащ Минервы. Поскольку

злоумышленникам уже известно, что Минерва нашла конфету, они хотят уничтожить улики, оставшиеся у нее в кармане. За это я готов поручиться.

– Мне пора, – напомнил Макс, – иначе Айона и Фергюс вернутся за мной. Пусть считают, что плащ украл Минер, но причина его поступка должна остаться тайной. Не стоит впутывать близнецов в это дело. Слишком уж опасно, а они еще так неопытны.

– Согласен, – кивнул Грей и испытующе взглянул на Минерву. Та тоже кивнула.

– Я только хотел задать тебе один вопрос, Грей, – продолжал Макс. – Интересно, для кого именно предназначалось семечко дурмана?

Грей задумался.

– А если для тебя? – предположил Макс.

– Очень может быть, – отозвался Фэлконер выпрямляясь. – Совершить ошибку было очень просто. Злоумышленник торопился и сунул конфету не в тот карман. Оба плаща лежали в куче, оба они темные и плотные. Незвестный перепутал и сунул конфету в карман Минервы.

– Но ты же с первого взгляда узнал семечко, – напомнила ему возлюбленная.

– Откуда злоумышленникам знать, что мне известно, как оно выглядит? Поскольку в том же кармане лежали твои мокрые перчатки, конфета отсырела и легко развалилась. Если бы не эта случайность, я мог бы вообще не заметить семечка.

– Посмотри-ка сюда, – деловитым тоном попросила Минерва. Взявшись за штанину своей юбки-брюк, она показала пристроченный к ней карман. – Когда-нибудь сей фасон будет пользоваться шумным успехом. В таком кармане очень удобно носить ценности.

– Не тяни, выражайся яснее, – попросил Грей, и Минерва заметила его ироничную ухмылку.

Она вынула из кармана завернутую в бумагу коробку конфет, а потом старательно оправила одежду.

– Вот доказательство того, что вы с Максом ошиблись. Яд предназначался мне. – Последний аргумент не вызвал у слушателей особого ликования. – Если бы вы были правы и неизвестный собирался убить Грея, он вряд ли оставил бы целую коробку отравленных конфет в моей комнате.

Мужчины переглянулись, а Грей взял коробку из рук любимой. Развязав бечевку, он сорвал бумагу и поднял крышку. Под ней обнаружили аккуратные ряды сахарных конфет разной формы, украшенных сверху разноцветными цветами.

Одна из ячеек коробки была пуста.

Макс взял первую попавшуюся конфету, раскрошил ее на ладони, внимательно присмотрелся и ссыпал крошки обратно в коробку. Затем он повторил ту же самую процедуру со второй и третьей конфетой. Грей поспешил ему помочь. Так они и работали, пока не раздавили все конфеты до единой.

– Ну и что это значит? – спросила Минерва.

– То, что я был прав, – отозвался Макс, хватая Грея за руку.

Среди сахарных крошек не нашлось ни единого семечка.

* * *

По его настоянию они отъехали подальше от Драмблейда – туда, где их никто не мог подслушать.

Грей привел Минерву на холм, возвышавшийся над Уиллиноком. Лошади резво бежали по снежной тропе, но на подъеме перешли на шаг. Едва оба всадника въехали в рощу на вершине холма, как вновь начался снегопад.

Мороз пощипывал Минерву за нос и щеки, глаза ее слезились, но она не жаловалась, зная, что творится в душе Грея. Ему были необходимы как присутствие Минервы, так и возможность излиться ей. Грей явно собирался о чем-то сообщить. Минерва почувствовала это еще в Драмблейде.

Схватив за узду коня Минервы, Грей притянул его к себе, а затем с отрешенным видом надвинул на голову Минервы капюшон и поплотнее запахнул ее плащ.

Потом резко отвернулся и устремил взгляд на холмы, долины и белую ленту реки Тей, убегающей вдаль.

– По-моему, кем бы ни были злоумышленники, они избрали жертвой тебя, – заговорила Минерва. – А если бы возник вопрос о том, что ты ел перед смертью, и в желудке обнаружили бы остатки сахара, все бы решили, что ты съел одну из конфет, которые прислал мне. А поскольку остальные конфеты безвредны, никому и в голову не пришло бы, что они имеют какое-то отношение к твоей смерти.

– Вот именно. И даже если бы ты заявила, что я конфету не ел, никто не придавал бы значения твоим словам. Так или иначе, я был бы мертв.

– Но почему?

Грей усмехнулся:

– Да, почему? Ты и вправду хочешь узнать, почему со мной такое приключилось? Услышать тайну, которую я собрался раскрыть, вернувшись в Бэллифог?

Голос Грея вдруг изменился почти до неузнаваемости.

– Мы должны пристально следить за обитателями Модлин-Мэнора, – сообщил он.

– Конечно.

– По-моему, здесь замешаны Макспорраны.

Минерва кивнула:

– Видимо, да.

– Не видимо, а точно. – В голосе Грея слышалась неукротимая ярость.

– Грей, я тебе не враг. Я...

– Прости. Я резок, потому что зол, – но не на тебя. Ты моя единственная любовь. Я был несправедлив к тебе. Мне давно следовало признать, что ты повзрослела, и смириться с твоей независимостью, а я пытался втиснуть тебя в рамки условностей, которые слишком тесны для тебя. Обещаю, теперь все будет по-другому. И самое ужасное, что мне придется причинить тебе боль. Жаль, но у меня нет другого выхода.

– Причинить мне боль? – Минерва в недоумении потрянула головой. Капюшон упал ей на плечи, на волосы стали оседать снежинки. – Ты же никогда не делал ничего подобного. И не сможешь сделать.

– Надеюсь, ты повторишь эти слова, когда выслушаешь меня. Начну с того, что мне, как любому человеку, свойственно ошибаться, хотя в данном случае ошибка маловероятна. Но я хотел бы ошибиться потому, что истина может нас с тобой разлучить.

– Грей, ты меня пугаешь.

– Посмотри на меня.

Минерва послушалась.

– Ты в отчаянии?

– Да, именно в отчаянии. Итак, сначала я объясню, почему пришел к неким выводам. Сегодня днем я вдруг понял, что вряд ли найдутся родители, готовые по своей воле расстаться с ребенком. Ты согласна?

– Конечно.

– Особенно если это любимое дитя и фундамент, на котором покоится благополучие всей семьи. Такое случается. Иногда вся ответственность ложится на плечи ребенка, даже если ему постоянно напоминают о возрасте и зависимости.

– Как бы там ни было, ребенок остается ребенком, – отозвалась

Минерва. – Но я считаю, в многодетных семьях не ко всем детям относятся одинаково.

Грей попытался надеть на нее капюшон, но она отстранилась.

– Ладно, будь по-твоему, – смирился Грей. – Пожалуй, со временем я привыкну к твоему упрямству. Как ты думаешь, могут ли родители так нуждаться в помощи ребенка, что не согласятся расстаться с ним, даже когда он достигнет брачного возраста?

Минерва надолго задумалась.

– Только если родители – законченные эгоисты. Но скорее всего свой эгоизм они выдают за любовь.

– Вот именно. Такой эгоизм может принести немало бед. Родители отважатся на самые решительные и предосудительные действия, лишь бы помешать ребенку обрести свою семью. В конце концов, этот так называемый ребенок управляет семейным состоянием, распоряжается финансами родителей, и, поскольку он очень умен, а они безалаберны, их пугает сама мысль о том, что им придется лишиться такого ценного помощника. Особенно в том случае, если у родителей есть причины не доверять управление своим состоянием чужому человеку. А если еще учесть, что родители – отъявленные собственники, не мудрено, что они потеряли голову, верно?

Снег таял на шее Минервы, холодные струйки стекали ей за ворот плаща.

– Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

– Подумай и ты все поймешь.

Но Минерва предпочла бы не задумываться о смысле его слов.

– В таком случае родители наверняка попытаются устроить брак своего ребенка с человеком, который легко поддается чужому влиянию, – покладистым, покорным, безропотным. Человеком, который охотно мирится с деспотизмом собственных родителей. А если первые родители дружат со вторыми, они наверняка постараются проводить вместе побольше времени и поженить своих детей. Как только тот, кто грозит отнять у первых родителей их чадо, исчезнет.

– Грей, – прошептала Минерва, – о чем ты говоришь?

– Конечно, такие родители испытали бы горькое разочарование, если бы тщательно продуманный план провалился, если бы угроза, которую они считали устраненной, возникла вновь. Что они ощутили бы, потерпев поражение? Наверное, гнев. Пожалуй, они сделали бы вид, что не узнают человека, воскресшего из мертвых. А потом стали бы утверждать, что речь о свадьбе никогда и не заходила, – даже если кто-нибудь из родителей сам

убедил юную пару подождать с помолвкой до тех пор, пока жених не вернется из путешествия. Из путешествия, в которое его отправили умышленно.

– Замолчи сейчас же!

– Я же предупреждал, что ты меня возненавидишь. Дело в том, что отец девушки, о которой идет речь, когда-то заявил, что за этого человека она выйдет замуж только через его труп. Если помнишь, твоя мать обвинила меня в преступлении, которого я не совершал. Она заявила, что я подозреваю ее и твоего отца в причастности к тому, что случилось со мной в Вест-Индии. Но ни о чем подобном я не упоминал ни словом, Минерва. Твоя мать просто поторопилась. Она считала, что следует опередить меня и позаботиться о том, чтобы мне никто не поверил.

Минерве захотелось сквозь землю провалиться. Она-то надеялась, что все происходящее окажется лишь кошмарным сном.

– Ты же сама посоветовала мне следить за Макспорранами. Они замыслили избавиться от меня. Оставшись в живых, я способен погубить их. Но почему? Потому, что предполагаемый брак был выгоден и Макспорранам. Их сын стал бы безропотным супругом, согласился бы поселиться в Уиллиноке. В таком браке ты по-прежнему оставалась бы правой рукой своих родителей. А они, в свою очередь, позаботились бы о том, чтобы Макспорраны ни в чем не нуждались.

– Ты ничего не понимаешь! Это неправда!

– Я знал, что ты мне не поверишь. Но со временем ты поймешь, что я прав.

– Ты считаешь, что это мои родители пытались убить тебя в Вест-Индии?

– Скорее всего.

– А потом повторили попытку с помощью семечка, которое ты якобы нашел в конфете?

– Я точно видел его. Оно по-прежнему хранится в надежном месте. Да, я так считаю.

Минерва попыталась повернуть коня, но Грей удержал его.

– Но как они могли? Подумай, Грей, – как?

– Для этой цели они обзавелись полезными связями.

Слезы смешались с талым снегом на лице Минервы. Взор ее затуманился, но ей было все равно.

– Какими связями?

– Если не ошибаюсь, твой отец часто уезжает из дому?

– Да, чтобы продать свои картины. Он устраивает выставки и

выставляет полотна на продажу. Он пользуется успехом...

– Правда? Ладно, не будем об этом. По-моему, под предлогом устройства выставок и продажи картин он встречался со своими сообщниками.

– Какими еще сообщниками?

– С теми самыми, которые теперь гостят в Модлин-Мэноре. Теми самыми, которые сегодня искали твой плащ, но по ошибке украли плащ Айоны. Каким-то образом они узнали о том, что случилось вчера вечером, и пожелали убедиться, что чертова конфета исчезла из твоего кармана.

– Грей, это неправдоподобно!

– Ты права, в такое трудно поверить. Вчера вечером я должен был умереть – опять! Слава Богу, мне удалось спасти тебя. Пока не знаю точно, при чем тут Клак и его друзья, но они явно замешаны в этом преступлении.

– Похоже, – нехотя согласилась Минерва. И вправду, эта троица выглядела и вела себя по меньшей мере странно. – Родители тоже считают их чужаками. Они сами говорили.

– Ничуть не сомневаюсь.

– Значит, ты не желаешь слушать меня? Ясно... Видимо, уже принял решение. Только знай: когда я рассказала им про яд и про то, как ты спас меня, они...

Грей резко вскинул голову и в упор взглянул на Минерву.

– Ты рассказала об этом родителям?

Она с трудом сглотнула.

– Они пришли в ужас. И были благодарны тебе.

– Вот как? Благодарны мне?

– Да, да! Папа решил лично выразить тебе признательность.

– Однако он что-то не спешит с визитом – в отличие от Клака с Минером, которые уже на следующее утро нагрянули в Драмблейд.

– Да, но мне не верится, что родители поддерживают отношения с людьми, по вине которых я чуть не погибла.

– Понятно, что не верится, – горько усмехнулся Грей.

– Конечно! Мои родители были в панике. Маму пришлось уложить в постель. А папа даже спросил, не случилось ли что-нибудь с тобой.

– Да неужели?

– Вот именно! Мама чуть не упала в обморок...

– Узнав, что я не умер?

– Уверяю, она была ошеломлена! Папа пообещал отомстить гнусным мерзавцам. – Минерву била крупная дрожь.

– Да что ты говоришь! – язвительно воскликнул Грей, в гневе раздувая

ноздри.

Каждое слово Минервы можно было истолковать двояко. Грей выпрямился в седле, свирепо сверкнув глазами. Он убедился в том, что супруги Арбакл пытались убить его.

– Ты ошибаешься, – пролепетала Минерва.

Подтянув перчатки, Грей хмуро взглянул на низко нависшие тучи.

– Я знал, что ты мне не поверишь.

– Просто не могу! Они же мои родители!

Грей протянул руку и обнял ее за шею. Несмотря на сопротивление Минервы, он привлек ее к себе и поцеловал – страстно, даже грубо, касаясь зубами ее губ. На лице любимой таял снег, смешивался со слезами и струйками стекал на подбородок.

– Поедем вместе, – предложил он, прервав поцелуй. – Здесь мне грозит смертельная опасность, так давай уедем вместе. Ты же сама сказала, что хочешь быть со мной.

Обхватив ее лицо ладонями, Грей пристально посмотрел на Минерву. Она даже вскрикнула от неожиданности:

– Грей, прошу тебя, не надо! Как же я поеду вместе с тобой, если ты подозреваешь моих родных в преступлении?

Глаза его вмиг потухли, но чувствовалось, что он охвачен почти демонической решимостью.

– Поженившись, мы сможем безбоязненно вернуться сюда, – заверил он. – Тогда они больше не посмеют причинить нам вред...

– Неужели ты просишь меня?.. – В голове Минервы нарастал гул, она боялась оглохнуть.

Вскинув хлыстик, Минерва ударила бы Грея, если бы он не перехватил ее запястье.

– Мы созданы друг для друга, любимая, – убеждал он, разжимая ее пальцы и отбирая хлыстик. – И никто не сможет нам помешать. Нас свела сама судьба. Она спасла меня от смерти – и не один раз, а дважды. Тебе давно пора стать моей женой.

Похолодев от отчаяния, Минерва рванула уздечку, заставив коня заплескаться на месте, и рысью помчалась по склону холма.

– Не пытайся убежать от меня! – крикнул ей вслед Грей. – У тебя ничего не выйдет. Ты станешь моей женой.

– Никогда! – отозвалась Минерва, спускаясь к Уиллиноку. – Ни за что, пока твое сердце не смягчится. А до тех пор не приближайся ко мне, Грей Фэлконер!

Глава 19

Тесная студия Портоса Арбакла восхитила Эльдору. Здесь, как нигде в Уиллиноке, царила атмосфера таинственности и неги. Эльдора решила, что именно такова истинная натура Портоса Арбакла. Правда, она не могла понять, почему в студии столько мебели.

– Какая прелесть! – благоговейно произнесла она, глядя на Портоса, по сравнению с которым казалась самой себе внушительной и рослой. Ну почему ей попадаются одни коротышки? – Сразу чувствуется ваш безупречный вкус. Студия просто великолепна! Какие тона! Какой налет меланхолии, Портос! Вы ведь сибарит, не правда ли? Любитель изощренных удовольствий?

Самодовольный живописец чуть не лопался от гордости.

– Ах, моя дорогая Эльдора, это у вас превосходный вкус, а вовсе не у меня. Вы – само великолепие! – Он плотоядно причмокнул, а глаза его за темными стеклами очков стали масляными. – Мы с вами создадим истинный шедевр! – И Арбакл тотчас разразился громогласным и пронзительным хохотом.

Эльдора притворилась, будто ее увлекла драпировка в китайском стиле, висящая на стене. Склонив голову, она указала на женское лицо, выглядывающее из дверей храма.

– Похоже, она кого-то поджидает. Может, любовника? Но почему в храме?

Портос Арбакл снова рассмеялся, а Эльдора принялась исподтишка разглядывать его. Через руку Портоса был переброшен отрез тонкого шелка цвета спелого персика. Художник с удовольствием поигрывал тканью, изредка касаясь ее щекой.

– В этой комнате мало кто бывает, – заметил он, поднимая брови над оправой очков. – Сказать по правде, я почти никого не пускаю сюда.

– Кроме своих натурщиц?

Портос покачал головой, опять оглашая студию руладами смеха:

– Отнюдь! Им здесь не место. Посмотрите-ка вон туда. Пойдемте со мной. – Он подвел гостью вплотную к стене и отодвинул край драпировки. За ней обнаружилась дверь. – Они бывают только в соседней комнате. А о существовании этого райского уголка и не подозревают. Ха-ха-ха!

В двери был проделан круглый глазок, к которому послушно прильнула Эльдора. Перед ее взором предстала совсем крохотная комната,

вмещающая только шезлонг, туалетный столик и зеркало во весь рост. Ни мольберта, ни других принадлежностей живописца Эльдора не заметила. Нахмурившись, она обернулась к Портосу и вздрогнула, обнаружив, что он приблизился к ней вплотную.

– Не верится, что вы там работаете, – воскликнула она. – Ведь там негде повернуться!

Портос осклабился:

– О нет! Это не рабочий кабинет. Там я изучаю свои модели. Пока они готовятся к сеансу, я настраиваюсь на работу. Лучше всего наблюдать за тем, кто не знает о присутствии наблюдателя. Оставшись в одиночестве, натурщицы ведут себя естественно, а я изучаю их движения и походку. Художнику важно изучить модель в движении. Мои картины пользуются успехом только потому, что у меня есть возможность наблюдать за натурщицами, оставаясь незамеченным.

Эльдора снова приникла к глазку:

– Значит, там ваши натурщицы раздеваются?

Портос хихикнул, а когда Эльдора обернулась, сцепил руки в замок и воодушевленно закивал:

– Вот именно! Поскольку натурщицы не подозревают о том, что я наблюдаю за ними, они ведут себя естественно, а я приобретаю бесценные знания о том, как движутся их мышцы и кости, улавливаю тонкие, бесконечно эротические нюансы жестов любующихся собой женщин. В такие моменты они не притворяются, а я постигаю самую сущность своих натурщиц.

Старый сластолюбец ловко маскировал свое нездоровое любопытство! Улыбнувшись, Эльдора снисходительно кивнула.

Разгоряченный своей речью, Портос продолжал:

– А затем я провожу с ними... предварительную беседу.

Эльдора попятилась.

– Зачем же вам нужна еще одна комната? – Эта комната, подобно всем владениям Портоса, располагалась в удаленном крыле дома, где не бывал никто из домочадцев. Здесь стояла изысканная мебель, причем в таком беспорядке, что невольно возникал вопрос: почему бы Портосу не выбрать более удобное место хотя бы для некоторых, самых эффектных вещей?

Портос надулся – не нахмурился, а именно надулся.

– Я обидела вас? – удивилась Эльдора.

– Нет, вовсе нет. – Он махнул рукой. – Откуда вам знать, что в этой обстановке, среди дорогих мне вещей я черпаю вдохновение? Я не могу позволить себе тратить такую роскошь на... Но надо ли пояснять? Вы же

видели моих родных.

Эльдора решила действовать осторожнее. Успеха можно добиться, создав у Портоса впечатление, что она соглашается с каждым его словом, хотя это не соответствовало истине.

– Но вы не ответили на мой вопрос о девушке, выглядывающей из храма.

– А, вы про эту кокетку! – отозвался Портос. – Она просто спряталась в храме. Скрылась от преследователя, на самом деле желая, чтобы он поскорее нашел ее. Она ничем не отличается от других женщин – им всем свойственна хитрость. Они добиваются своего благодаря красоте. Моя задача – показать миру истинную сущность женщины, скрытую под маской плутовства, кокетства и опущенных ресниц.

– А я? В какой позе вы намерены изобразить меня?

– Вас? – Портос обошел гостью чрезмерно широкими шагами. – Вас я попрошу раздеться там, где не смогу наблюдать за вами. Дело в том, что я уже знаю, о чем вы мечтаете, чего хотите от жизни. И в особенности от мужчин.

Эльдора молча ждала продолжения.

– Ведь у вас большие запросы – не правда ли, Эльдора? Вам есть что предложить взамен, но не за бесценок. Интересно, насколько высока ваша цена?

Он оказался гораздо проникательнее, чем она предполагала. Эльдора задумалась, развязывая ленты розовой тюлевой шляпки, снимая ее и откладывая в сторону.

– По-моему, нам с вами следует заключить соглашение, Портос. Взаимовыгодное соглашение. – Эльдора впилась в собеседника взглядом. – Нам обоим есть к чему стремиться... и что терять. – Она многозначительно умолкла, ни на минуту не забывая о том, что сильно рискует, предлагая Портосу заговор.

Портос уткнулся лицом в персиковый шелк, а когда снова поднял голову, его очки съехали на кончик носа, а глаза закатились в мнимом экстазе.

– Прошу вас, набросьте на себя вот это, – предложил он неожиданно резким тоном. – Только шелк, и больше ничего. И распустите волосы. А потом сядьте... вот сюда. – И он похлопал ладонью по седлу деревянной лошадки-качалки, некогда ярко раскрашенной, а теперь совсем облупившейся.

– О, да вы истинный артист! – воскликнула Эльдора, взглядом разыскивая место, где бы раздеться.

– Зайдите за комод, – подсказал Портос.

– Какая прелесть! – не удержалась Эльдора, получше рассмотрев указанный комод. – Настоящий шедевр!

– Маркетри работы Буля, – раздувшись от гордости, известил художник. – Отделан бронзой и черепаховым панцирем. Посмотрите на эти гирлянды листьев, на геометрический орнамент! Ему нет цены!

– Несомненно, – отозвалась Эльдора, сгорая от любопытства. – А вон тот шкафчик? С выдвижными ящиками, инкрустированный перламутром?

На ничем не примечательном лице Портоса появилось лукавое выражение.

– Прежде пообещайте забыть, что видели у меня эти сокровища. Есть люди, которые наверняка пожелают отнять их у меня, а я обязан сохранить их любой ценой!

– Клянусь!

Эльдора уже успела выяснить, что Портос – сын садовника. Ему посчастливилось жениться на Дженет, наследнице купца из Глазго, которому принадлежал Уиллинок. Другими словами, до женитьбы Портос не имел ни гроша, а Дженет едва ли могла похвалиться более чем солидным приданым в виде ценной антикварной мебели.

Между тем Портос выдвигал ящички шкафа, о котором спросила Эльдора.

– Корпусная мебель, – заметил он. – Роскошная вещь! Предположительно работа Пьера Голля. Отделка – эбеновое дерево и позолота, черепаховый панцирь и перламутр и даже слоновая кость. Обратите внимание на ножки эбенового дерева. А накладки на них изготовлены из золота. – Портос застыл в благоговейной позе, сложив руки перед собой.

– Прелестная вещица, – отозвалась Эльдора, стараясь не выводить Портоса из транса. Сама же она тем временем осматривала большую комнату с высоким потолком, заполненную ценной мебелью, которая была здесь совсем не к месту. Наконец Эльдора решила, что это помещение напоминает ей склад, и усмехнулась своей мысли. И верно – склад, где прячут все эти вещи.

– Я знаю, о чем вы думаете.

Слова хозяина испугали Эльдору. Портос снял очки и впился в гостью взглядом маленьких блестящих глаз.

Жеманно засмеявшись, она склонила голову набок:

– Вам только кажется, что любая женщина для вас – открытая книга. Меня вам так просто не разгадать, Портос Арбакл!

– Пожалуй, да. Вы загадочная женщина с туманным прошлым и будущим. Знаете, мы с вами могли бы поладить. Могу ли я рассчитывать на ваше молчание в обмен на мое?

Окинув Портоса многозначительным взглядом, Эльдора с расстановкой произнесла:

– Сомневаюсь, что у меня есть выбор. Но вам вовсе незачем было приводить меня сюда, в вашу сокровищницу. Мне ни к чему знать о ваших слабостях...

Портос сделал широкий жест рукой, оглядывая свои владения:

– У меня нет слабостей. Все вокруг принадлежит мне, все было куплено и оплачено. Эти вещи представляют опасность отнюдь не для меня, и все же забудьте о них – хотя бы потому, что я прошу вас об этом. А теперь раздевайтесь. Пора за работу. – И он, отвернувшись, стал готовить холст и расставлять орудия своего ремесла.

Дрожа от предвкушения, Эльдора зашла за комод и принялась раздеваться. Никто не привлекал ее сильнее, чем мужчина, наделенный воображением. Ей давно уже наскучил Кэдзи, тем более что он грозил разрушить ее планы. Она была не прочь развлечься.

Снимая один предмет туалета за другим, она задумалась о бесценной мебели, окружающей ее. Что бы это значило? Что имел в виду Портос, говоря об опасности, которую представляют эти вещи?

То, что Эльдора поначалу приняла за отрез шелка, оказалось самым удивительным нарядом, какой она когда-либо видела. Этот тонкий, полупрозрачный шелк был, несомненно, привезен из Индии. Он отливал золотом, мерцал на свету и был сшит в виде длинной туники без рукавов, которую следовало надевать через голову.

Хорошо бы сейчас взглянуть в зеркало.

Любуясь собой, она заметила, что соски соблазнительно проглядывают сквозь ткань, а большие отверстия для рук – два полотнища, из которых состояла туника, были сшиты на плечах и по бокам – открывают взгляду то, что наверняка воспламенит богатое воображение Портоса. Узкий, но глубокий вырез щедро обнажал грудь. По бокам туники Эльдора увидела разрезы, достигающие почти до бедра, но, поскольку одеяние было просторным, она без труда могла закутаться в него и выглядеть вполне благопристойно. Впрочем, Эльдора еще не решила, стоит ли разыгрывать невинность.

Распустив волосы, женщина вышла из-за комода и босиком направилась к большой лошадке-качалке.

– Как мне сесть? – спросила она.

Оторвавшись от своих кистей и красок, Портос расплылся в улыбке, недвусмысленно давая понять, насколько он доволен увиденным.

– Возьмите вот это, – предложил он, пододвигая к Эльдоре табурет, покрытый черным лаком.

– Вы позволите мне взглянуть в зеркало? – спросила она, стараясь не смотреть Портосу в глаза. – Чтобы проверить, все ли ваши требования я исполнила...

Портос молча пододвинул ей зеркало в оправе из нефрита и эбенового дерева.

Увиденное восхитило Эльдору, хотя сама она считала, что гораздо соблазнительнее выглядит без одежды.

– Может быть, мне снять ее совсем? – спросила она, указывая на тунику.

Портос покачал головой:

– Еще рано.

Встав на табурет, Эльдора боком присела в седло. К счастью, спина лошадки-качалки оказалась довольно широкой, иначе гостя не почувствовала бы себя так спокойно и уверенно.

– Так? – спросила она, приняв неестественную позу.

– Ноги врозь, – коротко скомандовал Портос, продолжая перебирать кисти.

Эльдора нахмурилась, приоткрыла было рот, чтобы возразить, но передумала. Пожалуй, это требование выполнимо. По телу соблазнительницы пробежал легкий трепет. Несомненно, старый сластолюбец задумал нечто особенное.

– Кэдзоу до сих пор не знает про ваш подарок? – спросил Портос.

– Нет, что вы! – Эльдора рассмеялась и тряхнула густыми волосами, волнами спадающими почти до талии. – Я хочу сделать ему сюрприз.

– В брачную ночь или до нее?

На что он намекает?

– Еще не решила.

– Наверное, все зависит от того, как быстро вы сумеете подвести его к алтарю?

Эльдора замешкалась с ответом, вскипая от гнева.

– Он пойдет к алтарю, когда я буду к этому готова, – заявила она. – Решение принимаю я, а не он.

– Это вы так считаете.

– Так оно и есть.

– Вам только кажется.

Оглядев Эльдору, Портос подошел к ней и взвесил на ладони густую прядь волос. Он поднес эту прядь к лицу, как шелк, и с закрытыми глазами вдохнул ее запах.

Открыв глаза, Портос через шелк прикоснулся к груди Эльдоры, взвесил ее на ладони, вздохнул и сжал в пальцах сосок.

Эльдора вскрикнула от неожиданности. Предусмотрительно подстеленное на седло шелковое полотнище – чтобы не сидеть на холодном, – к ее изумлению, вдруг мигом повлажнело.

– Так как я должна сесть? – задыхаясь, спросила Эльдора, ощущая смутное беспокойство.

– Молчите!

Закрыв рот, Эльдора уставилась на Портоса как замороженная. Он продолжал касаться щеками ее волос, попеременно ласкать ее груди, не пытаясь, впрочем, проникнуть под тонкий шелковый покров.

– Позвольте мне снять его, – прошептала Эльдора, чувствуя, как в ней нарастает желание. – Так будет удобнее...

– При чем тут удобства? Откуда вам знать, как устроено мышление артиста? Вы будете делать то, что я велю. А теперь молчите, пока я не разрешу вам говорить.

Эльдора сдержанно улыбнулась, позволив ему любые вольности во имя искусства.

– У вас есть план, – вдруг заявил Портос. – Нет, не отвечайте. Это просто мысли вслух. Ваша грудь будет великолепно смотреться на полотне. Я сделаю так, чтобы она выглядела пышнее, чем на самом деле.

– Это ни к чему, – возразила Эльдора.

Портос открыл глаза – блестящие, ясные, без малейших признаков творческой отрешенности.

– Да, она должна быть пышнее, чем на самом деле! – торжественно повторил он и сжал пальцы.

Эльдора ахнула, но протестовать не стала.

– Немного отодвиньтесь к крупу коня и наклонитесь. Обнимите его голову обеими руками, закройте глаза ладонями. Не хотите же вы, чтобы он увидел вас в зеркале.

Удивленная Эльдора безропотно покорилась. Лежать на твердой спине лошадки было неудобно, но эта поза позволяла продемонстрировать те потаенные местечки, которых Портос еще не видел.

Однако он не прикоснулся к ее приоткрытой груди. Вместо этого его ладонь прошла по ягодицам, погладила каждое полушарие, задержалась на ложбинке между ними.

Несколько минут спустя, когда тело Эльдоры стало затекать в неудобном положении, она раздраженно заерзала. Портос отдал должное всем ее прелестям, лаская их через шелк.

– Что это с вами? – спросила Эльдора, не в силах дольше хранить молчание. – Что по-вашему, вы делаете?

– Стараюсь запечатлеть в сознании ваш облик, – объяснил Портос. – Во время работы я должен точно знать, как вы выглядите.

– Если вы разрешите мне сменить позу, я покажу вам, как именно выгляжу. Уверю, это зрелище вы никогда не забудете!

– А теперь садитесь в седло боком, – велел Портос. – Пожалуй, не хватает только шляпы... Минуточку. Усаживайтесь.

Раздраженно бормоча, Эльдора грузно села боком, высоко подняв согнутое колено, словно на игрушечной лошадке и вправду было дамское седло.

Вернувшись с огромным током,^[2] Портос водрузил его на голову натурщицы. Шляпа была сделана из твердого красного атласа, украшена закрученными алыми перьями и длинной красной газовой лентой, свисающей на левое плечо. Эльдора сразу заявила, что в такой шляпе будет выглядеть нелепо.

– Ошибаетесь, – возразил Портос. – Рисовать вас я буду без туники. А изысканная шляпка придаст вам оттенок порочности, презрения ко всем условностям. Все будет выглядеть так, словно вы прибыли на бал обнаженной, в одной только шляпке и с распущенными волосами.

Эльдора растерялась. Ведь Арбакл сам помешал ей раздеться!

– Я почти готов сделать первый набросок, – заявил Портос. – Во время работы я буду задавать вам вопросы, а вы – отвечать на них.

– Я буду говорить то, что захочу, и когда захочу, черт возьми! – выпалила Эльдора, которой надоели выходки художника.

– Вот как? А если я отправлюсь к Кэдзоу Фэлконеру и объясню ему, что вы обманом проникли сюда и попытались меня соблазнить?

Эльдора вытаращила глаза:

– Он вам не поверит.

Портос неторопливо направился к ней. Протянув руку вперед, он приподнял кистью подол туники.

У Эльдоры приоткрылся рот, однако она не издала ни звука.

Портос Арбакл принялся щекотать кистью самые чувствительные местечки тела Эльдоры, при этом не сводя глаз с ее лица. Он ласкал ее уверенно и не спеша, пока она не стала задыхаться от возбуждения и не попыталась схватиться за кисть.

Портос немедленно отдернул руку.

– Нет! – взмолилась Эльдора. – Прошу вас, не останавливайтесь!

– Нравится? – Портос вдруг пронзительно расхохотался. Его голос взвивался все выше. – Само собой! Я охотно сделаю то, что вам нравится. Это поможет мне запечатлеть ваш облик на холсте.

Встав в позу фехтовальщика, Портос вновь нашел кистью то же местечко и начал работать ею усерднее. Эльдора принялась подсакивать на деревянном седле.

– Чудесно! – восклицал Портос. – Лучше, чем я рассчитывал! Какая посадка! Какой темп! Осторожнее, не сломайте мне кисть, душенька! Посидите-ка смирно минутку, и я покажу вам, на что еще способен.

Эльдора с трудом заставила себя успокоиться. Ее грудь тяжело вздымалась. Неожиданно Портос схватил со своего стола одну из самых тонких кистей, ввел ее рукоятку туда, где только что прохаживалась щетина другой кисти, и привел ее в такое движение, что Эльдора рухнула на пол.

– Вот так! – взвизгнул Портос. – Вот так! И вот так! – С каждым «вот так» он наносил удар и тут же отступал, не спеша заканчивать изысканное представление.

Вскрикивая, Эльдора цеплялась за качалку.

– Восхитительно! – задыхалась она. – Портос, нельзя ли нам где-нибудь лечь? Где угодно, только бы... – И тут нахлынувшие на нее чувства лишили ее дара речи. Отметив это, Портос преспокойно убрал кисть и направился к холсту.

Дрожа от вожделения, Эльдора схватилась за потрепанную уздечку и мельком взглянула на себя в зеркало: нелепая красная шляпа съехала набок, волосы разметались, грим потек. Она напоминала клоуна в ярком шелковом балахоне и малиновом колпаке. Однако отражение неопровержимо свидетельствовало о том, что обладательница этого причудливого туалета – женщина, переживающая сладостные муки оргазма.

– Это не займет много времени, – уверяла она Портоса, стаскивая дурацкую шляпу. – Уверяю, вы об этом никогда не забудете!

– Давайте приступим к работе. И к разговору.

– Я пожалуйюсь Кэдзоу!

– На что?

– На то, что вы пытались соблазнить меня. Что согласились написать мой портрет и воспользовались моей слабостью.

– Полагаю, ничего подобного вы не сделаете. Потому что моим свидетелем будет Дженет. Поскольку при изображении натуры возможны щекотливые моменты, жена всегда присутствует во время сеансов.

– Дженет?

– Да, моя жена. Дженет, дорогая, будь любезна, защити мою добродетель!

К унижению и стыду Эльдоры, из-за китайской ширмы вышла Дженет Арбакл в скромном сером платье и простом белом чепце. Не глядя на натурщицу, Дженет чопорно присела на прекрасный позолоченный стул, обитый парчой.

– Негодяй! – прошипела Эльдора сквозь зубы, поудобнее усаживаясь в седле и убеждаясь, что ее грудь и другие интимные части тела прикрыты шелком.

– Это всего лишь мера предосторожности, – отозвалась Дженет. – А теперь перейдем к разговору, дорогая. Насколько мне известно, у вас есть свои цели, а у нас – свои.

Вздернув подбородок, Эльдора презрительно молчала.

– Вот и хорошо, – любезно продолжала Дженет. – Вы уже сообщили нам, что недовольны своей участью. Вы замыслили выйти замуж за наследника обширных плантаций. А после злополучного возвращения Грея все ваши мечты рассыпались в прах. Так?

Происходящее вызывало у Эльдоры не только смущение.

– Я не желаю тратить время на пустые разговоры, – заявила Эльдора. – От Грея Фэлконера надо избавиться.

– Какая прямота! – покачал головой Портос. Отложив кисть, он подошел поближе и остановился перед Эльдорой, пристально глядя на ее грудь. – Начинают опадать... Досадно, но при пышных формах такое часто бывает. Сейчас мы это исправим...

Эльдора с вызовом подбоченилась и выпятила грудь.

– По-моему, здесь нечего исправлять.

Портос усмехнулся:

– Вы чересчур неприятельны. На мой взгляд, ваши возможности еще не исчерпаны.

Тем временем Дженет ждала продолжения «сделки», скромно сложив руки на коленях и опустив глаза.

– Итак, говорите. Что вы задумали? – потребовал Портос.

Эльдора с ненавистью обвела взглядом перехитривших ее супругов.

– Решившись на один-единственный шаг, мы все только выиграем. Я уже объяснила, как будет оплачена эта услуга. За портрет вы получите кругленькую сумму.

– Он будет того стоить.

– Ну это мы еще посмотрим!

– Вы не объяснили только одного, – негромко вмешалась Дженет, – как именно убрать Грея с нашего полотна?

– И еще я хочу попросить вас об одной услуге, – добавил Портос. – Некогда между мной и Кэдзоу возникла размолвка. Мы поссорились из-за сущего пустяка, но я до сих пор жалею об этом. Не могли бы вы от моего имени предложить Кэдзоу мир?

Эльдора несказанно изумилась:

– Но почему?

– Потому что таково мое желание, – отрезал Портос, энергично работая кистью. – Остальное вам знать незачем. Отправляйтесь к Кэдзоу и попросите его не поминать прошлое. Объясните, что я уже все забыл и был бы признателен ему за такую же любезность.

– Что же между вами произошло?

– На этот вопрос я не стану отвечать. Просто-напросто, если вы хотите добиться своего, вам придется помирить нас с Кэдзоу.

– Но он никогда не упоминал о ссоре с вами.

– И не станет. На то у него есть свои причины. Сделайте, как я сказал.

Эльдора заерзала в седле.

– Значит, я должна передать жениху, что вы хотите забыть прошлое? И снова стать его другом?

– Вот именно. Вы совершенно верно поняли меня, дорогая. Так вы выполните мою просьбу?

– Да, – нерешительно отозвалась Эльдора, – если это так важно.

– Чрезвычайно важно. А еще важнее, чтобы Кэдзоу узнал о моем намерении забыть все былые обиды в обмен на такую же услугу с его стороны. Запомнили?

– За кого вы меня принимаете?

– Отлично. Значит, все мы вправе рассчитывать на спасение.

Эльдора перевела взгляд с Портоса на Дженет Арбакл. На лице супругов отражалось беспокойство.

– Как думаешь, мы справимся? – шепотом спросила Портоса Дженет.

– Тс-с! – успокоил ее муж. – Уверяю тебя, это совсем другое дело. Оно не стоит ломаного гроша.

– Даже если они опять попытаются...

– Замолчи сейчас же! Больше ни слова!

– Хорошо, Портос, – отозвалась Дженет и опустила глаза.

Эльдора не понимала да и не старалась понять, о чем они говорят.

– Здесь нам никто не помешает? – спросила она, беспокойно оглядываясь. По мнению гости, за стоявшей в комнате мебелью мог бы

спрятаться целый отряд шпионов. – Больше здесь никого нет?

– Ни души, – ответил Портос. – Поверьте на слово.

Как будто это заверение могло успокоить Эльдору!

– Отлично. Вам уже известно, какое обстоятельство имеет особое значение – для вас и для меня.

Супруги переглянулись, и Дженет кивнула.

– Вы бы предпочли, чтобы Грей Фэлконер перестал быть наследником фамильного состояния.

Эльдора попыталась устроиться поудобнее и расправила под собой влажный шелк.

– Так будет удобнее не только для меня, но и для вас. О причинах упоминать не станем. Надо обсудить, каким образом добиться цели.

– Мы готовы выслушать ваши предложения, – сообщил Портос, продолжая наносить на холст резкие мазки. При этом он ни разу не взглянул на Эльдору.

Эльдора привыкла, что люди с уважением относятся к ее желаниям и исполняют их. Такое оскорбительное поведение Арбакла отнюдь не радовало ее.

– Расскажите мне о чудаках из Модлин-Мэнора, – попросила она, надеясь, что супруги встревожатся. – Что они здесь делают?

Портос нахмурился:

– Откуда мне знать? Клак арендовал поместье у владельца на неопределенный срок. Похоже, у него денег куры не клюют. Он намерен не только жить на широкую ногу, но и познакомиться со всей местной знатью. Вот и все, что мне известно.

Эльдора не поверила ему, но медлить было опасно. Визит Клака и его приятелей весьма встревожил Кэдзоу. Очевидно, святоша почуял приближение зла, чуждой стихии, которая представляла для него опасность, если вовремя не укротить или не уничтожить ее.

– По-моему, нелепый салон, который собрался устроить Клак, самый подходящий случай для осуществления нашего плана.

– Какого плана? – встрепелась Дженет. – Что еще за план? Нет у нас никакого плана. Здесь прозвучали только пустые и глупые заверения в том, что вы щедро заплатите, если мы поможем вам отделаться от Грея Фэлконера. А еще вы сказали, что в этом деле нам поспособствует Минерва.

– Стало быть, мы поняли друг друга, – слегка приободрилась Эльдора. – Смысл сделки нам уже ясен. Осталось только обсудить детали, сущие пустяки. Похоже, Грей и Минерва без ума друг от друга. Вот мне и

пришло в голову заставить их сбежать...

– Арбакл! – Дженет вскочила. – О чем она говорит? Побег – это катастрофа!

– Напротив – наше спасение, – возразила Эльдора, метнув на Дженет яростный взгляд. – Чтобы добиться этого, вы должны сделать вид, будто противитесь браку Грея и Минервы. Обдумав положение, они решат, что салон Клака послужит для них прикрытием.

– Но я не хочу, чтобы моя дочь сбежала с мужчиной! – простонала Дженет. – Какой стыд!

– Это мы уже слышали, дорогая, – перебил Портос. – Притом несколько раз. Как вы намерены добиться своего, Эльдора?

Та уже успела тщательно обдумать план действий.

– Мы убедим Грея, что Минерве опасно здесь оставаться. – Эльдора улыбнулась, довольная собственной проницательностью. – Услышав о той дурацкой истории с семечком дурмана, я поняла, что запугать его проще простого. Сначала вы сделаете вид, будто вы в отчаянии оттого, что Минерве грозит смертельная опасность, а потом заявите, что и слышать не хотите о ее браке с Греем, – потому что считаете его сообщником тех, кто чуть не отравил ее. Тут уж влюбленные наверняка начнут готовиться к побегу.

– Это всего лишь предположение, – возразила Дженет. – В таком деле следует сомневаться во всем. Моей дочери присуще чувство долга, она ни за что не станет огорчать свою мать.

– Портос, у меня есть одна любопытная мысль... – невозмутимо продолжала Эльдора. – Мне не хотелось упоминать о ней, но, видимо, придется...

Портос по-прежнему чуть ли не лихорадочно работал кистью.

– Вам надо встретиться с Греем и объяснить ему: вы опасаетесь, что ваша жена найдет способ помешать браку.

– Портос! – возмущенно воскликнула Дженет. – Ничего подобного ты не сделаешь!

Ничуть не смутившись, Эльдора продолжила:

– Скажите Грею, что считаете его спасителем Минервы, что без него она никогда не будет счастлива и что вы поможете им сбежать.

– Еще чего! – фыркнул Портос.

Эльдора стиснула зубы.

– Если вы откажетесь, все пропало.

– Мы и так пропали, – заскулила Дженет. – Портос, это конец!

– Придержи язык, Дженет!.. Хорошо, допустим, я пойду к Фэлконеру.

Но где гарантия, что он поверит мне, тем более что я уже дал ему понять – я не желаю расставаться с... Словом, я не хочу, чтобы Минерва вышла за него замуж.

– Вы не хотите потерять дочь, – мягко поправила Эльдора. – Надеюсь, я правильно вас поняла? Минерва вам необходима. Кэдзи рассказывал, что только благодаря уму и педантичности Минервы вы до сих пор успешно избегаете разорения. Впрочем, это не мое дело. Минерва останется с вами.

– А вы не забудете напомнить Кэдзоу о нашей размолвке? И о том, что прошлое следует оставить в прошлом? – спросил Портос.

– Я же пообещала.

– Итак, мне предстоит поговорить с Греем о побеге, утверждая, что я забочусь только о благополучии своей дочери?

– Именно.

– Не вздумай, Портос! – захныкала Дженет. – Наверняка есть другой выход...

– Так назови его, – посоветовал ее муж. – Ты забыла, что мы на волосок от гибели?

– Но почему ты так уверен, что, даже если все пойдет как по маслу, мы сумеем заполучить все деньги и...

– Если понадобится, мы примем дополнительные меры. Но по-моему, это ни к чему.

Дженет взволнованно выпрямилась.

– Я знаю, ты предпочел бы забыть о страшной истине, Портос. Но так или иначе, через несколько дней нам придется столкнуться с ней лицом к лицу!

– Сколько вы хотите? – спросила Эльдора, не надеясь получить ответ.

– Двадцать тысяч гиней, – мгновенно отозвался Портос, оторвавшись от работы. – Нам понадобится ровно двадцать тысяч, и ни на грош меньше.

– Двадцать тысяч гиней... – отвернувшись, пробормотала Эльдора. У Кэдзоу наверняка найдутся такие деньги. Стоит только убрать Грея с дороги, и в его распоряжении окажется целое состояние. Но как выманить у Кэдзоу такую сумму? Эльдора задумалась. – Вы их получите.

Дженет вскрикнула и зажала рот ладонями.

Метнув на нее торжествующий взгляд, Портос произнес:

– Полно, полно, дорогая! Все уладится.

– В самом деле, – подтвердила Эльдора. Ей надоело сидеть в жестком деревянном седле, и она, решив размяться, прошлась между рядами мебели. – У нас в запасе всего несколько дней. Чтобы план сработал, вам придется изобразить ссору. Вы, Портос, должны сделать вид, будто

жестокость Дженет по отношению к влюбленным неприятно поразила вас.

– А почему бы нам с ним не поменяться ролями? – спросила Дженет. – Если я сделаю вид, что смягчилась, это будет гораздо правдоподобнее.

– Ничуть, – возразил Портос.

Поразмыслив, Эльдора заявила:

– Дженет права. В конце концов, это вы боитесь потерять дочь. Вы сами поручили ей распорядиться вашим состоянием с тех пор, как она подросла. Об этом мне рассказал Кэдзоу.

– Его мои дела не касаются, – буркнул Портос, однако втайне он одобрил мысль о том, что способствовать побегу должна Дженет, а не он.

– Значит, – подхватила Дженет, – я сама поговорю с Минервой как ее мать и старшая подруга и намекну, что мне понятны чувства влюбленных. Тем более что так оно и есть. Я объясню, что бегство – единственный способ помешать отцу расторгнуть помолвку.

– Именно, – подтвердила Эльдора.

– А затем добавлю, что удобнее всего будет сбежать во время приема у Клака.

– Да. Пусть отъедут подальше от Бэллифога. Несомненно, они найдут удобное место, разыщут свидетелей и поженятся.

– Мы могли бы остановить их и обвинить Фэлконера в похищении, – возразил Портос. – Разве этого недостаточно?

– Конечно, нет! – воскликнула Эльдора, теряя остатки терпения. – Ведь он останется жив и когда-нибудь вновь окажется на свободе. А это нам ни к чему. Он должен исчезнуть навсегда. Мертвецы безобидны. Это вы пытались отравить его?

– Семечком дурмана? – уточнил шокированный Портос. – Откуда бы мне знать об этом растении, если оно и вправду существует?

– Грей утверждает, что оно растет в Вест-Индии.

– Может, Грей сам выдумал всю эту историю с покушением? Чтобы вызвать благодарность Минервы?

– Очень может быть, – откликнулась Эльдора, хотя так не думала. Мысль о том, что они с Арбаклами не единственные обитатели Бэллифога, которым Грей встал поперек дороги, сильно тревожила Эльдору.

– Я помогу Грею и Минерве сбежать из Модлин-Мэнора, – сказала заметно побледневшая Дженет. – И что же дальше?

– За ними будут следить. При первом же удобном случае мы разлучим влюбленных. Пусть Минерва узнает, что Грей собирается не жениться на ней, а только погубить ее репутацию – из ненависти к ее родителям.

– Какой ужас! – ахнула Дженет, вероятно, слишком живо представив

себе последствия. – Моя несчастная дочь!

– Помолчите. Тем временем Грея схватят и убьют. Все будет выглядеть так, словно он стал жертвой грабителей. Вот и все. Мы окажемся ни при чем.

Супруги вопросительно уставились на нее.

– Для нас это единственный способ добиться своего, – заключила Эльдора.

– Убийство... – выговорила Дженет.

– Убийство! – эхом повторил Портос. – Радикальное средство, – добавил он.

– Слишком радикальное, – подтвердила Дженет.

– А вы можете предложить другой выход?

– Ума не приложу, почему он вернулся? – воскликнула Дженет.

Эльдора пренебрежительно окинула ее взглядом:

– В том-то и дело. Должно быть, где-то была допущена ошибка... Но, насколько я понимаю, вы не хотите, чтобы я вдавалась в подробности...

Схватив за руку, Портос подтащил ее к себе.

– Что вы имеете в виду?

Эльдора поморщилась от боли.

– Ничего особенного. Просто мне кажется странным, что вы охотно согласились уничтожить его за тысячи миль от Бэллифога. А когда надо избавиться от него здесь, вы колеблетесь.

– Вы хотите сказать, что мы причастны к тому, что случилось с Греем?

Эльдора умела уклониться от опасного вопроса.

– Ни в коем случае! Я всего лишь сравниваю события – предстоящее и то, что произошло вдали отсюда.

– Портос, нельзя допустить, чтобы его убили здесь, в Бэллифоге! – встрепелась Дженет.

Портос вновь уставился на Эльдору:

– Не припомню, чтобы вы объяснили, как именно намерены осуществить последнюю часть замысла.

С трудом изобразив недоумение, Эльдора покачала головой.

– Выкладывайте, – настаивал Портос.

Дженет подошла к мужу и взяла его под руку.

– Да, будьте любезны объяснить, что вы задумали.

– Я же сказала, – раздраженно начала Эльдора, – вскоре Клак устраивает прием, или, как он выражается, костюмированный салун. Вы посоветуете Грею и Минерве устроить побег как раз во время приема и дадите им лошадей и экипаж. Где и как перехватить их – решим позднее.

Пожалуй, удобнее всего подкараулить беглецов там, где они остановятся на ночлег, прежде чем отыщут священника, который согласится обвенчать их. Если они покинут Модлин-Мэнор поздно вечером – о чем вы должны позаботиться, – им понадобится где-то переночевать.

– Мы должны позаботиться? – негодующе повторила Дженет. – Портос, слышишь, как она командует? Хочет свалить на нас всю ответственность!

– Ради нашего общего блага. – К сожалению, разговор шел не так гладко, как рассчитывала Эльдора. – А найти человека, который согласится застрелить Грея, – пара пустяков.

Дженет зажала рот руками.

– Застрелить Грея! Господи! Нет, в таком злодействе я участвовать не желаю!

– Даже чтобы спасти все, что вам дорого? – осведомилась Эльдора.

– Мы никогда не... видите ли, мы никогда и никого не убивали...

– Своими руками? – приторно-сладким голоском уточнила Эльдора.

– Как вы смеете! – Дженет с достоинством выпрямилась.

– Надеюсь, вы не откажетесь подставить Грея под чужой выстрел?

Супруги Арбакл переглянулись.

– Как насчет Макспорранов?

– А при чем тут Макспорраны? – удивился Портос. – Почему вы спрашиваете о них?

Эльдора пожала плечами:

– Просто мне кажется, что они менее щепетильны. Я слышала, что в мужа Минерве прочили не Грея, а Брамби.

– Порядочный молодой человек, – со слезами на глазах откликнулась Дженет. – Брамби с пониманием относится к родителям.

– Тем более. Может, вы с Макспорранами вынашивали планы поженить Минерву и Брамби, пока Грей не соизволил вернуться?

– Да! – рявкнул Портос. – Именно на это мы и рассчитывали. Брамби – достойный жених для нашей дочери. Все шло согласно плану!

– Отлично, – мягко отозвалась Эльдора. – Тем более что есть еще одно обстоятельство...

– Какое?

Эльдора не спешила с ответом.

– Брамби влюблен в Минерву, не правда ли?

– Он обожает ее. – Слезы заструились по пухлым щекам Дженет. – Потеряв Минерву, он не выживет.

– Значит, беспокоиться не о чем. Брамби спасет честь Минервы.

Кстати, ваша милая миссис Хэтч сообщила мне, что как-то подслушала бурную ссору Фэлконера и Макспоррана-младшего, во время которой последний вызвал соперника на дуэль.

– У миссис Хэтч вода во рту не удержится, – проворчала Дженет. – С ней надо поговорить.

– Она только повторила то, что услышала от близнецов. Кстати, вы очень добры, раз терпите в доме два лишних рта. Подумать только, какие неудобства!

– Это дети моего брата, – сухо объяснила Дженет. – Я не могу бросить их на произвол судьбы.

– Разумеется! – Эльдора сразу поняла, что таким способом ничего не добьется. – Как я уже сказала, Брамби вызвал Грея на поединок или по крайней мере попытался вызвать, но отказался от своих намерений, поддавшись уговорам Минервы. Очевидно, Брамби без ума от нее. Вот он нам и поможет. Отведите его в сторонку и намекните, что Минерва с Греем решили сбежать. Скажите, что вы предчувствуете недоброе, и снарядите Брамби в погоню, снабдив его пистолетом. Конечно, чтобы защищаться.

– Неплохо придумано! – заметил Портос. – Брамби покладист и доверчив.

– Славный мальчик! – всхлипнула Дженет. – Никогда бы не подумала, что у Друсиллы Макспорран вырастет такой сын.

– Он отомстит за честь обманутой девушки, – продолжала Эльдора. – Избежать неприятных последствий будет очень просто. Безутешного дядю Кэдзоу надо убедить простить Брамби. Мы просто расскажем ему, какой славный малый этот Брамби и как отважно он защищал бедняжку Минерву.

– У моей дочери железная воля, – напомнил Портос.

– Падая навзничь, любая женщина теряет волю, – усмехнулась Эльдора, одновременно думая о том, что сама она никогда не лишалась способности рассуждать здраво. – Итак, решено?

Супруги попятились и зашептались друг с другом. Эти переговоры продолжались так долго, что Эльдора уже засомневалась в успехе, но тут Портос объявил:

– Решено!

– Надо немедленно привести план в исполнение, – добавила Дженет. – При первом же удобном случае я поговорю с Брамби.

– Судя по тому, как ведут себя Грей и Минерва, никаких трудностей не предвидится. А где сейчас Минерва?

– Наверное, у себя в кабинете, – ответил Портос. – Дочь давно вернулась. Когда она занята своими изобретениями, мы ее почти не видим.

– Вечно она тратит время на глупости, – добавила Дженет, сокрушенно вздохнув. – Если мы будем сидеть сложа руки, я окончательно потеряю терпение.

– Тогда переходите к действиям, – посоветовала ей Эльдора. – Идите и сообщите дочери, что намерены помочь ей и Грею. А потом возвращайтесь сюда – нам интересно будет узнать, как прошел разговор. – Заметив кисть в руках Портоса, она прикинула, как долго может отсутствовать Дженет. – Дженет, дорогая, я понимаю ваше беспокойство. Не торопитесь, как следует убедите свою прелестную дочь, что ваши симпатии на ее стороне.

Дженет глубоко вздохнула, распрямила плечи и заявила:

– Я немедленно отправлюсь к ней, пока не ослабела решимость. – Вскинув подбородок, она выплыла из комнаты.

Эльдора вскочила на деревянную лошадку и подняла колено.

– Не будем тратить время попусту, Портос. В конце концов, я обещала заплатить вам за портрет. – Она не собиралась посвящать Кэдзоу в свои намерения, зная, что он сочтет цену непомерной. Но супруги Арбакл должны надеяться на щедрую плату и усердно помогать ей.

– Лиха беда начало, – пробормотал Портос.

– Мы вполне можем позволить себе отвлечься. – Эльдора скромно потупилась, – и... поработать кистью. – Ей не хотелось упускать случай. Развлечения никогда не повредят.

Кэдзоу наверняка даст ей денег, а она заявит Портосу и Дженет, что он отказал ей наотрез. И наследство тоже достанется ей. Арбаклы вряд ли отважатся пожаловаться на то, что им не заплатили за подстроенное убийство.

Портос впился в нее таким пристальным взглядом, что Эльдоре стало неловко.

– Идите сюда, – позвала она, – и прихватите кисть. Или что-нибудь другое, если забавы с кистью вам уже наскучили.

– С этим можно подождать, – возразил Портос. – Мы только что приняли чрезвычайно важное решение. Посмотрим, как будут продвигаться дела Дженет.

Он бесцеремонно стащил Эльдору с лошадки-качалки и повлек за собой к двери. Ей пришлось долго идти по какому-то на редкость длинному коридору. Эльдора даже озябла в своем откровенном шелковом наряде.

– Ни звука! – предостерег ее Портос, остановившись перед одной из дверей, и потушил ближайшую лампу. – Слушайте молча!

– Но я не могу появиться на людях в таком виде. Что обо мне подумают?

– Вас никто не увидит.

Портос приоткрыл дверь, и на пол коридора легла полоска тусклого света. Порывисто втолкнув Эльдору на галерею, проходящую под потолком просторной комнаты, Портос вошел следом, прикрыл дверь, сел на пол и подполз к перилам галереи.

– В чем...

Жесткая ладонь хлопком зажала Эльдоре рот. Она почувствовала на языке привкус крови.

– Молчите! – прошептал ей на ухо Портос. – Иначе все пропало! Вы всех нас погубите!

Она кивнула, опасаясь, что в раздражении он нанесет ей новый удар.

По его примеру Эльдора прижалась к полу, подползла к перилам галереи и посмотрела вниз. Повсюду в комнате виднелись книги – в шкафах, на полках, на столе, на полу. Они заполняли и комнату, и галерею.

Внизу Эльдора увидела Минерву и ее мать. Дочь сидела спиной к матери, перебирая прямоугольники какого-то жесткого темного материала. Издалека он напоминал блестящее черное дерево.

– Минерва, – долетел до Эльдоры голос Дженет, – брось эти глупости и послушай меня!

– Мама, я устала, – отозвалась Минерва. – Я пришла сюда, чтобы отдохнуть и забыться. Может, перенесем разговор на завтра, когда я немного успокоюсь?

– Что тебя тревожит? – насторожилась Дженет. – Ответь, пожалуйста! Что случилось? Надеюсь, вся эта история с ядовитым семечком тут ни при чем? Все уже в прошлом...

– Мама, прошу, оставь меня в покое.

– Непременно, но сначала послушай, как я намерена поступить. Дорогая, я хочу помочь тебе.

– Очень убедительно, – прошептал Портос. – Дженет умеет выбрать верный тон.

Но Эльдору не интересовали похвалы в адрес Дженет Арбакл.

– Признаться, мы с твоим отцом не проявили должного сочувствия к вам с Греем.

– Только не это! – застонала Минерва, продолжая раскладывать в ряд непонятные прямоугольники.

– Я не виню тебя за недоверчивость. Дорогая, постарайся простить меня! Я желаю тебе только добра – ведь если говорить начистоту, прежде я была плохой матерью. Я думала только о себе и потому мешала твоему счастью.

– Об этом не стоит говорить.

Эльдора застыла. Ей не понравилась категоричность тона Минервы.

– Что это с ней? – шепотом спросила она у Портоса, но ответа не дождалась.

– Ты любишь Грея Фэлконера, а он любит тебя. Мы совершили ошибку, помешав вам быть вместе.

– Мама...

– Нет, выслушай меня! Дело в том, что мы просто боялись. Боялись за тебя. Грей отсутствовал так долго, а вернулся совершенно неожиданно... Прости, мы оказали тебе медвежью услугу. Нам надо было сразу помочь вам вдвоем уехать отсюда.

– Мама, дай мне сказать...

– Сначала я закончу. Эта история с ядом перепугала нас. Кто-то явно пытался разделаться с Греем. Какой ужас!

Минерва всхлипнула, и Эльдора ахнула от изумления. Портос тотчас снова зажал ей рот ладонью.

– О, дорогая! – воскликнула Дженет, привлекая дочь к себе. – Мы заставили тебя страдать! Но теперь все позади. Я непременно помогу вам. Прием, который устраивает Клак, – самый удобный случай! В суматохе вы с Греем сможете улизнуть. Когда вас хватятся, будет уже поздно. Отец все поймет, как только я объясню, почему решила вам помочь. А потом, когда отец с Кэдзоу разоблачат злоумышленников, вы сможете вернуться в Бэллифог. Чудесно, не правда ли?

Всхлипывания Минервы переросли в рыдания. Раскрыв матери свои объятия, она уткнулась лицом ей в плечо. Дженет понадобилось несколько минут, чтобы успокоить дочь.

– Дорогая, что с тобой? Скажи маме. Может, это слезы радости?

– Ты так добра ко мне, – рыдала Минерва. – Ты лучшая мать в мире, я такой не заслуживаю!

– Неправда. Это ты лучшая из дочерей.

– Я всего лишь стараюсь...

– Ну конечно! А теперь поезжай к Грею и оповести, чтобы готовился к пятнице. Только не упоминай обо мне. Расскажешь потом, когда все будет кончено, – по-моему, Грей мне не доверяет.

– Мама! – снова разрыдалась Минерва. – Милая мама!

– Она всегда больше любила меня, – раздраженно прошептал Портос.

Эльдора в изнеможении закатила глаза:

– Почему бы Дженет не поторопиться?

– Мы позаботимся о том, чтобы заранее подготовить экипаж, –

пообещала Дженет, – и выберем для бегства самый удачный момент.

Минерва попятилась, шмыгнула носом, вытерла лицо скомканным платком, а затем заявила:

– Мама, с Греем Фэлконером я никуда не поеду. Никогда!

– Черт! – прошипел Портос.

Поначалу Эльдоре показалось, что она ослышалась. Маленькая дурочка что-то напутала.

– Поедешь, дорогая! Я ведь пообещала тебе! Ты любишь его, вы должны быть вместе!

– Да, я люблю его. Больше жизни.

– Так в чем же дело? Все будет так, как ты хочешь.

– Мама, я люблю Грея, но он упрямый, бессердечный, бесчувственный, черствый, несносный...

– Чем он обидел тебя?

– Блеск! – не удержалась Эльдора.

– Тише! – оборвал ее Портос.

– Он обидел меня? Мама, ты ничего не понимаешь, и слава Богу!

– Дорогая, будь благоразумна. Вы ведь любите друг друга. Ради своей безопасности он должен покинуть Бэллифог и переждать где-нибудь, пока мы не разоблачим злоумышленников. Узнаем, чем он заслужил такую страшную участь.

– Вероятно, своей злобой и подозрительностью, – отозвалась Минерва.

– Минерва, предоставь это нам, – молила Дженет. – Доверься мне и уезжай вместе с Греем в эту же пятницу. Отныне в твоей жизни все пойдет по-другому. Тебя ждет чудесное, новое будущее...

– Мама, послушай меня внимательно, – прервала Минерва. – Если ты пророчишь мне чудесное будущее, тогда лучше заранее подыщи мне подходящего мужа. Потому что я никогда и ни за что не выйду замуж за Грея Фэлконера!

Глава 20

Облик Модлин-Мэнора наглядно свидетельствовал о былой славе и последующем падении поместья. Грей не бывал здесь с детства, с тех пор как приезжал домой на каникулы и болтался по округе, не зная, куда себя девать. Во время одной из таких прогулок он забрел в заросший сад, сохранивший следы прежней красоты и ухоженности.

– Поместье давно пора продать, – заметил Макс, прохаживаясь по огромному залу. – Досадно будет, если дом превратится в руины.

– Боюсь, если мы будем говорить шепотом, о нашем приезде забудут, – отозвался Грей. – Конечно, если здешний привратник вообще удосужился доложить о нас хозяевам.

– Подождем еще несколько минут, будем надеяться, что слуга все-таки доложил, – откликнулся Макс. – А если сюда никто не придет, осмотрим дом сами.

Коротышка Микки Финиш впустил их в дом и провел в этот прекрасный, но обветшалый зал – вероятно, когда-то он служил бальным залом или музыкальным салоном, а может, и картинной галереей. Теперь же здесь было совершенно пусто – ни инструментов, ни мебели, ни картин.

Разглядывая потолок, Макс спросил:

– Помнишь Рим?

Друзья в свое время побывали в Италии и посетили собор Святого Петра.

– Кто бы ни расписывал эти потолки, он тоже побывал в Италии, – отозвался Грей. – Роспись великолепна! А эти арки? Странно, и как они сохранились до сих пор?

– А я думал, ты впервые очутился в этом доме.

Грей слегка улыбнулся:

– Нет, я уже бывал здесь. Прокрался в дом через оранжерею. Но в те времена мне было не до росписи. Надо же, как все изменилось. Когда я видел этот дом в последний раз, еще был жив его предыдущий владелец. Большую часть времени он проводил вдали от поместья – кажется, на континенте. Вот в этом углу стояло фортепиано, а вдоль стен – изящные французские стулья. В простенках между окнами помещались застекленные шкафы, уставленные фарфором и хрусталем. К этой комнате прилегает обширная терраса, отсюда лестница ведет на лужайку и в парк. Дом был построен пару веков назад.

– Ты пробрался сюда один?

– Макс Россмара, у вас только одно на уме. Но если вы надеетесь услышать отрицательный ответ, вас ждет разочарование. Скажем так: я забрел сюда от скуки.

Макс внимательно изучал изысканную лепнину в нишах. Лепнина была украшена позолотой, а стены покрыты слоем темно-розовой краски.

– Ну хорошо, – наконец произнес он, останавливаясь, – может, все-таки объяснишь, зачем мы примчались сюда в такой ранний час? Ты надеялся увидеть, как обитатели поместья поливают саженцы индийского дурмана?

Грей уже пожалел о своем вчерашнем решении посвящать Макса во все подробности невероятной и загадочной истории, которая началась в Вест-Индии и продолжалась теперь, в Шотландии. Тему следовало срочно сменить.

– Нынешняя владелица поместья – племянница прежнего хозяина. Старик умер, не оставив потомства, а племянница приняла его наследство без особой благодарности – кажется, она ни разу не приезжала сюда. Кроме Макспорранов, здесь никто не жил – до тех пор, пока не прибыл Клак со своей свитой.

– Это единственное крупное пустующее поместье в округе?

Грей кивнул:

– Полагаю, именно поэтому Клак и поселился здесь, хотя почему остановил выбор на Бэллифогге – ума не приложу. – Он искоса взглянул на приятеля.

– Вот как? – еле слышно откликнулся Макс. – А я думал, ты уже понял, что Клак появился в Бэллифогге неспроста. Все дело в тебе. Ты думаешь, Клак в сговоре с Арбаклами?

Произнесенные вслух, эти слова приобрели нелепый оттенок.

– Поскольку ты сам можешь ответить на свой вопрос, я не стану утруждать себя, – произнес Грей.

– Фэлконер, ты неблагодарный негодяй. Тебе об этом известно? Негодяй да к тому же болван!

Грей обернулся к нему:

– Прости, я забылся...

– Ты поссорился с Минервой? Когда ты рассказывал мне о своей возлюбленной, ты что-то утаил.

Конечно, все дело было в Минерве. Два дня подряд Грей торчал в роще на холме над Уиллиноком, молясь, чтобы она забрела сюда, и твердо зная, что не придет.

– Похоже, ты уже жалеешь, что открылся мне, – продолжал Макс, понизив голос. – И совершенно напрасно. Грей, я настоятельно советую тебе покинуть Бэллифог. Здесь кто-то желает тебе смерти.

– Молчи! – перебил Грей и тут же упрекнул себя в грубости. – Дружище, не стоит забывать, что и у стен есть уши.

Макс поманил его к себе:

– Подойди же сюда, Грей.

– Конечно. – Грей приблизился к нему и опустил глаза. – Видишь ли, мы с Минервой поссорились...

– Уже знаю. Из-за чего?

– По-моему, этот вопрос неуместен.

– Уместен любой вопрос, от которого зависит жизнь моего друга.

– Она отказалась уехать вместе со мной. Кажется, она меня возненавидела.

Макс недоверчиво покачал головой:

– Ради тебя Минерва готова расстаться с жизнью.

Об этом Грей уже думал.

– От любви до ненависти – один шаг.

– А от любви до гордости – полшага.

На сей раз Грей недоверчиво уставился на друга, хотя и знал, что тот не станет пояснять свою мысль.

– Скажи, ты, случайно, не поделился с Минервой своими подозрениями насчет ее родителей? – спросил Макс.

Грей сунул ладони в карманы.

– Я угадал? Ну разумеется! А ты не подумал о том, что она расскажет об этом родителям?

– Надеюсь, она этого не сделает, – не слишком уверенно отозвался Грей.

– Грей, скажи, ради Бога, почему ты до сих пор здесь торчишь? Ты должен немедленно покинуть Бэллифог. Сегодня же.

– Нет.

– И нечего спорить! Сначала мы покончим с этим визитом, причем сделаем вид, будто ты решил навсегда поселиться в Бэллифогге. Подумать только, владельцу самого процветающего имения в округе взбрело в голову нанести визит жалкому арендатору! Вот потеха! Да еще этот салун... Конечно, мы будем начеку, станем ловить каждое слово. А потом дождемся темноты и уедем.

– Нет.

– Черт бы тебя побрал! – Макс скрипнул зубами. – Неужели ты не

понимаешь, что тебе пора спасаться бегством? Пока мы здесь беседуем, кто-то замышляет избавиться от тебя! Кому-то заплатили за эту, с позволения сказать, работу. С таким делом никто не станет медлить. Злодеи не остановятся, пока не добьются своего.

– Ты совершенно прав.

– Чем дольше ты будешь... что? Ты говоришь, я прав? Значит, ты согласен?

– Послушай, меня нелегко обвести вокруг пальца. С острова я сбежал сам, без чьей-либо помощи. Убить меня сразу пиратам помешала только алчность. Они сохранили мне жизнь на случай, если им понадобится доказательства – чтобы продолжать шантажировать тех, кто платил им за молчание и мое исчезновение. Теперь мне грозит опасность сразу с двух сторон – от тех, кто платил, и от тех, кому платили.

– Если ты согласен со мной, – продолжил Макс, сверкнув зелеными глазами, – почему же не желаешь спастись единственным способом – бегством? Почему не улепетьешься отсюда со всех ног? Твоей смерти желает кто-то из здешних жителей, это же очевидно! Ты кому-то мешаешь – своими словами, делами, присутствием, уже тем, что жив! Должно быть, преступники боятся, что ты разоблачишь их и будешь преследовать по закону.

Схватив Макса за плечо, Грей в упор уставился на него прищуренными глазами:

– Во-первых, никто не выгонит меня из моего собственного дома. Во-вторых, я ни за что не уеду отсюда без Минервы.

Переведя взгляд на руку Грея, Макс произнес:

– Мертвецам не приходится выбирать.

– Лучше умереть, чем жить без Минервы.

Макс резко отвернулся.

– Ты рехнулся? Ни одна женщина не стоит таких жертв!

– Ошибаешься. Ради Минервы я не пожалею жизни. Если меня не принимают в Уиллиноке, то сюда я еще могу приехать. Моя задача – выяснить, держала ли Минерва язык за зубами, как обещала. По-моему, Брамби и его родители хорошо осведомлены о том, что творится в Уиллиноке. Я встречу с ними здесь и все узнаю.

Макс насторожился:

– Ты слышишь?

Откуда-то доносился шепот – кажется, из глубины зала, потолок которого поднимался на высоту всех трех этажей дома.

– Слышу, – отозвался Грей. – Давай полюбуемся росписью.

Оба запрокинули головы. Вскоре Грей почувствовал, что они с Максом в зале не одни.

– Выдержать такое не каждому под силу, – громко заявил Макс.

– Ты о чем?

– У тебя еще не заболела шея? Так ее и вывихнуть недолго.

– Зато роспись великолепна, – отозвался Грей. – Должно быть, обошлась в кругленькую сумму.

– Смею заверить, – послышался гнусавый голос, который мог принадлежать только Сайласу Минеру, – что эти фрески бесценны. Жаль, что дом пребывает в таком запустении.

Грей оглянулся:

– Доброе утро! Мы с Максом решили засвидетельствовать почтение мистеру Клаку. Свои визитные карточки мы передали...

– Микки, – подсказал Минер. Сегодня он вырядился в лимонно-желтый сюртук, черные панталоны и белый жилет в черную крапинку. Будь Минер более упитанным, Грей сравнил бы его со шмелем.

Клак, одетый в точности так же, как во время недавнего визита в Драмблейд, ковылял по залу, невнятно бормоча себе под нос.

– Боюсь, вы неудачно выбрали время, – отозвался Минер, поигрывая своей серебряной тростью. – Видите ли, мы устраиваем шумный прием. Столько хлопот!

Преодолев еще несколько дюймов, Клак вступил в разговор:

– Жена Арбакла... – он замолчал, продолжая медленно продвигаться вперед, – обещала помочь нам. Но когда она все успеет, хотел бы я спросить? Приглашения уже разосланы, время уходит...

– Клак в страшном волнении, – небрежно заметил Минер. – Клак, уверяю тебя, все уладится.

Из-за завесы черных волос послышался булькающий кашель.

– Джентльмены, позвольте представить вам моего друга Сайласа...

– Видите ли...

– Не стоит, – прервал Клака Сайлас Минер. – Простите, что мы не в состоянии оказать вам более радушный прием. Не забудьте перед отъездом полюбоваться парком.

– Сайлас – моя правая рука. – Клак хлопнул себя по коленям и чуть не рухнул на мраморный пол. – Да, только правая – левой-то у него все равно что нет! – Клак хмыкнул, Минер довольно улыбнулся.

– Сочувствую, – откликнулся Грей. – Наверное, вы были ранены в руку на войне?

– Она у меня такая с рождения, – объяснил Сайлас, поджав тонкие

губы в обрамлении светлых усов и бороды. – Таким уж я родился... – Сайлас прислушался. – Кажется, снова гости, Клак.

Грей заметил, что Макс быстро огляделся по сторонам, словно приготовившись защищаться.

В зал вошли Микки Финиш, ведущий за рукав Брамби, и Минерва.

У Грея перехватило дыхание, он беспомощно замер на месте.

– А ему что здесь понадобилось? – резким тоном осведомился Брамби. – Гоните его прочь!

– Доброе утро, – поздоровался Макс. – Кажется, мы не знакомы. Я Макс Россмара из замка Керколди.

Брамби лишь на миг отвел пронизывающий взгляд от Грея.

– Если вы пришли вместе с ним, советую вам поскорее убраться отсюда.

– Брамби, – слабо возмутилась Минерва, – прошу тебя, не надо!

– Разве так встречают джентльмена, к тому же соседа? – укоризненно произнес Минер, поднимая верхнюю губу и обнажая длинные редкие зубы. – Клак, ты чересчур снисходителен к слугам. Они совсем отбились от рук.

Но Клак был слишком поглощен созерцанием Минервы.

– Я здесь не слуга, – заявил Брамби, – и мои родители тоже.

– Кто же вы в таком случае? – спросил Минер.

– Я был бы признателен, если бы вы продолжили этот разговор в другой раз, – вмешался Макс. – Мы просто приехали засвидетельствовать свое почтение, и...

– А меня прислала мама, – отчетливо выговорила Минерва.

Грей смотрел только на нее. В тусклом свете солнечного декабрьского утра любимая выглядела почти прозрачной. Должно быть, она осунулась от раскаяния и тревоги. Или была больна. Эта болезнь могла не иметь ничего общего с самим Греем... Нет, решил он, Минерва страдала, лишилась аппетита и сна. Под темно-синими глазами невесты Грей увидел густые тени. Под синей шляпкой, отделанной цветами, блестели каштановые волосы. Грей машинально перевел взгляд ниже и увидел подол чрезвычайно благопристойного синего кашемирового платья.

Только теперь он заметил, что присутствующие о чем-то говорят. Грей не понимал ни слова да и не старался понять.

Минерва смотрела на него так печально, что Грею не терпелось утешить ее. В его душе вспыхнула ненависть к враждебным силам, разлучившим его с любимой.

– ...нужны стулья, – донесся до него голос Клака. Грей прислушался.

– Ты слышал меня, Макспорран? – продолжал Клак, обращаясь к Брамби. – Стулья! Не можем же мы усадить знатных гостей на пол.

– Обратитесь к моим родителям, – отозвался Брамби, не сводя глаз с Минервы. – Дорогая, объясни, зачем мать прислала тебя, и давай поскорее уйдем отсюда. – Он бросил еще один злобный взгляд на своего соперника.

Неужели Минерва сделала Брамби своим доверенным лицом?

– Да-да, – опомнилась Минерва. – Мистер Клак, мама просила поговорить с вами о приеме, который назначен на пятницу.

– Пусть делает все, что считает нужным. Неужели все гости отклонили приглашения?

– Напротив, – возразила Минерва, широко открыв глаза. – Мама опасалась, что кое-кто действительно откажется, но все наши знакомые с радостью приняли приглашение. Пока мы получили только один отказ – от миссис Годдард, да и то предварительный. Она выражает надежду, что поправится к пятнице и сможет присутствовать на приеме.

– Старухе уже под сотню лет, – вставил Брамби. – Наверное, она просто боится, что от поклонников не будет отбоя.

– Стулья, – напомнил Клак.

– Да будут вам эти чертовы стулья! – вспылil Брамби и наклонился к Микки, который то и дело дергал его за рукав и указывал на дверь.

– Можешь идти, Микки, – произнес Сайлас Минер. – Ступай.

К изумлению Грея, коротышка, закутанный в тряпье, разразился странным верещанием и запрыгал на месте. Сжав кулаки, он потряс руками в воздухе.

– Ну хорошо, – смилостивился Минер. – Делай как знаешь. Но я все-таки не понимаю, почему ты хочешь показать ему пони.

После ответа, состоящего из возгласов и прыжков на месте, Минер махнул рукой, выпроваживая Микки. Тот направился к двери, маня за собой Брамби.

– Иди, – сказала Минерва, когда Брамби вопросительно взглянул на нее, – я здесь справлюсь сама.

Поскольку никто из присутствующих и не подумал предложить ей стул, Минерва осталась стоять и вынула из синего атласного ридикюля записную книжку.

Грей решил, что синее ей к лицу. Впрочем, Минерве шли и серый, и зеленый цвета, и шифон любого оттенка.

Пожалуй, ей идут любые цвета, существующие в природе, заключил Грей.

– Цветы? – тем временем переспросил Клак. – Но ведь скоро

Рождество. Откуда нам взять цветы?

– Без них никак нельзя, уверяю вас, – ответила Минерва. – Мы заменим цветы ветками остролиста с ягодами. А еще мама сказала, что мисс Эльдора Мейквелл предложила нам воспользоваться цветущими растениями из оранжереи Драмблейда.

Грей уставился на Минерву, и она не отвела взгляда. Он задумался. Как свободно мисс Эльдора Мейквелл распоряжается цветами из его собственной оранжереи!

– Надеюсь, ты не против, Грей? – спросила Минерва.

– Конечно, нет, – услышал Грей собственный голос. – Если позволите, я мог бы купить цветы в Эдинбурге. У меня есть связи, и я...

– Слышали, знаем, – перебил его Клак. – Нет уж, мы сами.

Минерва промолчала.

Грей готов был положить к ее ногам все цветы мира, если бы она согласилась принять их. Чувства переполняли его, ему хотелось заключить Минерву в объятия и унести прочь.

Макс положил ладонь на плечо друга и негромко произнес:

– Спокойно, старина.

Черт, неужели все переживания написаны у него на лице?

– Раз уж я вернулся в Бэллифог, почему бы мне не помочь вам устроить прием? Как коренной житель здешних мест, я обязан проявить гостеприимство. Клак, почту за честь, если вы позволите мне помочь мисс Арбакл и ее матери приготовить все необходимое. Вы здесь недавно, вам не обойтись без помощи старожилков. Итак, что скажете?

– Ты спятил, – прошептал Макс, сжимая плечо Грея. – Абсолютно спятил.

– Нет-нет, не благодарите меня, – продолжал Грей, хотя никто и не думал осыпать его благодарностями. – Просто я хочу быть в курсе всех событий, происходящих в округе. – Таким способом Грей рассчитывал раздобыть ценные сведения. И пусть Макс сколько угодно считает его безумцем.

– Очень любезно с вашей стороны, Фэлконер, – ответил Минер, в то время как Клак молчал – похоже, ему было нечего сказать. – Уверен, Клак тоже так считает. Правда, Клак?

Тот кивнул.

– Осталось только уточнить меню и тому подобное, – вступила в разговор Минерва. – Те самые мелочи, к которым так серьезно относится мама. В свою очередь, она попросила помощи у меня.

– Обсудите меню с нашим великодушным соседом, – предложил

Минер. – А нас ждут другие дела. Надеюсь, ты меня понимаешь, Клак.

Грей решил, что пришло время нанести дерзкий удар.

– Отличная мысль! – жизнерадостно воскликнул он. – Не припомню, чтобы я когда-либо осматривал этот дом. Раз уж мисс Арбакл согласилась помочь вам устроить пышный прием, нам надо знать, каким помещением мы располагаем. Вы не против, если мы сами совершим маленькую экскурсию по дому?

Минер шмыгнул носом, озадаченно глядя на Грея.

Клак остался невозмутим.

– Я имел в виду только комнаты для приема гостей. – Грей засмеялся. – Не беспокойтесь, мы не станем совать свой нос куда не следует... по крайней мере умышленно.

– Ну конечно! – слишком быстро отозвался Минер. – Почему бы и нет, верно, Клак?

Макс беспокойно переступил с ноги на ногу за спиной друга и наконец напомнил:

– Нас ждут к ленчу в Драмблейде. Пожалуй, нам пора, иначе Эльдора ни за что не простит нас.

– Эльдора наверняка все поймет, если мы объясним, что помогали хозяевам Модлин-Мэнора с приготовлениями к приему, – возразил Грей, не глядя на Макса. – Впрочем, если хочешь, возвращайся в Драмблейд. Предстоящий прием переполошил всю округу, Клак, в том числе и невесту моего дяди. Боюсь, дядя не одобрит выбранный ею костюм...

Клак хмыкнул и постучал тростью о мраморный пол.

– Должно быть, замысловатый наряд, – пробормотал он.

– Весьма, – подтвердил Грей. – Но давайте перейдем к делу, джентльмены. Мы с мисс Арбакл осмотрим помещения, уточним детали, согласуем планы с миссис Арбакл и так далее. Макс, передай Кэдзоу и Эльдоре, что я приеду ближе к вечеру.

Минерва вмиг окаменела. Несомненно, ей не хотелось оставаться наедине с Греем.

– Ты уверен? – негромко спросил Макс тоном, не оставляющим сомнений в том, что он считает Грея душевнобольным.

– Разумеется, – ответил за Грея Минер. – Я сам провожу вас, Россмара. С вашей стороны было очень любезно навестить нас. Надеюсь, вы будете у нас в пятницу?

После краткого замешательства Макс утвердительно кивнул с видом полководца, вынужденного капитулировать.

Оставив влюбленных безмолвствовать в растерянности, остальные

трое двинулись к двери, но Минер вскоре вернулся и спросил:

– Кстати, что вы скажете об игре в поиски клада? Пожалуй, она придется гостям по вкусу. – Он пошевелил светлыми бровями. – Представьте себе, как забегают все эти очаровательные создания в поисках сокровища! О, здесь возможны такие случайности, которых не породит даже самое смелое воображение!

– Пожалуй, – кивнул Грей.

– В доме есть винтовая лестница, уцелевшая во время пожара. Вам известно, что здесь когда-то был пожар? Нам говорили, что он уничтожил целое крыло дома.

– Такое случается, – без промедления кивнул Грей. – Например, в поместье Лангидрок, в Корнуолле, у друзей моего отца дом вообще сгорел дотла.

– Весьма занимательно, – со скучающим видом откликнулся Минер. – Итак, вернемся к винтовой лестнице. Это нечто особенное! Она постепенно сужается, поднимаясь до самой крыши. Наверху есть небольшая комната. Оттуда открывается изумительный вид. Недурно было бы полюбоваться окрестностями с такой высоты. Почему бы вам не взглянуть на лестницу?

Грей уже хотел было сказать, что не знает, где она находится, и предложить осмотреть ее в другой раз, но тут вмешалась Минерва. Опустив ресницы, она произнесла:

– Это в западной башне дома. Я провожу.

Глава 21

Неизбежное наконец свершилось: Минерва осталась наедине с Греем, не зная, стоять ей на месте или бежать наутек.

– Ты меня удивила, – признался Грей. – Никогда бы не подумал, что ты согласишься провести рядом со мной хотя бы одну минуту.

– Меня не так легко запугать, – заявила Минерва, вскинув подбородок. – Если ты надеялся, что я убегу, поджав хвост, то совершенно напрасно. Ничто не изменилось, Грей, кроме одного: теперь я тверже уверена в том, что ты ошибся.

– Я и не рассчитывал, что ты испугаешься и убежишь. Ты же никогда не была трусихой. Минерва, нам надо поговорить. Ни тебе, ни мне не удастся забыть случившееся. Нас по-прежнему разделяет стена.

Прежде чем уткнуться в записную книжку, Минерва наткнулась на испытующий взгляд Грея. Неожиданно на глаза ей навернулись слезы. Не хватало еще расплакаться!

– Здесь можно устроить великолепный салон, – продолжал Грей. – Кажется, это бальный зал?

– Да.

– Как тебе понравилась идея с поиском клада?

– Пока не знаю.

– Пожалуй, такое развлечение больше подходит для детского праздника.

– Все зависит от того, каким будет клад.

– Ты неисправимый прагматик, Минерва... Я не прочь осмотреть винтовую лестницу, о которой говорил Минер, но не знаю, где она находится.

– Сейчас покажу дорогу. Я часто бываю здесь. Когда-то этот дом поражал великолепием.

Грей замешкался, подбирая подходящие слова.

– Сегодня выглянуло солнце. Редкое явление для зимы. Но признаюсь, я бы предпочел оттепель. Впервые вижу такие долгие морозы.

– А я бы хотела, чтобы на Рождество шел снег, – отозвалась Минерва срывающимся голосом.

Грей не ответил.

Время шло. Минерве казалось, будто часы отсчитывают минуты, оставшиеся до... она не знала, что ждет впереди, но не могла смириться с

мыслью, что ее будущее – всего-навсего многолюдный салон, гости в костюмах, поиски клада. Невыносимо думать, что Грея подстерегает смертельная опасность!

Беспокойство неотступно терзало ее.

– Я покажу тебе лестницу, – наконец сказала Минерва, развернулась, шурша юбками, и почти бегом бросилась прочь из бального зала.

Грей догнал ее. Вместе они поднялись по широкой лестнице на площадку второго этажа. Оттуда Минерва свернула в темный коридор, уходящий в западное крыло дома. Она шагала посередине коридора, а поскольку он был узким, Грею пришлось молча идти следом.

Коридор был тускло освещен свечами, горевшими в настенных подсвечниках. Полное отсутствие картин на стенах и мебели придавало крылу нежилой вид.

Модлин-Мэнор и вправду был на редкость большим домом – даже больше Драмблейда, и казался дворцом по сравнению с Уиллиноком. С незапамятных времен обитатели Модлин-Мэнора пользовались лишь малой частью дома. Минерва вела Грея мимо пустых комнат, где зимнее солнце высвечивало толстый слой пыли на подоконниках.

После того как Минерва сделала несколько поворотов, Грей заметил:

– Я восхищаюсь твоей памятью и ориентацией. Наверное, ты часто бывала здесь с Брамби Макспорраном?

Значит, самоуверенному Грею все-таки не чужда ревность?! Минерва сделала вид, будто ничего не заметила. Очевидно, Грей и без того уже корил себя за выказанную слабость.

– Да, я была здесь с Брамби, – спокойно ответила она.

Они очутились в старом крыле дома. Здесь каменные серые стены возвышались над каменными полами, отполированными за долгие годы службы. Узкие окна в каменных стенах напоминали бойницы, правда, в них было вставлено толстое стекло.

Наконец Минерва подошла к подножию винтовой лестницы, которая даже в самой широкой своей части оказалась на удивление узкой. Причем сужалась лестница постепенно, становясь серьезным препятствием для любого упитанного человека.

Минерва быстро начала подниматься по лестнице, ноги ее так и мелькали под кружевной оборкой юбки.

Мягкие башмаки Минервы ритмично застучали по ступеням, и тотчас в шахте лестницы послышались тяжелые шаги Грея и его частое дыхание. Пыль забивалась в ноздри, но Минерва различала в воздухе аромат мыла и запах дорогого ей мужчины.

Она остро чувствовала его близость.

Лестница вела в башню, которая не имела определенного назначения, разве что служила удобным местом для осмотра окрестностей. Минерва очутилась на верхней площадке башни на секунду раньше Грея и немедленно подошла к каменной скамье у окна. Присев, она положила руки на узкий каменный подоконник и ладонью протерла запыленное стекло.

– Стало быть, ты часто бывала здесь вместе с Брамби, – снова сказал Грей.

Минерва оглянулась на него с мимолетной улыбкой, а затем приникла к стеклу.

– Да, бывала. Иначе я бы не знала, как пройти сюда. Мы с Брамби знакомы с детства, как и с тобой. Разница лишь в том, что Брамби я всегда считала просто другом.

Грей только глубоко и тяжело вздохнул.

– Помнишь, каким наказанием я была в детстве? – спросила Минерва.

– Ты никогда не была наказанием.

– Грей, я точно знаю: ты считал меня несносным ребенком, – возразила Минерва, не решаясь взглянуть на него. – Я повсюду ходила за тобой по пятам.

– Я помню праздник в саду, который мы устроили в Драмблейде, когда тебе было двенадцать. Ты нарядилась в розовое платье и соломенную шляпку с розами.

Вместо заснеженных холмов перед глазами Минервы появился парк Драмблейда, множество роз с тонким запахом, клумбы за домом, пестрящие оранжевыми, лиловыми, желтыми и алыми цветами. А затем она увидела саму себя – в розовом платье, которым несказанно гордилась, поскольку это был ее первый «взрослый» наряд.

– В шляпе мне было жарко, – призналась Минерва, – она жала мне на уши.

– Помню, – тихо отозвался Грей. – Когда ты выследила меня и вошла следом за мной в зимний сад, то заявила, что в парке слишком жарко и к тому же тебе мешает шляпа.

Его воспоминания были в точности такими же, как у нее.

– А что ответил я? По-моему, ты забыла.

– Что ты! – Минерва обернулась к нему. – Ты спросил, не лучше ли было присесть в тени под деревом и снять шляпу, вместо того чтобы идти в зимний сад. И мне стало ясно: ты понял, что я преследую тебя. Я покраснела.

– Стала алой, как самая яркая роза.

– Ты взял меня за руку, подвел к чугунному стулу и велел сесть. Я попыталась развязать ленты шляпки, но от смущения пальцы не слушались меня, и ты мне помог. А потом ты вышел в парк и вернулся со стаканом лимонада. И замер как вкопанный, глядя на меня так же серьезно, как сейчас. Только теперь ты выглядишь гораздо внушительнее, чем тогда.

Грей усмехнулся:

– У меня было время поупражняться.

– Грей, если ты хотя бы на миг надеялся охладить мой детский пыл, то сильно заблуждался.

– Очень скоро я заметил, что ты продолжаешь исподтишка наблюдать за мной.

Минерва вновь устремила взгляд на заснеженные холмы.

– Когда я впервые увидела тебя, то испытала легкий трепет – предчувствие любви. А потом ты повел себя как джентльмен, стараясь пощадить мои чувства... вот тут-то я и влюбилась в тебя.

– Быть не может, Минерва. В то время тебе едва минуло двенадцать.

– Честное слово! Вот почему я ходила за тобой по пятам.

Грей помедлил с ответом, и наконец, понизив голос почти до шепота, произнес:

– Я был польщен. Ты очаровала меня, Минерва. В тебе чувствовалась сила, тебе было чуждо жеманство. А я терпеть не мог жеманниц, всегда готовых соорудить гримаску и скромно опустить ресницы.

Минерва усмехнулась:

– Ты имеешь в виду кокеток, искушенных прелестниц? Значит, я в этом искусстве не преуспела?

– Ты оставалась сама собой, и за это я полюбил тебя.

Минерва ждала продолжения, но Грей молчал.

– Наверное, ты долго не воспринимал меня как женщину, – спустя какое-то время сказала она. – А я постепенно взрослела, наблюдала, как ты крепнешь и растешь, и дождалась – ты впустил меня в свою жизнь. Если я и стала уверенной в себе женщиной, то лишь благодаря тебе. О, ты всегда вел себя как истинный джентльмен, точнее, почти всегда, и не мешал мне поступать как захочется, утверждая, что так и должно быть.

– Послушать тебя, так я святой.

– Нет! – Минерва снова уставилась в окно. – Ты был и до сих пор остаешься повесой, за это я ручаюсь. Вспомнить хотя бы, сколько раз ты прятался только ради собственного удовольствия неожиданно выскочить и напугать меня.

– Ничего подобного.

– Неправда! А когда ты обнаружил, что целоваться со мной приятно, ты ни разу не упустил удобного случая.

Грей закашлялся.

Минерва заморгала: воспоминания оказались одновременно и сладкими, и мучительными.

– Нам пора.

– Я хотел бы навсегда остаться здесь.

Она тоже мечтает об этом и хотела бы броситься к Грею в объятия, но что будет дальше? Закрыв глаза, она спросила:

– Зачем ты предложил Клаку помощь?

– Это только предлог остаться с тобой наедине.

– Так я и знала. Мне просто хотелось услышать своими ушами. Жалкая уловка, верно?

– Если кто-нибудь из нас и выглядит жалко, так только я, – вздохнул Грей.

– Эти люди... они меня пугают. Ума не приложу, почему родители согласились устроить для них этот прием. Едва они дали согласие, как Клаку потребовались от них новые услуги, и наконец он переложил абсолютно все заботы на мамины плечи.

Грей не знал, что и делать. Стоит ли нарушать это хрупкое перемирие еще одним обвинением против Арбаклов?

– Вероятно, твои родители не нашли убедительной причины для отказа.

Минерва тяжело вздохнула:

– Спасибо тебе за эти слова.

Как хотелось бы Грею столь же легко устранить все разногласия с Минервой, но, к сожалению, это невозможно.

– Ты совершил ужасную ошибку, Грей.

Фэлконер тотчас зашагал из угла в угол.

– Грей!

Он по-прежнему молча мерил комнату шагами.

– Впрочем, не важно, – продолжала Минерва. – Все это пустая трата времени. Я никогда не прощу тебя за то, что ты предположил.

– Ты хочешь сказать – за мои подозрения?

Минерва устроилась на скамье поудобнее, отвернувшись к стене и подобрав ноги.

– Мама искренне беспокоится за тебя.

Не выдержав, Грей расхохотался.

– Какой же ты упрямый! – Минерва прижалась лбом к грубо отесанному холодному камню. – Если бы ты знал... Конечно, откуда тебе знать! Так вот, мама пришла ко мне и извинилась за то, что они с папой пытались разлучить нас, считая, что так будет лучше.

– Как трогательно!

– Можешь язвить сколько угодно. – Она прислонилась к стене. – Мама сказала, что ей известно, как я люблю тебя. И как ты любишь меня.

– Ну это давно не новость.

Почему Грей никак не возьмет в толк, что он заблуждается?

– Она просила прощения за то, что не встретила тебя, как долгожданного гостя, – дело в том, что они с папой опасались за меня. О твоём исчезновении ходило много всяких слухов, а когда ты вдруг вернулся, мои родители встревожились.

– Несомненно, – пробормотал Грей.

Минерва не унималась:

– Да, они извинились передо мной. Они были потрясены, узнав, что кто-то пытался меня отравить.

– Еще бы! Ты чуть не погибла.

– Грей, ну почему ты так несправедлив к ним? Твоя судьба моим родителям безразлична. Они боятся за тебя и считают, что ты должен уехать отсюда.

– Желательно навсегда.

Не желая ссориться, Минерва обернулась к нему:

– Ты, как всегда, неуступчив и несговорчив. А вот мама решила нам помочь!

– Но разве ты сама... – Грей на миг взглянул в глаза Минервы и тут же отвернулся, не в силах скрыть горечь. – Ты же сама сказала, что не желаешь иметь со мной ничего общего. Заявила, что никогда не будешь моей женой...

Пожалуй, ему было бы полезно услышать эти же слова еще раз.

– А что же мне оставалось?

– Но почему ты возненавидела меня за то, что твои родители задумали убить меня, лишь бы расстроить наш брак?

– Ошибаешься! Ты зря на них наговариваешь. Я еще не все сказала: мама так беспокоится за тебя и сожалеет о том, что помешала нашему счастью, что хочет помочь нам сбежать. Она согласна отпустить меня с тобой куда угодно, и все это из любви к нам. А папа со временем успокоится. Неужели даже теперь ты по-прежнему считаешь, что они настроены против тебя?

Грей осторожно приблизился к Минерве, и она, сама того не желая, уставилась на его широкую красивую ладонь и белую манжету льняной рубашки, особенно белоснежную на фоне загорелой руки. Затем она скользнула взглядом по плоскому животу Грея под черным жилетом, по его панталонам...

Она чувствовала, что Грея, подобно огромному валу, готовому разбиться об утес, захлестывают эмоции.

– Мама считает, – волнуясь, добавила она, – что мы должны сбежать отсюда во время приема, когда всем будет не до нас. Она пообещала приготовить для нас лошадей и припасы.

Неожиданно Грей развязал ленты ее шляпки и снял ее. Минерва тотчас плотнее запахнула плащ и съежилась.

– Тебе холодно? – спросил он.

– Нет. Такие крепкие женщины, как я, редко мерзнут.

– Крепкие? Минерва, ты выглядишь очень хрупкой. И бледной.

– Сейчас мы говорим не о моем самочувствии, – напомнила она, расстегнула плащ, сняла его, свернула и положила на скамью рядом с собой. Грей уронил поверх плаща шляпу Минервы.

– Если не твои родители... то есть если твои родители ни в чем не виноваты, то кто же пытался меня убить?

Зря она солгала: ей было холодно, а теперь стало еще холоднее. Но не стучать же, в конце концов, зубами?

– Минерва, я жду ответа.

– Мне нечего сказать... А твой дядя? Твоя гибель в Вест-Индии была бы выгодна прежде всего Кэдзоу.

– Выгода – понятие субъективное, Минерва. Откуда нам знать, кому достался бы самый большой куш?

– Ты ведешь себя слишком высокомерно, нисколько не заботясь о моих чувствах. Иначе ты бы подумал, прежде чем высказывать такие ужасные догадки.

Грей осторожно переложил ее плащ и шляпу на другую скамью и сел рядом. В такой тесной комнате смешно сидеть порознь.

– Я знаю, – начал Грей, – что мы с тобой уже многое потеряли. Наверстать упущенное я желаю больше всего, даже больше жизни.

Как просто было бы поддаться его уговорам! Броситься к нему в объятия! Этот поступок был бы для Минервы весьма естественным.

Грей коснулся ладонью щеки Минервы, взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. Казалось, башня вот-вот взорвется от столь тягостной атмосферы. Грей между тем перевел взгляд на ее губы и

дотронулся до судорожно бьющейся синеватой жилки на шее.

– Ты не пытаешься остановить меня? – удивленно произнес он.

– Да, не пытаюсь. Потому что испытываю неземное удовольствие. Сказав иначе, я бы солгала.

Подушечка большого пальца Грея скользнула по нижней губе Минервы. Закрыв глаза, она с трудом сглотнула. Где-то внизу живота у нее все сжалось, налилось тяжестью, но ощущение было приятным.

– Зачем Кэдзоу строить козни против меня, если он ни в чем не нуждается? – Грей улыбнулся, обнажив ряд белоснежных зубов. На его щеках тотчас отчетливо обозначились ямочки.

– Знаешь, когда-то я считала, что в поместье тебя подбросили цыгане, – призналась Минерва и ужаснулась собственной откровенности.

Грей только усмехнулся. Эта усмешка придала его крупным чертам какой-то дьявольский оттенок, на лицо легли резкие тени.

– Прости... – смутилась Минерва.

– За что? Но такое я слышу впервые. Почему именно цыгане?

Минерва не сумела сдержать улыбку.

– Я неисправима! Никак не могу обуздать свой длинный язык! Видишь ли, твои темные кудри всегда были слишком длинными, кожа легко покрывается загаром, глаза поминутно меняют оттенок. Ты заразительно смеешься, у тебя выразительные губы. А еще ты сильный, порывистый и прекрасно едешь верхом.

– Такими комплиментами ты меня совсем избалуешь.

– По-твоему, это комплименты? Описание примет потомка цыган?

– Разумеется. Мне кажется, при этой мысли у тебя до сих пор бешено бьется сердце.

– Грей Фэлконер, вы несносны!

– А мое сердце бьется сильнее, стоит мне только увидеть тебя. Взглянуть на твою бледную кожу и синие глаза – темные, как ночь, загадочные и непроницаемые. И самые нежные, самые манящие губы, какие я когда-либо видел. У тебя милое лицо, а в глазах светится ум.

– Зато ты наделен крепко сбитым телом и гибкостью уроженца Шотландии, – воодушевленно продолжала Минерва. – Широкими плечами, узкими бедрами, сильными ногами. Словом, сложен ты прекрасно. Таких мужчин не часто встретишь в здешних краях.

– Как можно сомневаться в моей любви к тебе, Минерва? Ты же настоящая соблазнительница.

– Соблазнительница, которая стремится обольстить одного-единственного... – Она умолкла, понимая, что наговорила лишнего.

Грей ласково взглянул на нее, коснулся пальцем уголка ее рта и провел по тому же месту вновь, словно стирая следы своего прикосновения. Минерва заулыбалась.

– Как бы я хотел видеть тебя только улыбающейся! И быть рядом с тобой всю долгую-долгую жизнь.

– Мы уклонились от темы, – напомнила ему Минерва.

– Тогда я повторяю вопрос: зачем Кэдзоу убивать меня, если он ни в чем не нуждается? Если бы ты знала его, то сразу поняла бы, как нелепо твое предположение.

– Потому что он твой дядя, потому что ты любишь его и сердишься на меня за такую дерзость?

Помедлив, Грей ответил:

– Я понял, что ты имеешь в виду. Мы оба подозреваем родственников друг друга.

– Да. – Не в силах сидеть рядом с Греем неподвижно, Минерва взяла его за руку и принялась медленно и нежно целовать пальцы – сначала подушечку, затем каждый сустав и ложбинки между пальцами. В заключение она поцеловала его в ладонь и провела языком по запястью. Грей испуганно вздрогнул.

– Прирожденная соблазнительница! – хмыкнул он. – Не могу дождаться дня, когда ты поймешь, какие чудеса способна творить. Я жду этого так давно!

– Мне тоже пришлось долго ждать, – прижавшись губами к ладони его правой руки, Минерва взглянула на любимого и заметила, что он напрягся. – Если мы научимся доверять друг другу, то когда-нибудь будем вместе.

– Да, любимая, да.

Она не стала сопротивляться, когда Грей высвободил руки, взял ее за подбородок и запечатлел на ее губах страстный, продолжительный поцелуй.

Встав на колени, Минерва обняла его и привлекла к себе. Он тут же прижался щекой к ее груди, вздымающейся под плотным кашемиром платья. Ее соски сразу затвердели, Минерва ответила на поцелуй так, как и ожидал Грей. Неловкими пальцами он расстегнул ей лиф от высокого воротника до талии, просунул под платье ладони и принялся ласкать ее грудь через прозрачную ткань нижней кофточки.

Минерва затаила дыхание, но не стала сопротивляться. Напротив, она принялась расстегивать жилет и рубашку Грея. Ее пальцы задели пистолет, с которым Грей с недавних пор не расставался ни на минуту.

– К нему лучше не прикасайся, – хрипло предупредил Грей, – а относительно всего остального – милости прошу.

– Знаешь, меня радуют и пугают собственные ощущения. Они заставляют меня желать слишком много...

– Значит, эти чувства под стать моим. – Грей усадил Минерву к себе на колени, старательно расправив юбки – так, чтобы самые нежные части ее тела оказались прижатыми к выпуклости у него между ног.

Минерва заинтересованно поерзала, ибо необычное поведение сей части тела она заметила еще во время предыдущих встреч. Слегка переместившись, она накрыла этот странный бугор ладонью и испытующе посмотрела на Грея. На его лице отразилось столько разных эмоций, что Минерва на миг решила, будто ему больно.

– Знаешь, я взяла себе за правило разглядывать все статуи обнаженных мужчин, какие мне только попадались, – объяснила Минерва. – А потом потратила немало времени на изучение рисунков в папиных книгах, которые теперь хранятся у меня в кабинете. Этот орган выглядит не слишком элегантно.

Минерва сжала таинственный бугор, и Грей резко выдохнул.

– Можешь мне поверить, – хрипло отозвался он, – орган, о котором идет речь, весьма полезен и действует исправно. Если все пойдет по плану, который я вынашиваю с давних пор, ты сама вскоре убедишься, сколько от него пользы. По правде говоря, я не удивлюсь, что затем ты сочтешь его вполне элегантным.

Минерва закусила нижнюю губу, нахмурилась и принялась обеими руками оценивать длину, толщину и в особенности форму загадочного вздутия.

– На первый взгляд ничего особенного, – наконец заключила она. – Невзрачен, но крепок. Похоже, он ведет свою, обособленную жизнь. Смотри, он мне отвечает! – Она коснулась его кончиком пальца и удовлетворенно кивнула, почувствовав ответную реакцию. Затем она сжала ожившую плоть, заметила, что она затвердела, и удивленно покачала головой. – Ты прав: он действует исправно. Наверное, приятно почувствовать его внутри. Иначе почему столько дам частенько предаются этому развлечению?

– Минерва!

– Грей, мне уже двадцать пять, я не ребенок. Мне давно пора попробовать себя в этом деле. Насколько мне известно, женщины овладевают таким искусством постепенно – значит надо приступать к урокам, пока еще не слишком поздно.

– Дорогая, ты неисправима.

– Моим обучением займешься ты, Грей. Возможно, так нельзя, но я ни о чем не жалею. И не стыжусь об этом говорить.

– Тебе нечего стыдиться. Хочешь, мы начнем урок немедленно?

– Я слишком увлеклась, да?

– Мы оба зашли слишком далеко, – ответил Грей, подхватывая ее груди. Его ладони наполнились живым теплом. – Тебя так приятно целовать – везде, куда только могут дотянуться губы. О Боже, дождусь ли я минуты, когда всецело завладею своей любимой?

– Грей, мы увлеклись. – В голове у Минервы все смешалось. Он продолжал целовать ее.

– Грей!

– Мы ведь уже решили, что увлеклись, так давай продолжим в том же духе. Останемся в этой башне навсегда.

Минерва укорила себя за ерзанье у него на коленях, но отказаться от этого удовольствия ей не удалось. Особенно приятными были прикосновения загадочного органа.

– Ты оторвешь мне уши! – воскликнул Грей.

– Нам надо сосредоточиться. Кстати, твой орган увеличился в размерах.

– С ним такое случается.

– Часто?

– Когда ты рядом – очень часто.

– Как мило!

– Мы же хотели поговорить об игре в поиски клада.

– Да, – подтвердила Минерва, качаясь у него на коленях и вздыхая от наплыва ощущений. – Мы устроим поиск клада немедленно. Все уже решено. Каким будет клад?

– Смотря кто найдет.

– Нет, так нечестно. Клад бывает только один.

– Если его ищет кто-нибудь другой. А если выиграем мы, призом будет еще один визит в башню.

Минерва была слишком поглощена своим занятием, чтобы улыбнуться.

Грей сжал губами ее сосок, высвободил руку и проложил путь к нежным складкам между ног Минервы, чтобы сделать то, о чем она так давно мечтала. Минерва раздвинула ноги и одновременно принялась расстегивать Грею панталоны.

– Не надо, Минерва! – спохватился он, удерживая ее руки. – Не сейчас,

дорогая. Еще слишком рано. Ты уже многое знаешь, но далеко не все.

– Насколько я понимаю, у твоего подопечного есть свои желания, и мне даже известно, какие именно. Их легко исполнить, не правда ли? Я хочу сказать, – продолжала она, высвобождая вышеупомянутый орган из брюк и на миг лишаясь дара речи, – с технической точки зрения не так уж трудно направить его в надлежащее место. Пожалуй, это было бы весьма занимательно.

Грей застонал, прижавшись лбом к лицу Минервы.

– Тебе больно? Может, от напряжения? – Минерва взяла в руки манящую плоть и обнаружила, что она удивительно гладкая на ощупь. Его головка оказалась бархатистой или атласной – Минерва так и не смогла решить, какое из определений подходит больше. Она осторожно погладила удивительную часть тела – любовно, нежно. Ей хотелось успокоить непокорную плоть, но ее ласки имели совсем иное последствие. Предмет ее неустанного внимания затвердел и увеличился.

– Минерва! – слабо воскликнул Грей.

Она же отдалась своему занятию с удвоенным пылом, отмечая, что орган продолжает расти. Да, мужчинам временами приходится нелегко: непонятно, как их панталоны вмещают такой объемистый... довесок?

– Минерва... – прошептал Грей таким голосом, словно терял сознание.

– Взбодришься! – посоветовала ему Минерва. – Доверься мне, и ты не пожалеешь.

– Я уже взбодрился, – пробормотал он. – Минерва, милая, не останавливайся! Прошу тебя, продолжай!

Она так и засияла: Грей наконец-то оценил ее старания!

– Непременно. Меня всегда учили доводить начатое до конца. На сей раз я постараюсь как следует, обещаю тебе. Пожалуй, его следовало бы поцеловать...

– Нет! Не сейчас, дорогая. Достаточно и того... О, великолепно! Да, еще!

– У меня уже рука устала.

– Возьмись за него второй рукой.

– И как это я сама не додумалась? – Минерва последовала совету Грея, но замерла, едва коснувшись загадочного орудия. – В чем дело?

Грей, закрыв глаза и откинув голову, прижался спиной к каменной стене, хрипло застонал и стиснул зубы. Рывком приподняв Минерву, он пересадил ее так, что загадочный орган скользнул между ее ног, и снова принялся ласкать ей грудь. А затем по лицу Грея расплылась улыбка – умиротворенная, довольная улыбка.

Произошло нечто из ряда вон выходящее. Грей вскрикнул, алый фаллос несколько раз судорожно вздрогнул, и Минерва почувствовала, как по ее ногам течет влага, несомненно, извергнувшаяся из мужского естества. Очевидно, благодаря таким манипуляциям на свет появляются дети. Неужели теперь у нее будет ребенок?

– Грей, теперь в мире станет одним человеком больше? Ты ведь... ты знаешь?

Он неторопливо открыл глаза.

– Если бы мы ни в чем не отступили от принятых правил, все закончилось бы так, как ты предположила. А разве ты против, дорогая?

Пошевелившись, Минерва сумела переместить чудесный орган туда, где его прикосновения вызывали восхитительные ощущения.

– Нет, не против, но сейчас речь не о том. Тебе знакомо это ощущение? – Ответ Минерва знала заранее. – Конечно, знакомо, но...

Грей приподнял ее, обхватив за талию. Минерва ахнула и вцепилась ему в плечи. Его плоть вновь затвердела и настойчиво пыталась проникнуть в нее. Резкая боль вдруг обожгла Минерву, на глазах ее выступили слезы. Она ахнула, а Грей, просунув ладонь под юбку, уже осыпал чувственными поцелуями ее шею и грудь. Все произошло так внезапно...

Минерва сжалась у него на коленях, обхватив его обеими руками, пытаясь слиться с ним, стать единым целым. По телу прелестницы пробегала дрожь, лишая способности рассуждать здраво, но это ее не тревожило. Ради ощущений, что она испытывала в эту минуту, не жаль было расстаться с жизнью.

Глава 22

Минерва принадлежит ему. Она останется с ним, что бы ни случилось, и горе тому, кто попытается их разлучить.

Прошло полчаса с тех пор, как любовники затихли. Оба молчали лишь изредка обмениваясь нежными поцелуями.

Грей сам усадил ее боком и застегнул лиф платья, опасаясь, что кто-нибудь застанет их в неподобающей позе и еще более непристойном виде.

Оставалось только найти выход из ловушки, в которую они попали.

– Грей, – еле слышно произнесла Минерва, – тебе грозит опасность. Мы оба в опасности.

– И что же ты предлагаешь? Чтобы мы встретили ее вместе?

– Да, – кивнула она. – Я хочу быть рядом с тобой, что бы ни случилось.

– Если мы попытаемся сбежать и шутки ради оповестим о своих намерениях всех своих знакомых, враги наверняка последуют за нами.

– Тогда давай так и сделаем.

Минерва сама не понимала, что говорит. Грей вдруг крепко обнял ее. Некоторое время посидев неподвижно, она отстранилась и уставилась ему в лицо.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Минерва. – Ты считаешь, что в погоню за нами бросятся мои родители.

Улыбнувшись, он отозвался:

– А ты подозреваешь моего дядю.

– И еще мы оба думаем, что тут не обойдется без Макспорранов.

– И без Клака с Минером, – добавил Грей. – Как по-твоему, какую роль они играют в этой пьесе?

Минерва нахмурилась, но спустя какое-то время расплылась в улыбке. Она засмеялась, и Грей не смог оставаться серьезным. Так они и хохотали вдвоем, крепко обнявшись, чуть не плача и качая головами.

Наконец, совладав с собой, Грей произнес:

– Значит, нас будет преследовать целая толпа.

Эти слова вызвали новый взрыв хохота у Минервы.

– И в этом случае, – продолжил он, ободрившись, – они наверняка передерутся между собой, а нам не причинят никакого вреда.

Минерва уселась у него на коленях поудобнее и положила руки ему на плечи, вмиг посерьезнев.

– Ясно, что кто-то из них хочет получить деньги обратно, потому что работа не выполнена, потому что ты до сих пор жив, – пояснила она и поморщилась. – Неприятно говорить о таких вещах, но что поделать...

– Ты словно прочитала мои мысли, – откликнулся Грей. – Кто-то где-то заплатил за услугу, которая не оказана. Кем бы он ни был, он требует вернуть ему деньги. Или довести дело до конца. А может, и то и другое, поскольку он в ярости. В пятницу вечером все наши подозреваемые окажутся в одном месте. Все те люди, которые могли бы заплатить немалые деньги, лишь бы больше никогда не встречаться со мной. Что может быть удобнее, чем похитить человека среди шума и суеты? Он исчезнет без следа.

– Ты думаешь, что твой враг займется этим собственноручно? И на сей раз постарается убить тебя?

Грей позволил себе маленькую вольность: начал легонько поглаживать под юбкой ноги Минервы.

– У тебя изумительные ноги, Минерва.

– Прошу, не отвлекайся.

– Рядом с такими ногами трудно сосредоточиться.

– Грей, – Минерва взяла его за щеки, – подумай о самом важном.

Он улыбнулся:

– Только об этом я и думаю. О твоих ногах.

– Не шути.

– Уверяю, я настроен абсолютно серьезно. Твои ноги...

– Грей! Не надо смешивать плотские желания с реальностью. А если ты скажешь, что это одно и то же, я рассержусь. Хотя сегодняшние ощущения были приятными...

– Просто приятными?

– Ну хорошо, чудесными.

Но Грей не собирался мириться с такой несправедливостью.

– Чудесно бывает окунуться в реку в жаркий летний день. Или погладить котенка.

– Ты пытаешься отвлечь меня от серьезного разговора, болтая глупости. И совершенно напрасно. Только зря тратишь время. Послушай, вот как мы поступим. Покинув башню, мы снова будем холодны друг с другом, ясно?

– Я весь внимание. – Грей не стал соглашаться, не позаботившись прежде о безопасности Минервы.

Высвободившись из объятий, Минерва вскочила на ноги.

– В салоне нам надо держаться на расстоянии, я буду наблюдать за

гостями, чтобы выяснить, кто из них следит за тобой.

Возбуждение Минервы встревожило Грея. Она вновь стала прежней взбалмошной девчонкой, сломя голову устремляющейся к цели.

– Неудачная мысль, – заявил он. – Не понимаю, чего мы этим добьемся.

– Ты забыл про мою проницательность? Я сразу пойму, кому ты встал поперек дороги. В итоге я назову тебе имя злоумышленника, мы заманим его куда-нибудь в укромный уголок, и...

– И что дальше, Минерва?

– Разоблачим его, – заключила она, – и предадим суду. Конечно, если нам не придется... убить его самим.

Только серьезность момента помешала Грею рассмеяться. Последние слова Минерва произнесла, потрясая в воздухе сжатыми кулаками и сохраняя свирепое выражение лица. Она была на стороне Грея. Неужели дочь уже сомневается в невиновности родителей?

Неожиданно Минерва затихла и нахмурилась.

– Ты уже заметил недостаток моего плана? Ну разумеется!

Меньше всего Грею хотелось лишать Минерву уверенности в себе.

– И все-таки он неплох.

– Так, значит, ты ничего не заметил? Обидно. Слушай: я могу преследовать, подслушивать и обвинять в чудовищных преступлениях кого захочу, но где взять доказательства? По-моему, мало сказать: «Я видела, как вы смотрели на Грея, – значит, это вы решили убить его».

– Пожалуй, тебе никто не поверит, – послушно согласился Фэлконер.

– Вот именно. – Пощипывая подбородок, Минерва принялась вышагивать по комнате. – Мы спровоцируем нападение.

Грей ничуть не сомневался, что она и на такое способна.

– Ты стала чересчур независимой, Минерва.

– Я всегда была независима.

– Это я должен защищать тебя, а не ты меня. Но я благодарен тебе за заботу.

– Я просто хочу оправдать своих родителей, – ответила она, отводя взгляд.

– Не менее достойная причина, чем беспокойство о любимом.

– Ты забыл, что мы по-прежнему враги? – спросила Минерва. – Или ты надеялся, что пара случайных поцелуев что-то изменила?

– Ты считаешь, что между нами только пара случайных поцелуев? Может быть, объяснить тебе поподробнее, что здесь произошло?

– Ты же джентльмен. Нельзя.

– Лучше не выводи меня из себя.

Пропустив последние слова мимо ушей, Минерва посмотрела в окно.

– Мне в голову пришла одна мысль. Только не знаю, захочешь ли ты выслушать, – начал Грей. – Твои кузены-близнецы – славные ребята. Мне они нравятся.

– Мне тоже. Но в чем дело, я еще не поняла.

– И не могла понять – я не сказал самого главного. Я хочу попросить Айону и Фергюса об одном одолжении. Как думаешь, они согласятся?

Минерва между тем взялась руками за оконную раму, и ткань лифа тотчас обтянула грудь, подчеркивая ее совершенство.

– Для меня они готовы на все, – наконец ответила Минерва, взглянув на Грея. – И для тебя тоже. Они боготворят тебя.

– У близнецов хороший вкус, – улыбнулся он.

Минерва промолчала.

– Я задумал оповестить все заинтересованные лица в том, что собираюсь сбежать во время приема у Клака. По-моему, это лучше, чем следить за ними просто так. Пусть переваривают известие и исподтишка наблюдают за мной.

– Ты хочешь, чтобы слухи распустили Айона и Фергюс?

– Мне кажется, им это сделать проще всего – обронить слово там, слово здесь. Пусть поговорят с Брамби, который наверняка поделится новостью с родителями. Кто-нибудь из них сообщит о наших планах твоей матери.

– А еще Айона отвезет корзину свежесдобитого хлеба в Драмблейд и намекнет о побеге Эльдоре, которая сразу же побежит к Кэдзоу.

– Вот именно, дорогая. Осталось только продумать детали.

– И если кто-нибудь из подозреваемых начнет следить за нами, мы все поймем. Правда, сделать ничего не сможем, пока противник не выдаст себя.

– Умница! Думаю, для начала наш план сгодится.

Минерва потянулась к любимому, а когда он поднес ее руку к губам, свободной рукой взлохматил ему волосы.

– У меня есть другой план, – сообщила она. – Ты уедешь отсюда, не дожидаясь пятницы. Завтра – последний шанс. Надо покинуть Бэллифог тайком, и как можно быстрее.

– И чего мы этим добьемся? – Он вновь ощутил возбуждение, хотя гнев тут был ни при чем.

– Твоей безопасности, Грей.

Холодная тесная комната стала его раздражать.

– Ты хочешь, чтобы я где-нибудь укрылся? И как долго мне предстоит прятаться? Может, до конца своих дней?

– Я еще не все...

– Да, ты еще не все продумала. Ты забываешь, что я борюсь не только за свою жизнь, но и за право жить так, как хочется. Я свободный человек и могу жить где пожелаю.

– Придет время, и ты вернешься сюда.

– Возможно, ты кое-что забыла. Больше я никогда не покину этих мест без тебя. Слышишь, Минерва? Никогда! – Кровь отхлынула от ее лица, глаза стали огромными. – И если уж на то пошло, ты не появишься на приеме у Клака. Ни на минуту. Поняла?

Ее губы вдруг задрожали, и Грей приготовился к яростной отповеди.

– Слышу ли я тебя? Поняла ли я тебя? – повторила Минерва. – Ты только вдумайся в свои слова! Ты ведешь себя как деспот, а я тебя все-таки люблю. – И она протяжно вздохнула.

– Так ты выполнишь мою просьбу?

– Нет.

Грей подтянул колени к груди, обхватил их обеими руками и склонил голову.

– Минерва, ты испытываешь мое терпение, но я готов объяснить еще раз. К Клаку ты не поедешь. У меня есть предчувствие, что в этом салоне произойдет что-то ужасное, а я не хочу, чтобы ты пострадала.

– Ты не имеешь никакого права приказывать мне, – громко фыркнула Минерва.

– Нет, имею и буду приказывать.

– Я могу тебе пригодиться, – напомнила она.

– Я не стану подвергать тебя опасности.

– Знаю, – следующая мысль смутила Минерву, – и мне нравится, что ты заботаешься обо мне. Конечно, не всегда. А если ничего не произойдет потому, что я не приеду к Клаку?

Грей выпрямился и уставился на нее:

– Что это значит?

– Это значит, что ты не просто покинешь Бэллифог, а воспользуешься любезным предложением моих родителей. Мы убежим вместе. Именно об этом надо распусть слухи.

– Нет, ни в коем случае! Минерва, я запрещаю!

– Ты не вправе запрещать мне поступать, как я считаю нужным.

– Тогда я взываю к твоему рассудку и любви ко мне. Я ведь тебе небезразличен. Ужасно, что я сам подвергаю тебя опасности.

– Зато ты будешь точно знать, что со мной. – Минерва набросила на плечи свой плащ. – Потому что я буду рядом.

– Но ты сердишься на меня, полагая, что я несправедливо обвинил твоих родных. На таком фундаменте брак не построишь.

Нахлобучив на голову шляпу, Минерва принялась яростно завязывать ленты.

– А при чем тут брак? Мы просто убежим вдвоем. – Ее глаза лукаво сверкнули.

Итак, Минерва решила добиться своего, умышленно шокировав его. Нет, на такой крючок он не попадет.

– Ты думаешь, я соглашусь погубить твою репутацию?

– Я старая дева. Залежалый товар. Увядавший цветок. Мою репутацию вряд ли погубят разговоры о том, что я обманулась, считая тебя прекрасным принцем своей мечты. Меня все будут жалеть, но это не важно. Если я буду с тобой, мало кто из подозреваемых рискнет устроить засаду. А потом, когда ты окажешься в безопасном месте, я оставлю тебя в покое.

– Оставишь в покое? Ты говоришь, тебя будут жалеть? Боже милостивый! Вся округа знает, что мы в конце концов поженимся. И я с нетерпением жду минуты, когда смогу назвать тебя своей.

– Ты хочешь сказать – того момента, когда твоя плоть проникнет в святилище ни с чем не сравнимого блаженства?

Грей закрыл глаза.

– Так я и думала, – заключила Минерва. – Не бойся. Я скажу, что решилась на такой шаг только потому, что не надеялась выйти замуж.

– Я хочу жениться на тебе! – взревел Грей, надвигаясь на Минерву, но боясь прикоснуться к ней и вновь испытать возбуждение. – Немедленно прекрати разговоры о том, что произошло! Это неприлично.

– В жизни не заботилась о приличиях. Мне нравится вгонять тебя в краску. Вот потому-то мы и должны заключить сделку – кажется, это именно так называется. Ладно, об этом потом. Какой костюм ты выбрал для салона?

– Черт бы его побрал, этот проклятый салон!

– А по-моему, любопытная затея. Она нам поможет. Так какой костюм ты наденешь? – Минерва задумалась, поджав губы, затем выпятила их. – Придумала! Блестящая мысль! Ты нарядишься пиратом. И я – пиратом. Посмотрим, что на это скажут гости.

Грей был вынужден в очередной раз признать, что Минерва неглупа. Очень неглупа.

– Пожалуй, придумано неплохо... Да, я наряжусь пиратом. А ты –

крошкой Бо-Пип... нет, лучше пастушкой.

Непроницаемый взгляд Минервы встревожил Грею так же, как и ее тихий ответ:

– Разумеется, пастушкой. Как оригинально! А теперь давай обсудим детали, иначе мне попадет от мамы. Она поручила мне согласовать меню и заказать все необходимое. Наверное, придется съездить в Эдинбург. И разумеется, решить вопрос с прислугой, хотя бы временной. Нам понадобится несколько пар рабочих рук. Здесь повсюду царит запустение. Я даже не подозревала об истинном положении дел. Чаще всего я бывала в гостиной, там, где Макспорраны принимают гостей. Гостиная выглядит вполне благопристойно, но что касается остальных комнат... Понадобится целая армия слуг, чтобы преобразить дом за два дня. Все необходимое мы можем привезти из Уиллинока и Драмблейда.

Грей ничего не смыслил в подобных вещах, но понимал, что предстоит серьезная и напряженная работа.

– В Драмблейде отличные слуги. Они будут предоставлены в твое распоряжение, как, впрочем, и вся необходимая мебель.

– Благодарю. Я охотно приму твое предложение. Ты не согласишься отвезти меня в деревню?

– Разумеется, – отозвался Грей, невольно улыбаясь. – Я готов отвезти тебя куда угодно.

– В том числе и в пятницу вечером? – уточнила Минерва деловитым тоном.

– Может, больше не стоит об этом?

– Как хочешь. Но в пятницу мы уедем отсюда – вернее, мне следовало бы сказать, сбежим. – Минерва направилась к лестнице, но на пороге остановилась и, явно обеспокоившись, повернулась к Грею. – Вопрос весьма щекотливый, но... мне кажется, нам надо поговорить.

– Не сомневаюсь: ты выскажешь все, что задумала.

– Сначала я хотела бы убедиться, что не шокирую тебя своими словами.

Судя по всему, Грею предстояло услышать нечто особенное.

– Постараюсь выслушать тебя спокойно.

– Видишь ли, я читала об одном приспособлении... точнее, изобретении специально для самого важного мужского органа. С его помощью предотвращают болезни и другие... нежелательные последствия. Видимо, под этими «последствиями» подразумеваются дети?

Об этом Грею еще не случалось задумываться.

– Кажется, да.

– Грей, – Минерва подошла поближе и поджала губы, – ты утверждаешь, что твой сок безвреден, поскольку он не попал мне внутрь. И все-таки меня мучает вопрос: может ли женщина оказаться в интересном положении, если мужчина слился с ней в первый раз?

Грей заставил себя поднять глаза.

– По-моему, так тоже бывает.

– Вот как?

– А тебя это тревожит?

Минерва принялась теревить ленту шляпки.

– Не совсем, но... Понимаешь, неудобно очутиться в таком положении, будучи не замужем. Конечно, случается. Но, насколько мне известно, последствия бывают самыми трагическими. Надеюсь, что процесс идет постепенно, начинаясь только после того, как накопится достаточно вот этого... – Она разгладила свою юбку, и Грей понял, что на ее белье остались следы его неосмотрительного поступка. – А пока этого... вещества слишком мало, беспокоиться нечего.

Грей устыдился своей слабости.

– Нет, любимая, это не так. Я все объясню, когда у нас будет время. – Или когда они с Минервой окажутся в одной постели, в объятиях друг друга и решат поговорить о будущих детях. – Но можешь мне поверить, одного раза бывает вполне достаточно.

– Без того самого приспособления?

Мысль о жесткой, грубо сшитой овечьей коже не обрадовала Грея.

– Вот именно, – невнятно пробормотал он.

– Тогда нам следует приготовиться к пятнице: я слышала, волнение усиливает мужские потребности. Волнение и предчувствие опасности. При этом мужские соки бывают особенно обильными и горячими. – Она сделала паузу. – Кстати, как ты думаешь, стоит ли включать в меню сэндвичи с огурцом? Это легкая, но аппетитная экзотическая закуска.

Грей совсем растерялся.

– И разумеется, разнообразные сладости, – продолжала Минерва. – А еще какое-нибудь затейливое сладкое блюдо или даже несколько блюд. Например, торт с сахарной глазурью, изготовленный в виде большого замка. Не забыть бы про ледяные скульптуры – чтобы поразить тех, кто приедет из Эдинбурга. А рыба, приготовленная целиком? Она всегда придает столу особую торжественность. И несколько видов сыра... Фрукты – самые лучшие, какие только можно найти в это время года. Паштет из оленины. Но прежде всего мне следует попросить знакомых предоставить в наше распоряжение слуг. Нам понадобится целая армия прислуги.

От жарких объятий – к сэндвичам с огурцом и ледяным скульптурам?
От такого резкого перехода у Грея закружилась голова.

– Идем, – позвала она. – Надо найти Макспорранов и попросить их подготовить побольше стульев и другой мебели. И обеденные столы. Пусть привезут их из Уиллинока и Драмблейда. А потом выберем приз для игры в поиски клада. По-моему, мысль на редкость удачная. Вот только как быть с призом?

– Приз приготовлю я, – пообещал Грей неожиданно для самого себя. – Ценный приз. Какой именно – это секрет.

– Как мило с твоей стороны, Грей! – просияла Минерва. Под маской холодного равнодушия и невозмутимости ты прячешь доброе сердце. Спасибо. А теперь мне пора разыскать хозяев дома.

Она начала спускаться по лестнице, но Грей догнал и остановил ее:

– Сначала поцелуй меня.

– Сейчас не время.

– Время у нас есть. Целых четыре года я ждал, когда смогу поцеловать тебя, и теперь не намерен упускать удобный случай.

– Скажи, твоя плоть реагирует и на поцелуй?

Несмотря на свою многоопытность, Грей густо покраснел.

– О чем это ты говоришь?

– Ты что-нибудь чувствуешь во время поцелуев?

Неужели она имела в виду... Скорее всего. От Минервы можно было ожидать чего угодно.

– Минерва, это чрезвычайно чувствительный орган. Поцелуй может иметь для него самые заметные последствия. Одного прикосновения нежных губ к нему достаточно, чтобы...

– Хватит! Оказывается, вот ты какого мнения обо мне! Я неточно выразилась: разумеется, я вовсе не имела в виду поцелуй этого органа. Нет, Грей, я не настолько испорчена. Просто я хотела узнать, чувствуешь ли ты что-нибудь, когда мы целуемся, касаясь друг друга языками?

Грей порадовался тому, что Минерва ошибочно истолковала румянец на его щеках: она сочла, что Грею стыдно за нее.

– Да, пожалуй. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что я тоже кое-что ощущаю – там, внизу. В том месте, куда стремится твое естество, в самой глубине. – Минерва приложила ладонь к низу своего живота. – Я чувствую приятную тяжесть, хотя звучит это не слишком вразумительно.

– Напротив. – Грей понял, что умрет от переполняющих его чувств, если Минерва не будет вскоре принадлежать ему. – Может, ты подаришь

мне еще один поцелуй?

Минерва смежила веки, приоткрыла губы и просунула между зубами кончик языка.

Грей осторожно коснулся его своим языком и медленно втянул в рот. Поцелуй длился бесконечно, Грей приподнял Минерву и поставил ее на цыпочки, чтобы она сумела обнять его за шею. Он прижимал ее к себе так крепко, что ощущал все округлости женского тела.

К тому времени как Грей решил перевести дух, губы Минервы припухли, а волосы растрепались. Осторожно, почти благоговейно Минерва просунула ладонь между ног Грея, глядя ему прямо в глаза.

– Нам пора, – процедил он сквозь зубы.

– Кажется, я кое-что поняла. Если бы он не был таким твердым, то не смог бы проникнуть внутрь, верно?

У Грея подкосились ноги.

– Да, да. Прошу тебя, пойдём отсюда.

Минерва лукаво усмехнулась и направилась вниз по лестнице.

– Осторожнее! – Грей придержал ее за рукав, обошел и начал спускаться первым. – Твои юбки не созданы для таких лестниц.

– Само собой. Когда мои фасоны войдут в моду, женщины перестанут чувствовать себя так скованно.

– Может быть, – согласился Грей, стуча подошвами по ступенькам.

Минерва шла следом. Грей слышал ее учащенное дыхание, чувствовал нежный запах лаванды. Он упивался ею, ибо она олицетворяла собой все, чего только можно было желать.

А винтовая лестница была чертовски крутой и узкой.

Никто не предупредил Грея об опасности. И он, ничего не заметив, споткнулся о какое-то препятствие.

– Минерва, назад! – крикнул он. – Не двигайся! Сядь на... Черт!

Раскинув руки, он цеплялся за каменные стены, пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, и повалился на бок, сильно ударившись о лестницу плечом. При падении он рассек лоб о зазубренный край камня.

– Грей! Грей!

Он почувствовал, как Минерва схватила его за воротник, и скрипнул зубами. С таким же успехом бабочка могла попытаться предотвратить падение орла.

Он кубарем покатился по ступенькам, перелетев через препятствие, о которое споткнулся. В узком пространстве лестницы Грей казался самому себе огромным мячом неправильной формы, прыгающим из стороны в сторону.

У него перед глазами все вращалось, мелькали яркие пятна. Он был словно камень, погружающийся в воду, тяжелый и беспомощный.

Минерва вскрикнула и вновь попыталась схватить его за воротник, но преуспела только в одном: Грей ощутил рывок, от которого его голова резко дернулась.

Мир у него перед глазами вновь пришел в движение. Он летел от стены к стене, цепляясь каблуками за края ступеней только для того, чтобы каждый раз срываться и падать. Ему не удавалось даже смягчать удары.

– Стой! – послышался сверху повелительный голос Минервы. – Остановись немедленно, или ты погибнешь! Сию же минуту!

Пролетев еще один виток, Грей сумел повернуть голову и увидел перед собой ступеньки.

А потом на него налетело что-то огромное, синее, расплывчатое и с яростью вцепилось в шею.

Минерва!

Она навалилась на него всем весом своего тела, толкнула в сторону и заставила упасть на бок.

Он перестал падать.

Любимая сумела спасти его, оставшись невредимой. По крайней мере Грей надеялся, что она не пострадала.

Схватив Минерву в объятия, Грей привлек ее к себе так резко, что она ахнула. Но это не смутило его.

– Господи, ты жива!

– Какой же ты неуклюжий!

Грей никак не мог отдышаться и успокоить грохочущее сердце. Он с трудом выговорил:

– Напрасно ты взялась меня спасать. Могла и погибнуть.

– Если ты не умеешь смотреть под ноги, мне придется отныне быть начеку.

– Упав сверху, я мог бы насмерть раздавить тебя.

Минерва фыркнула:

– Я не фарфоровая.

Грей осторожно ощупал собственную голову, лицо и тело и обнаружил обилие шишек и ссадин. Он нахмурился, глядя на Минерву:

– Наверное, ты ушиблась. Где у тебя болит? Говори сейчас же!

– Я просто не успела ушибиться. – Она слегка отстранилась и поморщилась. – Нет, все-таки успела, но не так сильно. А вот ты выглядишь ужасно. Тебя надо привести в порядок.

– Ты ударила лбом. – Грей тотчас опустил глаза на руки Минервы. –

И расцарапала руку.

– Какая досада! – притворно засокрушалась Минерва. – Значит, сегодня я не смогу заняться рукоделием!

Грей усмехнулся и стиснул зубы, ощутив резкую боль в бедре.

– Должно быть, у тебя переломаны кости, Грей. Что же нам делать? В таком состоянии надо лежать, а нам нельзя оставаться здесь.

– В пятницу я увезу тебя отсюда. Мы уедем ненадолго – главное, выманить врагов из логова и пожениться. А потом вернемся домой, в Драмблейд, и заживем в мире и согласии.

Минерва скривила губы:

– Вот скука-то!

– Полагаешь? – Грей со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы. – Досадно.

– Надеюсь, никто не помешает мне продолжать работу.

Грей представил себе изобретенную Минервой юбку, поднимающуюся и опускающуюся на подтяжках, но говорить ничего не стал.

К его горлу вдруг подкатила тошнота, он зажмурился. Терять сознание было нельзя.

– Попробуй встать, – попросила Минерва.

Грей послушно поднялся, ощупывая конечности.

– Все кости целы, – наконец сообщил он, бесконечно благодарный за это судьбе. – Надо выяснить, почему я споткнулся. Ведь в пятницу здесь соберутся гости, нельзя же допустить, чтобы кто-нибудь из них сломал себе шею.

Минерву передернуло.

– Само собой!

Грей позволил ей взять его под руку и повести вверх по лестнице.

– Стой! Вот она! – Он не поверил своим глазам. Да и кто в здравом уме поверил бы в такое? – К чему она привязана?

– К железным кольям, – объяснила Минерва. – Наверное, отверстия в стене были пробиты заранее, иначе мы услышали бы стук. Да, кто-то все хорошо рассчитал. И надеялся на успех.

– Но кто мог предполагать, что я появлюсь здесь, в поместье? – возразил Грей.

– Твой приезд и вправду был неожиданным, а вот меня явно ждали. Я заранее предупредила хозяев поместья.

Грей взялся за тонкую крепкую бечевку и провел по ней пальцами. Бечевка была привязана к металлическим кольям, вбитым в трещины между камнями, и туго натянута. Располагалась она как раз на высоте

щиколотки спускающегося по лестнице человека.

– Бечевку натянули, пока мы были в башне, – сказал Грей скорее самому себе, чем Минерве. – Значит, тот, кто сделал это, мог нас подслушать.

– Наверное, он считал, что я начну спускаться первой. – Минерва вдруг смертельно побледнела. – Значит, эта ужасная ловушка предназначалась для меня.

– Но кто бы предположил, что я допущу такую оплошность? Нет, злоумышленник считал, что первым пойду я. Или надеялся, что пострадаем мы оба. Пожалуй, это вполне убедительное объяснение. Мне все равно, кто это сделал и в кого метил, – главное, что нас пытались уничтожить раньше, чем мы разоблачим преступников.

– Теперь им известны наши намерения. – Минерва присела на ближайшую ступеньку и, положив голову на колени, заплакала.

– Милая, прошу тебя, не плачь, – взмолился Грей. Несмотря на кровоточащие раны на пальцах, он обнял Минерву и пригладил ей волосы. – Все будет хорошо. Мы выстоим в этой борьбе...

– Ты хочешь сказать – устоим на ногах? – сдавленным голосом откликнулась она. – Должно быть, при падении ты полностью утратил ощущение реальности...

В голосе Минервы сквозили истерические нотки.

– Успокойся, – попросил Грей, пытаясь улыбнуться. – Победа все равно останется за нами.

Она слабо улыбнулась:

– Это дело рук Минера. Не напрасно же он так настойчиво советовал нам осмотреть башню. Да, Минер наверняка замешан в этом преступлении.

– Ты права. Никак не могу вспомнить, где я видел этого человека. Наверное, в каком-нибудь лондонском клубе. Его серебряная трость кажется мне знакомой, но лицо... Нет, ничего не помню.

– Грей, эти злоумышленники... – Минерва осеклась и прикрыла рот ладонью.

– Продолжай, дорогая.

– ...самые невезучие преступники в мире. Посуди сам: сколько раз они уже терпели фиаско!

Грей невольно усмехнулся и понизил голос:

– Тише! Не стоит привлекать к себе внимание.

– Мне все равно, – отозвалась Минерва, содрогаясь в приступе истерического смеха. – Пусть только появятся! Я сумею преподать им урок злодейства. Они вряд ли откажутся. Слишком уж часто им изменяет удача.

– Да, – согласился Грей, прислоняясь к стене и вытягивая перед собой окровавленные руки. – А может, им просто не хватает таланта?

– Или и таланта, и удачи. Если они выбрали жертвой тебя, то я стала для них серьезным препятствием.

– Это уж точно! Мне не о чем беспокоиться: ты не оставляешь меня без присмотра. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что без тебя мне отсюда не сбежать?

– Что ты имеешь в виду, Грей? Наверное, ты слишком сильно ударился головой.

– С головой все в полном порядке. Ты мой талисман. Я просто не в силах расстаться с тобой. Если ты останешься здесь, меня обязательно отравят и сбросят с лестницы. Неизвестно, что взбредет им в голову в следующий раз. – Грей придвинулся к Минерве и прошептал ей на ухо: – Давай снова поднимемся в башню. Возможно, другого случая нам не представится, а я должен посвятить тебя в свои планы.

Минерва немедленно встала, взяла Грея под руку и вместе с ним поднялась в башню.

– Выкладывай, – распорядилась она, усевшись на скамью подальше от лестницы.

Присев рядом, Грей зашептал:

– Нам известно, что нас подслушивали. Преступники ждут, что мы изменим планы.

Минерва медленно кивнула, рассматривая запачканную кровью правую руку Грея.

– Они надеются, что мы сбежим до пятницы или после нее. Поэтому мы не будем менять планы. Мы будем неукоснительно следовать им, а Айона и Фергюс нам помогут. Я позабочусь только об одном: постараюсь убедить преступников, что мы сбежим после того, как закончится прием у Клака.

– Но как...

– Тише, Минерва! – перебил он. – Так надо. Положись на меня. У тебя ведь будет немало хлопот. Макс поможет мне подготовить все необходимое. В пятницу вечером мы уедем отсюда вдвоем, дорогая. А к тому времени как нас выследят, я успею подготовить достойную встречу.

– А что прикажешь делать мне? – поинтересовалась Минерва.

– Собрать самое необходимое и ждать. Вот и все. Нет, не все. Тебе придется принести жертву.

– Если я смогу – пожалуйста.

– Сможешь. Ты должна быть рядом со мной, дорогая, – днем и ночью.

Не спускать с меня глаз ни на минуту.

– Пожалуй, это будет нелегко...

– Не важно. – Он нетерпеливо покачал головой. – Если ты имеешь в виду такие мелочи, как купание, мы просто будем принимать ванну вместе.

– Грей, ты спятил!

– Поверь мне, это забавно.

– Но я говорила вовсе не о купании...

– А, вот ты о чем! Мы же взрослые люди. Чтобы заглушить звуки, я буду петь. Если ты помнишь, я неплохо пою.

– Ты сошел с ума! – пробормотала Минерва.

Глава 23

Грей и Минерва вошли в зеленую гостиную Драмблейда. Увлеченные беседой Эльдора и Макс даже не оглянулись на звук шагов. Эльдора заметила гостей далеко не сразу, а Макс, взглянув на Грея, вопросительно приподнял бровь, но промолчал.

Эльдора слушала собеседника, слегка приоткрыв рот и вытирая платком влажные ладони.

– ...Но они не всегда приносят смерть, – продолжал Макс. Эльдора нарядилась в костюм египетской фараонши; на ее голове красовался черный парик, а веки были густо накрашены. – Сейчас поясню, что я имел в виду. Иногда жертвы этих червей умирают по другим причинам, пока черви еще не успели расплодиться.

– Какой ужас! – воскликнула Эльдора и наконец перевела взгляд кошачьих глаз – в эту минуту они были перепуганными – на вошедших. – Так вы говорите, эти черви встречаются здесь, в Шотландии?

Макс тяжело вздохнул и развел руками.

– О чем он говорит? – спросила Минерва, придвигаясь к Грею. – Что еще за черви? Похоже, Эльдора до смерти напугана...

– Несомненно, – согласился Грей. – Макс умеет нагонять страху на слушателей – правда, такое случается нечасто. Наверное, Эльдора чем-то досадила ему.

– Досадила?

– Точнее, вызвала отвращение. Скоро мы узнаем, в чем дело. Макс – человек блестящего ума, он терпеть не может глупцов... и мошенников. – Грей многозначительно взглянул на Минерву. – Напомни мне об этом при случае. Макс славится своим красноречием.

– Грей! – воскликнула Эльдора пронзительным от волнения голосом. – Будьте любезны, попросите вашего друга объясниться.

– Наверное, я напрасно заговорил об этом, – отозвался Макс. – До сих пор в Шотландии было выявлено только два случая такого заболевания.

– Вы сами и...

– Уже не важно, – скорбно прервал ее Макс. – Она мертва.

– Господи! – ахнула Эльдора. – Значит, это была женщина?

– Воспоминания слишком мучительны...

– Конечно, но кто она была такая?

Проведя ладонью по волосам, Макс объяснил:

– Я не могу назвать ее имени. Достаточно сказать, что мы с ней были близкими, очень близкими друзьями. В случившемся я виню только себя. Если успеть отсосать яд из раны, можно избавиться от паразитов прежде, чем случится непоправимое. Но моя... словом, она щадила мои чувства и молчала, пока не стало слишком поздно.

– Черви погубили ее... – прошептала Эльдора, приложив ладонь к сердцу.

– Да. – В грубой черной накидке, перехваченной на голове золотой повязкой, Макс изображал какого-то восточного властелина или пустынного воина высокого ранга – кого именно, Минерва так и не поняла. – Они проникли в ее мозг, – заключил он. – Такой кошмар!..

Макс умолк, а Эльдора попросила:

– Продолжайте.

– Ну, если вы настаиваете... Беда в том, что эти паразиты ползают так быстро, что их очень трудно заметить и поймать. Они вонзают крохотные, но ядовитые челюсти в жертву и присасываются к ней. Постепенно паразиты раздуваются до невероятных размеров, а в теле жертвы образуется воронка...

– Макс, – перебил Грей, взглянув на часы, – зачем ты нарядился в маскарадный костюм так рано? У нас в запасе еще несколько часов.

– Эльдора попросила меня показать костюм, а в ответ пообещала надеть свой. Вот я и переоделся.

– А, тогда все ясно, – пробормотал Фэлконер.

– Грей, – вмешалась Эльдора, – вам известно, что Макс заражен гнойными тварями?

– Гнойными червями, – поправил Макс. – В шутку их иногда называют приживалами, потому что они селятся в теле своей жертвы. Единственный выход для тех, кто заразился этой мерзостью, – лечить проявления болезни и молиться, чтобы черви оказались не слишком прожорливыми.

– Да что ты говоришь! – отозвался Грей. – Кстати, для меня, случайно, нет известий?

– Нет. А я думал, всем уже известно о моей печальной участи.

– О Господи! – Эльдора прижала ладони к щекам, и мерцающий золотистый атлас ее костюма, который, впрочем, был не слишком пышным, затрепетал. – Значит, вам грозит смерть?

Вздыхнув, Макс налил себе бренди.

– Со временем. Мой конец будет ужасен. Я умру в судорогах.

– Хотел бы я знать, с чего это Макс так разошелся, – пробормотал Грей Минерве. – Не припомню, когда в последний раз слушал его выдумки.

Приятно вспомнить старые времена!

Россмара встал и выпрямился во весь рост, демонстрируя Минерве изумительное телосложение.

– Прости, Грей, я совсем запамятовал. Преподобный Памфри завернул сюда, объезжая окрестные фермы, и кое-что тебе передал. Этот конверт привез посыльный из Эдинбурга. Он заблудился и зашел в церковь, чтобы узнать дорогу.

Макс ослепительно улыбнулся и выжидательно взглянул на Грея.

– Очень любезно со стороны Памфри, – заметил тот. – Ну и где этот конверт?

– О, совсем забыл! – Макс принялся похлопывать себя по карманам черного одеяния. – Он где-то здесь, я точно знаю, потому что переделся как раз перед приходом Памфри. Он сказал, что ему как-то неловко наряжаться в маскарадный костюм, но я заверил, что все мы будем чрезвычайно огорчены его отсутствием. Куда же я его подевал?

И он деловито принялся заглядывать во все карманы и раздвигать складки ткани.

– Не знала, что нас навещал преподобный Памфри, – заметила Эльдора.

– Навещал. Я встретил его на лестнице. Вы в это время как раз переодевались. Кстати, Грей, теперь я все знаю. А ты, оказывается, скрытный малый! Как же ты мог не предупредить меня, что через месяц отплываешь в Америку? Или ты хотел сделать нам всем сюрприз?

Наконец Макс достал откуда-то из-за пояса толстый конверт. Грей тотчас выхватил его из рук друга.

– Ты вскрыл адресованное мне письмо? – недоверчиво нахмурился он. – Признаться, я был о тебе лучшего мнения...

– Ничего я не вскрывал, Фэлконер! Просто Памфри разговорился с посыльным, который служит в судоходной компании, все разузнал и передал мне. Я же сказал, конверт привез посыльный.

– Давай не будем об этом. Я был бы весьма признателен, если бы ты забыл все, что услышал от преподобного Памфри.

– В Америку? – воскликнула Эльдора. – Но как же так? Конечно, это не мое дело, но что будет с вашим предприятием? Вы... решили продать его?

Разглядывая Эльдору, Минерва решила, что вопреки мнению соседей Кэдзоу выбрал отнюдь не самую глупую из женщин.

– Ни в коем случае, – покачал головой Грей. – Управлять предприятием можно, даже находясь в Америке. Просто я решил поискать

новые возможности. И потом, я... точнее, мы будем часто бывать на родине. Нам предстоит восхитительный медовый месяц – верно, дорогая? – И он обнял Минерву.

– Разумеется, – ответила она, радуясь тому, как тонко Грей все рассчитал. До начала праздника в Модлин-Мэноре оставалось совсем немного времени – как раз столько, чтобы успеть оповестить все заинтересованные стороны о «восхитительном медовом месяце».

– Очевидно, на здоровье Кэдзоу сказалась перемена погоды, – сообщил Макс. – Эльдора говорит, сегодня он приедет в Модлин-Мэнор попозже, а может, и совсем не приедет.

Минерва тотчас опустила глаза. Судя по всему, Кэдзоу полегчает сразу же, как только Эльдора сообщит ему об отъезде Грея в Америку. Дядюшка не упустит случая лично проследить за племянником. Да, ему будет не до шуток. Если Грей мешал Кэдзоу, находясь в Вест-Индии и Англии, то наверняка помешает и в Америке.

План Грея был продуман с таким расчетом, чтобы выиграть время. Вряд ли кто-нибудь догадается, что молодожены покинут Бэллифог еще до свадьбы и задолго до отъезда из Шотландии.

– Эльдора выразила надежду, что я отвезу ее в Модлин-Мэнор, а я счел своим долгом поведать ей о жутком недуге. – Макс сунул указательный палец в левое ухо и энергично почесал там. – Если она случайно заразится гнойным червем, то... О, мне кажется... Эльдора, не будете ли вы так любезны заглянуть мне в ухо? Похоже, внутри что-то шевелится. Надо поскорее промыть рану.

Всплеснув руками, Эльдора заявила:

– Клянусь, я потеряла бы голову, если бы... Прошу меня простить. Я только что вспомнила об одном неотложном деле.

Через несколько секунд Грей, Минерва и Макс остались втроем. Россмара – весь воплощенная невинность – отпил бренди и удобно устроился в мягком кресле.

– Чем вызван этот спектакль? – осведомился Грей, едва за Эльдорой закрылась дверь.

– Леди задумала разыграть со мной мелодраму. А мне этот жанр не по душе.

– И прекрасная Эльдора тоже? – удивился Грей.

– Этого я не говорил, – возразил Макс. – Просто я решил убедиться, что не утратил дар красноречия, вот и все. В конце концов, я давно не развлекался, а этот случай показался мне подходящим. Насчет Америки... думаю, я правильно сделал?

– Разумеется.

– Вот и хорошо. Значит, все готово. Мавр сделал свое дело с помощью Айоны и Фергюса. Теперь вся шайка знает, что через месяц вы отплываете в Америку. Осталось только отправиться на вечеринку и как следует повеселиться.

Минерва призналась:

– Меня гложет беспокойство. Надеюсь, план Грея сработает.

– Ему порой приходят в голову неплохие мысли, – сообщил Макс. – Стало быть, сегодня ты вырядишься пиратом, Грей? Жаль, что не черным шейхом, как я. Черные шейхи – это так романтично! – Подхватив конец своего покрывала, он прикрыл им рот и подбородок.

– Вижу, – кивнул Грей. – Очевидно, ты произвел на Эльдору неизгладимое впечатление. Бедному Кэдзоу придется смотреть за своей собственностью в оба.

– Кстати, где это вы заразились гнойными червями? – осведомилась Минерва.

– Прямо здесь, – ответил Макс, указывая на кресло, где только что сидела Эльдора. – На этом самом месте, слушая, как Эльдора Мейквелл сулит мне райские наслаждения.

Пылающие факелы, воткнутые в снег вдоль подъездной аллеи, превратили Модлин-Мэнор в декорацию к волшебной сказке. Несмотря на мороз, парадная дверь была распахнута настежь – ожидалось, что от наплыва гостей в доме станет душно.

Сидя рядом с Минервой в экипаже Фэлконеров, Грей согревал ее холодные руки.

– Успокойся, любимая. Наш план безупречен.

– Ничто не совершенно, – возразила она.

Мисс Арбакл оставалась реалисткой, но Грею это нравилось. Пожалуй, реализм не помешает человеку, которому предстоит целую ночь рассчитывать каждый свой шаг и обдумывать каждое слово.

– Ты так и не сказала мне, какой костюм выбрала, – напомнил он. – Может, позволишь взглянуть на него хоть одним глазком?

– Нет. – Минерва вышла из дома закутанной в плащ, с надвинутым на голову капюшоном, и сообщила Грею, что ее родители уже уехали. Грей задумался: почему они покинули дом так рано? Неужели к чему-то готовились? Нет, скорее всего решили обсудить с сообщниками слухи об Америке – там, где их никто не услышит. Но кто их сообщники? Сайлас Минер? Или Макспорраны?

По аллее медленно двигалась вереница экипажей и всадников. Грей приоткрыл окно, и в карету ворвались отдаленные звуки музыки и взрывы смеха. Неподалеку несколько смельчаков катались на коньках по замерзшему пруду, освещенному факелами.

– Таинственная картина, – заметил Грей. – Точнее, нереальная.

– Мне страшно, – призналась Минерва. – Конечно, мы все предусмотрели, и тем не менее опасность слишком велика, а нам известно о ней так мало!

– Только глупцы на нашем месте не испытывали бы страха. Наши планы способна порушить любая мелочь. Но я все-таки надеюсь, что нам повезет, любимая.

– Твоя уверенность сегодня очень кстати. Хорошо, что ты честный и решительный человек. – Минерва взглянула на Грея из-под капюшона. – Из тебя получится обворожительный пират. Ты заплел волосы в косицу? Жаль, что скоро ее придется отрезать.

Грей улыбнулся. С каждым ярдом его напряжение нарастало, впрочем, и решимость тоже. Сегодняшняя ночь станет для них с Минервой началом новой жизни. Сегодня же он увезет любимую отсюда, не теряя бдительности и каждую минуту ожидая нападения врага. Или врагов.

– Кстати, а где изобретение, о котором ты говорила? – спросил он у Минервы.

– Там, где ему и следует быть, – ответила она. – По-моему, удалось на славу.

Экипаж остановился у крыльца. Кучер открыл дверцу, спустил подножку и помог Минерве выйти. Грей последовал за ней, подал невесте руку и повел ее к двери.

Из дома неслась рождественская песенка в исполнении скрипок, фортепиано, флейты и арфы. Прежде унылый и пыльный холл сиял чистотой и был украшен венками остролиста с ярко-красными ягодами. В воздухе пахло сосновой смолой.

– Боже милостивый! – ахнул Грей. – Невероятно! Кто сотворил это чудо?

– Множество рук, терпение и труд, – ответила Минерва. – Скоро Рождество, вот мы и решили начать праздник пораньше. И потом, жители Бэллифога и окрестностей давно не собирались все вместе.

Наклонив голову, Грей поправил черную полумаску.

– Я предпочел бы созвать их на нашу свадьбу, – тихо признался он, поднимаясь по лестнице. – В церковь Святого Олдхелма. А потом на свадебный пир в Драмблейд.

– Заурядная свадебная церемония – это не для нас, – возразила Минерва, не скрывая сожаления. – Я всегда и во всем стремилась к оригинальности.

На этом им пришлось прервать разговор. В холле их окружила толпа гостей в маскарадных костюмах и масках.

– Боже мой! – всплеснула руками Минерва. – Миссис Памфри! Грей, ты знаешь, кем она нарядилась?

Очевидно, миссис Памфри обладала острым слухом. Придерживая маску, отделанную белыми перьями и прикрепленную к ручке из слоновой кости, она протиснулась поближе, улыбнулась Грею и Минерве и объяснила:

– Я Каролина Брансуик.^[3] – С густо наруганными щеками, в декольтированном ярко-розовом платье и напудренном белом парике она производила впечатление особы легкого поведения. Указав на крупное черное пятнышко в виде сердечка на щеке, миссис Памфри добавила: – Это мушка. Я чувствую себя ужасной озорницей! Преподобный Памфри утверждает, что святой Петр не стал бы даже разговаривать со мной. Подумаешь! – Радостно вскинув головку, она скрылась в толпе.

– И долго нам придется ждать? – спросила Минерва.

– Еще немного, любимая. Пожалуй, пусть гости сначала развеселятся – надеюсь, ты меня понимаешь – и начнут громко требовать игры в поиски клада. Вот тогда мы и приступим к осуществлению своих замыслов.

– Похоже, они уже развеселились, – возразила Минерва.

Грей почувствовал, насколько она взволнована. А что, если у нее не хватит терпения?

– Давай пройдем в бальный зал. Должен признаться, я не предполагал, что в округе живет столько народу.

– Ты думал, жители Бэллифога – нелюдима и скучная деревенщина? По-моему, всех их привело сюда любопытство.

– Любопытство?

– В Модлин-Мэноре это первый праздник за последние сто лет. К тому же устроенный чужаками, на которых всем не терпится взглянуть. К тому же сюда приглашен ты.

Минерва умолкла, словно надеясь, что Грей не заметит намека.

– То есть? – потребовал объяснений он.

Вскинув подбородок, она улыбнулась. Ее глаза лукаво сверкнули под серебристой маской.

– Прежде всего ты – загадка. Человек, которого считали умершим, а он воскрес. Во-вторых, ты просто лакомый кусочек, наследник-холостяк,

каких в округе – по пальцам пересчитать. И не надейся, что маска спасет тебя от знаков внимания. Гости захотят узнать, кто ты такой.

Досадная помеха... Грей об этом не подумал.

– Видишь ли, претендентка на мою руку должна быть на редкость умна, остроумна, миловидна. Подойдет только особа с каштановыми волосами, синими глазами, единственный ребенок в семье по имени Минерва, ловкая и проворная.

– Как черви, выдуманнные Максом? – усмехнулась она.

– Вот именно, – улыбнулся Грей.

– А значит, – продолжала она, не сводя с него глаз, – что существует только одна возможная кандидатура: это я. Однако нам пора показать костюмы.

Грей снял свой плащ и стал поспешно помогать Минерве. Она откинула капюшон. На голове ее красовался шлем из какого-то серебристого материала, украшенный чем-то вроде рыбьих плавников. Потрясающее впечатление! Даже под маской глаза Минервы казались огромными, черты лица – выразительными, а уши – на удивление миниатюрными.

– Ты выглядишь изумительно, – заявила Минерва. – И все-таки я считаю, что медлить нам не следует. Боюсь, тебя начнут осаждать поклонницы, а я ужасно ревнива.

Грей перевел взгляд на свои поношенные коричневые ботинки и длинные темные чулки. Чтобы дополнить костюм, он разыскал на чердаке старинные туфли с пряжками.

Проходящие мимо гости тут же застыли разинув рты. Одной из них оказалась древняя миссис Годдард; она то и дело пожевывала беззубым ртом, но тем не менее была в маскарадном костюме. Он состоял из повседневного черного бомбазинового платья и рогатого колпака желтого бархата. Запастись маской она не удосужилась.

– Кто это такой? – громогласно поинтересовалась миссис Годдард.

Ее спутница, бывшая деревенская учительница и старая дева, смутилась и крикнула старухе на ухо:

– Кажется, мистер Грей Фэлконер.

– Незачем так кричать, – взревела миссис Годдард. – Я только хотела бы знать: как он посмел появиться в обществе полураздетым? Неужели вы не можете позволить себе купить рубашку, юноша? Какая бестактность! В моей молодости такого не случалось!

– В то время и ваша шляпа была новой, – отозвалась Минерва.

– Что вы сказали? – спросила миссис Годдард. – Повторите!

– Я сказала, что у вас чудесная шляпа. Только слишком уж ветхая, того и гляди развалится.

– И чему только учат нынешнюю молодежь? Если бы эта юная леди училась у вас, Мьюриэл, она бы знала, что такие головные уборы носили в начале четырнадцатого века. Да-да, постарайтесь запомнить. В то время Англией правил Генрих V.

– Вы были с ним знакомы? – осведомилась Минерва, и глаза ее лукаво блеснули.

Миссис Годдард фыркнула и потеряла интерес к разговору. Она позволила Мьюриэл увести ее прочь, лишь высказав напоследок свое нелестное мнение о костюме Грея.

– Подумать только – раздеться в присутствии дам! – ворчала старуха. – Вся грудь нараспашку! Боюсь, я никогда не оправлюсь от такого потрясения. Я была замужем сорок лет и ни разу не видела собственного мужа без рубашки!

Грей усмехнулся, а вместе с ним и еще несколько гостей, стоящих рядом. По правде говоря, рубашка на нем была, но она почти целиком состояла из прорех, сквозь которые виднелось тело.

Помогая Минерве снять плащ, Грей ахнул и затаил дыхание, а затем попытался снова набросить плащ ей на плечи. Но она гневным взглядом пригвоздила его к месту.

– Напрасно ты появилась здесь в таком виде, – мрачно упрекнул он.

– Уже поздно говорить об этом. Мы все равно скоро уедем отсюда. Такой костюм я выбрала не случайно.

– Чтобы все мужчины таращились на тебя, а женщины снедали ненавидящими взглядами? На тебя уже глазеют. Минерва, что это за костюм?

– По-моему, это ясно каждому образованному человеку. Я – Боадицея.

[4] Положи куда-нибудь плащи и пойдем в зал. – Она с улыбкой оглянулась. – Нас заметили. И теперь наверняка запомнят.

– О, в этом нет сомнений! – заверил Грей, отдавая плащи подоспевшему слуге. – Но скажи, неужели ты не могла чем-нибудь прикрыться?

– Я редко мерзну.

Ее распущенные волосы волнующе падали на плечи из-под искусно сшитого шлема, красная свободная туника ложилась живописными складками.

– Минерва, в таком виде тебе нельзя входить в зал.

– Не глупи. На меня никто и не взглянет.

Но внимание окружающих тотчас приковало ее изобретение, прикрывающее грудь и сделанное из того же серебристого материала, что и шлем.

– А эта штука... разве нельзя было обойтись без нее? Та, что под туникой?

– Это нагрудник, – невозмутимо объяснила Минерва, входя в зал с высоко поднятой головой и надменной улыбкой на губах. – Вот если бы я сняла его, то действительно произвела бы фурор.

– А я надеялся, что ты придумаешь, как нам разоблачить врагов...

Туника имела длинные разрезы по бокам, почти до самых бедер. Сквозь разрезы проглядывали высокие черные сапоги, обвитые серебристыми ремешками.

Женщины таращились на Минерву разинув рты.

Мужчины проталкивались поближе, чтобы как следует разглядеть новую гостью.

Грей готов был вызвать их на дуэль – всех сразу. И прикончить одного за другим. Как они посмели так дерзко разглядывать его невесту?

Из толпы вышел Макс и взял Минерву под руку.

– Великолепно! – заявил он. – Именно то, что нужно. Теперь все будут смотреть только на вас и навсегда запомнят этот костюм.

– Придержи язык, Макс, – предупредил Грей.

– Ты тоже постарался, – продолжал Макс, не обращая внимания на раздраженный тон друга. – Такого пирата гости вряд ли забудут. Дамы питают пристрастие к запретному плоду, – усмехнулся он и зашагал к двери зала. Черные одеяния развевались у него за спиной.

– Кого ты уже видел? – спросил Грей.

– Преподобный Памфри нарядился древним римлянином. Закутался в простыню – простенько, но со вкусом. Я заявил, что римлянин из него получился бесподобный.

– Ты прекрасно знаешь, что я спрашиваю не про Памфри.

– Эльдора в бальном зале, – продолжал Макс, входя в упомянутый зал. – Возлежит рядом со статуей Рамзеса, которую где-то ухитрилась раздобыть.

Окинув Эльдору внимательным взглядом, Минерва заметила:

– Она эффектно выглядит.

– Статуя фараона – удачная находка, – добавил Грей. – На всякий случай, если кто-нибудь не поймет, что Эльдора изображает Клеопатру. Будем держаться от нее подальше. Времени у нас мало.

– Макспорраны! – предупредила его Минерва и закусила губу.

– А что с ними? – удивился Грей, но тут же увидел приблизившуюся пару.

– Добрый вечер, – поздоровалась Минерва.

Друсилла брезгливо поджала губы:

– Насколько я понимаю, ваша бедная мать еще вас не видела.

– Что у вас за костюм, миссис Макспорран? – вмешался Грей. – Надеюсь, я не оскорбил вас этим вопросом.

Супруги явились в гости в простых черных одеждах, в глаза бросались высокий жесткий воротничок и черный галстук Энгуса, а также белый кружевной чепец и связка ключей на поясе Друсиллы.

– Костюмы дворецкого и экономки, – объяснил Макспорран. – Мы решили, что больше до такого никто не додумается.

Грей был слишком поглощен своими мыслями, чтобы оценить идею находчивых супругов. Но тут перед ним остановился мужчина огромного роста, с обветренным грубоватым лицом и громко произнес:

– Добрый вечер. Наконец-то мы встретились!

Его черные волосы были заплетены в косицу, превосходящую по длине косицу Грея. В прорезях маски поблескивали белки глаз.

– Позвольте представиться: капитан Смит. Я был знаком с вашим отцом, мистер Фэлконер.

Грей кивнул:

– Рад познакомиться. Это моя невеста, Минерва Арбакл.

Смит шаркнул ногой на старинный манер и взмахнул шляпой с плюмажем, дополняющей синий с золотом мундир некой ушедшей эпохи.

– Как вы познакомились с моим отцом, капитан Смит? – спросил Грей.

– Когда-то мы с ним поддерживали деловые связи. Правда, не очень долго, но я искренне восхищался вашим отцом.

– Благодарю.

– Вот вы где! Кэдзи, они здесь. – К собеседникам подбежала Эльдора, вся в сверкающем атласе, волоча за собой бледного Кэдзоу в обычной вечерней одежде. – Кэдзи еще не совсем выздоровел, но он собрался с силами и решил меня сопровождать. Мило, не правда ли? – Эльдора старательно отводила глаза от Макса, а капитана Смита удостоила только беглого взгляда.

– Я приехал исключительно потому, что услышал от Рэтли тревожные вести, – объяснил Кэдзоу. – Очевидно, Рэтли их передала миссис Хэтч, которая подслушала разговор родителей Минервы. Откровенно говоря, Грей, я надеялся, что подобные вопросы ты будешь обсуждать прежде всего со мной.

Грей взглянул на Эльдору, которая старательно поправляла рукава. Значит, Эльдора не стала делиться с Кэдзоу планами Грея. Но почему?

Вместо того чтобы деликатно удалиться, как это сделал Макс, капитан Смит по-прежнему стоял рядом с Греем и вертел на мизинце кольцо с печаткой. Этому человеку недостает обаяния и хороших манер, решил Грей. Как бы потактичнее его спровадить?

– Грей, почему я обо всем узнаю последним? – спросил Кэдзоу.

Племянник уже раскаивался в том, что подверг дядю такому унижительному испытанию, но другого выхода у него не было.

– Я вообще хотел умолчать о случившемся, – стал оправдываться он. – Но не беспокойся: когда ты все узнаешь, то одобришь мой план. А здесь говорить о нем не стоит.

– Нет, давай поговорим прямо сейчас, – возразил Кэдзоу, лицо которого вдруг приняло зеленоватый оттенок. – Я не собираюсь вновь взваливать на себя всю ответственность.

Грей взял дядю за руку:

– Послушай, я не... Положись на меня. Мне не обойтись без твоей поддержки. Предстоит немало важных дел, я буду часто обращаться к тебе за помощью и советом.

Именно в этот момент к ним приблизились Портос и Дженет Арбаклы. Затеяливо поклонившись, Портос объявил:

– Я решил продемонстрировать свои мыслительные способности и выбрал костюм знаменитого художника. Другими словами, не изменил самому себе!

Смит переступил с ноги на ногу и окинул Портоса пристальным взглядом, а затем повторил ту же процедуру с Дженет Арбакл. Последняя была более чем достойна таких усилий.

– Подождите, я попробую угадать, – попросил Смит, подняв указательный палец. – Вы – Молль Флендерс?

Лицо Дженет вмиг приобрело свекольный оттенок, не сочетающийся с зеленой маской.

– Я – Елизавета I, – надменно заявила она, покачивая высоким кружевным воротником, подпирающим шею сзади и сходящим на нет по обе стороны от глубокого выреза, открывающего грудь. Облегающий лиф был лишен каких бы то ни было украшений, а между отворотами воротника красовались нитка жемчуга и большая часть содержимого лифа.

– О Боже! – воскликнула Эльдора, принимая соблазнительную позу. – Почти как у натурщиц на картинах мистера Арбакла!

– Почти! – Дженет фыркнула. – Да будет вам известно...

– Ты выглядишь обворожительно, – заявил Портос жене, расшитые жемчугом юбки которой производили впечатление истинного шедевра. – Правда, Минерва, твоя мать – просто прелесть?

– Конечно, – подтвердила дочь. «Интересно, заметила ли она, что ни ее отец, ни мать не упомянули о том, что им известно о предстоящей свадьбе и отъезде в Америку?» – подумал Грей.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Грей обернулся. Смит! Кивнув, капитан отвернулся. Лицо его, казалось, застыло. Когда он говорил, его тонкие губы едва шевелились. Капитан был безбровым, на лбу не виднелось ни единой морщинки. Удивил Грея и цвет кожи Смита: этот грязно-желтый оттенок очень непривычен в Шотландии.

Вновь грянула музыка, многие гости запели. Грей решил, что подходит время финальной сцены – главное, чтобы все действующие лица собрались поблизости.

– Кто это? – вдруг спросил подошедший Макс. – Вон тот человек?

Грей сразу понял, кого он имеет в виду.

– Не знаю. Похоже, он требует тишины.

Человек, о котором шла речь, пододвинул к себе один из стульев, собранных по всей округе, и плюхнулся на него. Этот гротескный персонаж был наряжен в длинную белую тунику, средневековый шутовской желто-зеленый колпак с золотыми бубенчиками и такую же двухцветную маску. Вскинув руку вверх, он что-то прокричал.

Из-за шума никто не разобрал ни слова, тогда преподобный Памфри, державший в руке бокал шампанского, поставил его на пол и заколотил кочергой по медной жаровне.

В зале сразу воцарилась тишина.

– Спасибо, спасибо, сэр, – закивал оратор, обращаясь к священнику.

Минерва взяла Грея под руку и указала на одного из гостей, стоящих неподалеку. Несмотря на превосходный костюм нищего, перепачканное сажей лицо и рваный шарф на голове, Фэлконер тут же узнал Брамби Макспоррана. Но его спутницу, невысокую молодую женщину с прекрасным безмятежным лицом, одетую в черную монашескую рясу и белый апостольник, Грей видел впервые. Брамби крепко держал незнакомку под руку.

– Добрый знак, – заметила Минерва.

Грей охотно согласился.

– Мистер Клак просил меня передать вам искренние извинения, – объявил полусхот-полуримлянин, позванивая бубенчиками. – Кое-кто из вас уже знает, что он получил ранение в Индии. Так вот, старые раны

напомнили о себе. К сожалению, он не смог присутствовать на празднике.

По залу пронесся сочувственный ропот.

– Если поверить ему на слово, – прошептал Грей, – значит, все уже в сборе.

– Кроме Микки Финиша, – напомнила Минерва и огляделась. – Его нигде не видно.

– Черт! – Почему он сам этого не заметил? – А может, его просто уложили в постель и сказали, что детское время кончилось?

– Может быть, – откликнулся из-за спины Грея Макс. – Может, он и вправду спит. Но лучше бы убедиться в этом.

Прежде чем Грей успел ответить, странный шут продолжил:

– Но мистер Клак просит всех гостей забыть о нем и повеселиться на славу. И конечно, мистер Грей Фэлконер, без которого этот праздник не состоялся бы, присоединяется к его просьбе.

И тотчас множество горящих от любопытства глаз уставилось на Грея, кое-кто зааплодировал. Грей слегка поклонился и невольно проследил за взглядом капитана Смита. Тот смотрел на Кэдзоу. Кэдзоу так же, взглядом, ответил ему, опустил глаза и отвернулся.

– Сегодня мы приготовили для вас необычный сюрприз, – продолжал шут, приглаживая черные усы и бороду. – Он снова взмахнул рукой, и Грей заметил у него на пальцах следы черной краски. Должно быть, шут недавно покрасил растительность на своем лице.

Это Минер, неожиданно осенило его. Сайлас Минер! Перекрасив усы и бороду, он совершенно преобразился. Как ни странно, черные усы и борода шли ему больше, чем светлые.

– Мы будем играть в поиски клада!

Зал загудел от всеобщего ликования.

Минер жестом попросил тишины.

– Мистер Грей Фэлконер любезно согласился предоставить нам сам клад и заверил меня, что это действительно сокровище!

Последние слова тоже были встречены радостными криками.

– Это правда? – спросила Минерва, не глядя на Грея.

– Сама увидишь, – отозвался Грей и громко произнес: – Не забудьте про подсказки, Сайлас!

Минер уставился на него хмурым взглядом.

– Про подсказки! – повторил Грей, у которого гулко забилось сердце. – Поначалу они поведут всех вас в одном направлении, а потом ваши пути могут разойтись потому, что вы по-разному поймете мои слова. Думайте как следует! Доверьтесь внутреннему голосу – или, если вам угодно, своей

логике.

По бальному залу пронесся смех.

– Будьте внимательны к ближнему. В конце игры каждому достанется приз. Поосторожнее на лестницах! Вот вам первая подсказка. – Грей незаметно пожал руку Минервы. – Ищите там, где вода превращается в камень.

Гости зашумели, оживленно переговариваясь.

Кто-то крикнул:

– До реки слишком далеко! Да и ночь выдалась морозная!

Эти слова были встречены новым взрывом хохота.

– Вода есть не только в реке, – возразил преподобный Памфри, который пребывал в прекрасном расположении духа. Он ринулся в холл, увлекая за собой целую толпу. – К фонтанам!

Грей глубоко вздохнул и сказал:

– Пора!

Вместе с Минервой и Максом – и, что самое важное, с некоторыми из гостей – он затерялся среди спешащих к парадным дверям.

В холле их подхватил водоворот толпы, устремившейся к фонтанам.

– Иди, – прошептал Грей Минерве, отпуская ее руку. – Будь осторожна, дорогая.

Минерва обогнала его, словно торопилась к фонтанам, а Грей обернулся к Максиму, смеясь, бурно жестикулируя и одновременно проверяя, на месте ли все «заинтересованные лица». Убедившись, что все они следует за ним, он успокоился. Кэдзоу с тревогой наблюдал за племянником, а остальные, возбужденно переговариваясь, следили за происходящим.

Макс ни на шаг не отходил от Грея.

– Пожалуй, нам тоже пора браться за дело, – заметил он и, когда Грей кивнул, поднялся на цыпочки и огляделся по сторонам. Наконец Россмара, ничуть не таясь, направился к густым зарослям остролиста, с которого для украшений были сорваны все ягоды.

Грей остался на месте, обмениваясь мнениями с Портосом Арбаклом, хваля эффектный костюм его жены и во всеуслышание объявляя, что их дочь, должно быть, унаследовала красоту матери.

Оба супруга были явно польщены.

Так кто желал ему смерти?

Неужели он ошибся в своих подозрениях?

Или что-то упустил?

В толпе послышались радостные крики, и Грей понял, что кто-то

увидел следующую «подсказку». Фэлконер тотчас невозмутимо устремился вслед за Максом и уже из зарослей остролиста принялся наблюдать за своими собеседниками. Судя по всему, его исчезновение никто не заметил.

Под прикрытием густых веток остролиста он немедленно поменялся одеждой с Максом. Переодевшись, оба продолжили наблюдение за гостями.

– Вижу! – вновь крикнул кто-то. Грей знал, что этот голос принадлежит Фергюсу Драммонду.

– Что там? – отозвалось сразу несколько голосов.

– Не торопите! Это надпись, высеченная на льду... Я прочел ее!

– Ну? Ну? – слышались возбужденные крики.

– «Об этом вы узнаете от дамы», – объявил Фергюс. – Вот и все. «Об этом вы узнаете от дамы».

– Черт! – выпалил кто-то.

Гости заворчали, один из них громко спросил:

– Что толку от подсказок, если их знают все?

– Дама, мы слушаем! – выкрикнул другой гость, и все вокруг засмеялись.

Внезапно вдалеке на аллее показалась сияющая колесница. Толпа оживленно загудела. Гости расступились, объясняя друг другу, что в этой колеснице и едет та самая дама.

– Ты только посмотри! – прошептал Макс, когда Минерва приблизилась к собравшимся, стоя в колеснице – бывшей садовой тележке, задрапированной золотистой тканью. – Настоящая Боадицея!

– Она скрыла от меня, что хочет нарядиться Боадицеей – вероятно, чтобы сделать мне сюрприз. Если бы я раньше увидел ее костюм, то ни за что не позволил бы ей войти в дом.

Умело правя белой лошадью, Минерва объехала вокруг фонтана, крикнула: «На этом вы сидите!» – и устремилась к аллее.

Грей с трудом удержался, чтобы не броситься вслед за ней. Насколько он мог судить, все шло согласно плану. Супруги Арбакл и супруги Макспорран по-прежнему стояли на крыльце, не желая упускать ни единой мелочи необычной игры.

Через несколько минут «колесница» вновь показалась на аллее. Теперь лошадь двигалась шагом. Ею правила девушка в красном наряде и серебристом шлеме. Когда она подъехала к дому, гости уже успели разойтись.

Грей проследил, как Макспорраны и Арбаклы вошли в дом следом за Максом в пиратском костюме. Вскоре туда же хлынула вся толпа.

Девушка, правящая колесницей, не смотрела по сторонам, но прежде,

чем остановиться возле дома, она коротко махнула рукой. Как и говорила Минерва, Айона Драммонд ради нее была согласна на все.

Взмах рукой служил условным знаком. Грей тотчас сорвался с места, выскочил из-за кустов и углубился в сосновый лес за домом. Он точно знал, где находится протоптанная слугами узкая и почти неприметная тропа.

Грей Фэлконер изучил ее как свои пять пальцев.

Через несколько минут он услышал тихое ржание и звон сбруи, а затем цокот копыт по замерзшей земле.

– Минерва!

– Я здесь, – послышался ответ, и она выбежала навстречу Грею, раскрыв объятия.

Тот бросился к ней, поднял и закружил над землей.

– Дорогая! Единственная моя! Получилось! Нас хватятся, когда мы будем уже далеко. Тогда записка объяснит, что мы сбежали и вернемся в Бэллифог, только когда сочтем нужным. Те, кто боится моего возвращения, примутся за поиски. Это займет немало времени, но зато я успею подготовиться к встрече. Ты понимаешь, что это значит, Минерва? Ждать будет нелегко, но в конце концов мы встретимся с врагами лицом к лицу и разделаемся с ними раз и навсегда.

– Да, – радостно согласилась Минерва. – Но больше всего меня радует то, что отныне мы всегда будем вместе.

Набросив припасенную теплую одежду, они вскочили в седла.

В последний раз оглянувшись на Модлин-Мэнор, Грей пропустил Минерву вперед и направил коня следом.

– В Эдинбург! – победно объявил он. – Вот увидишь, тебе понравится дом Россмара на площади Шарлотты!

Грей ликовал, ему казалось, что в эту минуту он способен выдержать любую борьбу. Враг остался позади, а впереди их ждала уютная крепость, где Грей надеялся спасти свою жизнь и любовь.

Глава 24

Минерва часто бывала в Эдинбурге, но ей еще не доводилось въезжать в город на рассвете, верхом на лошади, чуть не падая от усталости.

Здесь тоже недавно прошел снег, но не такой сильный. Грязь на разбитых дорогах смерзлась, лед украсил окна причудливыми узорами, на которые не хватило бы фантазии никакому художнику.

– Очень скоро мы будем на месте, – пообещал Грей. Впрочем, слова ободрения звучали весьма вяло. – Этот дом принадлежит маркизу Стоунхейвену, дяде Макса. Когда я учился в Итоне, я однажды гостил здесь на каникулах.

– Незачем подбадривать меня, Грей, – отозвалась Минерва. – Я беспокоюсь только за лошадей.

Они сменили лошадей всего один раз на маленьком постоялом дворе, где уже была готова подстава. Минерва не стала расспрашивать, как Грею удалось позаботиться об этом. Она начинала верить, что для него почти ничего невозможного нет.

– Лошади тоже скоро отдохнут, – сказал Грей. – Теперь главное – сделать так, чтобы никто не заметил нашего присутствия в доме. Нам не нужны визиты любопытных соседей или друзей Россмара и Стоунхейвена, решивших, что хозяева вернулись в город.

Они медленно ехали по одной из улиц Эдинбурга, где дома стояли таким полукругом. Высотой в три или четыре этажа, все они имели выходящие на улицу террасы. Минерва рассеянно поглядывала на лестницы, выскобленные добела усердными слугами, на черные перила, припорошенные снегом, на полированные двери с ярко начищенными медными молотками и почтовые ящики, поблескивающие в туманном свете раннего утра.

– А ты уверен, что те, кого ты ждешь, явятся сюда? – спросила Минерва. – Что, если ты просчитался?

– Они непременно приедут, – ответил Грей, обменявшись с любимой красноречивым взглядом.

– Мне тревожно, – призналась Минерва. – Я сама не своя от беспокойства. Ты меня понимаешь, Грей?

Он согрел ее нежной улыбкой, правда, при этом у него нервно задергалась щека.

– Понимаю. Мы связаны незримыми узами, мы почти читаем мысли

друг друга, и это придает нам силы. Но давай сначала закончим путь. Прежде всего тебе надо будет отдохнуть. Надеюсь, незваные гости придут не слишком скоро.

Минерва придержала коня. Отъехав на несколько шагов, Грей остановился, оглянулся и вернулся за ней.

– Минерва, что случилось?

– По-моему, я очень сильно устала. Грей, почему ты снова заговорил так, словно решил взвалить на себя всю ответственность? У нас с тобой общие беды и цели. То, что волнует тебя, тревожит и меня.

Грей поерзал в седле, и Минерва поняла, что он придумывает убедительное объяснение.

– Поедем дальше, Минерва, – предложил он. – Чем меньше людей узнает о нашем приезде, тем лучше. Мы и без того задержались в пути.

– Грей...

– Минерва! Позволь мне сделать то, что я считаю нужным. Я не могу подвергать тебя опасности.

Несколько минут назад Минерве хотелось только лечь и заснуть – прямо в седле, если понадобится. Но теперь ее сонливость как рукой сняло.

– Как ты мог!..

Мысленно она уговаривала себя помолчать. Незачем устраивать ссору прямо на улице. И потом, чтобы преодолеть стремление Грея опекать ее как представительницу «слабого» пола, незачем демонстрировать ему истерические вспышки.

Грей наблюдал за ней с раздражающим спокойствием.

Минерва ждала.

– Так мы едем? – наконец спросил он.

– Нет, – невозмутимо ответила Минерва. – Пока я не узнаю, что ты намерен делать дальше.

Грей в изнеможении вздохнул, словно пытаясь пристыдить и образумить ее.

– Я намерен отвезти тебя на площадь Шарлотты, – объяснил он, – накормить и уложить в постель.

Минерва поняла, что на ее долю выпало очередное испытание.

– Продолжай, – разрешила она.

– Когда ты выпишься, я займусь осуществлением нашего с Максом плана, а тебя отправлю к его сестре Элле, которая вскоре приедет и поселится в одной небольшой, малоизвестной гостинице. Будь у нас время, я отвез бы тебя куда-нибудь подальше. Но времени у нас нет, поэтому я дождусь приезда Эллы и отвезу тебя к ней.

– Если бы ты отделался от меня заранее, – напомнила Минерва притворно-невозмутимым голосом, – то не сумел бы сбежать.

Грей потянулся к поводьям ее коня, но Минерва поспешно отъехала в сторону.

– Ну хорошо, – смирился он. – Да, ты права. Права во всем. Но неужели ты не простишь мне желания уберечь тебя от лишних забот? Не позволишь на сей раз просто быть мужчиной? Я обязан защищать женщину, которую люблю.

Стоит ответить согласием – и он без колебаний отошлет ее прочь.

– Тебя не за что прощать. Но я с тобой не расстанусь.

– Минерва! – Грей с досадой вздохнул, сердито сжал губы и рысью двинулся вперед.

Поддавив улыбку, Минерва последовала за ним. Оба всадника свернули на красивую площадь. В сквере посреди ее шелестели голыми ветвями буковые деревья и торчали из снега кусты.

Грей уверенно направился к северной стороне площади, въехал в одну из конюшен и умело занялся лошадьми. С помощью Минервы он вытер их, накрыл попонами и накормил.

Перенеся багаж из конюшни в сад за одним из внушительных трехэтажных домов, путники быстро прошагали к черному ходу, ведущему на кухню.

Грей открыл дверь, впустил в дом Минерву и заперся изнутри. Они миновали кухню и кладовую, комнату дворецкого и чулан и поднялись по короткой лестнице.

– Не стоит зажигать свет, – сказал Грей. – Ни к чему. Здесь мрачновато, но света из окон достаточно. Сейчас растоплю камин, только сначала проверю, не следит ли кто-нибудь за домом снаружи. Будем надеяться, что дыма из трубы никто не заметит.

Минерва проследовала за ним в просторный, тускло освещенный холл, где сумела разглядеть только высокие напольные часы, да и то потому, что они гулко тикали.

Грей торопливо взбежал по лестнице и прошел по коридору в глубь дома, прямо в спальню. Ее окна были прикрыты снаружи деревянными ставнями, а изнутри плотными драпировками.

В этой комнате царил темнота. Минерве понадобилось всего несколько секунд, чтобы глаза привыкли к рассеянному свету, просачивающемуся из коридора.

– Садись, – коротко распорядился Грей, – а я растоплю камин. Не хватало еще, чтобы ты заболела. По-моему, тебе уже нездоровится.

Минерва пренебрежительно фыркнула, но не так уверенно, как хотелось бы.

– Ты забыл, что я...

– Крепка здоровьем? – подсказал Грей, высыпая уголь в камин. – Нет, дорогая, я ничего не забыл. Как я могу забыть то, что касается тебя?

Покраснев, она прикусила язык. Хорошо, что они прихватили с собой еду из трактира возле постоянного двора, где меняли лошадей. Минерва только теперь поняла, как проголодалась.

– Может, я приготовлю нам завтрак?

Сбросив плащ, Грей коротко усмехнулся.

– Что там готовить? У нас нет никакой еды, кроме хлеба и сыра. И вина, оставленного нам хозяином дома. Забирайся в постель, там ты быстрее согреешься. А я принесу припасы.

– Но мне надо помыться...

– Помыться? – Грей оглянулся на нее через плечо. На лице его плясали отблески пламени, глаза горели. – Ну конечно! Сейчас я согрею для тебя воды.

– И для себя, – подсказала Минерва, чувствуя, как ее вновь охватывает раздражение. – У нас с тобой одинаковые потребности.

– Как скажешь. – Но ответ Грея прозвучал неубедительно. – Снимай туфли... то есть сапоги. Наверное, они промокли.

Только тут Минерва вспомнила про свою великолепную обувь.

– Ничуть! Это еще одно изобретение, которое поможет определить, сумела ли я найти идеальный материал для новой грязеупорной юбки. По правде говоря, это старый, но усовершенствованный материал.

– Да-да, – равнодушно откликнулся Грей. – Снимай их и иди сюда, погрей ноги. – И он придвинул кресло к камину.

– Ты не слушаешь меня, ну да ладно. С годами ты научишься слушать. И тогда я расскажу тебе все, что знаю о резине и о том, как изобретения Макинтоша и Хэнкока были усовершенствованы двумя никому не известными американцами – Хейвудом и Гудиром. Похоже, сера поможет разрешить все затруднения, связанные с применением резины. Ты же знаешь: резина трескается от холода и плавится от жары. Ну так вот, мои сапоги резиновые.

Замолчав, она взглянула Грею в глаза.

– Минерва, ты неподражаема! Если бы я не сдерживался, то непременно сказал какую-нибудь глупость вроде «тебе следовало бы родиться мужчиной». Ты само совершенство, и ты принадлежишь мне. Твоему уму можно только позавидовать.

Минерва заметно смутилась.

– Спасибо, – пробормотала она, но Грей уже вышел из комнаты.

Не снимая плаща, она села, послушно сняла сапоги и подвинула ноги к камину.

Конечно, Грей прав. Напрасно она надеялась, что он, настоящий мужчина, согласится выполнить ее условия. Он джентльмен и воин, а воины не берут с собой женщин на бой. Грей готовился к битве.

Значит, она для него только помеха?

Но сможет ли она покинуть его?

Отрицательно ответив на оба вопроса, Минерва задумалась. Чем помочь Грею? Как уговорить его оставить ее здесь?

В коридоре послышались шаги Грея. Минерва невольно улыбнулась. Даже звук шагов любимого волновал ее, вызывая в памяти его легкую стремительную походку. От нелепого одеяния пустынного шейха Грей давно избавился, но на нем по-прежнему был потрепанный пиратский костюм. Такой наряд очень ему шел.

Грей принес большой чайник с водой и поставил его на треногу в камине.

– Вода скоро согреется, – кивнул он, – и мы позавтракаем. А потом я выйду, и ты сможешь помыться.

Минерва не ответила. Грей вынул из седельной сумки хлеб и сыр, отыскал в кухне кувшин вина и отхлебнул.

– Кислятина! – скривился он тут же. – Но ничего другого у нас нет.

Вино и вправду оказалось отвратительным, но Минерву это не волновало – она утратила всякий интерес к еде и питью. Нехотя жуя хлеб с сыром и запивая вином, девушка думала только об одном: какой ответ дать Грею, когда он заговорит в следующий раз.

Тем временем Грей устроился в кресле напротив и молчал, не сводя глаз с огня.

Отломив кусочек хлеба, Минерва задумчиво скатала мякиш в шарик.

– Еще вина? – спохватился Грей и протянул кувшин.

Она отрицательно покачала головой.

– Может, сыра?

– Нет, спасибо.

– Как знаешь. – Он поднялся и направился к умывальнику. Отлив из чайника в таз немного воды, попробовал температуру рукой.

– Еще не нагрелась, – сообщил он и поставил чайник на прежнее место.

– И так сойдет, – ответила Минерва. – Холодная вода бодрит.

– Тебе надо согреться и уснуть.

– Напротив – взбодриться. Рядом с тобой мне приходится постоянно быть настороже. Нельзя терять бдительность.

Поколебавшись, Грей налил воды в таз.

– Если уж тебе так невтерпех, то по крайней мере мойся возле камина. – Он завернул остатки еды и сунул свертки в сумку.

Минерва продолжала следить за каждым его шагом. Каким бы приятным был этот завтрак, если бы не эта ужасная мысль, что вскоре им придется расстаться!

Остановившись перед Минервой, Грей произнес:

– Я посижу в гостиной. Тебе нечего бояться. В случае необходимости я могу и не спать.

Она не ответила, и Грей вышел.

Закрывшаяся дверь отделила их друг от друга.

В доме все стихло. Не слышно было даже шагов Грея в коридоре.

Вскочив, Минерва бросилась к двери, разделившей их.

За дверью стояла тишина.

Она осторожно приблизилась к двери вплотную, приложила ладони к холодному дереву и прижалась к нему лицом.

Тишина.

Да, Грей умел обходиться без сна, как и она сама. Неужели он считал, что все четыре года, пока он где-то пропадал, она спала как младенец?

Если они расстанутся, ее снова ждут бессонные ночи и тоскливая пустота. Что с ней тогда станет?

Минерва закрыла глаза и поняла, что никуда не уедет из этого дома, что бы ни говорил Грей, как бы ни уговаривал ее.

– Я никуда не уеду, – тихо произнесла она. – Больше нас ничто не разлучит. Он – моя жизнь.

Ее голос умолк, сменившись звенящей тишиной.

– Ты моя жизнь! – крикнула Минерва. – Понимаешь?

И она заколотила в дверь кулаками.

– Да! – отозвался Грей так, словно стоял рядом. – А ты – моя. И я обязан позаботиться о тебе. – Рывком распахнув дверь, он застыл на пороге – темный силуэт в сером свете. Его изодранная рубашка напоминала белый флаг.

Впервые в жизни Минерве стало страшно.

– Я не оставлю тебя здесь, – заявила она, бессильно уронив руки. – Если ты умрешь, я умру с тобой.

Грей чертыхнулся и застыл в дверях, опустив голову.

– У меня в запасе всего несколько часов, чтобы отвезти тебя в безопасное место и подготовиться к встрече. Если ты останешься здесь, я каждую минуту буду тревожиться за тебя.

– Другими словами, ты обвиняешь меня в эгоизме?

– Ты...

– У тебя же есть оружие. Пистолеты.

– Конечно.

– Так дай мне один из них.

Грей устало засмеялся:

– Чтобы его обратили против тебя? Непосвященным лучше не брать в руки оружие, дорогая. Это не игрушка. Еще неизвестно, сможешь ли ты удерживать пистолет одной рукой.

– Как думаешь, когда нам следует ждать гостей?

– Мы с Максом разработали план. Он остался в Бэллифогге, чтобы слушать и наблюдать. Макс – проницательный человек, он знает, на что следует обращать внимание. Разумеется, его начнут расспрашивать. В оставленной записке я сообщил, что мы едем туда, где поженимся по шотландским законам в присутствии двух свидетелей, а затем в эдинбургский дом одного друга, чтобы провести там медовый месяц. Я написал, что в свое время мы вернемся в Бэллифогг. Записку должны были найти только через несколько часов после нашего побега. Многие сочтут, что к тому времени наш брак уже свершился, займутся своими делами, решив только мягко упрекнуть нас после возвращения. Но кое-кто отправится в погоню. И поскольку моя дружба с Максом Россмара общеизвестна, искать нас будут именно здесь. Скорее всего этим вечером.

– Грей, какой же ты умница! Как я рада, что моим мужем станет умный человек, на которого можно положиться.

– Спасибо. Я тебе еще не муж, но скоро им стану.

– Откуда ты узнал, что кухня Макса уже в отеле?

Грей достал из кармана клочок бумаги:

– Вот. Был приколот к двери. Элла уже на месте и ждет нас.

– Отлично. – Когда требовали обстоятельства, Минерва умела сделать хорошую мину при плохой игре. – Как думаешь, Элла не заскучает, если ей придется до вечера побыть одной?

– Я бы предпочел...

– Правда? Ты хочешь поскорее отделаться от меня?

– Так будет лучше.

– Для кого? – перебила Минерва. – Не для меня, это ясно. Может, ты уделишь мне несколько часов своего драгоценного времени? Пока оно у нас

еще есть?

Грей вдруг резко отвернулся.

– Ты ничего не понимаешь! – выпалил он. – Зачем ты мучаешь меня? Минерва, я мужчина, а не тряпка, не способная справиться... Нет, я солгал. Я действительно не могу справиться со своими чувствами, не могу приглушить в себе жажду. Мне тяжело разыгрывать роль брата, находясь рядом с тобой. Для тебя я слишком опасен, понимаешь?

Попятившись, Минерва ответила:

– Понимаю, – и посетовала, что ее голос дрогнул.

– Тогда сжался надо мной, не мучай меня больше! Не знаю, что ждет нас впереди, но я сам себя задушу, если ты пострадаешь по моей вине.

Минерва вздрогнула, но не сдвинулась с места. Не собираясь капитулировать, она протянула руку и коснулась спины Грея, ожидая, что он оттолкнет ее.

Грей не отстранился.

– Чего ты хочешь? – тихо спросил он зловещим голосом. – Только отвечай честно.

– Чтобы ты следовал за мной.

Грей так и напрягся под ее ладонью.

– Следовал за тобой?! Куда?

– Куда я поведу тебя – конечно, если ты согласишься довериться мне.

Ты мне доверяешь?

Ее босым ногам стало холодно, но она не сдвинулась с места.

– Так ты доверяешь мне, Грей?

– Да, – прошептал он.

– Тогда дай мне руку и иди следом.

Не дождавшись ответа, Минерва сама взяла Грея за руку и, закрыв дверь, повела его в спальню.

Остановившись у камина, возле таза с водой, Минерва сбросила на пол плащ, опустилась на колени и жестом попросила Грея сделать то же самое.

Стоя лицом к лицу с Греем над холодной чистой водой, Минерва произнесла:

– Дай мне рубашку.

Грей подчинился, не отрывая от нее взгляда. Положив ветхую ткань на ладони Минервы, он просто пожирал глазами ее губы. Посмотреть ниже, на алую тунику и серебристый нагрудник любимой, он не решался.

Она между тем разорвала рубаху и протянула один из лоскутов Грею.

– Я много читала о свадебных ритуалах, – объяснила она. – Почему бы

нам не изобрести свой? Крещение происходит в воде, потому что вода символизирует жизнь. Эта вода тоже символ жизни, совместной жизни мужа и жены.

Грей приоткрыл рот, но не издал ни звука.

– Над этим тазом с водой, – продолжала Минерва, обмакивая в воду свой обрывок ткани, – мы принесем друг другу клятву.

– Клятву стать мужем и женой? – уточнил он еле слышно.

– Да, вступить в брак, который будет совершен по законам Бога и человека, как только придет время.

– Я обязан позаботиться о тебе, – сказал Грей.

– А я о тебе. – Минерва выжала ткань и потянулась к любимому. Она омыла его лицо и шею, набрала пригоршню воды, и он склонил голову над тазом, чтобы помочь ей смочить его волосы и затылок. Покончив с этим, Минерва поднялась и подошла к нему, чтобы стереть влагу.

Грей вздрагивал от каждого ее прикосновения.

Чуть позже осторожно, но настойчиво он заставил Минерву опять встать по другую сторону таза и опуститься на колени. Кончиками пальцев, смоченных водой, он пригладил ее волосы и коснулся щек.

– Возьми ткань, – посоветовала Минерва, расстегивая красную тунику. – Я тебя умыла, теперь ты должен умыть меня.

Непослушными пальцами Грей оторвал от рубахи еще один лоскут и потряхнул им.

Минерва тем временем расстегнула застёжки серебряного нагрудника и сняла его.

Прерывисто вздохнув, Грей отвернулся.

«Только бы найти верные слова! – молилась Минерва, лихорадочно роясь в памяти. – Подскажи мне верные слова!»

– Я дарю тебе свое сердце, Грей Фэлконер.

– О, Минерва! – Он обернулся. – А я дарю тебе свое.

– Я дарю тебе душу, Грей Фэлконер.

– И я дарю тебе душу, Минерва. – Он смотрел на нее в упор. – И тело. Все, что у меня есть, я дарю тебе.

– И я дарю тебе свое тело и все, что у меня есть, Грей.

– До тех пор, пока смерть не разлучит нас.

– Да, – согласилась Минерва.

Грей взял свой плащ и растянул его в руках перед огнем, а потом согрел плащ Минервы.

Она приблизилась к любимому и опустилась перед ним на колени – грудь к груди, живот к животу – и положила голову к нему на плечо.

Расстелив оба плаща на полу, Грей бережно уложил на них Минерву и полностью избавил ее от одежды. Она словно окаменела, и Грей медленно, с невероятной осторожностью обтер влажной тканью ее тело, затем перевернул ее на живот, вымыл спину, ягодицы, чувствительную внутреннюю поверхность бедер, икры и щиколотки, подошвы ступней. Тут Минерва не удержалась и хихикнула. Но едва Грей коснулся ее груди, как она замолчала и перевернулась на спину. Он встал, снял бриджи и замер на мгновение, наблюдая, как у любимой изумленно распахнулись глаза. Она зажала ладонью рот, из глаз ее вдруг хлынули слезы.

– Боже! – воскликнул он, присаживаясь рядом. – Ты плачешь от обиды?

– От изумления, – поправила она. – Ты не устаешь удивлять меня.

Вытянувшись на боку, Грей положил ладонь на живот Минервы.

– У тебя такая тонкая кожа, что ты вся так и светишься.

Минерва потянулась к нему, но он осторожно отстранился.

– Нет, любимая, теперь пришла твоя очередь подчиняться. Ты согласна? Ну хотя бы сейчас?

Она нехотя кивнула.

– Вот здесь, – Грей погладил ее по животу, – будет расти наш ребенок – конечно, если позволит Господь.

Сердце Минервы готово было разорваться от счастья.

– Надеюсь, он не будет против.

– А здесь, – он подхватил ее грудь и слегка сжал сосок, – появится молоко для него. Жду не дождусь, когда это произойдет. – Грей наклонился, вобрал сосок в рот и принялся посасывать его. Минерва слегка приподняла бедра. Казалось, что ее сосок лижет яростное пламя, распространяющее жар по всему телу, до тех мест, названий которых она не знала.

Забыв о том, что обещала подчиняться Грею, она сама вдруг начала изучать его чувственное, сильное тело. Грей попытался было ее остановить, но Минерва уже завладела его плотью, и, как и следовало ожидать, искушение оказалось непреодолимым. Грей откинулся на спину, схватился обеими руками за плащ и стиснул зубы.

– Довольно! – вдруг резко произнес он. – Итак, мы муж и жена?

– Да, – прошептала Минерва.

– Мы подарили себя друг другу и готовы вновь сделать это перед Богом и людьми?

– Да.

– Тогда Господь будет не против, если я завладею тем, что мне принадлежит.

И он так порывисто опрокинул Минерву на спину, что она едва не задохнулась. Он принялся жадно целовать грудь любимой, вызывая у нее судорожные вздохи, пробуждая в ней страсть. Еще мгновение – и она ощутила липкую влагу между бедер.

Глаза Грея тотчас вспыхнули, он вновь показался Минерве прекрасным незнакомцем. Когда же он развел ее ноги в стороны и забросил их себе на плечи, глаза ее вновь расширились от удивления. Грей ответил ей решительной, полной желания улыбкой.

– Так будет легче, – объяснил он. – Ты мне откроешься.

Минерва попыталась расслабить судорожно сжавшиеся мышцы.

Бархат и сталь уверенно рвались в ее лоно. Рукой направив свое орудие, он ритмично и быстро задвигался. Минерву тотчас пронзило почти болезненное наслаждение.

Приподнимаясь ему навстречу, она без конца повторяла его имя – по крайней мере ей так казалось. Она вскрикивала, звала его, торопила событие, о котором имела лишь самые смутные представления.

Минерва никак не могла поверить, что вместила его целиком. Он погрузился на всю глубину при первом же движении, не встретив ни малейшего сопротивления.

Ветер и пламя.

Она слышала ветер, ощущала пламя и отдавалась им целиком. Жар окутывал ее, одни ощущения сменялись другими, заставляя желать большего. Притянув к себе Грея, Минерва вскрикнула и задвигалась с ним в унисон...

И вот, едва не задохнувшись и слившись воедино, они затихли на полу.

– Я люблю тебя, Минерва, – прошептал он.

– И я люблю тебя, – отозвалась она.

Грей прижал ее к себе так крепко, что у Минервы хрустнули кости.

– На миг мне показалось, что я умерла, сливаясь с тобой. О, как это прекрасно! Может, так и начинается новая жизнь?

– Ты всецело завладела моими телом и душой, – ответил он. – Я благодарю Бога за то, что ты дождалась меня.

Глава 25

Конечности Грея ныли, напоминая о долгом и утомительном путешествии из Бэллифога и о том, что случилось после прибытия в Эдинбург.

Напольные часы в холле мерно отсчитывали минуты. Вот и полдень уже миновал. Минерва спала рядом с Греем на широкой кровати с четырьмя столбиками. Волосы ее разметались и закрыли лицо, руки она закинула за голову. Улыбаясь, Грей приподнял одеяло: он не мог отказать себе в удовольствии еще раз полюбоваться ее телом.

Телом богини, прекраснейшей женщины в мире.

Его жены. Возлюбленной. Подруги. Символа исполнения всех желаний.

Грей не сразу вспомнил о том, что ждет гостей – сегодня вечером, ночью или завтра утром. Кто-то непременно явится сюда, в этом нет сомнений, а потому он должен быть начеку.

Грей провел ладонью по груди Минервы, и она выгнулась и что-то пролепетала во сне. Постепенно просыпаясь, она откинула одеяло и предстала перед ним совершенно нагой.

Его возлюбленная обладала чувственной натурой.

– Минерва! – прошептал Грей ей на ухо. – Минерва, пора просыпаться.

– Да?

– Надо вставать, любимая, и поискать какую-нибудь одежду, пока в доме еще светло.

Минерва сразу открыла глаза, нахмурилась, разглядывая полог над кроватью, а затем устремила взгляд на Грея:

– С какой стати мы должны вставать? Мы устали.

Но Грей продолжал тормозить ее, пока она окончательно не проснулась. Наконец он встал с постели.

– Грей! – Она приподнялась на локтях. – Вернись сейчас же!

– Ни в коем случае. Не заставляй меня нарушать приличия. Медовый месяц бывает только после свадьбы.

– Мы женаты.

Окинув ее внимательным взглядом, Грей кивнул:

– Да, да, Минерва. Но я был бы не прочь повторить клятву в присутствии старины Памфри. А теперь, дорогая, вставай. Макс заверил меня, что здесь мы найдем любую одежду.

Макс не солгал: шкаф был набит платьями – пожалуй, слишком изысканными и нарядными для предстоящих событий. Грей выбрал самое простое из них, сшитое из сиреневого шелка, и разложил его на постели. В ящиках комода обнаружили и запасы белья, но Минерва покачала головой, едва он принялся рыться в них.

– Лучше принарядись сам, – посоветовала она, быстро найдя себе подходящие вещицы. – По-моему, тебе будут к лицу светло-зеленая тафта и такие же туфли.

– Постараюсь запомнить, милая. Я скоро вернусь.

Разыскав в комнате Макса панталоны, темный сюртук и чистое белье, он торопливо оделся.

Вернувшись, он с удивлением обнаружил, что Минерва уже успела одеться и привести себя в порядок – осталось только застегнуть сзади платье. Грей охотно помог ей, приложив некоторые усилия: очевидно, платье принадлежало менее крепкой женщине.

Посмеиваясь, Минерва заметила:

– Может, оставим незастегнутым? Я набросила бы сверху мантилью, чтобы скрыть свои внушительные размеры.

Грей согласился:

– Более чем внушительные. Вероятно, платье носила маркиза, а она была весьма миниатюрной особой.

– Тише! – вдруг воскликнула Минерва и замерла. Она приложила палец к губам, но Грей уже все понял: поблизости раздался легкий шорох – скорее всего шелест ткани о стену коридора.

Надо немедленно увезти отсюда Минерву, подумалось Грею. Напрасно он поддался на ее уговоры и решил изменить планы!

Но теперь уже слишком поздно.

Пока они спали, огонь в камине угас, в спальне стало темно. Грей, впрочем, только порадовался этому.

Жестами он заставил Минерву встать на четвереньки. Она подчинилась, не споря, и заползла под кровать. Перед глазами Грея мелькнул ворох сиреневого шелка, кружева нижней юбки и панталоны.

Грей на цыпочках подошел к приоткрытой двери, остановился и прислушался.

Тишина.

Ни звука.

Ни крадущихся шагов, ни шороха одежды, ни даже дыхания.

Не слышно ничего.

Прижавшись к стене, он осторожно выглянул в коридор, стены

которого были увешаны портретами членов семейства Россмара, их лошадей и собак.

Эти молчаливые свидетели вряд ли выдали бы укрывшихся здесь влюбленных.

Вынув из-за пояса пистолет, Грей дулом приоткрыл дверь пошире.

Возможно, где-то что-то упало – одежда в шкафу, драпировка, чашка. Нет, все-таки лучше проверить, в чем дело.

Дверь комнаты напротив была открыта. Оглянувшись на кровать, под которой послушно пряталась Минерва, Грей прокрался в коридор и огляделся. Все вокруг было как прежде.

Справа на стенах висело еще несколько портретов, вдалеке виднелась лестница. Темные половицы были устланы обюссонским ковром.

Тишина.

Как и должно быть.

Если бы не какой-то синий ком на полу почти в самом конце коридора.

Как и предполагал Грей, что-то упало.

Он отошел от двери спальни на несколько шагов и вгляделся пристальнее. Синий ком поблескивал. Наверное, это драпировка. Минерва успокоится, если он принесет ей доказательства того, что в доме никого нет.

Грей наклонился и поднял загадочную вещицу. Им оказался синий мундир, расшитый золотом. Нахмурившись, Грей огляделся, но нигде на стенах не заметил гвоздя, на котором мог бы висеть этот мундир. Странно, почему он вообще валялся в коридоре, а не висел в шкафу?

Когда Грей в последний раз покидал спальню, мундира в коридоре не было. В тот раз Грей ходил за водой для Минервы.

Держа мундир в руке, Грей поспешил к лестнице и бесшумно спустился в холл, оглядываясь по сторонам. Просторный холл хранил гнетущее молчание, как и комнаты наверху.

Гулко пробили часы, заставив Грея вздрогнуть.

Обернувшись, он стрелой взлетел по лестнице. Теперь у него уже не было сомнений в том, что Минерву следует поскорее увезти отсюда.

У двери спальни Грей замер: дверь была закрыта. А он оставил ее открытой!

Сделав глубокий вдох, Грей попятился и тут заметил, как в серебряном кувшине, стоявшем на резном столике, отразилась мелькнувшая тень.

Вздрагнув, он обернулся.

– Добрый день, мистер Фэлконер. Присоединяйтесь к нам.

В дверях напротив спальни стоял человек огромного роста. На

черноволосом незнакомце была лишь рубашка. Одной рукой он прижимал к себе Минерву, а другой приставил пистолет к ее виску. Грей тихо ахнул.

– Поторопитесь, мистер Фэлконер. Не заставляйте меня ждать. Сегодня у меня много дел, и все-таки я выбрал свободную минуту, чтобы лучше познакомиться с вами и с этим... существом.

Грей заметил, с каким отвращением его собеседник смотрит на Минерву, но решил, что призывать его к ответу еще рано.

– Кто вы, сэр? – спросил Фэлконер, понимая, что зажатый в руке пистолет не принесет ему никакой пользы. – Будьте любезны отпустить мою... жену.

– Жену? – От грубого хохота Грея передернуло. – Я давно не бывал в этих краях. Наверное, теперь здесь принято называть «женами» потаскух?

Минерва вскрикнула, Грей шагнул к ней.

– Да-да, – закивал незнакомец. – Идите сюда, мистер Фэлконер. Мы славно повеселимся, прежде чем я попрощаюсь с вами обоими.

– Не смей! – выкрикнула Минерва. – Грей, беги отсюда! Он убьет нас!

– Чепуха! – перебил ее верзила. – Выдумки больного воображения. Предлагаю выпить за наше здоровье. А если вы все-таки решите покинуть этот дом, мистер Фэлконер, я просто пристрелю вашу маленькую распутницу, а потом и вас.

– Беги, Грей!

Грей медленно приблизился к незнакомцу, отступившему вместе с Минервой в глубину комнаты. Верзила не спускал с него белесых глаз. Длинные черные волосы были по-прежнему заплетены в косицу, лицо казалось угловатым и еще более отталкивающим, чем вчера вечером в Модлин-Мэноре.

– Вижу, вы меня узнали, – заметил громила.

– На маскараде, – шепотом подсказала Минерва. – Помнишь, Грей?

– Помню, любимая.

– Как трогательно! – процедил сквозь зубы капитан Смит, ибо это был действительно он.

Бросив взгляд на мундир, с помощью которого его отвлекли от Минервы, Грей швырнул синий ком в сторону.

– Советую вам бросить и пистолет, – произнес Смит, и Грея вновь передернуло при виде его почти не шевелящихся тонких губ.

– Нет! – взмолилась Минерва. – Пока ты вооружен, у нас есть шанс. Зачем нам умирать?

– Дорогая, ты единственная в мире женщина, наделенная логикой, – сообщил Грей, обдумывая, как выпутаться из этой ситуации.

– Налейте нам вина, – распорядился Смит и указал в сторону. – Бутылка хорошей мадеры стоит вон там. Я привез ее с собой. Наполните три бокала.

Грей увидел бокалы и бутылку, стоящие на комодe. Не спуская глаз со Смита, он выполнил приказ. Бутылка была полной; похоже, ее еще не откупоривали. Грей задумался о намерениях своего противника.

Он не сразу заметил то, что должен был заметить: у стены стояло два больших открытых сундука.

Отведя взгляд, Грей сделал вид, что поглощен разливанием мадеры. В назначении этих сундуков он не сомневался. Они превосходно могли заменить гробы.

По-прежнему целясь Минерве в висок, Смит завел вторую руку за спину и развязал ленту на косице. Распустив свои длинные вьющиеся волосы, он переложил пистолет в другую руку и приставил его к левой груди Минервы. Она прерывисто вздохнула, и Грей рванулся к ней.

– Не двигайтесь! – велел Смит. – Иначе вашей игрушке крышка.

К ужасу Грея, он склонился над Минервой. От длинных черных волос на лицо его упала тень. Шагнув вместе со своей заложницей в сторону, Смит взял со стула трость с набалдашником в виде башмака и, засмеявшись, стукнул тростью об пол.

– Позвольте представиться, – невнятно проговорил он, – перед вами евнух!

– Олаф Клак! – выдохнул Грей. – Теперь ясно, почему вы так старательно скрывали лицо.

Клак выпрямился.

– Я скрывал его исключительно для того, чтобы вы меня не узнали, глупец. Итак, разве мы не знакомы? – спросил он, наморщив крючковатый нос.

– Вы Клак, – пробормотал Грей, чувствуя себя ужасно глупо.

– Мы знаем вас, сэр, – подтвердила Минерва. Босиком она казалась особенно беспомощной. – Вы мистер Клак из Модлин-Мэнора, на редкость умный человек.

– Не льсти мне, блудница. За кого ты меня принимаешь? Я джентльмен и ученый, у меня была женщина, до которой тебе далеко. Была, пока не умерла, производя на свет скверную девчонку, мою дочь.

У Минервы от изумления округлились глаза.

– Она наверняка не хотела покидать этот мир, сэр. Не сомневаюсь, она предпочла бы остаться с вами и дочерью.

Кто этот человек? Грей напряг память, но не мог отыскать в ней

воспоминаний о встречах с Клаком, кроме как в Шотландии.

– Она была настоящей леди, – отозвался Клак. – Представляете, за всю свою жизнь со мной она не вымолвила ни слова. Только потому, что я взял ее силой.

И без того бледное лицо Минервы побелело как мел.

– Да еще оставила мне младенца, девчонку! – Клак потрянул головой. Но даже в ярости его лицо осталось непроницаемым. – Выпьем. Предлагаю тост за примирение. Что толку в брани и оскорблениях? Ошибки совершают для того, чтобы впредь не повторять их. Мы с вами умные люди, Фэлконер. Как и я, вы понимаете, что человек обязан смириться с неизбежным. А смерть для вас двоих неизбежна. Но это еще не значит, что перед смертью нельзя выпить за здоровье. – Он ухмыльнулся и вцепился зубами в набалдашник трости.

– И где же ваша дочь? – вдруг спросила Минерва.

Клак что-то промышчал, пытаясь отвинтить набалдашник.

– Вы сломаете зубы, Клак, – заметил Грей.

– Ну и черт с ними, – отозвался тот. – Мы все равно выпьем, и сил у меня прибавится. Все пойдет как задумано. Я слишком долго этого ждал... Тс-с! Слышите! Что там еще, черт возьми?! Встаньте к стене, Фэлконер. Один звук – и она умрет.

В коридоре послышались громкие шаги.

Надежда проснулась в душе Грея лишь на миг, пока знакомый голос не позвал:

– Олаф, дружище, ты здесь? Олаф, Олаф, старина! Я спешу на помощь! Вот уж не думал, что ты не дождешься меня. Решил заграбастать все сразу, или...

– Тихо! – взревел Клак. – Сюда, Минер! Только тихо!

В дверях появился Сайлас Минер. В длинном плаще, который лишь сильнее подчеркивал его худобу. Под плащом виднелась длинная белая туника – видимо, он не переоделся после маскарада. Шутовской колпак исчез, а черная краска с бровей, бороды и усов размазалась по лицу.

– Как ты нашел меня? – спросил Клак.

Минер поморщился. Согнутой левой рукой он привычно прижимал к груди серебряную трость.

– Прошу тебя, не кричи, Олаф! У меня раскалывается голова. Кажется, вчера ночью я перебрал...

– Я спрашиваю: как ты меня нашел? И потом, какой я тебе Олаф, Второй?

Грей заложил за спину обе руки и прислонился к стене. Второй!

«Лорд Ледяные Глаза заперт, Второй?»

«А как же, Девятый!»

«Тогда Кэп будет доволен».

Жаркая, душная ночь на острове. Пылающий костер, пляшущие тени. Они приближались к ограде только для того, чтобы в очередной раз напугать Грея, их беспомощного пленника.

Лишь теперь Грей понял, что перед ним те самые пираты, которые похитили его с корабля. Ему следовало догадаться об этом раньше, узнав их по голосам. Конечно, он никогда не видел пиратов вблизи, но какая разница!

– Ладно тебе, Кэп, – примирительно произнес Сайлас. – Я думал, ему не стоит знать, кто мы такие.

– Это еще почему? Мертвые не болтают.

Минер окинул Грея взглядом и кивнул:

– Само собой. И как я не догадался? Слишком уж он прямой и честный: не решился даже отвезти в Англию несколько безобидных семян, спрятав их в сахаре. Подумать только!

Грею нестерпимо хотелось вмешаться в разговор, потряхнуть головой и, потрясая кулаками, потребовать, чтобы ему объяснили, в чем дело. Но в руках, что были спрятаны за спиной, он сжимал пистолет. Впрочем, это не помешало ему признаться:

– Вы успешно водили меня за нос. Чертовски ловкая работа! Значит, это вы разыскали меня на плантациях и хотели, чтобы я вывез из Вест-Индии семена дурмана?

– Верно, – согласился Минер, радостно хлопнул себя по колену и снова подмигнул. – Как это делал прежде один из членов вашей семьи. Знаете, вчера вечером я даже надел свою давнишнюю хламиду. Мне нравится рисковать, Фэлконер. Как я и думал, вы ничего не заметили. Человек меняется вместе с окружающей обстановкой, верно? В новом месте и ловушки новые. Иногда бывает достаточно только побрить голову. Поразительно, как отсутствие прически преобразует лицо!

Грей совсем не обрадовался напоминанию о своем промахе, который мог стоить им с Минервой жизни.

– Довольно болтовни! – перебил Клак. – Пора за работу. Вижу, трость при тебе, Второй. – Он тоже подмигнул и надолго закрыл один глаз. Грей удивленно поднял бровь.

– Что это у тебя с глазом, Кэп? – в свою очередь, спросил Минер. – Что-нибудь попало? Дай-ка я посмотрю...

– С моим глазом все в порядке, болван, – отрезал Клак. – Эти двое

должны выпить. Я же цивилизованный человек, Второй, или ты забыл? Так все кончится быстрее и приятнее. Вижу, надежная трость при тебе. – Он снова закрыл глаз и кивнул головой в сторону бокалов, наполненных мадерой.

– А, трость! – отозвался Минер. – Да, я не расстаюсь с ней ни на минуту. Дай-ка мне вспомнить, куда я ее девал...

– Она у тебя в руке, идиот. В твоей никчемной левой руке.

Минер поклонился, выставив на всеобщее обозрение бритую макушку.

Затем, отвернувшись от зрителей, Минер что-то забормотал себе под нос, копошась с каким-то предметом, и наконец выпалил:

– Черт бы побрал Микки! Опять она! – В руке он держал набалдашник трости, саму трость по-прежнему прижимал к груди. В трости зияло отверстие. – Она снова высыпала их. Ничего не скажешь, добрая душа!

– Оставь этот тон, когда говоришь о моей дочери! – рявкнул Клак. – Твое дело – присматривать за ней, а не браниться. Или ты забыл?

– Я ни в чем ее не упрекаю. Тем более что Микки подсказала, где тебя найти. Она призналась, что ты последовал за влюбленными, чтобы все денежки достались только тебе...

– Довольно! – прервал его Клак.

– Так Микки – девушка? – воскликнула Минерва. – Несчастное создание!

– Мой тяжкий крест, – проворчал Клак.

– Скромная маленькая монахиня на маскараде, – вспомнил Грей и невольно улыбнулся. – Подходящий наряд. Надеюсь, мне представится возможность поблагодарить ее за помощь.

– За какую еще помощь? – удивился Клак.

– Она украла у меня семена дурмана, – мрачно признался Минер. – И уже не в первый раз. С тех пор как она родилась, моя жизнь пошла кувырком!

– Не смей так говорить о моей дочери! – вскричал Клак. – Имей в виду: это последнее предупреждение.

– Тогда разреши мне жениться на ней.

Клак тем временем пытался отвинтить набалдашник своей трости.

– Моя дочь замуж ни за кого не выйдет... Теперь мне придется откручивать этот чертов башмак.

– Лучше пристрели их, – посоветовал Минер и ослепительно улыбнулся.

– Грязная работа, – поморщился напарник. – Останутся следы крови. Лучше заставить их влезть в сундуки, дать выпить и угостить... сам знаешь

чем. А потом захлопнем крышки и отнесем сундуки вниз, в экипаж.

– Отличная мысль, – одобрил сообщник. – Так я и подумал, едва увидел экипаж.

– А где Микки?

– В Бэллифогге. Похоже, ей понравился этот олух Брамби.

– Микки никто не нравится, – возразил Клак. – Она гордячка, как и ее мать. Хорошо, что я догадался переодеть ее мальчишкой, иначе вокруг увивались бы всякие щенки вроде Макспоррана.

– Он все равно толчется рядом, – напомнил Минер, явно радуясь возможности позлить Клака.

Грей исподтишка осмотрел комнату, отмечая, где стоят бокалы, и прикидывая расстояние до Клака и Минервы. За поясом панталон Минера он разглядел пистолет, за голенищами сапог ножи. Теперь может выручить только счастливый случай.

Клак попятился, увлекая за собой Минерву. Подойдя к меньшему из двух сундуков, он поднял девушку и поставил ее внутрь.

От ужаса лицо Минервы исказилось, но она не издала ни звука.

– Садись, – приказал ей Клак. – Живо!

– Я боюсь замкнутых пространств, – ответила она.

Клак ослабил, растянув безобразный рот.

– Ты слышал, Второй? Она боится замкнутых пространств. Вот и хорошо – потому что мы приготовили для нее пристанище самых скромных размеров!

Грей заметил, как Минер судорожно сглотнул, прежде чем ответить:

– Разумеется.

Внизу вдруг послышались звуки шагов. Кто-то поднимался по лестнице тяжелой, как у Минера, поступью.

– Кого ты сюда притащил? – прошептал Клак, оскалив острые зубы. – Ты что, спятил?

– Это не я! – запротестовал Минер и обернулся к двери как раз в тот момент, когда на порог шагнул отдувающийся Кэдзоу.

– Кэдзоу! – с облегчением воскликнул Грей. – Слава Богу, ты успел вовремя. Мы чуть было не попали в переплет. Ты знаешь, кто эти люди? Конечно, откуда тебе знать!

– Благодаря Эльдоре я узнал, где найти тебя, Клак, – произнес Кэдзоу. – Ума не приложу, как ей удалось разоблачить вас.

– Кэдзоу...

– Помолчи, – оборвал Кэдзоу Грея. – Мне было некогда расспрашивать Эльдору, с этим я решил подождать. Черт бы тебя побрал, Клак! Насколько

я понимаю, вы с Минером решили закончить игру, а мне, значит, предстоит расхлебывать кашу, которую вы заварили? И по-прежнему платить вам?

– Расхлебывать кашу не придется, – заверил его Клак. – Но от расплаты тебе не уйти.

Минерва застыла в сундуке, не сводя глаз с Кэдзоу. Наконец она не выдержала:

– Мистер Фэлконер, мы очень рады вас видеть. Вы привели полицейских?

– Заткнись! – отрезал Кэдзоу. – Ты всегда была глупой, своевольной девчонкой. Но мне нет до тебя никакого дела – как не было бы и до Грея, если бы он не погубил все мои планы. Ты должен был умереть на острове, – продолжал он, не глядя на племянника. – Я щедро заплатил за то, чтобы тебя убили. Но эти негодяи решили, что выгоднее сохранить тебе жизнь. Они шантажировали меня, угрожая сообщить тебе имя того, кто заплатил им за похищение. Они утверждали, что могут отпустить тебя в любую минуту, а я не осмеливался не поверить им.

Предательство дяди ошеломило Грея, но неподдельное изумление только придало ему сил. Кровь забурлила у него в жилах, гнев быстро нарастал. Оставалось лишь обуздать его и обратить на пользу.

– Минер, Клак все испортил, – заключил Кэдзоу, доставая пистолет. – За это он умрет.

Грея охватила паника: выстрелив в Клака, Кэдзоу мог ранить Минерву.

– Рад слышать, – отозвался Минер. – Стреляй!

– Я прихватил с собой пистолет, чтобы защищаться, – объяснил Кэдзоу. – Проломи этому болвану череп своей тростью. И поживее.

Грей увидел, как глаза Клака расширились от ужаса. Минер взял трость в здоровую правую руку и вскинул ее над головой. Блеснуло серебро, трость со свистом рассекла воздух.

Но вскрикнул от боли не Клак, а Кэдзоу. Он же тяжело рухнул на пол.

– Готово! – горделиво воскликнул Минер. – Смотри, Олаф, я разделался с ним!

Клак хмыкнул.

Минерва опустила глаза.

– Кэдзоу, – тихо сказал Грей Минерве. – Ты не ошиблась: прежде всего моя смерть была выгодна ему.

– А еще ему было что терять, – откликнулась она.

– Поразительная догадливость! – восхитился Минер, взяв бокал мадеры и осушив его одним глотком. – Олаф, поторопись. Что там с твоей...

– Сейчас, сейчас... – забормотал Клак. – Может, у тебя получится?

Минер взял из рук сообщника трость, прижал ее к груди левой рукой и попытался отвинтить набалдашник.

– Слушай, – вдруг произнес он, уставившись на Клака, – а кто нам заплатит? – И он указал на неподвижное тело Кэдзоу.

Клак поморщился:

– Делай что велено! Сначала надо разделаться с ними, а потом подумаем, как быть дальше.

Минер сумел отвинтить набалдашник и заглянул в тайник.

– Опять Микки! Олаф, отец из тебя никудышный. Здесь нет ни единого семечка.

Подскочив на месте, Клак с грохотом опустился на пол, яростно вскрикнул и затопал ногами:

– Ну попадись мне эта девчонка! Это ты во всем виноват, Минер! Я же велел тебе присматривать за ней!

– Минерва! – Из глубины дома вдруг послышался очень знакомый гнусавый мужской голос. – Дочка, ты здесь? Отзовись!

– Папа. – Минерва вздрогнула. – Грей, попроси его уйти, пока не поздно.

Грей послушно крикнул:

– Будьте любезны подождать снаружи, мистер Арбакл!

– Арбакл? – встrepенулcя Клак. – Это Арбакл?

– Ее отец, – пояснил Минер, выпивая еще один бокал мадеры. – Помнишь, тот чудак в нелепом берете? Тот самый, который мнит себя художником?

– Папа и вправду известный художник, – возмутилась Минерва.

Клак забормотал:

– А, тот болван, чья жена помогла устроить маскарад!

– Вы имеете в виду мою маму? – произнесла Минерва слишком сурово для женщины, стоящей под дулом пистолета.

– Деньги! – вдруг взревел Клак. – Ну разумеется! Мы спасены, Второй. Мистер Арбакл! – Он повысил голос. – Идите к нам, мистер Арбакл! Минерва здесь. – И шепотом добавил: – Арбакл согласится заплатить, лишь бы спасти жизнь дочери.

Грей открыл было рот, чтобы предупредить Арбакла об опасности, но в воздухе вновь мелькнула серебряная трость Минера, и от сокрушительного удара по плечу Фэлконер упал на колени.

– Ни слова, пока вас не спросят! – прошипел проходимец.

По коридору загромыхали шаги.

– Сюда, мистер Арбакл, – снова позвал Клак. – Минерва будет рада вас видеть!

В дверь просунулась голова Портоса Арбакла, увенчанная неизменным синим беретом. Темные очки помешали ему сразу разглядеть присутствующих. Сообразив, что здесь происходит, Арбакл в ужасе разинул рот.

– Будьте любезны отпустить мою дочь, сэр, – заявил он. – Не понимаю, что вам взбрело в голову, Минер? И это после всего, что мы с женой для вас сделали! Минер, кто этот мерзавец?

– Мистер Арбакл, вы нам ничем не поможете, – вмешался Грей, с опозданием осознав, что заблуждался насчет отца Минервы. – Лучше уходите, пока можете.

– Вы предлагаете мне уйти и бросить дочь, стоящую под дулом пистолета? Ни в коем случае!

Закрыв глаза, Грей попытался взять себя в руки. Дело принимало угрожающий оборот. Он надеялся только на то, что ему хитростью удастся заставить Клака отпустить Минерву.

Арбакл ввалился в комнату – очевидно, его втолкнул туда багроволицый, шипящий, как чайник, Энгус Макспорран.

– Этого еще не хватало! – не выдержал Клак.

– Мерзавец! – выпалил Макспорран, уставившись на Минера. – Это ты притащил ее в Бэллифог, черт бы тебя побрал! Эту Микки! Она увезла моего мальчика, моего Брамби! Его мать в панике! Они сбежали вдвоем.

– Брамби заезжал к нам, Минерва, – объяснил Арбакл. – Микки во всем призналась. Узнав о том, что ты исчезла, Брамби места себе не находил от беспокойства. Она... мы все думали, что она – это он. Так вот, она объяснила Брамби, что ты отправилась сюда и что Клак бросился в погоню.

– Вот видишь! – воскликнул Минер, потрясая тростью. – Скверная девчонка! Я говорил тебе: она проболтается!

– Не смей говорить о моей дочери...

– ...таким тоном, – закончил за Клака Минер. – Лучше скажи, как нам выпутаться, Кэп. Ну, что будем делать?

– Это Клак, – объяснил Грей Арбаклу и Макспоррану. – Он только притворялся калекой. Как видите, он совершенно здоров.

– Это он похитил Грея и увез его на остров, – добавила Минерва и ахнула, получив новый толчок в бок дулом пистолета.

– Портос, – вдруг ахнул Макспорран, – смотри, это Кэдзоу Фэлконер!

Арбакл осторожно шагнул к неподвижному телу Кэдзоу и подтвердил:

– И правда, он. Что он здесь делает?

– Его прислала сюда Эльдора, – пояснил Грей. – Он не знал, откуда ей все известно.

Арбакл поскреб подбородок.

– Стало быть, он мертв?

– А как же! – Минер любовно погладил трость. – И так будет с каждым, кто встанет у меня на пути.

Арбакл усмехнулся и потер руки.

– Весьма кстати... Только жаль беднягу Кэдзоу – верно, Энгус?

Макспорран улыбнулся с не меньшим энтузиазмом, что заставило Грея нахмуриться.

– Видишь, – продолжал Арбакл, – теперь нам не о чем беспокоиться. Фэлконеры нам больше не помеха.

– Папа! – Минерва чуть не вырвалась из рук Клака. – Папа, как ты можешь так говорить о Грее?

– Успокойся, любимая, – попросил Грей. – Прошу тебя. Уверен, твой отец оговорился.

– Как бы не так! – возразил Арбакл подбоченясь. – Клак, мы заберем Минерву и уедем отсюда. А дальше – не наша забота. Уверю, никто из нас не проговорится.

Минерва вспыхнула, на глаза ее навернулись слезы.

– Мы с тобой – одна семья, – напомнил Грей, пытаясь утешить ее. – Прошу тебя, не плачь.

В этот миг с пола как ни в чем не бывало вскочил Кэдзоу, чем поверг собравшихся в ужас.

– Вы все у меня поплатитесь! – И он прицелился Клаку в живот. Тот попятился, отпустив Минерву.

– Скорее сюда! – крикнул ей Грей, вскинув свой пистолет, но тут же опустил его: выбравшись из сундука, Минерва набросилась на злодея. – Минерва, ради Бога, опомнись!

Та же молотила Клака кулаками по голове. Растерявшись, он даже не пытался защититься. Метнувшись к Минеру, Грей повалил его на пол, вцепился в вытянутую руку Клака и выхватил у него пистолет.

– Убей его, Второй! – взвыл Клак, отбиваясь от расвирепевшей Минервы. – Убей их всех! Выпусти им кишки! Повесь на нее! Пусти на корм рыбам!

Минерва снова ринулась в атаку, пытаясь выцарапать Клаку глаза. Он вскрикнул, споткнулся о край сундука, потерял равновесие и упал внутрь.

Грей с трудом оторвал от него разъяренную Минерву.

– Только шевельнись – и ты умрешь, Клак. Ни с места, Минер! И ты стой, Кэдзоу.

Заслонив собой Минерву, Грей попятился к порогу, чтобы видеть всех присутствующих в комнате.

– Держись у меня за спиной, – велел он Минерве. В каждой руке Грея теперь было по пистолету.

– Между прочим, я только что спас тебе жизнь, – сердито напомнил Кэдзоу.

– Не по своей воле, – возразил Грей. – Положи пистолет на пол. Вы двое – ни с места! – приказал он Арбаклу и Макспоррану, которые двинулись было к двери.

– Прикончи их, – велел Кэдзоу, грузно поднимаясь на ноги. – Всех до единого. Этот Клак – пират, и Минер тоже. Они увезли тебя на остров и держали в плену.

– А ты нам платил, – мстительно отозвался Клак.

Минер кивнул:

– Верно. А еще согласился взять наши деньги, чтобы вывезти из Вест-Индии опасный груз.

– Мы тут ни при чем, – заюлил Энгус Макспорран. – Мы подождем вас снаружи.

– Как это ни при чем? – вскипел Кэдзоу. – Ты, Арбакл, явился ко мне и потребовал расплатиться по брачному контракту, хотя в то время мы считали, что мой племянник мертв!

Минерва метнулась вперед, выхватила у Кэдзоу пистолет и схватилась за рукав Грея.

– Ты годами выманивал у меня деньги, – продолжал святоша.

– А ты охотно платил их – потому что чувствовал свою вину, – язвительно протянул Арбакл. – Я просто решил попытать удачу. Ты без всяких сожалений присвоил себе все, что принадлежало Грею. Потому я и решил, что это ты прикончил его, хотя ничего не знал наверняка. Будь ты поумнее, ни за что не позволил бы шантажировать тебя.

– Прекрати! – выкрикнула Минерва. – Папа, в чем дело? Я ничего не понимаю!

– Конечно, не понимаешь, дорогая, – ответил Арбакл. – Тебе вовсе незачем забивать голову всякой чепухой.

– Твой отец потребовал отступного, – объяснил Кэдзоу. – А когда я отказал, пригрозил обвинить меня в исчезновении твоего драгоценного Грея. Я решил, что ему обо всем известно и заплатил за молчание. Щедро заплатил. А он раструбил на всю округу, что ему платят за омерзительные

картины!

Втиснутый в меньший из двух сундуков, Клак попытался выбраться, но, заметив пристальный взгляд Грея, тотчас затих.

– Папа, как ты мог? – воскликнула Минерва, становясь рядом с Греем.

– Мне нужны были деньги, – пробормотал Арбакл, – на всякие мелочи...

– Ах да! – с горечью перебила Минерва, и Грей почувствовал, что она вскипает от гнева. – Та самая статья расходов под туманным названием «разное»! Ты забыл, что я веду расходные книги? Ты вручал мне чеки, уплаченные за якобы проданные картины. И время от времени брал деньги, ничего не объясняя.

– Похоже, всем нам грозят неприятности, – заметил Макспорран, отодвинувшись от друга. – Портос, я жду тебя внизу. Нельзя оставлять Друсиллу одну. Бедняжка сама не своя – и все из-за Брамби!

Арбакл так и затрясся от злобы.

– Хочешь сказать, что ты тут ни при чем? Как бы не так! Почему бы тебе не объяснить Минерве, на что я тратил деньги?

– Полно, дружище, – отозвался Макспорран, примирительно махнув рукой, – к чему мутить воду?

– Не затыкай мне рот! Эти деньги доставались тебе. Ты прекрасно знаешь, за что.

Макспорран обернулся к другу так круто, что подол его килта разлетелся в стороны, обнажая кривые ноги.

– Как ты посмел, Портос? Ты же обещал хранить нашу общую тайну!

– Чтобы ты вышел сухим из воды? Ишь чего захотел! Ты продавал мне бесценную мебель из Модлин-Мэнора! – Арбакл вздернул нос. – Вот! Шила в мешке не утаишь!

– Ты забыл добавить, что купленную у меня за бесценок мебель ты продавал в Эдинбурге и Лондоне за громадные деньги! Я же согласился лишь потому, что у меня нет связей. Ты получал деньги от Фэлконера, платил мне жалкие крохи, а выручал в десятки раз больше за то, что выманивал у меня.

– Послушайте, друзья, – вмешался Кэдзоу, одутловатое лицо которого вдруг стало мертвенно-бледным. – Мы все можем прийти к взаимовыгодному соглашению. А эти мерзавцы заслуживают смерти. – Он указал на Клака, корчившегося в сундуке, и Минера, который поглядывал на последний бокал мадеры. – Иначе нам несдобровать.

– Меня вам незачем бояться, – возразил Сайлас Минер, мелкими шажками продвигаясь к цели. – Но насчет Клака я согласен: ему нельзя

доверять.

Грей скорее почувствовал, чем увидел, как напрягся Клак, и поудобнее перехватил в ладонях рукоятки пистолетов. Одним рывком пират вскочил на ноги и схватил свою трость.

– Будь ты проклят, Кэдзоу! – взревел он, взяв трость обеими руками и нанося удар.

Кэдзоу рухнул на пол.

И тут же еще один удар заставил пошатнуться и Клака. Минер с улыбкой раскланялся во все стороны.

– Как видите, я на вашей стороне, джентльмены.

Последнее слово в этот день осталось за Клаком. Еще раз взмахнув тростью с набалдашником в виде башмака, он опрокинул на пол Минера, лишившегося чувств.

Минерва стояла на табурете, вдыхая свежий воздух из окна, открытого Греем. При этом она продолжала держать под прицелом мужчин, распростершихся на полу. Пошевелившись, Кэдзоу попытался отползти подальше от пиратов.

– Долго нам еще ждать? – спросила Минерва у Грея. От усталости у нее подкашивались ноги, ей хотелось только одного: свернуться клубком и заснуть рядом с любимым.

– Думаю, недолго, – ответил Грей, выглядывая на улицу. – Мне не хочется поднимать шум: подкрепление может появиться с минуты на минуту.

По приказу Грея Арбакл и Макспорран проворно связали Клака и Минера. Поглядывая на пиратов, Минерва вздрагивала.

– Никогда бы не подумала, что увижу живого пирата, тем более двух, да еще связанных! Может, связать и Кэдзоу?

– Нет, – отрезал Грей. – Остальных связывать незачем. Они никуда не денутся... А, вот и он!

Минерва услышала стук колес подъехавшего экипажа и грохот шагов на лестнице.

– Что здесь происходит? – спросил Макс Россмара, входя в комнату под руку с Друсиллой Макспорран. – Я встретил миссис Макспорран внизу. Она была в таком состоянии, что я решил проводить ее в дом.

– Наконец-то! – воскликнул Грей, протягивая Максу пистолет.

Макс покачал головой и вытащил свой.

– Одни пистолеты! – вздохнула Минерва, разглядывая оружие, которое она держала в руке.

– Мерзость, – поморщилась Друсилла. – А вы, Макспорран, – негодяй! Кучер требует уплаты, твердит, что больше не станет ждать ни минуты. Хорошо еще, что Дженет осталась дома, иначе с ней приключилась бы истерика. Вы получили то, за чем пришли, Макспорран?

– Тише, дорогая! – стал успокаивать ее муж. – Потом поговорим.

– Нет, сейчас, – заупрямилась Друсилла. – Я вас долго щадила, но теперь довольно. Арбакл, если вы не хотите разоблачения, возьмите деньги у своего будущего зятя, и покончим с этим делом.

Портос застонал.

– Отлично, – громко продолжила Друсилла. – Мистер Фэлконер, вы должны дать своему будущему зятю денег. Он отдаст их нам, чтобы мы выкупили в Эдинбурге и Лондоне всю мебель из поместья, которую продали Арбаклу, – следует добавить, за жалкие гроши.

– Вы сами предложили мне эту мебель, – возразил Арбакл. – Мы с будущим зятем ничего вам не должны.

– А вы уже сказали своему будущему зятю, что сговорились с Эльдорой Мейквелл убить его, чтобы она осталась полноправной владелицей поместья? – осведомилась Друсилла. – Судя по всему, вы промолчали. Говорят, эта скверная женщина сбежала, но истина остается истиной. Старуха, которой принадлежал Модлин-Мэнор, умерла. Мы должны вернуть мебель до приезда нового владельца. Ходят слухи, он пренеприятный человек. Нас предупредили, что это педантичный и вьедливый скупердяй по фамилии Норт, Девлин Норт.

– Насколько я понимаю, – вступил в разговор Грей, – вам с мистером Макспорраном предстоит неприятное объяснение с мистером Нортом. А нам надо препроводить этих троих в тюрьму, если Макс сделает мне одолжение и позовет полицейских. Что же касается Макспоррана и Арбакла... мы выдвинем против них обвинение, вот только решим, какое именно.

Непривычно молчаливый Макс огляделся и вышел из комнаты.

– Кэдзи! Кэдзи, где ты? Это я!

Переглянувшись, Грей и Минерва хором выпалили:

– Эльдора!

– Отвратительная женщина, – заметила Друсилла, садясь в кресло. – Порочная до мозга костей.

Кэдзоу открыл глаза, поднялся и побрел к окну.

– Кэдзи! – снова позвала Эльдора. – Где ты, Кэдзи!

– Сядь, Кэдзоу, – велел Грей. – Все уже кончено.

– Кончено, – согласился дядюшка и на глазах у изумленной публики

вскочил на подоконник и выпрыгнул в окно.

В комнате воцарилась тягостная тишина. Наконец Друсилла Макспорран изрекла:

– Туда ему и дорога. У этого человека не было ни чести, ни совести.

Эпилог

Любовь и потери... Каким печальным и в то же время радостным оказался день, о котором так давно мечтала Минерва!

В мягком серебристом свете раннего утра, в сочельник, она шагала по улице Бэллифога к церкви Святого Олдхелма.

Вновь начался снегопад. Под окнами деревенских лавок снег плавно оседал на сугробы.

Сегодня в каждой кухне хлопотали матери и жены, готовясь к рождественскому застолью. На расшалившихся детей сыпались лишь добродушные упреки. В воздухе пахло пирогами, яблоками, корицей и мясным фаршем, драгоценным имбирем и гвоздикой, припрятанными к Рождеству, а также подогретым бренди, пудингом и лимонами.

Но в Уиллиноке ничто не напоминало о приближении Рождества. Миссис Хэтч, еще не оправившись от недавнего потрясения, тихо бродила по дому. Фергюс и Айона тоже не спешили выйти из своих комнат, однако они твердо пообещали помочь Минерве: Фергюс – сыграть роль посаженного отца, а Айона – подружки.

Окна постоянного двора были распахнуты. Изнутри доносился голос хозяина, распевającego во всю глотку рождественскую песенку «Остролист и плющ».

Запахнувшись в плащ и надвинув на лоб капюшон, Минерва торопливо шагала по улице. Ей хотелось немного побыть одной, подумать о случившемся и о том, что предстояло.

– «Из всех растений на земле, – летел ей вслед голос хозяина постоянного двора, – досталась слава остролисту...»

Туфли Минерва несла в руках, прижав к груди под плащом. Собираясь в церковь, она надела резиновые сапоги.

Белое рыхлое покрывало обновило надгробия и придало им торжественный вид. На голове серого мраморного ангела на постаменте появился белый колпак, а на крыльях и сложенных руках – снежная глазурь.

Здесь Минерва всегда ощущала умиротворение – отчасти потому, что преподобный Памфри и миссис Памела радостно принимали ее, сопровождали на прогулках, развлекали разговорами, угощали. Дом священника был пристанищем для всех, кто жаждал участия и тепла. Каждый чувствовал себя здесь как дома.

Для супругов Памфри все гости были равны, каждый заслуживал сочувствия и утешения.

Заметив свет в окнах церкви, Минерва разочарованно нахмурилась: она так надеялась прийти сюда первой!

Родители для нее были потеряны – по крайней мере до окончания судебного процесса. А Грей, судя по всему, еще сладко спал у себя дома, в Драмблейде.

Минерва слабо улыбнулась, ощущая, как к глазам подкатывают слезы. Вероятно, чувство, которое она испытывала к Грею, и есть любовь, но ей почему-то не верилось. Если бы все люди любили, как она, в мире не было бы места горю.

Поднявшись на крыльцо, она осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Кто-то уже успел зажечь свечи у алтаря. Как замороженная, Минерва разглядывала гирлянды остролиста, фестонами свисающие между скамьями. В стоящей на алтаре хрустальной чаше красовался букет кремовых роз и все того же темного остролиста с алыми ягодами, которые казались особенно яркими по сравнению с бархатистой бледностью розовых лепестков.

Все было готово к встрече Христа-младенца.

Осторожно прикрыв дверь, Минерва быстрыми шагами направилась прочь от церкви, к дому супругов Памфри.

Там, за стеной сада, начинались пологие холмы, где почти круглый год паслись овцы. Минерва медленно поднималась по тропе, придерживая юбки. Она не сводила глаз с того места, где на фоне хмурого неба вырисовывалась каменная глыба. Только там ее уж точно никто не потревожит.

Да, Грей сразу догадался, что ее родители участвовали в заговоре против него. Они не были причастны к самым страшным преступлениям, но тем не менее были виноваты.

Оступаясь в снегу, Минерва порадовалась тому, что кто-то – наверное, кто-нибудь из пастухов – заранее проложил тропу по склону холма.

Но как же Грей будет жениться на дочери людей, которые желали ему смерти?

* * *

Найти букет полевых цветов среди зимы было нелегко, но трудности

не испугали Грея. Он не виделся с Минервой уже три дня, с тех самых пор, как начались приготовления к свадебной церемонии. Она сама попросила на время оставить ее в покое.

Грей понимал, что Минерве необходимо побыть одной.

Однако ему не верилось, что она готовится к свадьбе.

Боже, неужели после стольких испытаний он потеряет женщину, которую так долго мечтал назвать своей?!

Будучи совсем еще юными, они часто бродили по холмам в окрестностях Бэллифога. Когда же они полюбили друг друга, эти прогулки стали для Грея единственной отрадой. Он мечтал только об одном: чтобы Минерва всегда была рядом.

И эту мечту лелеял до сих пор.

Отчуждение Минервы больно ранило Грея. После поездки в Эдинбург она заметно изменилась – как-то отдалилась от него, – и Фэлконер считал, что это его она винит в том, что ее жизнь навсегда изменилась.

А как же жить ему? Сколько еще перемен придется вытерпеть? Грей давно привык к одиночеству, но не ожидал, что единственный родной ему человек способен на предательство.

Кэдзоу разбился насмерть, выпрыгнув из окна дома на площади Шарлотты. Клака и Минера отправили в тюрьму. Им грозила каторга, если, конечно, они не замешаны в гораздо более тяжких преступлениях.

А Грей вернулся в поместье.

Макс пообещал присутствовать на церемонии. Тем не менее свадьба Минервы и Грея обещала быть более чем скромной.

– Черт! – Подняв голову, Грей посмотрел в хмурое небо. Вероятно, он слишком поторопился со свадьбой, но нельзя же так рисковать: очень уж быстро любимая отдалялась от него, погружаясь в пучину горя. Не зря он опасался, что она возненавидит его! Не хватало еще потерять свою единственную драгоценность, чтобы Арбаклы восторжествовали.

Взобравшись на вершину холма, он осмотрелся и замер. По его следам брела одинокая фигурка в черном.

На холм, даже не подозревая, кто ждет ее на вершине, взбиралась Минерва, закутанная в черный плащ, в надвинутом на голову капюшоне.

Медленно, нерешительно Грей двинулся ей навстречу. До свадебной церемонии оставалось всего два часа. Минерве следовало бы сидеть дома и прихорашиваться по примеру всех невест мира.

Налетел ветер, началась поземка. Заледеневшие снежинки больно били Грея в лицо, губы его обветрились.

Грей приглушил вспыхнувший в душе гнев. Их с Минервой жестоко

обманули. Нельзя допустить, чтобы те, кто пытался помешать их счастью, одержали победу.

Когда расстояние между ними сократилось до нескольких ярдов, Минерва вдруг подняла голову, замедлила шаг и удивленно отшатнулась. Спустя мгновение, она уже повернулась и бросилась прочь.

– Минерва! – крикнул он. – Стой! Я сейчас!

Грей!

Рослый, одетый в темное, он отчетливо виднелся на фоне заснеженного склона. Минерва услышала его голос, но не разобрала ни слова. Какой он высокий! Даже издали Фэлконер производил впечатление сильного и решительного человека. Он сам торопил ее со свадьбой, уверяя, что между ними ничто не изменилось, несмотря на ужасные происшествия в Эдинбурге.

Но сейчас Минерва была еще не готова к встрече с ним.

И она бросилась бежать вниз по склону холма, скользя по снегу и отступаясь. В спешке она выронила туфли, но даже и не подумала их подобрать. Чем быстрее она бежала, тем сильнее колотилось сердце и громче становился звон в ушах.

Она уже задыхалась, холодный воздух обжигал ей грудь. Капюшон упал на плечи, и волосы ее растрепались, вернее, развевались на ветру, словно знамя.

– Минерва! – На этот раз голос его слышался отчетливо. – Стой! Ты упадешь и ушибешься!

Но ей было все равно. Все равно.

Грей схватил ее за руку. Сильные гибкие пальцы впились в ее нежную кожу. Повернув ее к себе, он прижал ее к груди и укрыл своим плащом.

– Тише, тише, любимая, – прошептал он, касаясь губами ее виска и набрасывая ей на голову капюшон. – Успокойся. Как сильно у тебя бьется сердце! Минерва, чего ты испугалась?

Да, она испугалась.

– Мне есть чего бояться, – ответила она, уткнувшись лицом ему в грудь. – Я – отродье чудовищ, это невыносимо. Ты никогда не забудешь, какое преступление совершили мои родители – эти ничтожные, непорядочные люди!

– Ты только моя, а я только твой. И так будет всегда. А эти люди просто сбились с пути. Мой дядя тоже сбился с пути и дорого поплатился за это. Забудем о них. Будем жить друг для друга.

Минерва дрожала в его объятиях и что-то жалобно лепетала.

– Любимая, я не понимаю ни слова. Посмотри на меня.

Она покачала головой.

Грей осторожно приподнял ее голову, но Минерва упрямо опускала глаза.

– Что ты сказала?

– Мне стыдно, – пробормотала она. – Ужасно стыдно! Если мы поженимся, я стану твоим позором. Вся округа знает, что натворили мама с папой.

– И что натворил Кэдзоу, – напомнил Грей. – И если среди наших знакомых найдутся такие, которые взвалют на нас вину за наших родных, они просто перестанут для нас существовать.

– А как же наши дети? – спросила Минерва, поднимая полные слез глаза. – Каково им придется, когда они от кого-нибудь узнают о случившемся?

– Мы сами все им расскажем, – ласково произнес Грей, – как только они подрастут. Мы не настолько горды, чтобы замалчивать истину, верно?

Минерва отстранилась, он разжал объятия.

Стоя перед ним, она шмыгнула носом и вытерла ладонями глаза.

– Я не горда, просто практична.

Грей улыбнулся:

– А мне не чужда гордость. Я горжусь достижениями своих предков. И тем, что у меня есть ты. Пообещай, что мы никогда не расстанемся.

Минерва отвернулась, на этот раз не торопясь, и зашагала вниз по склону. Капюшон опять упал, волосы растрепались. Грей улыбнулся. По его мнению, она являла собой изумительное зрелище, хотя и не соответствовала обычным представлениям о невесте.

Неожиданно Минерва остановилась и оглянулась.

– Я не могу выйти за тебя замуж, – заявила она. – И не позволю жениться на мне. Это неправильно.

Грей глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

– Ты же дала мне клятву.

– Недавние события – веский повод отменить свадьбу.

– Ты не слушаешь меня? Я же сказал: ты дала клятву. А значит, обязана сдержать свое слово.

– Грей Фэлконер, не надо настаивать. Ты настоящий романтик, а со мной тебе не видать удачи. Мои родные – посмешище.

– И мои тоже. Пусть люди смеются. Смех полезен.

– Я не могу так поступить с тобой.

Грей удержал ее за руку, когда Минерва вновь попыталась бежать, и привлек ее к себе. Молча проклиная скользкую тропу, он спустился с холма с любимой на руках, не обращая внимания на ее мольбы и даже удары в грудь, которыми она попыталась подкрепить уговоры.

Нет, действовать следовало без промедления.

На каменном крыльце церкви он поставил Минерву на ноги.

– По-моему, споров уже больше чем достаточно. Ты помнишь нашу первую брачную церемонию?

Минерва порозовела и кивнула.

– Вот и хорошо, потому что я ее никогда не забуду. – И Грей нашел под плащом то, что так долго искал. – Ты видела розы на алтаре?

– Изумительные розы!

– Я привез их из Драмблейда. Но поскольку ты любишь полевые цветы, я дарю тебе вот это.

Увидев перед собой жалкий, помятый букет, Минерва опять расплакалась.

– В чем дело? – растерялся Грей. – Почему ты плачешь?

– Я же сказала: я не могу стать твоей женой.

Потеряв терпение, Грей вложил цветы ей в руку.

– Я никуда тебя не отпускаю.

– Спроси кого угодно: я трудный ребенок бесчестных родителей. Тебе лучше раз и навсегда забыть обо мне. – Минерва выронила полевые цветы на каменный пол. – Скоро я продам Уиллинок. Мне придется еще позаботиться о Фергюсе, Айоне и бедной миссис Хэтч. Денег после этого останется немного, но мне хватит.

– Ты права, – подтвердил Грей. – Тебе хватит, потому что тебе не придется их тратить. Ты выдержишь клятву, ясно?

Минерва попыталась было проскользнуть мимо него и сбежать с крыльца, но совершила ошибку: заглянула в глаза человека, которого давно любила. Эти глаза сияли решимостью и любовью.

Глядя в них, Минерва замерла, не в силах отвести взгляд.

Опустившись на колени, Грей подобрал с трудом найденные зимой цветы и снова протянул их любимой.

На этот раз она крепко прижала букет к груди, склонила голову и принялась рассматривать нежные венчики.

– Жалкий букет, – смущенно заметил Грей.

– Нет, – возразила Минерва, – самый прекрасный из букетов. Желтый крестовник, лиловая вероника и лещина – и все это среди зимы!

– Они знали, что понадобятся мне.
– И омела. Все цветы, которые я так люблю! Наверное, ты долго искал их.

– Нашел только сегодня утром. Как раз к свадьбе. – Грей подал ей руку и спросил: – Идем?

Минерва молча кивнула. Они вошли в церковь рука об руку и остановились на пороге.

Их взглядам предстали знакомые лица: Айона и Фергюс, Макс, миссис Хэтч и Рэтли, преподобный Памфри и его жена, и, к изумлению Грея, Брамби Макспорран вместе с Микки. Последняя совершенно изменилась благодаря гладко уложенным черным волосам, подчеркивающим изящные черты лица и блеск умных карих глаз.

Минерва опомнилась первой:

– Что вы здесь делаете?

– Пришли отпраздновать свадьбу, – объяснил Брамби. – Познакомьтесь: моя жена Микки.

Последовали шквал поздравлений и объятия. Судя по всему, Брамби, который тоже едва оправился от потрясения после ареста родителей, не утратил способности радоваться жизни.

Шум и голоса заставили Грея оглянуться. Как ни странно, на скамьях в церкви сидели десятки жителей Бэллифога. Повсюду виднелись улыбающиеся лица.

– Мы же назначили церемонию на одиннадцать! – вспомнила Минерва.

– К чему медлить? – отозвался преподобный Памфри. – Прошу всех занять свои места. Айона, помоги Минерве снять плащ. А вы, Макс...

– Сию минуту, – отозвался Макс, подмигнув невесте и жениху и отнес их плащи на заднюю скамью.

– Вот и хорошо, – заключил священник. – Итак, начнем. Грей, вы не забыли кольцо?

Грей растерянно молчал.

– О здесь, – ответил Макс, похлопав себя по карману.

– Айона, будь любезна подержать букет невесты, когда придет время.

– Непременно. – Девушка в очередной раз взглянула на Макса Россмара, что не укрылось от пронизательных глаз Минервы.

Преподобный Памфри величественно прошествовал по проходу между скамьями и повернулся лицом к собравшимся.

– Все готово, – объявил он. – Сегодня состоится брачная церемония Грея Фэлконера и Минервы Арбакл.

По церкви пронесся ропот.

– Грей, встаньте сюда, а вы, Макс, рядом. – И священник пояснил развеселившимся зрителям: – Иначе они все перепутают. Вот почему священники заставляют жениха с невестой повторять слова клятвы.

Все засмеялись.

Грей и Макс встали слева от Памфри, не отводя взгляда от Минервы. Даже издали было видно, что ее опять начали терзать сомнения.

– Пожалуйста, сыграйте нам, миссис Памфри, – попросил священник. – Поскольку скоро Рождество, заодно и порепетируем. Минерва подойдет к алтарю под мелодию «Внемлите, ангелы-вестники поют».

Миссис Памфри играла на органе, демонстрируя больше чувства, нежели мастерства, и при каждом аккорде подскакивала на стуле.

Памфри взмахнул рукой, и Минерва, словно в трансе, двинулась вперед и остановилась перед алтарем. Фергюс и Айона стояли у нее за спиной.

Минерва попыталась поправить растрепавшиеся волосы, но, отказавшись от этой затеи и просто распустила их по плечам поверх бледно-желтого платья. Айона забежала вперед, вынула из чаши белую розу и мгновенно приколола ее к волосам кузины.

Минерва была прекрасной невестой. И непорочной – потому, что сохранила чистоту сердца.

– Великолепно! – одобрил Памфри. – Вы оба выглядите очень естественно.

Пытаясь не обращать внимания на смех в зале, Грей встал рядом с невестой.

Памфри скороговоркой произнес напутственную проповедь и протянул Максу Библию, на которую тот положил золотое кольцо. Когда-то оно принадлежало матери Грея, и он считал, что оно должно перейти к Минерве.

– Повторяйте за мной, – попросил Памфри. – Я, Грей Фэлконер...

– Я, Грей Фэлконер, люблю тебя, Минерва. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты моя первая и единственная любовь. Наша любовь навсегда останется самым дорогим, что только есть в моей жизни.

Кто-то за спиной Грея вздохнул, в церкви стало тихо.

– Я, Минерва Арбакл, люблю тебя, Грей, – дрогнувшим голосом произнесла Минерва. – О лучшем муже я никогда не мечтала. Ты моя первая и единственная любовь. Наша любовь навсегда останется самым дорогим, что только есть в моей жизни.

– Сегодня, – продолжал Грей, – я беру тебя в жены, мой лучший друг.
Мягко улыбнувшись, Минерва повторила его слова.

Памфри продолжал церемонию. Грей отвечал ему и слушал ответы Минервы, затем надел ей на палец кольцо и по знаку священника поцеловал.

Обнявшись, они прошли по церкви под хорал «Когда пастух пасет стада в ночи».

Уже на крыльце они приняли шумные поздравления гостей и пригласили их в Драмблейд на свадебный завтрак, приготовленный совместными усилиями Рэтли и миссис Хэтч.

Внезапно Минерва обернулась к Грею и с отчаянием выпалила:

– Мы так долго ждали этого дня, а мне пришлось стоять у алтаря в резиновых сапогах!

Примечание автора

Всякая история имеет свое начало, свою отправную точку. Есть она и у романа «Жди меня».

Мой отец был странником, а я уродилась в отца. Он странствовал по миру на кораблях. Я – на самолетах, поездах и автомобилях, даже изредка на кораблях и на крыльях воображения. Мысленно я побывала в самых неожиданных местах и подолгу задерживалась там.

Семя этой истории пустило росток, когда некий юноша, стоя на палубе корабля, бросившего якорь у берегов острова Питкерн, любовался окружающими его красотами. Этот прекрасный, утопающий в зелени, таинственный остров расположен близ тропика Козерога, неподалеку от Французской Полинезии, Маркизских островов и архипелага Туамоту.

Загадочное место, в самый раз для логова пиратов.

Нет, я вовсе не собираюсь туда: там уже побывал мой отец – вернее, приблизился к острову настолько, насколько позволили потомки Флетчера Кристиана с печально известного корабля «Баунти». На остров не пускают чужестранцев. Его жители, многие из которых носят имя Кристиан, подплыли к большому кораблю в лодках, предлагая свои изделия – большей частью из дерева. Подобно моему отцу и его дочери, им было любопытно узнать о большом мире. Они охотно принимали новые доказательства того, что под небесами существует не только не доступный для чужестранцев остров Питкерн, который запрещено покидать аборигенам.

Вот почему мой отец выменял на кусок мыла и три карандаша экзотическое изделие из дерева, которое я помню с детства и которое всегда мечтала заполучить.

Два года назад я наконец призналась отцу, что всегда восхищалась сувениром с острова Питкерн, где гигантские папоротники и пальмы взируют на бирюзовые воды океана, а робкие аборигены выстраиваются на берегу, глаза на незнакомых моряков.

– Почему же ты молчала? – спросил папа.

Мне хотелось сказать: «Потому, что ты сам учил меня не выпрашивать подарки», – но вместо этого я ответила:

– Значит, ты отдашь ее мне?

И он подарил мне трость с острова Питкерн – ту самую, за которую отдал кусок мыла и три карандаша. Эта трость сейчас лежит рядом со

мной. Ее набалдашник имеет форму башмака.
Стелла Камерон

---

notes

Примечания

1

Бэллифог – проклятый туман (англ.).

2

Высокий прямой, без полей, женский головной убор. – Здесь и далее примеч. пер.

3

Каролина Брансуик (1768–1821) – супруга английского короля Георга IV. В 1820 году муж возбудил против нее судебный процесс в палате лордов по обвинению в измене.

4

Боадицея – жена вождя одного из племен восточных бриттов. Возглавила мятеж против римских завоевателей, потерпела поражение и покончила с собой.

Содержание

[Стелла Камерон Жди меня](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Эпилог](#)

[Примечание автора](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)